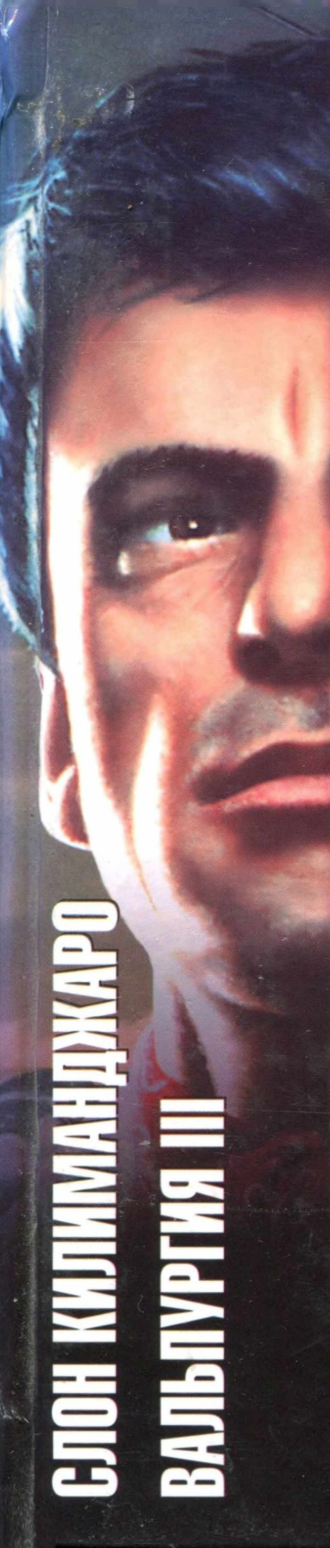


МАЙК  
РЕЗНИК

СЛОН КИЛИМАНДЖАРО  
ВАЛЬПУРГИЯ III

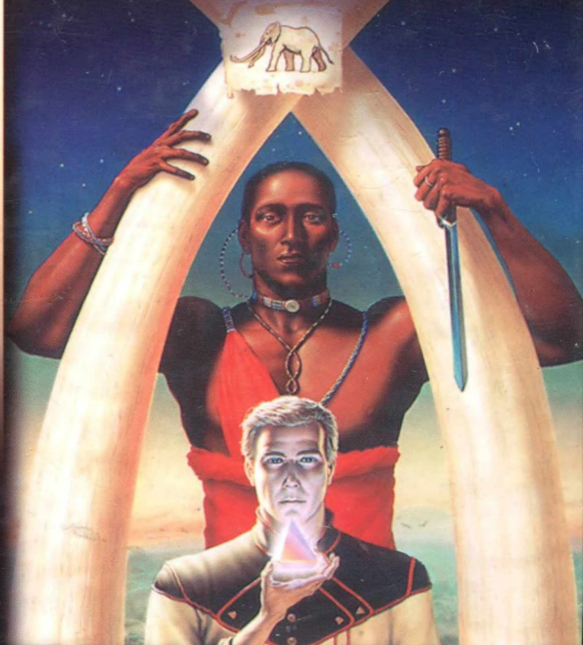


СЛОН КИЛИМАНДЖАРО  
ВАЛЬПУРГИЯ III

ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА ФАНТАСТИКИ



МАЙК  
РЕЗНИК





**ЗОЛОТАЯ  
БИБЛИОТЕКА  
ФАНТАСТИКИ**

---

MIKE  
RESNICK

---

IVORY: A LEGEND  
OF PAST AND FUTURE  
WALPURGIS III

---



---

МАЙК  
РЕЗНИК

---

СЛОН  
КИЛИМАНДЖАРО  
ВАЛЬПУРГИЯ III

---

**ас**  
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Москва  
2001

---

Серия основана в 1999 году

*Перевод с английского В.А. Вебера («Слон Килиманджаро»)  
и Л.А. Ворошиловой («Вальпургия III»)*

*Серийное оформление А.А. Кудрявцева*

*В оформлении обложки использованы работы  
Майкла Узлана и Пола Юлла.*

*Публикуется с разрешения художников  
и их агента Александра Корженевского.*

*Печатается с разрешения автора  
и литературного агентства Spectrum.*

*Исключительные права на публикацию книги  
на русском языке принадлежат издательству АСТ.*

*Любое использование материала данной книги,  
полностью или частично, без разрешения  
правообладателя запрещается.*

**Резник М.**

**Р34**      **Слон Килиманджаро. Вальпургия III: Романы / Пер. с англ.  
В.А. Вебера, Л.А. Ворошиловой. — М.: ООО «Издательство  
АСТ», 2001. — 608 с. — (Золотая библиотека фантастики).**

**ISBN 5-17-004954-4.**

Майк Резник — писатель, чьи рассказы неоднократно удостоивались премий «Хьюго» и «Небьюла», однако он не менее хорош и в крупных произведениях — произведениях, легко и оригинально соединяющих в себе вселенский размах и причудливую фантазию «Звездных королей» Гамильтона с напряженным и эффектным действием «Великолепной семерки».

Такова Вселенная Майка Резника.

**УДК 820(73)  
ББК 84(7США)**

**ISBN 5-17-004954-4**

© Mike Resnick, 1988, 1982  
© Перевод В.А. Вебер, 1996  
© ООО «Издательство АСТ», 2001

# СЛОН КИЛИМАНДЖАРО

*Как всегда, Кэрл и Перри Мейсону, лучшему проводнику Восточной Африки.*

## ГЛАВА ПЕРВАЯ

### ИГРОК (3042 г. Г.Э.\*)

*У меня было много имен.*

*Самбуру называли меня Малима Тембоз, или Гора, которая ходит: я возвышался над своими сородичами и всегда мог подняться на очередной холм или пересечь очередную ложину, чтобы увидеть, что лежит за ними.*

*Кикуйю — Мрефи Кулика Твига, или Выше, чем жирафы: я мог достать нежные веточки с вершин деревьев, недоступные остальным животным, и никто не мог сравниться со мной по длине тени.*

*Маконде — Бвана Мутаро, или Великий плуг:*

*двойной след, который оставляли мои бивни, взрыхляя твердую африканскую почву, не могли спутать ни с чьим другим.*

*В Масаиленде меня звали Фези Мутаро, или Белое золото: бивни, торчащие из моей пасти, стоили целое состояние, куда большее, чем бивни любого другого слона.*

*Но теперь меня знают лишь как Слона Килиманджаро, мое истинное имя потеряно в ветрах, тело истлело, кости обратились в пыль. Осталась лишь не знающая покоя душа, ибо часть ее оторвали от единого целого.*

Эта ночь ничем не отличалась от других.

---

\* Г.Э. — Галактическая эра.

За прочными стенами Купола бушевал ураган. Черные облака метана неслись по небу. Белые волны аммиака накатывали на иззубренные береговые скалы. Стрелы голубых молний освещали облака, громовые раскаты накрывали друг друга, словно возвещая о приходе неизбежного, но неприятного Судного дня.

Когда-то, много столетий тому назад, Демократия владела горнорудной колонией на Афинии, и самую высокую из гор планеты, названную Олимпом, до сих пор прорезали сотни миль тоннелей. Затем земляне открыли другие миры, более богатые полезными ископаемыми, добыча которых не сопровождалась такими трудностями. Старатели перебрались туда, покинув и гору, и планету.

Тысячелетие никто не появлялся на Афинии, пока Тембо Лайбон не объявил планету своей собственностью и не построил Купол на самой вершине горы, назвав его «Домом голубых огней». Во всех справочниках «Дом» значился как таверна, но едва ли кто полетел бы на девятую планету затерянной в глубинах космоса Беты Греко, чтобы промочить горло. Однако именно удаленность Афинии от Млечного пути и обитаемых миров способствовала процветанию «Дома». Он стал местом встречи изгнанников и преступников со всей галактики. Многорукные кребон, населявшие третью планету звездной системы Бета Греко и не питавшие теплых чувств к Демократии, разрешили Тембо Лайбону пользоваться девятой планетой и взяли ее под свою защиту.

И вот теперь два десятка людей и девять иноземных существ сидели в главном зале таверны, не обращая внимания на синие всполохи за стенами «Дома». Два человека уединились с троицей розовокожих, узкоглазых канфоритов, обсуждая условия продажи партии лазерного оружия. Кричаще одетый седовласый господин рассказывал двум явно скучающим собеседникам о том, где обитает Чудовище, выполняющее желания, и другие космические байки. Хрупкое, кристаллическое существо с

Атрия, одетое в скафандр, гасящий потенциально опасные звуки, сидело в углу, не сводя злобного взгляда с воздушного шлюза. Две элегантные, аккуратно причесанные женщины предлагали свои услуги квартету мужчин. Желания расстаться с денежками мужчины, похоже, не испытывали, но не имели ничего против женской компании. Два трехногих волосатых лодинита спорили с толстым, неопрятного вида землянином о стоимости стоящей перед ним редкой дорадузской скульптуры.

В углу четверо мужчин, еще один канфорит и кребой играли в джабоб, карточную игру, придуманную на другом конце галактики. Игра тянулась уже седьмой месяц, и число ее участников достигло четырехсот трех. Когда игрок оставался без гроша, или уставал, или вспоминал, что пора перекусить, или решал, что у него есть другие дела, он уступал свое место первому в очереди. В данный момент три человека сидели за соседним столиком, ожидая, когда наступит и их черед.

Но все присутствующие знали о другой игре, Игре с большой буквы, которая шла по соседству, но за закрытыми дверями, в задней комнате таверны.

Об этой комнате ходило немало слухов, потому что именно там Тембо Лайбон держал свои сокровища. Над баром висели четыре головы плотоядных хищников с Земли. Белые шкуры других животных покрывали всю дальнюю стену. В комнате нашлось место и длинным копьям с металлическими наконечниками, и деревянным скульптурам в стеклянных футлярах. Но взгляды всех, допущенных в святая святых, приковывала пара огромных, чуть изогнутых слоновьих бивней, рядом с которыми и люди, и представители других цивилизаций казались пигмеями.

Тембо Лайбон, громадный, ростом в шесть футов и семь дюймов, черный, как эбеновое дерево, в наряде из шкур древних животных, отпил зеленой жидкости из



высокого бокала, вытер губы, оглядел сидящих за столом и начал тасовать карты.

Слева от него сидел инопланетянин, которого звали Горгона, огромное лиловокожее чудовище. Он утверждал, что родом он из звездной системы Нью-Роанок, и хотя все знали, что звездная система Нью-Роанок необитаема, бугры мышц и торчащие изо рта клыки убеждали каждого, что сомнения лучше не высказывать вслух, как не рекомендуется и наводить справки о прошлом Горгоны. Никто не мог сказать, сколько разумных существ порешил Горгона, но, по слухам, счет уже пошел на вторую сотню.

Последние два часа Горгона сильно проигрывал, отчего становился все мрачнее.

В отличие от Железной герцогини. Скорее машина, чем женщина, она складывала металлическими руками выигрыши в аккуратные стопки, улыбалась, поблескивая титановыми зубами, искусственное сердце гнало по пластиковым сосудам химически обогащенную кровь, а в механическом голосе звенело прекрасное настроение. Тембо Лайбон искоса наблюдал за ней, гадая, много ли в ней осталось от дарованного матерью-природой и еще не замененного металлом, пластмассой, электроникой.

Вот уж кто не терпел в своем организме механических псевдоорганов, так это существо, сидящее справа от Тембо Лайбона. Опять же, никто не знал, откуда оно родом, но в какой-то момент блужданий по просторам галактики оно решило, что пора ощутить себя в шкуре победителя, а потому после многочисленных хирургических операций превратилось в некое подобие человека. Глаза, правда, остались оранжевыми, ноздри располагались слишком широко, уши «влипали» в голову, на руках виднелись следы от отрезанных лишних пальцев, и существо постоянно ерзало на стуле, еще не привыкнув к новой форме тела.

Говорило оно на классическом земном языке, словно провело юность в частной школе на Делурсе VIII или даже на самой Земле, постоянно отбрасывало прядь длинных волос с измененного в соответствии с формой человеческого черепа лба, пило исключительно «мартини» и частенько поворачивалось, чтобы полюбоваться своим отражением в стекле иллюминатора, врезанного Тембо Лайбоном в одну из стен.

Называло оно себя Сын человеческий и в тот вечер играло так, словно другой Сын человеческий, куда более почитаемый, стоял у него за спиной и приносил удачу.

Напротив Тембо Лайбона сидел Буко, инопланетянин с Сигма Силани IV. Его красная, влажная и гладкая, как у ящерицы, кожа блестела на свету, а лицом он походил на тех драконов, о которых Тембо Лайбон читал в далеком детстве. Буко одежды не признавал, и от него шел сладковатый запах какого-то масла. Между лопаток Буко, вонзившись в его плоть когтями и клювом, сидело крошечное, похожее на птичку без перьев создание, симбионит Буко.

Наконец Тембо Лайбон положил карты на стол и опустился на стул, зависший в нескольких дюймах над полом. Корабль, на котором прилетели два последних игрока, только что прибыл на Афинию, и он остановил игру, дожидаясь, пока они займут место за столом.

— Если вас не затруднит, я бы хотел выпить. — Сын человеческий улыбнулся во все тридцать два пурпурных зуба.

— То же, что и в прошлый раз? — спросил Тембо Лайбон.

— Ну разумеется, — ответило существо, желавшее выглядеть как человек. — Инопланетные напитки такие... такие безвкусные. — И оно пренебрежительно дернуло носиком.

— Кто-нибудь еще хочет выпить? — спросил Тембо Лайбон, наблюдая в иллюминатор за пляской синих молний. Шумят ли такие бури над плато Серенгети\*, подумал он и решил, что едва ли.

— Есть желающие что-нибудь выпить?

Ответа не последовало, и Тембо Лайбон нажал несколько кнопок на пульте управления. Мгновение спустя в комнату вошел робот с одним бокалом на блестящем серебряном подносе.

— Благодарю вас, — улыбнулся Сын человеческий роботу, когда тот поставил перед ним бокал.

— Всегда рад услужить вам, благородный сэр, — монотонным голосом ответил робот.

— Как нелепо он выглядит, — хихикнул Сын человеческий, когда робот отошел от стола. — Металлическое страшилище в человеческом образе.

— А что плохого в металле? — спросила Железная герцогиня. Отблеск синей молнии заиграл на ее платиновых ногтях и титановых зубах. — Он служит гораздо дольше плоти.

— О, дорогая моя, — залезбил Сын человеческий. — Я ни в коем случае не хотел вас обидеть. Пожалуйста, поверьте мне.

Она холодно посмотрела на него, ее зрачки чуть сузились: крошечные процессоры в каждом глазу мгновенно приспособлялись к изменению освещенности, вызванному сверканием молний за иллюминатором.

— Я вас прощаю, — наконец вымолвила она.

— Благодарю вас. Позвольте заверить...

— Я вас прощаю, — повторила герцогиня. — Это не значит, что я вам верю.

— Довольно разговоров, — пробурчал Горгона. — Пора играть.

— Еще минуту. — Мысли Тембо Лайбона вернулись в реальность из зеленой африканской саванны, куда он

\* Плато в Африке на высоте 1000–2000 м.

так хотел попасть. — Только что прибыли еще двое игроков.

— Могут они позволить себе наши ставки?

— Никто не приходит сюда без приглашения, — заверил его Тембо Лайбон. — Наши ставки им по карману.

Последовала короткая пауза, потом на пульте управления высветилась какая-то фраза. Тембо Лайбон прочитал ее, нахмурился, оглядел стол.

— Мои роботы докладывают, что прибыли трое.

— Кто третий? — спросила Железная герцогиня.

— Точно они сказать не могут. Вроде бы выглядит как женщина с Земли, но приборы показывают совсем другое.

— Надеюсь, она милашка, — оживился Сын человеческий, полагавший, что именно так должно реагировать мужчине.

Тембо Лайбон нажал на пульте несколько кнопок.

— Сейчас их впустят, и мы со всем разберемся.

Тут же дверь скользнула в стену и вошли двое мужчин и женщина. Одного из мужчин, крепко сложенного, высокого, широкоплечего, с курчавыми черными волосами и маленькими глазками, всегда готового дать волю кулакам, звали Аякс Первый. Второго, невысокого росточка, жилистого, с рыжей бороденкой, умного и хитрого, — Аякс Второй. Более двадцати Внешних миров назначили награду за их поимку, но они по-прежнему гуляли на свободе, а многие охотники, отправившиеся по их следу, потом горько сожалели о том, что не нашли себе более легкой добычи.

Шею женщины, одетой в отсвечивающее металлом синее платье, с белокурыми волосами, забранными наверх, украшало ожерелье из кровавых камней, которые встречались лишь на Алтаире III.

— Господа, пожалуйста, представьте вашу спутницу. — Тембо Лайбон недовольно нахмурился.

— Я — Елена, — ответила блондинка.

— Она — наша жена, — пояснил Аякс Второй.

— *Наша* жена? — переспросила Железная герцогиня, изогнув искусственную бровь.

— Его и моя.

— Она замужем за вами обоими?

— Совершенно верно.

— Ее на игру не приглашали, — сказал Тембо Лайбон. — Она должна уйти.

— Она же андроид, — подал голос Аякс Первый. — И никому не будет мешать.

— Пожалуйста, отключите ее, — потребовал Тембо Лайбон.

— Я хочу посмотреть, — возразила Елена.

Тембо Лайбон повернулся к ней.

— Ставки в этой игре очень высоки, так что нельзя допустить и намека на нарушение установленных правил. Вас придется отключить.

— Чем она нарушит правила, если будет сидеть за нашими спинами и наблюдать за игрой? — спросил Аякс Первый.

— Понятия не имею, — ответил Тембо Лайбон. — Может, она видит сквозь карты. Может, способна рассчитать вероятность выигрыша и каким-то образом ввести вас в курс дела. Да это и не важно. Страсти в нашей игре могут накалиться, и ради вашего же блага я не хочу, чтобы кто-то из игроков заявил, что вы обладали преимуществами, недоступными остальным.

— А как насчет этого маленького животного на его спине? — Аякс Первый указал на Буко. — Откуда мне знать, что оно ему не помогает?

— Это симбиот, который насыщает мою кровь кислородом, когда я нахожусь на планете с низкой гравитацией, — ответил Буко.

— Здесь не такая уж низкая гравитация.

— Для меня — низкая.

— Если со спорами покончено, — Тембо Лайбон переводил взгляд с одного Аякса на другого, — вы можете отключить андроида.

Аякс Первый пожал плечами, повернулся к андроиду.

— Иди в угол, Елена, — приказал он, и она послушно зашагала к самому дальнему углу.

Затем он отдал короткую команду на незнакомом Тембо Лайбону языке. Глаза Елены закрылись, голова упала на грудь.

— Довольны? — Аякс Первый повернулся к столу.

— Откуда нам знать, что она отключена? — подозрительно спросил Горгона.

— Предложите любой метод проверки и воспользуйтесь им, — ответил Аякс Второй.

— В этом нет необходимости, — вмешался Тембо Лайбон. — Я подтверждаю, что она отключена. — Он посмотрел на Аякса Второго. — Новенькая?

— Мы заказали ее год тому назад. Не прошло и месяца, как ее изготовили, и теперь мы с ней не расстаемся.

— А в чем смысл женитьбы на андроиде? — полюбопытствовал Сын человеческий.

— Почему нет? — отозвался Аякс Второй. — Нам нравится время от времени устраивать пышную церемонию бракосочетания.

— Как интересно! — воскликнуло существо, пожелавшее походить на человека. — Между прочим, нас еще не представили друг другу. Я — Сын человеческий.

— А мы — ахейцы.

— Простите? — переспросил Сын человеческий.

Аякс Второй улыбнулся.

— Гомера вам читать не пришлось, не так ли?

— Кто такой Гомер?

— Я его читала, — встряла Железная герцогиня, — но, если мне не изменяет память, в Троянской войне участвовал только один Аякс.

— Память вас подвела, — возразил ей Аякс Второй. — Один Аякс, сын Теламона, воин-гигант, сражался плечом к плечу с Одиссеем. Это он. А второй, сын Оилея, меньше ростом, более хрупкого телосложения, отлично метал копье. Это я. Мы оба воевали на стороне ахейцев.

— Меня так интересуют имена! — воскликнул Сын человеческий. — Что побудило вас назваться Аяксами?

— Афиния гарантирует нам полную безопасность, поэтому, появляясь в этом секторе, мы из благодарности берем ахейские имена, — ответил Аякс Второй.

— Но почему одинаковые?

— Почему бы нет?

— Может возникнуть путаница.

— По-моему, нас не спутаешь, не так ли? — ответил Аякс Второй.

— А как вас называют в других секторах? — спросил Сын человеческий.

— Не ваше дело.

— Я же спрашиваю из чистого любопытства, — обиделся Сын человеческий. — Зачем же грубить?

— Я не грубый, а осторожный, — резонно заметил Аякс Второй. — Если вас интересует происхождение имен, почему бы не опросить других?

— Но зачем? — удивился Сын человеческий. — У Буко и Тембо Лайбона нормальные имена, да и с происхождением остальных все ясно.

Аякс Второй улыбнулся:

— В здешних краях настоящее имя предпочитают хранить в тайне.

Сын человеческий повернулся к Тембо Лайбону:

— Это правда?

— Да.

— Так что означает Тембо Лайбон? — спросил Сын человеческий.

— На древнем языке, известном как суахили, это означает Вождь слонов.



— Что такое слон? — спросил Сын человеческий.  
Теперь улыбнулся Тембо Лайбон.

— Видите эти две белые колонны? — Он указал на слоновую кость.

— И какое отношение имеют они к вам? — спросил Сын человеческий.

— Они принадлежали самому большому слону на Земле, — ответил Тембо Лайбон. — Я происхожу из племени масаи. Они охотились на слонов и убивали их копьями вроде тех, что висят на стене. — Он помолчал. — Последнего слона убили четыре тысячи лет тому назад.

Сын человеческий поднялся, подошел к слоновьим бивням.

— Они похожи на дерево, — наконец вырвалось у него.

— Когда-то они были белыми и на ярком свете блестели, как серебро.

— Должно быть, они принадлежали очень большому животному, — продолжал Сын человеческий. — Это его ребра?

— Зубы.

Сын человеческий откинул назад голову, рассмеялся.

— У вас превосходное чувство юмора.

— Это его зубы, — повторил Тембо Лайбон.

— Ни у одного животного не могло быть таких зубов, — возразил Сын человеческий. — Вы подтруниваете надо мной, пользуясь моим невежеством.

— Я в восторге от вашего невежества, но при этом говорю вам правду.

— Чертовщина какая-то, — бормотал Сын человеческий, возвращаясь к столу. Долго смотрел на Тембо Лайбона. — Почему вы зоветесь Вождем слонов? Ваши зубы не длиннее моих.

— Я — Вождь слонов, потому что я это говорю. — В голосе Тембо Лайбона послышалось раздражение. — Вы намерены до утра обсуждать мое право зваться так, как мне того хочется, или желаете поиграть в карты?

— Конечно, поиграть в карты, — ответил Сын человеческий. — Чувствую, что мне легче выиграть в них, чем добиться от вас ответа на простой вопрос.

— Те же правила, что и всегда? — спросил Аякс Второй.

Тембо Лайбон кивнул:

— Никакие денежные знаки, имеющие хождение на планетах Демократии, не принимаются.

— И сталинские рубли тоже?

— Тоже.

— В последний раз вы их принимали, — пожаловался Аякс Второй.

— В последний раз у вас больше ничего не было, — напомнил ему Тембо Лайбон. — И я предупредил, что больше они приниматься не будут.

Аякс Второй нахмурился:

— Как насчет долларов Марии-Терезы?

— Только по цене входящего в них золота.

Аякс Второй что-то пробормотал.

— Игра, похоже, не затянется, — добавил он более внятно.

— Поскольку я только сдаю, — заметил Тембо Лайбон, — я не буду возражать, если ваши оппоненты примут валюту, которой вы располагаете. — Он оглядел стол.

— Никогда, — бросила Железная герцогиня. — Большую часть своего времени я провожу вне Демократии.

— Как и все мы, — вставил Буко.

— А некоторые из нас, — подал голос Горгона, — не верят в длительное существование Демократии и, следовательно, сомневаются в ценности ее денег.

— Мне неприятно голосовать против моего собрата-человека, — вздохнул Сын человеческий, изображая сожаление, — но проследить движение денег — невелик труд.

Тембо Лайбон повернулся к Аяксу Второму:

— Вы все слышали.

Рыжебородый коротко кивнул.

— Хорошо. Будь по-вашему.

— Буко, — обратился Тембо Лайбон к инопланетянину с Сигма Силани IV. — Ваша игра, ваша ставка.

Рука Буко нырнула в кошель, сработанный из кожи, очень уж напоминающей человеческую, и достала маленький сверкающий драгоценный камень. Буко несколько секунд разглядывал его, потом положил на середину стола.

— Криниджаат, — объявил он.

— Пожалуйста, освежите мою память, — попросила Железная герцогиня, и Буко коротко разъяснил правила криниджаата, карточной игры, придуманной на Биндере X из звездной системы в самом центре галактики. Когда он закончил, герцогиня похлопала глазами и решила не делать ставки.

Сын человеческий оглядел свои выигрыши и остановил выбор на великолепной золотой статуэтке. Он показал ее Буко, а после одобрительного кивка инопланетянина поставил рядом с драгоценным камнем. Горгона и Аяксы также сделали ставки. Первый выложил на стол алмаз, Аяксы — по уникальной скульптуре-кристаллу, после чего Тембо Лайбон роздал каждому игроку по шесть карт, три положил рубашками вверх, три вскрыл. Желаящие прикупали карты, ставки росли, пока игра не завершилась победой Горгоны.

Тембо Лайбон взял со стола одну скульптуру-кристалл и, получив согласие Горгоны, поставил рядом с собой: комиссионные. Потом посмотрел на Железную герцогиню.

— Ваша игра, ваша ставка.

— Покер, — объявила герцогиня и бросила на стол бриллиантовый браслет.

Игра продолжалась девяносто минут Сын человеческий и Горгона выигрывали, Железная герцогиня оставалась при своих, Аяксы столь уверенно шли ко дну,

что скоро могли участвовать лишь в земных карточных играх.

За окном продолжал бушевать ураган, то и дело освещающая игроков отблесками голубых молний. Наконец Тембо Лайбон объявил десятиминутный перерыв.

Горгона тут же поднялся и ретировался в главный зал таверны.

— Мы же только что сели, — надулся Аякс Первый.

— Некоторые из нас сидят за этим столом уже четыре часа, — ответил ему Буко, поднимаясь и потягиваясь.

— Это точно, — поддакнула ему Железная герцогиня. — Если бы Тембо Лайбон не объявил перерыв, я бы попросила его об этом. — Она начала сгибать и разгибать пальцы, пристально их разглядывая, дабы убедиться, что все в полном порядке.

— А почему бы не промочить горло? — встал и Аякс Второй. — Я пошел в бар.

— Действительно, почему? — задал риторический вопрос его напарник. — Я составлю тебе компанию.

Аяксы направились к двери. Она скользнула в стену, пропуская их, и тут же встала на место.

— Их игра никак не улучшается, — усмехнулся Буко.

— Вы уже с ними играли? — спросила Железная герцогиня.

— Дважды, — ответил Буко. — Вроде бы они уже должны знать свои недостатки.

— Большой Аякс — совсем никудышный игрок, — вставил Сын человеческий. — Блефует, когда лучше сбросить карты. Сбрасывает карты, когда следует блефовать.

— Может, мне приглашать только тех, кто играет лучше вас? — сухо осведомился Тембо Лайбон.

— В этом нет необходимости, — мягко ответила герцогиня. — Партнеры нам нужны туповатые, но при деньгах.

— Если они отдадут еще две или три партии, то останутся без гроша, — заметил Сын человеческий и вновь подошел к бивням, чтобы получше их разглядеть.

— Тогда им придется ограбить еще один банк, чтобы компенсировать потери, — подал голос Буко.

— Именно этим они занимаются? — осведомился Сын человеческий.

— Когда не проигрывают в карты, — ответил Тембо Лайбон.

— Полагаю, умелый преступник не обязательно умелый игрок. — Сын человеческий вроде бы рассуждал сам с собой, потом повернулся к Тембо Лайбону. — Поэтому вы только сдаете карты и никогда не участвуете в игре?

— Я получаю десять процентов с каждого выигрыша, — ответил Тембо Лайбон. — Зачем мне играть?

— Разумеется, ради волнующих ощущений.

— Есть и другие увлечения, не менее волнующие.

Сын человеческий указал на четыре головы хищников.

— Например, убийство животных?

— Если убивать их в честной схватке, — ответил Тембо Лайбон.

— Так ли уж важна честь, — не унимался Сын человеческий, — если охотиться на животных с подобными зубами, — он положил руку на бивень, — с одним лишь копьём?

— Вы бы удивились, узнав, какое это грозное оружие, — спокойно ответил Тембо Лайбон.

— А вы охотились с копьём?

— Нет.

— Так откуда вам известно, грозное это оружие или нет? — пожелал знать Сын человеческий.

— Эти знания я получил по наследству.

— Полагаю, эти клыки — тоже часть вашего наследства?

— Да.

Сын человеческий все смотрел на бивни.

— А где водились слоны?

— В Африке.

— Ах, Африка! — Сын человеческий широко улыбнулся. — Загадочный Черный континент, составляющий двадцать процентов земной суши. Гора Килиманджаро и пустыня Сахара.

— Вижу, вы неплохо осведомлены.

— Это же естественно! — воскликнул Сын человеческий. — Я же веду оттуда свой род.

— Из Африки?

— С Земли.

— Вы там бывали? — спросил Тембо Лайбон.

— А как же. А вы нет?

Тембо Лайбон покачал головой.

— Да что там смотреть.

— Мой дорогой друг, вы в корне не правы! Земля — это истинный рай!

— Тогда почему ее все покинули? — с сарказмом спросил Тембо Лайбон.

— Потому что человек всегда бросал вызов неизведанному, — ответил Сын человеческий. — И я по натуре такой же.

— Это понятно.

— Вам обязательно надо там побывать.

— Не думаю. Там, где жил мой народ, построили город.

— Где же?

— У подножия Килиманджаро.

— О да. — Сын человеческий с радостью воспользовался возможностью показать, сколь обширны его познания. — Город Ньерере, огромный Мегаполис, выросший чуть ли не до вершины, население два миллиона человек, четыре аэропорта, один космопорт. Прекрасный город. Вам бы там понравилось.

— Нет.

— Почему?

В черных глазах Тембо Лайбона внезапно сверкнула ненависть.

— Потому что Джулиус Ньерере был из племени занзака, а город, носящий его имя, построен на исконных землях масаи.

— Город Ньерере построили более трех тысяч лет назад, — резонно заметил Сын человеческий. — Зачем помнить об этом современному человеку, особенно тому, кто никогда не бывал на Земле?

— Я — масаи, — твердо ответил Тембо Лайбон. — И я помню.

— Вы прежде всего человек, а все люди — братья, — возразил Сын человеческий. — И мы должны встать плечом к плечу против инопланетян, а не коситься друг на друга, вспоминая давние обиды.

— Уж вы-то точно знаете, о чем говорите, — усмехнулся Тембо Лайбон.

Вернулся Горгона, прошествовал к своему стулу, сел. Тут же появились Аяксы, заметно повеселевшие после принятой дозы.

— Мы готовы? — спросила Железная герцогиня, закончив проверку искусственных костей и механических шарниров.

Тембо Лайбон кивнул и занял свое место за столом.

— Мы готовы. — Он повернулся к Аяксу Первому. — Ваша игра, ваша ставка.

— Покер, — объявил тот, снимая с пальца бриллиантовый перстень и кладя его на середину стола.

Тембо Лайбон rozdal карты и откинулся на спинку стула, наблюдая за игроками.

Горгона, решил он, похож на давно вымершего носорога: огромный, вспыльчивый, подверженный внезапным приступам ярости, но слишком глупый, чтобы выстоять против таких бойцов, как Сын человеческий и



Железная герцогиня. Осколок давно минувших дней, когда удар в лоб считался самым эффективным решением всех проблем. Он никогда не блефовал, никогда не пытался уменьшить свои потери, просто пер напралом. Если ему сопутствовала удача, если солнце слепило в глаза воинам и они не могли обойти его с тыла в высокой траве, он праздновал победу и выигрывал битву, но не мог победить в войне.

Аякс Второй долго смотрел на карты, потом покачал головой и бросил их на стол. А вот это шакал, подумал Тембо Лайбон. Бой лицом к лицу не из его арсенала. Он кружит, он прячется, он хитрит, но никогда не посмотрит в глаза более крупному хищнику, терпеливо дожидаясь, когда придет и его очередь убивать. Однако иной раз одной хитрости не хватало для того, чтобы набить утробу. Вот и сегодня шакалу ничего не светило.

Сын человеческий и не пытался стереть ухмылку со своего почти что человеческого лица, когда выкладывал на стол большой сапфир. Тембо Лайбон посмотрел на громоздящиеся перед ним выигрыши и пришел к выводу, что в маленьком зоопарке «Дома голубых огней» Сын человеческий более всего напоминает гиену: смеющегося пожирателя падали, самого удачливого из хищников. Гиена с ее жутким пронзительным смехом и бесформенным телом считалась самым отвратительным животным, которое ненавидели все. Вот и Сына человеческого терпеть не могли ни люди, ни инопланетяне. Существо, похожее на человека, радостно хохотнуло, когда Буко сделал ставку, повернулось и подмигнуло Тембо Лайбону. Да, гиена, с отвращением подумал Тембо Лайбон. Определенно гиена.

Он посмотрел на Буко. Змея? Может, мамба? Нет, тварь более хитрая, изворотливая. Скорее крокодил. Крокодил, подкрадывающийся под водой к жертве, чтобы нанести мгновенный удар. Вот так он сегодня и поступал с Аяксами, заманивая их на глубокую воду, а по-

том, когда они уже не могли добраться до берега, разевал огромную пасть и проглатывал добычу.

Аякс Первый поглядел на карты, нахмурился, снял с шеи платиновую, украшенную драгоценными камнями цепь и бросил ее в растущую горку драгоценностей на середине стола. Тембо Лайбон всмотрелся в него. Лев. Не громадный черногривый патриарх, с каким молодые масаи, вооруженные только копьем и щитом, вступали в смертельную схватку, из которой победители выходили мужчинами, но молодой самец, который еще не овладел премудростями охоты и может подходить к добыче против ветра, наступать на сухие ветки, глухо рычать в предвкушении победы. Именно он проиграл большую часть того, что Аяксы уже оставили за этим столом, усложняя задачу Аяксу Второму, он практически всегда давал жертве шанс на спасение, слишком скоро показывая свою мощь. Да, подумал Тембо Лайбон, молодой лев, которому, как и шакалу, в этот вечер суждено голодать.

Наконец его взгляд остановился на Железной герцогине. Тут сомнений не было: леопард, маленький, быстрый, жестокий, умный, куда более опасный, чем хищники, вдвое превосходящие его в росте и весе. Как и леопард, она приспособлялась к любым условиям. Могла переблефовать хитрого Сына человеческого и осторожного Аякса Второго, могла вовремя уйти с дороги прямолинейного Горгоны и голодного Аякса Первого. В этот вечер ей не шла карта, даже леопардам не всегда удается убить жирную, вкусную антилопу, но и при этом она оставалась в небольшом плюсе. Леопарды всегда остаются в плюсе.

Тембо Лайбон вздохнул и перевел взгляд на иллюминатор, за которым сверкали и сверкали голубые молнии.

А каким животным видишь себя ты, Вождь слонов, не бывавший ближе пятидесяти тысяч световых лет от саванны, давшей жизнь твоим предкам? По праву ли в

твоим имени упомянуто самое сильное и мудрое из всех живых существ?

Тембо Лайбон долго изучал свое отражение в иллюминаторе. Нет, наконец решил он, я не слон и никакое другое животное. Я — хранитель традиций масаи, который бережет память об их прошлом величии, дожидаясь дня, когда сбудутся пророчества, боги спустятся на Землю и увядшее дерево масаи расцветет буйным цветом. Мы появились на равнинах Серенгети, мы, словно саранча, хлынули к звездам, следуя нашему призванию, но призвание это в конце концов должно привести нас домой.

А пока не так уж и плохо сидеть под Куполом, не боясь ревуших ураганов Афинии, богатеть, пользуясь глупостью других, и мечтать о том, что когда-нибудь удастся вдохнуть сладкий африканский воздух и подставить спину под жаркие солнечные лучи.

Тембо Лайбон повернулся к слоновьим бивням. Надо бы их почистить, отполировать, вновь превратить в белое золото, подготовить к тому дню, который, впереди, хотя, может, до него еще очень далеко. Завтра и начну, решил он.

Но потом Тембо Лайбон вспомнил, что завтра он начать ничего не сможет, ибо завтра будет другая игра, а послезавтра — еще одна. И он будет сдавать карты, не обращая внимания на запах и внешность игроков, и забирать себе десятую часть каждого выигрыша, чтобы было с чем встретить день, когда он станет настоящим Тембо Лайбоном из племени масаи.

— Будем сдавать карты или сидеть, уставясь в никуда? — спросил Аякс Первый, и только тут Тембо Лайбон понял, что карты раскрыты. Он быстренько их собрал и начал тасовать.

Повернулся к Аяксу Второму:

— Ваша игра, ваша ставка.

— Покер, — объявил Аякс Второй.

Порылся в карманах, выудил золотые часы.

— Маловато будет, — пробурчал Горгона.

— Позвольте взглянуть. — Тембо Лайбон взял часы, повертел в руках, отдал обратно. — Ставка недостаточна.

— Тогда вам придется принять вот это. — Аякс Второй высыпал на стол пригоршню золотых монет.

Тембо Лайбон оглядел сидящих, потом кивнул.

— Принято, но только на эту раздачу.

Аякс Первый уже собрался добавить к монетам алмаз, но Аякс Второй схватил его за руку.

— погоди.

— Почему? — в недоумении спросил Аякс Первый.

— Он мне понадобится, если придется поднимать ставку.

— Почему бы тебе просто не посидеть, пока я не сыграю? — осведомился Аякс Первый.

— По правилам «Дома голубых огней» тот, кто объявляет игру, должен ее сыграть, — вмешался в спор Аяксов Тембо Лайбон.

— Делай, что я тебе говорю, — приказал Аякс Второй.

Его напарник пожал плечами и убрал алмаз в карман.

Буко, Горгона, Сын человеческий и Железная герцогиня сделали ставки, и Тембо Лайбон начал сдавать карты.

— Кто желает продолжить игру? — спросил он, пока игроки оценивали, что у них на руках.

— Брось алмаз, — распорядился Аякс Второй, и Аякс Первый послушно положил алмаз на середину стола. — Что еще у тебя есть?

Аякс Первый порылся в карманах и достал еще один алмаз.

— Клади и его.

Буко покачал головой, с сожалением вздохнул и бросил карты на стол. Трое остальных последовали примеру Аякса Второго.

— Сколько желаете прикупить? — спросил Тембо Лайбон.

— Мне три, — пробурчал Горгона.

— Две, — вырвалось у Железной герцогини.

— Ни одной, — откликнулся Сын человеческий. Взгляды игроков незамедлительно скрестились на нем. Он ответил самодовольной улыбкой. Тембо Лайбон собрал сброс; выдал три карты Горгоне и две Железной герцогине.

— Ваши ставки? — Он вновь оглядел игроков.

— Что у нас осталось? — спросил меньший из Аяксов.

— Ничего. — Тут Аякс Первый повернулся к отключенному андроиду. — Подожди! У нас же ее ожерелье.

— Принеси его и положи на стол.

— Надо ли? — спросил Аякс Первый.

— Надо.

Аякс-здоровяк поднялся, подошел к Елене, снял ожерелье, вернулся к столу, положил его на середину.

Горгона что-то пробурчал и бросил карты.

Железная герцогиня показала Аяксу Второму платиновый браслет с большим рубином в обрамлении изумрудов и сапфиров. Аякс Второй кивнул, и браслет лег рядом с ожерельем.

— Я вижу вашу ставку, — Сын человеческий pokrutil в руке браслет с рубином, — и поднимаю ее. — Он взял изящную скульптуру-кристалл и поставил ее на середину стола.

— У нас больше ничего нет, — признался Аякс Второй.

— Найдите что-нибудь, — посоветовал ему Тембо Лайбон.

— У вас есть ваша жена, — ненавязчиво напомнил Сын человеческий.

— И я не хочу с ней расставаться! — воскликнул Аякс Второй.

— Вы должны ответить на его ставку или выйти из игры, — напомнил Тембо Лайбон.

— Я не хочу выходить из игры! Дайте мне минуту, я что-нибудь придумаю. — Он подозвал Аякса Первого, который обошел стол, взял карты у Аякса Второго, на мгновение развернул их веером, снова сложил, вернул напарнику. Несколько мгновений они пошептались, потом Аякс Первый кивнул.

— Хорошо. — Аякс Второй расправил плечи. — Я вижу вашу ставку и поднимаю ее.

— Чем? — спросил Сын человеческий.

— Нашим кораблем. Если я проиграю, то перепишу регистрационный талон на вас.

— На чем же вы покинете Афинию? — любопытствовал Тембо Лайбон.

— Я не проиграю.

— Сколько же стоит ваш корабль? — осведомилась Железная герцогиня.

— Думаю, не менее восьмисот тысяч кредиток.

Железная герцогиня улыбнулась.

— Боюсь, мы не можем принять оценку владельца.

Тембо Лайбон набрал вопрос на дисплее пульта управления. Несколько секунд спустя на маленьком экране высветился ответ.

— Балансовая стоимость — пятьсот пятьдесят тысяч, — озвучил его Тембо Лайбон.

— Ваша машина свихнулась! — вскинулся Аякс Второй. — Наш корабль стоит никак не меньше семисот тысяч.

— Только не в этой игре, — спокойно ответил Тембо Лайбон. — Вы делаете ставку или бросаете карты?

— Делаю ставку, — прорычал Аякс Второй, бросив на него злобный взгляд.

Герцогиня пододвинула к центру стола три драгоценных камня.

— Мало, — постановил Тембо Лайбон, осмотрев их.

Она вздохнула, прижала маленькую золотую фигурку к губам и положила ее рядом с камнями.

— Я вижу вашу ставку и вновь поднимаю ее. — Сын человеческий передвинул к середине стола значительную часть своего выигрыша.

— Черт побери! — взревел Аякс Второй. — Вы же знаете, что больше у меня ничего не осталось.

— Это же не моя проблема, не так ли? — надменно бросил Сын человеческий.

Тембо Лайбон подождал, пока Аякс Второй успокоится.

— Вы делаете ставку или бросаете карты?

— Не бросаю. Я прошу взять у меня долговую расписку.

— Расписки не разрешены.

— Мы всегда возвращаем долги. Вы это знаете.

Тембо Лайбон посмотрел на Железную герцогиню.

— Вы примете его расписку?

— Я, между прочим, впервые вижу его, — ответила она.

— А вы? — спросил он Сына человеческого.

— Я бы не хотел прослыть пессимистом, но какой толк от расписки, если получена она от человека, которого полиция может схватить до того, как он вернет долг?

Тембо Лайбон повернулся к Аяксу Второму:

— Вы все слышали.

Аякс Второй не отрывал взгляда от своих карт.

— Вы упомянули Елену.

— Только в шутку, друг мой, — ответил Сын человеческий.

— А я ее не упоминала, — добавила Железная герцогиня.

— Я не могу бросить карты. Сколько у меня времени, чтобы занять денег?

— Вы не имеете права покидать эту комнату, — твердо заявил Тембо Лайбон. — Я уже пошел вам навстречу, позволив заложить ваш корабль, хотя регистрационного талона у вас при себе нет. Вы ставите на кон только то,



с чем входите в эту комнату. Для тех, у кого ничего не остается, игра заканчивается.

Аякс Второй пристально смотрел на него.

— У вас неплохой выигрыш. Дайте мне ссуду.

— Я не ссужаю игроков деньгами.

— Вы знаете меня восемь лет, — напирал Аякс Второй. — Я вас никогда не подводил.

— Тем не менее.

— Она нужна мне на десять минут, и я приплюсую к ней двадцать процентов.

— Вам нечего оставить в залог.

Аякс Второй протянул карты Тембо Лайбону.

— Вот мой залог.

— Я протестую! — воскликнул Сын человеческий.

— Никто не вправе указывать, как мне вести себя в моей таверне. — Тембо Лайбон взял карты Аякса Второго, просмотрел: их стрит-масть в червах, от семерки до валета.

— Так что? — спросил Аякс Второй.

Тембо Лайбон задумчиво смотрел на меньшего Аякса, а потом принял решение. Масаи в конце концов никогда и ни о чем не договаривались с шакалами. Они убивали их, но иногда, пребывая в благодушном настроении, бросали им кость.

— Я не ссужу вам деньги, — заявил Тембо Лайбон.

— Но...

— Я не договорил. — Лайбон поднял руку, призывая Аякса Второго к молчанию. — Я не ссужу вам деньги, но могу выкупить ваши карты.

— За сколько?

— Половина того, что лежит передо мной.

— Бери, — подтолкнул напарника Аякс Первый. — Лучшего предложения нам не получить.

— А как насчет моего корабля?

— Если я выиграю, то продам его вам.

— По балансовой стоимости?

Тембо Лайбон кивнул.

— Хорошо. — Голос Аякса Второго переполняла горечь. — Мы договорились.

— Возражаю! — подал голос Сын человеческий.

— На каком основании?

— Вы сами сказали, что тот, кто объявляет игру, должен ее и сыграть.

— Он и играл, пока мог, — ответил Тембо Лайбон. — Если б я не выкупил его карты, он бы просто вышел из игры.

— Что вы скажете? — спросил Сын человеческий Железную герцогиню.

— Мне без разницы. — Герцогиня пожала плечами. — Меняются лишь игроки — не карты.

Сын человеческий обдумал ее ответ, потом согласно кивнул.

— Я снимаю свои возражения.

Тембо Лайбон разделил лежащие перед ним сокровища на две равные части, одну половину пододвинул к Аяксу Второму.

— Для вас игра закончена. Ваши деньги и драгоценности за этим столом сегодня приниматься не будут.

— Я не возражаю, — ответил Аякс Второй. — Мы уйдем, как только вы вскроете карты.

Тембо Лайбон подсчитал, сколько стоит ставка Сына человеческого, и положил на середину стола соответствующее число драгоценных камней, золота, статуэток.

— Я принимаю вашу ставку.

И тут леопард нанес удар:

— А я поднимаю ее!

На лице Сына человеческого отразилось изумление, а Тембо Лайбон лихорадочно вспоминал, сколько же карт поменяла Железная герцогиня.

Поднял ставку и Сын человеческий, после чего, сделав быстрый подсчет, Тембо Лайбон передвинул к середине стола те драгоценности, что еще лежали перед ним.

— Я вновь поднимаю ставку, — не уступала Железная герцогиня и положила на стол голубой бриллиант.

Сын человеческий уже не столь уверенно принял ее ставку и выжидающе посмотрел на Тембо Лайбона.

— Я принимаю вашу ставку, — ответил тот.

— Что же вы предложите?

Он обвел рукой стены.

— Каждый из экспонатов этой коллекции стоит сотни тысяч кредиток. Выбирайте любые два. Кроме бивней.

— Я выбираю бивни, — отчеканила герцогиня.

Тембо Лайбон покачал головой.

— Это не самое ценное из того, что вы видите перед собой.

— Для вас — самое, — возразила герцогиня. — Я хочу бивни.

— Я только их хранитель. Я не могу с ними расстаться.

— А я хранительница голубого бриллианта, — ответила Железная герцогиня. — Я выбираю бивни, Тембо Лайбон.

— Вы даже не сможете их поднять. Что вы будете с ними делать?

— Что-нибудь придумаю.

— Возьмите три других экспоната моей коллекции.

Она покачала головой:

— Раз вы готовы с ними расстаться, они не стоят моего бриллианта.

— Я утверждаю, что стоят.

— Вы утратили право на подобные утверждения, купив карты Аякса Второго, — возразила герцогиня. — А, по нашим правилам, вам запрещено покидать эту комнату, чтобы принести сюда имеющиеся в вашем распоряжении сокровища.

— Очень уж мне не хочется выступать против нашего радушного хозяина, — вставил Сын человеческий, — но она совершенно права, знаете ли.

Тембо Лайбон откинулся на спинку стула, глубоко задумался, не отрывая взгляда от своих карт. Наконец кивнул: масаи не отступают перед лицом опасности.

— Пусть будут бивни.

— Вот и отлично! — воскликнул Аякс Второй. — А теперь давайте поглядим, что у вас за карты.

Первым открыл их Сын человеческий: четыре туза и бубновая тройка.

— Не так уж и много, — прокомментировал Тембо Лайбон, выкладывая свою стрит-масть.

Все взгляды скрестились на Железной герцогине. Ее пластиковые губы разошлись в улыбке, обнажив титановые зубы. Карты она выкладывала на стол по одной: девятка пик, десятка пик, валет пик, дама пик, король пик.

С минуту Тембо Лайбон сидел как громом пораженный. Железная герцогиня тем временем сгребала выигрыш.

— Я выкуплю у вас бивни, — наконец вырвалось у него.

— Они не продаются.

— Вам же они ни к чему.

— Наоборот, редкий охотник может похвастаться такими трофеями.

— Вам-то они зачем? Вы же не выслеживали слонов на африканских равнинах.

— Но я выследила самого Тембо Лайбона и победила его в честном бою. — Железная герцогиня улыбнулась. — И бивни будут напоминать мне об этой победе. — Она поднялась. — Завтра я вернусь за ними с двумя помощниками. Пожалуйста, подготовьте бивни к перевозке.

— А как же мой корабль? — напомнил о себе Аякс Второй.

— Я с радостью продам его вам, — ответила Железная герцогиня.

— По балансовой стоимости?

— Плюс пятьдесят тысяч кредиток. — Вновь ее губы разошлись в улыбке.

— Это грабеж! — завопил Аякс Второй.

— Нет, — поправила она его, — это бизнес.

— Вы же знаете, что при себе денег у меня нет.

— Еще за пятьдесят тысяч кредиток я готова отвезти вас туда, где вы храните свои деньги, а потом привезти назад.

Аякс Второй что-то буркнул себе под нос, повернулся к Тембо Лайбону.

— Одолжите мне шестьсот тысяч. Я верну их в двадцать четыре часа.

— Уходите, — махнул рукой Тембо Лайбон.

— Я не могу уйти! — в отчаянии воскликнул Аякс Второй. — Мне нужен мой корабль!

— Уходите, — повторил Тембо Лайбон. — Я потерял больше чем корабль.

В конце концов Аяксы согласились на условия Железной герцогини и отбыли. На следующее утро она, как и обещала, вернулась, и впервые за более чем тысячу лет масаи расстались с огромными бивнями.

Четырнадцать дней спустя огромный метеорит пробил силовое поле, окружавшее гору Олимп, и разнес в клочья «Дом голубых огней», уничтожив в нем все живое. Тембо Лайбона удивило, что богу его предков потребовалось целых две недели, чтобы найти и покарать святотатца.

## ПЕРВАЯ ИНТЕРЛЮДИЯ (6303 г. Г.Э.)

Я сидел за столом, разглядывая нотариально заверенную голограмму Рогатого демона-рекордсмена, полученную с Анзарда IV, когда внезапно до меня дошло, что в кабинете я не один.

С порога на меня смотрел высокий, мускулистый здоровяк. Чернокожий, с короткой стрижкой, в модном ко-

стюме. Поскольку в мой кабинет заглядывали только издатели, я решил, что он ошибся дверью.

— Добрый день, — поздоровался я. — Вы заблудились?

— Вроде бы нет, — отозвался густой баритон. — Это департамент поиска, не так ли?

— Да.

— А вы — Дункан Роджас?

— Совершенно верно. — Я с любопытством всмотрелся в него. — Мы знакомы?

— Пока еще нет, но это недоразумение мы сейчас устраним. Меня зовут Букоба Мандака.

Он протянул руку, и я ее пожал. Большую и крепкую.

— Рад познакомиться с вами, мистер Мандака. Чем могу быть полезен?

— В секретариате мне сказали, что вы занимаетесь поиском. Это так?

— Поиском и установлением подлинности предметов культурного наследия, — уточнил я.

— Значит, именно вы мне и нужны. Позвольте присесть?

— Не откажите в любезности. — Я указал на стул под древней голограммой легендарного охотника Никобара Лейна, позирующего над телом огромного бафлера, которого он только что завалил.

Он приказал стулу приблизиться, подождал, пока тот подлетит, развернул его и сел лицом ко мне.

— Мне нужна ваша помощь, мистер Роджас, и я готов щедро оплатить ваши услуги.

— Меня вполне устраивает моя работа в «Уилфорде Брэкстоне», мистер Мандака.

— Я знаю. Именно поэтому я вас и искал.

— Наверное, я выразился недостаточно ясно. Я полностью удовлетворен как работой, так и должностью. И не имею ни малейшего желания подавать заявление об уходе.

— Мне и не нужно, чтобы вы уходили с работы, — заверил меня Мандака. — Иначе вы лишитесь доступа к банку данных «Брэкстона». — Он наклонился вперед. — Я хочу, чтобы вы работали на меня, не покидая этого кабинета, в свободное время и выходные дни. При удаче вы управитесь за два вечера.

— Я не могу даже обдумать ваше предложение, не проконсультировавшись с руководством и не получив соответствующего разрешения.

— Руководство согласно. Разрешение я получил.

— Получили? — удивился я.

— Да.

— И чего вы от меня хотите?

— Я хочу, чтоб вы мне кое-что нашли, мистер Роджас. Потерянное очень, очень давно.

— Как давно?

— Не меньше трех тысяч лет тому назад.

— Три тысячи лет тому назад? — недоверчиво спросил я. — Это какая-то шутка? Видите ли, у меня полно дел и...

Он положил на мой стол голографический чек на двадцать тысяч кредиток.

— Чек выписан на ваше имя, вы можете получить деньги в любом отделении моего банка, после того как будут подтверждены ваши ретинограмма, костная структура и отпечатки пальцев. Это похоже на шутку, мистер Роджас?

Я взял чек, покрутил в руках. Похож на настоящий.

— Пожалуйста, продолжайте.

— Это только задаток. После того как вы найдете объект поиска, я переведу еще тридцать тысяч кредиток на любой указанный вами счет.

Я попытался скрыть удивление, задумчиво глядя на свои переплетенные пальцы и гадая, каким образом можно заработать столько денег за два-три вечера.

— Что вы ищете, мистер Мандака? — наконец спросил я. — И почему вы думаете, что я смогу вам помочь?

— Я ищу бивни Слона Килиманджаро, — ответил он.

— Я видел фотографии слонов в книгах и музеях, — признал я. — Но ничего не знаю о конкретном слоне, прозванном, как вы говорите, Слоном Килиманджаро.

— Знаете.

— Знаю? — В какой уж раз он меня удивил.

— Вы наверняка знакомы со справочником «Рекорды охоты», который издает «Уилфорд Брэкстон». На Земле уже выпущено четыреста девятое издание. Первые восемьдесят два выходили под маркой «Роулэнд Уэрд», а триста двадцать семь, после того как «Брэкстон» приобрел «Уэрд», уже в вашем издательстве. В каждом из них, начиная с третьего, упомянут Слон Килиманджаро.

— Тут могут возникнуть проблемы, мистер Мандака. — Я нахмурился. — Наше последнее земное издание вышло почти семьсот лет тому назад, когда убили последнюю птицу. Поскольку новых рекордов быть не могло, отпала и необходимость подготовки новых изданий. В настоящее время мы заняты главным образом туманностью Альбиона.

— Но музеи и коллекционеры обращаются в «Брэкстон» для идентификации своих экспонатов, не так ли?

— Так, но наша информация по этим бивням устарела на семьсот лет.

— Должен вас поправить. Информация «Уилфорда Брэкстона» устарела более чем на три тысячи лет, — возразил Мандака. — Если б я располагал более свежей информацией, то не стал бы предлагать вам пятьдесят тысяч кредиток за помощь в поиске бивней. Вы принимаете предложения? Компьютерное время и текущие расходы я оплачу отдельно.

— Давайте сначала обсудим объект поиска, а уж потом решим, целесообразно ли наше сотрудничество, — осторожно заметил я.



— Разумно, — кивнул он. — Но должен сразу предупредить, что я найму одного из ваших заместителей, если вы не согласитесь работать на меня. — Внезапно его глаза загорелись мрачным огнем. — Я не отступлюсь, мистер Роджас.

— Я понимаю, — хотя, по правде говоря, ничего не понимал. — Но мне нужна основополагающая информация. Как вам известно, мы фиксируем двести лучших образцов по каждому виду охотничьих трофеев. Как мне узнать, какие бивни принадлежали вашему Слону Килиманджаро?

— Он был самым большим слоном из когда-либо живущих на Земле.

— То есть и бивни у него были самые большие?

Мандака кивнул.

— Если мне не изменяет память, на Земле существовали две разновидности слона. Какая из них ваша?

— Африканская.

— Одну минуту. — Я повернулся к маленькому кристаллу, что светился на моем столе.

— Компьютер?

— Жду... — ответил кристалл.

— Просмотри четыреста девятое земное издание, раздел «Слоны», подраздел — «Африканские».

— Просмотрено.

— Какая имеется информация по самым большим бивням?

— Левый бивень, двести двадцать шесть фунтов, правый бивень — двести четырнадцать футов... — Далее следовали длина, максимальный диаметр и прочие параметры.

— Это ваш слон, мистер Мандака? — осведомился я.

— Да.

— Компьютер, кому принадлежали бивни на год выпуска четыреста девятого издания?

— Неизвестно, — ответил компьютер.

— Какие-нибудь коллекционеры или музеи просили идентифицировать охотничьи трофеи, размером, весом и прочими параметрами близкие к этим бивням, после публикации четыреста девятого издания?

— Проверяю... Нет.

— Проверьте предыдущие издания и найдите последнего зарегистрированного владельца бивней.

— Проверяю... Последний зарегистрированный владелец — Тембо Лайбон с Беты Греко IX, также известной как Афиния. Он упомянут в триста двадцать втором издании, опубликованном в три тысячи сорок втором году Галактической эры. В триста двадцать третьем издании, выпущенном в три тысячи пятьдесят седьмом году Галактической эры владелец не значится.

— Благодарю. Отключайся. — Я повернулся к Мандаке. — Меня заинтересовало ваше предложение, мистер Мандака. Но я не могу взять ваши деньги, не предупредив, что шансы на успех ничтожны. Все-таки речь идет о паре бивней, исчезнувших три тысячи двести лет тому назад.

— Все остальные возможности исчерпаны, — печально вздохнул Мандака. — Где-то в ваших архивах, или в банках памяти компьютеров, или в поступающей к вам корреспонденции должна быть ниточка, потянув за которую мы найдем эти бивни.

— Давайте еще раз убедимся, правильно ли я вас понял. Вы предлагаете мне двадцать тысяч кредиток за попытку найти бивни. Если мне это не удастся, я должен вернуть деньги?

— Нет, если вы сделаете все возможное, что в ваших силах.

— А если я их найду, то получу еще тридцать тысяч кредиток?

Он кивнул.

— Вам, разумеется, ясно, что работать над этим проектом я могу только по вечерам и в выходные дни?

— Да.

— Тогда, — я откинулся на спинку кресла, — я согласен. Мне потребуются все сведения, которыми вы можете поделиться со мной. Компьютер, запиши эту часть разговора.

— Записываю... — ответил компьютер.

— Итак, мистер Мандака, что вы можете сказать мне об этих бивнях?

— Едва ли больше того, что уже известно компьютеру. Я знаю, что Тембо Лайбон проиграл бивни в карты киборгу, известному под именем Железная герцогиня. Последнее упоминание о ней датировано три тысячи сорок третьим годом Галактической эры. Затем она исчезла.

— Информации о том, что с ней случилось, нет?

— Она была преступницей. — Мандака пожал плечами. — Врагов у нее, несомненно, хватало. — Он помолчал. — Если бивни не в музее — а память компьютера подтверждает это, — после Железной герцогини они могли сотни раз переходить из рук в руки. Я думаю, что попытки выяснить, что произошло с каждым из владельцев, бесполезны, тем более что многие из них жили на Внешних и Внутренних мирах, где подобные сведения неполны, неточны или вообще отсутствуют. И потом все они умерли, а бивни еще существуют. Так что единственный выход — проследить путь самих бивней.

— Откуда такая уверенность, что бивни до сих пор существуют?

— Если б они не существовали, я бы об этом знал. — По голосу чувствовалось, Мандака абсолютно уверен, что бивни где-то да есть.

— Откуда?

— Знал бы, — повторил он, всем своим видом показывая, что сей предмет дальнейшему обсуждению не подлежит.

— Мой следующий вопрос не имеет отношения к предстоящим поискам, но меня мучает любопытство: что вы намерены делать с бивнями, если я их найду?

— Купить их, — без запинки ответил он.

— А если нынешний владелец не захочет их продать?

— Продаст. — Вновь такая уверенность в голосе, что я предпочел воздержаться от дальнейших расспросов на эту тему.

— А какова их ориентировочная стоимость?

— Я думал, что этот вопрос надо адресовать вам. Вы же эксперт.

— «Уилфорд Брэкстон» только регистрирует охотничьи трофеи, но не продает их и не покупает.

— Я понятия не имею, сколько они могут стоить для музея или коллекционера, но сам готов заплатить за них два миллиона кредиток.

— Это огромная сумма. — Цифра произвела на меня должное впечатление.

— Бивни мне очень нужны, — ответил он.

— И последний вопрос. Сам слон умер чуть ли не семь тысяч лет тому назад. Бивни уже три тысячи лет как пропали. Почему вы разыскиваете их? Что заставляет вас выкладывать за них такие деньги?

— Если я вам скажу, вы мне скорее всего не поверите, — ответил Мандака.

— Возможно, — кивнул я. — Но почему бы не попробовать? Позвольте мне самому решить, верить вам или нет.

— Когда мы поближе познакомимся друг с другом, мистер Роджас.

— Это единственный ответ, на который я могу рассчитывать?

— Пока да. — Он поднялся и приказал стулу вернуться на прежнее место. — Не смею больше отрывать вас от работы, мистер Роджас. Я хочу, чтобы у вас хватило сил начать поиск бивней уже этим вечером.

— Как я свяжусь с вами, если найду бивни?

— Я дам о себе знать. — Он направился к двери, повернулся. — Мистер Роджас, мне очень нужно, чтобы вы их нашли. Вы, возможно, наша последняя надежда. Если вы их не найдете, у моего народа не будет будущего.

— Вашего народа? — удивился я. — Но вы же человек.

— Я масаи, — с гордостью и печалью ответил он. — Более того, я последний масаи.

И он ушел.

Прошло немало времени, прежде чем я вновь принялся за изучение голограммы Рогатого демона.

Вернувшись в кабинет после обеда, я закрыл дверь, приказал кушетке принять форму шезлонга, улегся на нее.

— Пожалуйста, легкая вибрация.

— Сделано, — ответила кушетка, и по всему телу я ощутил приятное покалывание.

— Прогрев поясницы.

— Сделано.

— Думаю, самое время полюбоваться окрестностями.

Одна из стен мгновенно стала прозрачной, кабинет залили огни города. Моя одежда тотчас же изменила цвет, из яркой, в какой пристало находиться в помещении, превратилась в успокаивающе-коричневую.

— Премного благодарен. Компьютер?

На столе засветился кристалл.

— К работе готов.

— Пожалуйста, восстанови в памяти мой сегодняшний разговор с Букоба Мандака.

— Восстановил.

— Тебе понятно, для чего меня наняли?

— Вас наняли, чтобы вы нашли бивни животного, известного как Слон Килиманджаро.

— Совершенно верно. Тебе придется найти другой источник информации, поскольку наше последнее изда-

ние выпущено семьсот лет тому назад. Если задача тебе понятна, что бы ты предложил?

— Раз бивни имеют официального владельца, они наверняка зарегистрированы в Главном реестре налогообложения владельцев собственности на Делурсе VIII, — ответил компьютер.

— Даже если они принадлежат юридическому лицу, освобожденному от уплаты налогов, к примеру музею?

— По закону даже освобожденные от уплаты налогов юридические лица должны предоставлять перечень имеющейся у них собственности.

Я обдумал его ответ, покачал головой.

— Мандака сказал, что я его последняя надежда. Если бы для обнаружения бивней хватило одного запроса в реестр, он бы их уже нашел.

— Проверка моего предложения займет меньше двух минут.

— Приступай, но я думаю, ты потратишь эти минуты впустую.

— Проверяю...

— А пока надо бы выяснить, как выглядят эти бивни, чтобы я смог их опознать, если увижу. Есть ли у нас голограммы?

— Нет. Только две фотографии, обе сделанные до наступления Галактической эры.

— Давай поглядим.

Передо мной в воздухе возникло изображение маленькой черно-белой фотографии.

— Пожалуйста, измени наклон.

Часть шезлонга под моей спиной приподнялась.

— Пожалуйста, увеличь изображение.

Фотография увеличилась втрое. Я увидел двух одетых в белое мужчин, каждый из которых поддерживал бивень, длина которого чуть ли не вдвое превосходила рост мужчины. Фотография исчезла, уступив место другой, на которой бивни уже стояли в музее.

— Какому же они принадлежали чудовищу! — вырвалось у меня.

— Они принадлежали слону, — уточнил мой эрудированный компьютер.

— Я хотел сказать, огромному слону, — пояснил я.

— Неизвестно.

— Неизвестно? — в недоумении повторил я.

— Справочная информация неполна, — ответил компьютер.

Вторая фотография уступила место странице «Африканские слоны» из четырехста девятого земного здания «Рекорды охоты».

— Пожалуйста, обратите внимание, что не указана ни дата смерти слона, ни фамилия охотника. Более того, для всех других слонов даны высота до плеча и длина от кончика хобота до кончика хвоста, а для Слона Килиманджаро эти замеры отсутствуют.

— Как насчет более ранних выпусков?

— Их нет ни в одном издании.

— Включая и самое первое, в которое были внесены размеры бивней?

— Совершенно верно.

Я обдумал слова компьютера.

— Значит, никто ничего не знал об этом слоне, когда человек еще не покинул Землю, а три тысячи лет тому назад бивни исчезли. — Я вздохнул. — Уж не слишком ли мало я запросил за такую работенку.

— Докладываю. В Главном реестре налогообложения владельцев собственности бивни Слона Килиманджаро не значатся.

— Другого я и не ожидал.

Фары частного автомобиля едва не ослепили меня, и стена тут же стала светонепроницаемой, а одежды — яркими.

— Ладно. Давай выясним, что же нам известно о бивнях. Ознакомь меня с историей вопроса, начиная с их первого появления.

— Одна американская компания купила бивни на аукционе, состоявшемся на острове, называемом Занзибар, в тысяча восемьсот девяносто восьмом году Нашей эры\*. По морю их доставили в Англию, где больший из них в тысяча восемьсот девяносто девятом году приобрел Британский музей. Меньший неоднократно перепродавался, а в тысяча девятьсот тридцать втором году также попал в Британский музей. В Британском музее они оставались до две тысячи пятьдесят седьмого года Нашей эры, когда их подарили Республике Кения и выставили для всеобщего обозрения в Национальном музее в Найроби. В две тысячи восемьсот сорок пятом году Нашей эры бивни переправили с Земли в Музей африканских древностей на Новой Кении. Они исчезли в шестнадцатом году Галактической эры, вновь появились на короткое время в восемьсот восемьдесят втором году на Альфа Беднари. Опять исчезли на долгие восемь столетий, чтобы возникнуть на Внешних мирах в личной коллекции Масаи Лайбона. В собственности потомка Масаи Лайбона они оставались до три тысячи сорок второго года Галактической эры, когда Тембо Лайбон их лишился. Затем следы бивней теряются. Согласно информации, полученной от Букобы Мандаки, Тембо Лайбон проиграл их в карты женщине, известной как Железная герцогиня, но эти сведения я подтвердить не могу.

— Любопытно, — протянул я. — Интересно, нет ли здесь какой связи?

— Не понял, — ответил компьютер.

— Разве Букоба Мандака не сказал, что он — масаи?

— Проверяю... Подтверждено.

— И одного из владельцев бивней звали Масаи Лайбон. Может, они имеют друг к другу какое-то отношение?

— Я должен это проверить по другому источнику.

---

\* Наша эра (H.A./A.D. — anno Domini) ведется от Рождества Христова.



— Пожалуйста, проверь. А пока ты этим занимаешься, попутно выясни, кто такие масаи.

— Проверяю... — Пауза длилась почти две минуты. — Полной информации нет, и я не могу утверждать наверняка, что они родственники. Однако вероятность того, что Букоба Мандака — потомок Масаи Лайбона, равна девяносто восьми и тридцати семи сотым процента.

— Пожалуйста, объясни.

— При жизни Масаи Лайбона во всей галактике насчитывалось две тысячи пятьсот масаи, и их число постоянно уменьшалось. Поскольку обычай требовал, чтобы женщина-масаи рожала только от мужчины-масаи, вероятность того, что Букоба Мандака — потомок Масаи Лайбона, составляет девяносто восемь и тридцать семь сотых процента.

— Кто такие масаи?

— До наступления Галактической эры человечество делилось на множество социальных и политических групп со своими законами и традициями. Масаи составляли одну из двух тысяч ста трех групп, населявших африканский континент.

— Я также обратил внимание, что у Масаи Лайбона и у Тембо Лайбона одна фамилия, а вот у Букобы Мандаки — другая.

— Лайбон — не фамилия, а скорее титул. На исчезнувшем земном языке суахили Масаи Лайбон означает Вождь, или Король масаи, а Тембо Лайбон — Вождь, или Король слонов.

— Означает что-нибудь на суахили Букоба Мандака?

— Нет.

Я обдумал полученную информацию.

— Если исходить из того, что Букоба Мандака потомок Масаи Лайбона и Тембо Лайбона, можем ли мы утверждать, что масаи проявляют интерес к этим бивням на протяжении последних четырех с половиной тысяч лет?

— Нет, — ответил компьютер. — Такой вывод правомочен лишь в отношении тех масаи, которые владели бивнями между тысяча семьсот первым и три тысячи сорок вторым годами Галактической эры.

— Но означает ли этот факт, что масаи имеют непосредственное отношение к истории бивней?

— Необязательно. Мы не знаем, как и почему бивни оказались у Масаи Лайбона, но стоили они наверняка немало. Возможно, семья продолжала их хранить, потому что рыночная стоимость бивней постоянно росла.

— Я не согласен. Мандака не хочет их продавать, он хочет их купить. — Я помолчал, нахмурился. — Хотелось бы знать, почему.

— Не имею достаточной информации для ответа на этот вопрос.

— Знаю. — Я вздохнул. — Ладно, все это очень интересно, но ни на шаг не приближает нас к бивням. Пора браться за работу. И включи, пожалуйста, музыку. Думаю, она поможет мне сосредоточиться.

— Какую желаете?

— Греддхаррза, пожалуйста.

Комната тут же наполнилась атональными звуками и световыми бликами Четырнадцатой (правда, первые двенадцать никогда не исполнялись) симфонии Греддхаррза. В принципе мне музыка инопланетян не нравится, особенно с Канфора, за исключением этого произведения. Не знаю уж почему, но оно обогащало кровь адреналином, поэтому я просил компьютер включить симфонию, если передо мной ставилась уникальная розыскная задача.

Пять минут я просидел не шевелясь, обдумывая возможные варианты действий.

— Стоп, — приказал я, и в кабинете тут же воцарилась тишина. — Какая доля твоей мощности находится в полном моем распоряжении?

— На данный момент восемьдесят три целых и девяносто семь сотых процента. Когда я закончу сверку данных по тридцать шестому изданию для Сигмы Дракона — на это уйдет еще пятьдесят три минуты, — она составит восемьдесят пять целых и двадцать две сотых процента и останется неизменной до девяти утра.

— Хорошо. Нам потребуется все что есть. Прежде всего я хочу, чтобы ты связался с Главным библиотечным компьютером на Делурсе VIII.

— В памяти Главного библиотечного компьютера хранятся сто двадцать семь миллионов томов. Мне потребуется семнадцать дней, чтобы просмотреть весь блок информации.

— Я знаю. Но пока у нас нет ни одной зацепки, приходится обращаться к источнику, располагающему максимальным объемом информации. Возможно, бивни упомянуты в чьих-то мемуарах, в аукционном каталоге, в музейной брошюре.

— Днем я установил, что после упоминания о бивнях в четыреста девятом издании ни один музей не обращался к нам с просьбой об их идентификации.

— Не все же музеи просят нас идентифицировать их выставочные фонды, — заметил я. — И инопланетные цивилизации не считают необходимым вносить владельцев собственности в Главный реестр. Кстати, Управление по сбору налога с собственности создано лишь четыреста лет тому назад, так что до пять тысяч девятисотого года Галактической эры даже музеям, созданным потомками земных колонистов, некуда было сообщать, что бивни находятся у них.

— Отмечено.

— Я хочу, чтобы ты начал с просмотра всех биологических коллекций и коллекций произведений искусства за последнее тысячелетие, потом возьми за аукционные каталоги, исследования по масаи, Африке, земной фауне. Если ничего не найдешь, уходи в прошлое, бло-

ками по пятьсот лет, сохраняя тематику, до три тысячи сорок второго года Галактической эры. Я также хочу, чтобы ты отыскал все упоминания о Тембо Лайбоне и Железной герцогине. Ты должен просмотреть материалы по Внешним мирам, начиная, скажем, с три тысячи тридцатого года. Если поиск не даст результатов, начинай знакомство со всей документальной и научной литературой, хранящейся в банках памяти Главного библиотечного компьютера. Я также хочу, чтобы ты искал в недавних информационных изданиях голограммы бивней.

— Пожалуйста, уточните термин «недавние».

— За последние три года. Более ранняя информация уже внесена в память Главного библиотечного компьютера.

— Можно приступить?

— Еще нет. Мне кажется, есть одна возможность сузить фронт поиска. — Я помолчал, собираясь с мыслями. — Мы знаем, что в три тысячи сорок втором году бивни были на Внешних мирах. Нам неизвестно, у кого они побывали в последующие три тысячи лет, но я думаю, что мы не погрешим против истины, предположив, что кто-то из владельцев понимал их истинную стоимость. А потому я хочу, чтобы ты просмотрел все договоры страхования, начиная с три тысячи сорок второго года Галактической эры. Кто-то где-то должен был застраховать эти бивни! Бивни — собственность уникальная, так что начинай со страховых компаний, которые специализируются именно в этой сфере. Если ничего не найдешь, просмотрю материалы по всем страховым компаниям.

— Мне доступны не все страховые материалы.

— Вся документация по договорам, заключавшимся при Демократии и Олигархии, является общественным достоянием. Если ты ничего не найдешь, дай мне знать, и я постараюсь обеспечить тебе доступ к страховым договорам периода Монархии.

— Поправка. Вы использовали термин «Монархия». Правильный термин — «Содружество».

— Поправка принимается. Однако хочу обратить твое внимание, что в средствах массовой информации очень часто упоминается именно Монархия. Для наших целей будем считать ее синонимом Содружеству.

— Отмечено.

— Это все. Пожалуйста, начинай просмотр всех указанных мною блоков информации одновременно.

— В этом случае возрастет время на просмотр каждого из них, — отметил компьютер.

— Ничего не поделаешь. Приступай.

— Приступаю...

Кристалл потемнел: компьютер взялся за работу, а я спустился в кафетерий, выпил чашку чая, просмотрел вечерние газеты. Вернулся в кабинет два часа спустя, увидев, что кристалл по-прежнему темный, решил поспать.

Компьютер разбудил меня в пять утра.

— Дункан Роджас, — повторял он снова и снова, с каждым разом все громче.

Я сел, протер глаза, увидел, что кристалл вновь ярко светится.

— Да?

— Я нашел бивни в четыре тысячи триста семьдесят пятом году Галактической эры.

— По какому источнику?

— Перечень объектов страхования, за которые Эфратесом Пимом с Сзандора II выплачена страховая премия «Агентству Блессбулла».

— Сзандор II? Это уже Внутренние миры, так?

— Да.

— Как же бивни попали с Внешних миров на Внутренние? С периферии в ядро галактики?

— Не имею достаточной информации для ответа на этот вопрос.

— Тогда запроси у Главного библиотечного компьютера все материалы по Эфратесу Пиму. Я хочу знать, кем он был, чем занимался, где жил, как к нему попали эти бивни...

— Приступаю...

## ГЛАВА ВТОРАЯ

### ОСКВЕРНИТЕЛЬ МОГИЛ (4375 г. Г.Э.)

*Я побывал в разных местах и много чего повидал. Я стоял у водопадов Виктории, которые люди называли Мозиро-Туниа, Гремящий дым, и я пасся на склонах горы Кения, где живет Бог. Я спускался в кратер Нгоронгоро и преодолевал Лунные горы. Всегда я держался подальше от поселений людей и редко страдал от голода и жажды.*

*Я пережил шесть засух и предугадывал то, до чего не могли додуматься другие животные. Когда затяжные дожди не приходили, я, десять дней вдыхая воздух и не ощущая в нем влаги, понимал, что солнце выжжет траву, а река пересохнет до того, как с неба упадет хоть капля, и потому поворачивал голову к югу и начинал свой долгий путь, опережая на шаг жаркое африканское солнце.*

Голографический экран ожил.

— Сэр, вы уверены, что хотите посмотреть эту передачу? — спросил Флетчер.

— Более чем уверен, — ответил Борис Яблонски. — Я должен знать, что он замышляет.

— В его ближайшее окружение внедрены три наших агента, — сказал Флетчер. — Нам известно все, что он делает и что собирается делать.

— Но я не знаю, что он собирается сказать обо мне двумстам миллионам зрителей.

— Какая разница?

— Черт тебя побери! — взревел Яблонски. — Не можешь сидеть тихо и не мешать мне слушать, выйди из комнаты!

Флетчер вздохнул и повернулся к экрану.

Небольшого роста, седоволосый, щегольски одетый мужчина с аккуратной бородкой удобно расположился в сверкающем кресле, лицом к лицу с симпатичной женщиной, которая завороченно смотрела на него.

— А теперь, — объявил невидимый комментатор, — переходим к научному разделу нашей трансляции. Наша корреспондентка Элизабет Кин побывала на Беллини VI, чтобы взять эксклюзивное интервью у знаменитого Кабинетного археолога Эфратеса Пима.

— Для меня это особая честь, доктор Пим, — засюсюкала Элизабет Кин. — Мне известно, сколь редко вы соглашаетесь встретиться с прессой.

— Не чаще раза в неделю, — фыркнул Яблонски, сверля взглядом образ доктора Пима.

— Дело в том, что я очень занят. — Пим широко улыбнулся. — Однако тружусь я на благо человечества и понимаю, что общественность должна знать как о моих успехах, так и о трудностях, с которыми мы сталкиваемся.

— Вы все еще исследуете Империю райзов, не так ли? Он кивнул:

— Совершенно верно. Это удивительная цивилизация. Мы только начали осознавать ее величие, и я уверен, что нас ждут потрясающие открытия.

— Вы побывали на их родной планете?

— На Гордости райзов? Разумеется. К слову сказать, я только что вернулся оттуда.

— Я понимаю, что это известно практически всем, но не могли бы вы еще раз рассказать, как вы открыли Гордость райзов?

— Как он ее украл, — прорычал Яблонски.

— Мне повезло. Тем более что значительную часть подготовительной работы сделали до меня.

— Но именно вы собрали воедино разрозненные факты, а итогом стало самое впечатляющее археологическое открытие с начала Галактической эры, — млела Элизабет Кин, а Яблонски бормотал под нос проклятия.

— Насколько оно впечатляющее, еще предстоит выяснить, — запротестовал Эфратес Пим, но по выражению его лица чувствовалось, что он полностью согласен с Элизабет.

— Может, вы расскажете нашим зрителям, как вам удалось доказать существование и определить местонахождение Гордости райзов?

— С удовольствием. — Лицо Пима осветила улыбка. — Примерно десять лет тому назад я прочитал статью, которая разбудила мое любопытство. В ней говорилось, что профессор Борис Яблонски со Спектры III около четверти века изучал различные цивилизации в спиральном рукаве галактики, в котором расположена и Земля, результатом чего стали интересные находки, пусть фрагментарные, и открытия, на то время скорее гипотетические.

— Не было в них ничего гипотетического! — возразил Яблонски.

— Он обнаружил, что в языке восьми различных цивилизаций Спирали имеются пятнадцать общих слов, — продолжал Пим. — Не то чтобы все пятнадцать слов использовались каждой из цивилизаций, но в языке каждой имелось по меньшей мере четыре из этих пятнадцати, которые присутствовали как минимум у шести других.

— Вы хотите сказать, что все эти слова произносились одинаково?

— В пределах фонетических ограничений. Более того, во всех цивилизациях слова эти означали одно и то же.



Профессор Яблонски выполнил превосходное исследование, за что я ему очень признателен.

— Спасибо и на том! — вырвалось у Яблонски.

— Я не имел ни малейшего представления о работах профессора Яблонски, пока не прочел его статью. В ней он утверждал, что эти слова, эти сочетания звуков возникли одновременно и могли рассматриваться как инстинктивная реакция на некие объекты, описать которые представители различных цивилизаций могли только этими звуками.

— Это была лишь версия! — вскричал Яблонски. — Одна из многих указанных мною версий!

— Так вот об одной из упомянутых профессором Яблонски цивилизаций, Борони с Бета Камос IV, я знал достаточно много. Знал, к примеру, о том, что их голосовые связки столь значительно отличались от голосовых связок других гуманоидов, что произношение некоторых звуков вызвало бы у них болевые ощущения.

— Я это отмечал! — Яблонски подпрыгнул от негодования.

— Чем больше я думал об этом, тем сильнее склонялся к мысли, что звуки эти привнесены в цивилизацию Борони извне. Я стал подбирать материалы по другим цивилизациям и выяснил, что несколько экзобиологов подметили следующее: губы обитателей Феникса II устроены так, что один из звуков просто не мог быть произнесен, следовательно, он привнесен извне. Я встретился с Борисом Яблонски на его родной планете, и мы вместе написали статью, в которой указали на существование некой, еще не известной нам цивилизации, когда-то создавшей в Спирали звездную империю. Отсюда и одинаковые слова, оказавшиеся в языке обитателей нескольких планет.

— Ваши коллеги встретили этот вывод в штыки, — напомнила Элизабет Кин.

— Если кто-то скажет, что ученые легко воспринимают новые идеи, — усмехнулся Пим, — не верьте этому человеку.

— Что произошло потом?

— Профессор Яблонски продолжил свои исследования, а я вернулся домой и еще раз задумался над полученными результатами.

— И нашли правильный ответ! — воскликнула Элизабет Кин.

— Давайте не преуменьшать заслуги профессора Яблонски. — Пим вновь улыбнулся. — Его находки во многом подготовили мое открытие.

— Снисходительность! — бушевал Яблонски. — Как же я ненавижу его снисходительность.

— Я решил не присоединяться к профессору Яблонски, продолжавшему поиски следов этой загадочной цивилизации, которой покорились межзвездные расстояния. Я чувствовал, что ее существование нами уже доказано и...

— Ваши коллеги придерживались иного мнения.

— Я полагался на свое мнение.

— Проклятый эгоцентрик! — пробормотал Яблонски.

— Как бы то ни было, я прибыл домой, приказал компьютеру воссоздать объемное изображение Спирали, отметил планеты, на которых употреблялись одинаковые слова, и попытался разобраться что к чему. — Последовала театральная пауза. — И чем больше я углублялся в изучение имеющихся у меня материалов, тем крепче становилось мое убеждение, что в наши прежние рассуждения вкралась серьезная ошибка. Видите ли, на этих восьми планетах обитатели дышали кислородом, углерод являлся основой их организмов. Вот все и решили, что покорила их цивилизация с кислородной планеты. — Вновь пауза. — Видите ли, кислородная планета, на которой возможна органическая жизнь, может образоваться лишь у звезды определенного типа. Но такой звезды в

том месте, где ей следовало быть, я не находил. Ближайшая кислородная планета имела столь высокий уровень радиации, что там не могло возникнуть никакой жизни, а планета, пригодная для жизни, находилась на расстоянии восьмисот световых лет.

— Речь идет о Принсипии, не так ли? — спросила Элизабет Кин.

— Да.

— И те немногочисленные ученые, что поддерживали вашу точку зрения, полагали, что именно Принсипия — родина цивилизации, которую вы ищете.

— Да, особенно после того, как на Принсипии нашли остатки цивилизации, уничтожившей себя в ходе разрушительных войн почти шестьдесят тысяч лет тому назад. — Он пожал плечами. — Я сразу же отверг эту версию.

— Почему?

— Во-первых, потому, что в радиусе двухсот световых лет от Принсипии находятся шесть необитаемых кислородных планет. Если Принсипия намеревалась создавать звездную империю, то с чего ей выбирать наиболее сложный вариант? Если уж они хотели взять под контроль всю Спираль, элементарная логика требует прежде всего освоения ближайших планет, а не прыжка на восемьсот или тысячу четыреста световых лет. И вторая, не менее серьезная причина: ни на одной из планет, обследованных профессором Яблонски, не обнаружилось следов принсипианской цивилизации.

— Но на мирах профессора Яблонски вообще не обнаружено следов инопланетных цивилизаций, — заметила Элизабет Кин.

— Большинство противников нашей идеи на этот довод и напирало. Однако именно он и стал ключом к разгадке.

— Каким образом?

— Я продолжал изучать карту. Предложил компьютеру просчитать несколько вариантов и наконец решил, что Принципия лишь в одном случае может быть колыбелью искомой цивилизации: вращаясь вокруг Адхары. Но это уже из области фантастики. Адхара — очень молодая, очень большая голубая звезда, которая со временем превратится в черную дыру. Атмосфера ее единственной планеты на восемьдесят пять процентов состоит из гелия. Органическая жизнь на ней невозможна, нет там места и тем, кто дышит метаном или хлором. Да и вообще звездная система слишком молода, чтобы на ней возникли привычные нам формы жизни. — Он задумчиво уставился в камеру, словно вновь перебирая аргументы «за» и «против».

— Тут он всегда делает паузу, — пожаловался Яблонски, — чтобы зрители осознали величие его открытия.

— Целый месяц я бился над этой проблемой, вновь и вновь возвращаясь к Адхаре. Именно там должна была возникнуть цивилизация, покорившая окрестные миры. Внезапно я понял, почему на них не найдены следы этой цивилизации. Ее представители дышали не кислородом и планеты Яблонски использовали лишь в качестве перевалочных баз, хранилищ топлива, а их целью являлись другие гелиевые планеты. Возможно, на кислородных мирах они держали небольшую колонию специалистов, а когда их империя по каким-то причинам рухнула, эти специалисты отбыли восвояси.

Пим улыбнулся:

— Вы должны понимать, что ранее мы не сталкивались ни с цивилизацией, возникшей на гелиевой планете, ни с живыми организмами, которые могли развиваться в системе голубого гиганта. Вероятность и первого, и второго считалась равной нулю. Меня уволили из университета, когда я ознакомил научную общественность со своей гипотезой.

— И что произошло потом?

— Выход у меня оставался только один. Я собрал все свои сбережения, влез в долги, но отправил экспедицию к Адхаре. Денег хватило лишь на то, чтобы команда из шести человек провела у единственной планеты Адхары двадцать три дня. Сам я перед этим сломал ногу, так что остался дома. Я проинструктировал их, где и что надо искать, поддерживал с ними постоянную связь через подпространство... а остальное уже стало достоянием истории. Через девятнадцать дней они обнаружили первые следы цивилизации райзов, и планета официально получила название Гордость райзов. — Он скромно улыбнулся. — Они хотели назвать планету моим именем, но я не допустил этого. — Пауза. — Как я и предполагал, их империя состояла из гелиевых планет. А планеты Яблонски они использовали только как перевалочные базы.

— Вот так вы и стали Кабинетным археологом! — восхищенно воскликнула Элизабет Кин.

— Вот так он использовал мои работы и забрал всю славу себе, — прокомментировал Яблонски.

— Этим титулом наградила меня пресса, — ответил Пим. — На самом деле я выезжаю в экспедиции при первой же возможности.

— Поскольку вы признанный эксперт по Гордости райзов и Империи райзов, может быть, вы расскажете нам, что узнали об этом народе?

— Пока совсем немного, — признал Пим. — Это необычная форма жизни, так что нам не составило труда определиться с направлением их экспансии. Мы уверены, что существовали по меньшей мере еще три гелиевые цивилизации. Я предполагаю, что со временем мы найдем в Спирали еще не меньше дюжины других... К сожалению, эти три цивилизации погибли, ибо райзы вели войну на уничтожение, а не на покорение. Так что об их жертвах нам практически ничего не известно. Я считаю, что райзы, осознав, что Адхара в скором, вре-

мени станет сверхновой и погубит их планету, не создавали империю в классическом смысле этого слова, а просто уничтожали обитателей планет, чтобы обеспечить себе жизненное пространство. А вот население кислородных миров они уничтожать не стали. Зачем? Все равно жить там райзы не могли.

— Естественно, — хмыкнул Яблонски. — Я указывал на это пять лет тому назад.

— Что же случилось с райзами? — спросила Элизабет Кин.

— Мы не знаем, — ответил Пим. — Они покинули захваченные гелиевые планеты, и можно предположить, что в конце концов нашли для себя другую обитель. Полагаю, в будущем нам еще предстоит встреча с ними.

— Вы допускаете такую возможность?

— Почему нет? Человечество будет и дальше продвигаться к ядру галактики. Да и в Спирали мы обследовали не так уж много звезд.

— И это все, что вы узнали о цивилизации райзов?

— Не забывайте, что я предсказал ее существование лишь пять лет тому назад. — Очередная скромная улыбка осветила лицо Пима. — Но нам очень повезло: два года тому назад мы нашли Документ райзов.

— Документ райзов? — повторила Элизабет Кин.

— Можно сказать, райзовский аналог Розеттского камня\*. Но, — печально добавил он, — успехи наших лингвистов пока невелики. Письменность райзов дается им с трудом.

— Ходят слухи, что вскоре вы объявите об открытии, более важном, чем находка райзовского Документа. Не можете вы сообщить нашим зрителям какие-нибудь подробности?

---

\* Базальтовая плита с параллельным текстом на греческом и древнеегипетском, находка которой около г. Розетты позволила расшифровать древнеегипетские иероглифы.

— По моим представлениям, у нас есть немалые шансы доказать, что райзы посещали Землю до того, как человечество вышло в космос.

— Вы нашли на Земле следы Империи райзов? — воскликнула Элизабет Кин. — Райзы были теми астронавтами, о которых упоминают легенды древности?

Он улыбнулся и покачал головой:

— На оба вопроса я могу ответить отрицательно. Пока мы не нашли доказательств того, что райзы или представители иных цивилизаций посещали Землю.

— Тогда на чем основана ваша уверенность в том, что они-таки побывали на Земле?

— Некоторые события в далеком прошлом Земли и археологические находки могут истолковываться как свидетельства пребывания на Земле инопланетян. И вектор экспансии райзов проходил через Землю.

— Именно об этом вы и намеревались объявить? — воскликнула Элизабет Кин. — Похоже, это уже произошло, доктор Пим.

— Одно дело — высказать предположение, другое — представить неопровержимые доказательства. Как я уже говорил, с переводом Документа райзов дело движется медленно, но кое-что мы узнали. У меня есть основания предполагать, что большое сооружение, обнаруженное нами на Гордости райзов, в свое время было музеем. Если это так, если мы найдем предметы материальной культуры землян, на что я очень надеюсь, не останется никаких сомнений в том, что райзы посещали Землю.

— И Кабинетный археолог добавит к длинному перечню своих успехов еще один триумф, — восторженно добавила Элизабет Кин.

— Если такое и случится, этот триумф я разделю с участниками археологической экспедиции, работающей сейчас на Гордости райзов. И давайте не забывать профессора Яблонски, чьи работы послужили начальным толчком для всего проекта.

— Господи! — вырвалось у Яблонски. — Как же я его ненавижу, когда он благодарит меня!

— Какой совет вы могли бы дать тем молодым людям, составляющим немалую часть нашей зрительской аудитории, которые захотят связать свою жизнь...

— Хватит! — проревел Яблонски, и Флетчер выключил компьютер.

Яблонски вскочил, нервно заходил по кабинету.

— Каков мерзавец! — бушевал он. — Подгрести под себя кафедру археологии на Селике II, кафедру, которая по праву принадлежит мне. Убедить фонды, которые всегда финансировали меня, передать эти средства ему! И почему? Все решила одна удачная догадка!

— Вы очень разволновались, сэр, — мягко заметил Флетчер. — Может, вам присесть и постараться расслабиться?

— Присесть? — не унимался Яблонски. — Это он Кабинетный археолог, не я!

— Пожалуйста, профессор.

— Самодовольный, напыщенный сукин сын! — продолжал Яблонски. — Он даже не может написать приличную научную статью.

— Я знаю, сэр.

— А каков итог? Какой-то издатель платит ему пять миллионов кредиток за абсолютно неточное, лишенное научной достоверности описание цивилизации райзов, а куда более достойные работы остаются непрочитанными в компьютерных библиотеках.

— Произошло это давно, сэр, — увещевал его Флетчер. — А вы с тех пор сделали так много замечательных открытий.

— И все пошло прахом благодаря одной удачной догадке! — рявкнул Яблонски. — А он все еще стрижет купоны! Сам видишь, кого они приглашают в свои программы. Не Ванамейкера с его удивительными находками на Внешних мирах, ни Хайакаву, который обнару-



жил на Земле практически нетронутый храм инков. Может, приглашают меня? Нет! Они обращаются к этому гадалею.

Он подошел к креслу, плюхнулся в него, устался в ту точку, где совсем недавно была голограмма Пима.

— Пожалуйста, сэр, не мучайте себя. Вы же помните, что сказал вам доктор.

— Моему доктору не приходится каждую неделю лицезреть человека, который погубил его карьеру.

— Вы не правы, сэр. Вы сделали прекрасную карьеру. Вы — один из самых уважаемых археологов Олигархии. Во всех академических институтах ваши работы признаются классическими.

Яблонски покачал головой.

— Ерунда. Этот человек растоптал меня. Я восемнадцать лет провел в Спирали, по крохам собирая информацию, пытаюсь нащупать связи, проверяя первоначальные выводы. Еще пять лет — и я бы доказал, что райзы — уроженцы гелиевой планеты, доказал, основываясь на точных фактах, а не гадая на кофейной гуще или на чем-то еще, потому что слишком ленив, чтобы оторвать задницу от стула, и не хочу пачкать руки, копаясь в земле. И тут появляется он! Он заставил меня опубликовать ту статью до того, как я собрал необходимые доказательства, и мы оба стали посмешищем для наших коллег. Когда же он высказал свою догадку, впоследствии подтвердившуюся, ему удалось восстановить свою репутацию, но не мою. — Яблонски перевел дух. — Если бы мне не удалось открыть цивилизацию корббов на Висме III, я бы до сих пор искал колледж, который согласился бы доверить мне кафедру археологии.

— Но вы ее открыли, — успокаивающе напомнил Флетчер. — И почему вы так расстраиваетесь из-за этого Эфратеса Пима?

— Они-то все еще думают, будто он знает, что делает! — бросил Яблонски. — Они по-прежнему уверены,

что интуиция может заменить тяжелый каждодневный труд!

— Не все придерживаются такого мнения, сэр.

Яблонски поднялся, подошел к хрустальной полке, висящей над его столом.

— Посмотри на эти книги! — Он указал на восемь толстых томов в кожаных переплетах. — В них сорок три года кропотливых, методичных исследований. Экспедиции, поиски, находки, а не сидение в кабинете и ковыряние в носу. Они — итог моей жизни. Пим за неделю продает больше книг и дисков, чем я продал за полвека!

— Популярность не всегда показатель заслуг, — резонно указал Флетчер. — Доктор Пим знает, как манипулировать прессой, и это отражается на тираже его работ. Но вовсе не означает, что его вклад в археологию останется в веках.

— Идиот! — пробормотал Яблонски. Подошел к окну, долго смотрел на кампус, студентов, спешащих по своим делам. — Ты ничего не понимаешь.

— Простите, сэр?

— Он уже внес этот вклад! — в отчаянии выкрикнул Яблонски. — Открытие Гордости райзов и Документа райзов — самые важные археологические события столетия. Вот почему этот человек так опасен!

— Кажется, я вас не понимаю, сэр.

— Он дискредитировал научный метод, — объяснил Яблонски, повернувшись к своему ассистенту. — Нас может захлестнуть волна новоявленных интуитивных археологов. Куда проще догадываться, а не копать в грязи планеты с хлорной атмосферой. Пим, доказал, что можно достичь фантастических успехов, не выходя из кабинета. Он же открыл Гордость райзов, следовательно, предложил более эффективный метод. — Лицо Яблонски перекосило от ярости. — Мы должны тотчас же опорочить этого человека, иначе будет поздно.

— Я думаю, вы преувеличиваете его значимость, сэр, — покачал головой Флетчер.

— Не преувеличиваю! — вскричал Яблонски.

Лицо его покраснело, дыхание участилось, Флетчер помог ему сесть в кресло.

— С вами все в порядке, сэр?

— Да. Видишь, Флетчер? — выдохнул Яблонски. — Он не только загубил мою репутацию. Он даже подорвал мое здоровье.

— Позвонить вашему доктору?

Яблонски покачал головой.

— Мне надо успокоиться, ничего больше. — Он глубоко вдохнул, медленно выдохнул. — Я понимаю, тебе кажется, будто я вышел на тропу личной войны, но дело обстоит гораздо серьезнее. Если мы не опорочим Эфратеса Пима, он опорочит все то, чем мы занимаемся.

— Он будет опорочен, когда в музее райзов не найдут предметов материальной культуры землян, — предрек Флетчер.

— Нет. Он облек свое заявление в очень обтекаемую форму. Он надеется, что сможет доказать посещение Земли райзами. Он не говорил, что располагает доказательствами.

— Однако его догадка окажется неверной. Тем самым возникнут сомнения в том, что он всегда прав.

— Если он ошибется.

— Этим утром я прогнал все данные через компьютер, как вы и просили. Компьютер полагает, что вероятность его правоты равна двум и трем десятым процента.

— Компьютер дал ему еще меньше шансов, когда он объявил о местонахождении Гордости райзов.

— Надеюсь, ваше мнение осталось неизменным, сэр?

— Насчет того, что райзы не посещали Землю? Естественно.

— Значит, все узнают о его ошибке, — уверенно заявил Флетчер.

— Он выкрутится, — с не меньшей убежденностью возразил Яблонски. — Поулыбается, укажет, что далеко не все гипотезы подтверждаются, и тут же выдвинет новую, объясняющую, почему райзы не сподобились посетить Землю. И его вновь будут осыпать почестями, он получит грант Менеско, обещанный мне, и использует этот грант, чтобы переманить руководителя моей экспедиции. — Яблонски пренебрежительно фыркнул. — И тебе предложит перейти к нему.

— У вас нет причин сомневаться в моей верности, сэр, — вырвалось у Флетчера.

— Поэтому я назвал тебя своим преемником. Каждый должен готовить себе замену, а лучшего ассистента у меня не было. Ты достоин занять мое место.

— Благодарю вас, сэр. Если вы так думаете, я польщен.

— Я все-таки надеюсь, что от этой чертовой кафедры не останутся одни ошметки, когда она перейдет к тебе. Средства, выделяемые на археологию, не увеличиваются, и чем больше заграбастает Пим, тем меньше достанется всем остальным. — Он помолчал. — Черт! Если бы я мог знать это наверняка!

— Знать что?

— Что он ошибается насчет Земли.

— Но вы только что сказали, что это и не важно. Он же не утверждал, что райзы посещали Землю. Он лишь предположил это.

— Но если бы я знал, знал наверняка... — Яблонски замолк, и Флетчеру осталось только смотреть на него, гадая, о чем думает босс.

Внезапно Яблонски выпрямился в кресле, словно ненависть к врагу добавила ему сил.

— Передай Моделлу, что я хочу поговорить с ним.

— Возможно, я не смогу с ним связаться.

— Я плачу ему не для того, чтобы не иметь возможности поговорить с ним, когда у меня возникает такое желание, — отрезал Яблонски.

— Сообщение послать через скрамблер?

— Мне все равно, каким образом. Соедини меня с ним, и точка.

Флетчер включил один из компьютеров.

— Код «Синяя четверка». Моделл должен связаться с Базой.

— Шпионские игры! — хмыкнул Яблонски. — Просто скажи ему, что я хочу с ним поговорить.

— Шпионские игры необходимы именно потому, что он шпион, — терпеливо объяснил Флетчер. — Если наше послание перехватят, зачем экспедиции Пима знать, кто его отправил.

— Не узнают.

— Нет, если мы примем необходимые меры предосторожности.

Яблонски что-то пробурчал себе под нос, но больше спорить не стал. А через двадцать минут на дисплее возникла суровая, небритая физиономия.

— Моделл на связи.

— Это... — Яблонски замолчал, увидев, как замахал руками Флетчер. — Вы знаете, кто это.

— Пожалуйста, увеличьте мощность передатчика. Я в модуле на глубине пятидесяти футов от поверхности. Очень сильные помехи.

— Как ваши дела? — спросил Яблонски после того, как по его команде компьютер усилил сигнал.

— Мы войдем в здание через неделю, максимум через десять дней.

— Сколько дверей?

— Шесть, и все заблокированы. Таких блокираторов видеть мне не доводилось. Наверное, потребуется еще неделя, чтобы проникнуть внутрь.

Яблонски нахмурился.

— А стены целы?

Моделл покачал головой.

— Стен в обычном понимании этого слова нет, сэр.

— А что же есть?

Моделл замялся:

— Не уверен, что смогу объяснить, сэр.

— А вы попытайтесь. За это я вам и плачу.

— Похоже, это тессеракт, сэр, если вы понимаете, что я имею в виду.

— Тессеракт? — переспросил Яблонски.

— Гипотетическая четырехмерная фигура\*.

— Я знаю, о чем ты говоришь, — рявкнул Яблонски. —

Просто хочу представить его себе.

— Необычное сооружение.

— Здание не повреждено?

— Нет.

— И это определенно музей?

— Полагаю, что да.

— Я уверен, что Пим появится в окружении репортеров, как только вы вскроете дверь.

— Мне сказали, что так оно и будет.

— И он войдет в музей первым?

— Это его экспедиция. — Моделл пожал плечами.

— В здание можно попасть только через одну из дверей?

— Ни окон, ни грузовых люков нет. — Он помолчал. —

Некоторые считают, что можно проникнуть в тессеракт, минуя двери, воспользовавшись его четырехмерностью, но они еще не знают, как.

— Почему они не спросят у компьютера?

— Они спрашивали. То ли не получили ответа, то ли ответ им не понравился... Да это и не важно. Пим хочет войти через дверь и запечатлеть это волнующее событие на голокамеры.

— Немедленно передайте сюда голограмму музея. Это возможно?

— Да.

---

\* Грег Бир в рассказе «Касательные», написанном двумя годами раньше и получившем премии «Хьюго» и «Небьюла», называет тессерактом четырехмерный аналог куба.

— Хорошо. — Он отключил связь, повернулся к Флетчеру. — Можешь улететь завтра?

— Куда?

— На Гордость райзов, разумеется.

— Полагаю, что да. — В голосе Флетчера слышалось недоумение.

— Хорошо.

— А зачем, позвольте узнать?

— Чтобы опорочить этого напыщенного говнюка! — рывкнул Яблонски. — Разве ты не прислушивался к моим словам? Компьютер!

— Да? — ответил компьютер.

— Этим утром, исходя из данных, полученных от Флетчера, ты рассчитал вероятность того, что райзы посещали Землю. Получилось, что она равна двум и трем десятым процента, так?

— Двум и тремстам двум тысячным.

— Как изменится эта величина, если в музее на Гордости райзов не будут найдены упоминания о Земле или предметы материальной культуры землян?

— Уменьшится до нуля целых семисот тридцати восьми тысячных процента.

— Хорошо. В последние шестьдесят секунд ты получил голограмму с Гордости райзов?

— Как раз получаю ее.

— Мне нужен доступ в библиотеку кафедры математики.

— Исполнено.

— Из голограммы следует, что здание имеет форму тессеракта?

— Совершенно верно.

— Я хочу, чтобы ты выяснил, какой университет проводил наиболее углубленные теоретические исследования тессерактов. Затем свяжись с математической и физической библиотеками этого университета, просмотрю все имеющиеся материалы и определи, есть ли возмож-

ность проникнуть в здание, изображенное на голограмме, не нарушая блокировки дверей.

— Выполняю... — Компьютер молчал почти девять секунд. — Теоретическая возможность проникновения есть.

— Объясни, что ты подразумеваешь под термином «теоретическая» в данном контексте.

— Сие означает, что теоретически проникновение возможно. Однако на практике я не могу гарантировать, что такое проникновение не станет смертельным для живой материи, поскольку связано с межпространственным переходом.

— А робот может проникнуть в тессеракт, сохранив работоспособность?

— Просчитываю... Вероятно, да.

— И какова вероятность того, что робот будет функционировать и в тессеракте?

— Восемьдесят шесть и двести сорок одна тысячная процента.

— А какова вероятность его благополучного возвращения?

— Восемьдесят шесть и двести сорок одна тысячная процента, — повторил компьютер. — Если он сможет войти в здание, сохранив работоспособность, выход тем же путем несколько ему не повредит.

— Выключайся, — бросил Яблонски, посмотрев на Флетчера, глаза его яростно сверкнули. — Клянусь Богом, он у меня в руках! Наконец-то я смогу с ним почитаться!

Яблонски и Флетчер вошли в запасники музея. Вокруг кипела обычная работа. Яблонски и его ассистент проследовали мимо комнат, отведенных находкам с Внешних и Внутренних миров, обошли зал, посвященный цивилизациям более населенных районов галактики, и наконец попали в большое помещение, где хра-



нились предметы материальной культуры, только-только доставленные в музей из Спирали.

Яблонски короткими кивками отвечал на приветствия сотрудников, готовивших новые поступления для регистрации в музейном каталоге.

Они прошли мимо Мистической вазы с Валериума VII, послужившей причиной трех мировых войн, которые разразились в глубокой древности на далекой планете, обогнули пять могильных камней, доставленных с Нью-Парагвая. Яблонски остановился, взял со стола черепок, поднес к носу, понюхал. Ему нравился запах древности, нравилось держать в руках такую вот песчинку, из которых постепенно, невероятным трудом, складывался облик еще одной цивилизации. Разумеется, он гордился выставочными залами музея, но именно здесь, в запасниках, шла настоящая работа, в которой он принимал самое непосредственное участие.

— А что мы ищем? — спросил Флетчер, когда Яблонски вновь остановился, чтобы получше разглядеть цилиндрическую статуэтку с Альдебарана XIII.

— Что-нибудь с Земли, — ответил Яблонски.

— У нас есть газовая маска времен Первой мировой войны. Она выставлена в Восточном крыле. А также два головных убора американских индейцев...

Яблонски покачал головой.

— Я знаю, что у нас есть!

— Тогда я вас не понимаю, сэр.

— Мне нужно что-то из еще не внесенного в каталог.

— Что-то конкретное? — Флетчер оглядел хранилище.

— Нет, все что угодно, но доставленное с Земли и еще не зарегистрированное компьютером.

Глаза Флетчера широко раскрылись.

— Теперь я все понял!

— Долго же до тебя доходило, — раздраженно бросил Яблонски. — А теперь, пожалуйста, говори тише.

— Вы собираетесь подбросить что-то земное на Гордость райзов, — прошептал Флетчер.

— Не на планету, — уточнил Яблонски. — В музей.

— Вам этого не простят.

— Мне — нет, а вот тебе — да.

— Мне? — изумился Флетчер.

— Совершенно верно. А теперь давай займемся делом.

Ты улетаешь завтра.

Не дожидаясь ответа, Яблонски вновь закружил по хранилищу. Получасовые поиски не принесли результата.

— Черт! — вырвалось у Яблонски. — Я же знаю, что две недели назад сюда привезли ацтекскую статуэтку.

— Уже три дня, как она включена в экспозицию.

Яблонски нервно рассмеялся.

— Если бы я не попросил, чтобы статуэтка побыстрее попала в экспозицию, она до сих пор пылилась бы на полке. Ладно, пошли в подвал.

Он подошел к шахте, включил воздушную подушку, подождал, пока к нему присоединится Флетчер, приказал доставить их в подвал. Пару мгновений спустя они оказались в огромном подвале-хранилище, сооруженном под музеем.

Освещался подвал рассеянным светом, в тених, отбрасываемых артефактами, свезенными с разных миров, словно прятались инопланетные злые духи, готовые наброситься на тех, кто посмел осквернить могилы их предков. И пусть соответствующие службы поддерживали в подвале идеальные чистоту и порядок, вошедшего сюда не покидало ощущение, что все вокруг покрыто тысячелетней пылью.

Чуть ли не четверть подвала занимала практически восстановленная часовня корббов, которую Яблонски привез с Висмы. У дальней стены высился Великий змей Дорильона, змееподобная скульптура длиной в девяносто футов, на которой в резных табличках изображалась вся история цивилизации Дорильона. Миниатюрные

размеры многих табличек не позволяли что-либо на них разглядеть без многократного увеличения изображения.

Эти статуи и другие предметы материальной культуры заняли бы наверху слишком много места, потому их держали здесь, пока студенты и сотрудники готовили их к выставке.

Яблонски переходил от статуи к статуе, от стенда к стенду в поисках чего-нибудь земного. Резко остановился у длинного стола.

— Что это? — спросил он. — Я их не видел.

Флетчер посмотрел на две колонны слоновой кости.

— Точно не знаю, сэр. Их нашел Бромхелд Шеррингфорд на Внешних мирах. Не прошло и недели, как они поступили к нам.

— Шеррингфорд? — переспросил Яблонски. — Что-то я не помню этой фамилии.

— Его экспедиция финансировалась двадцатью академическими институтами, в том числе и нашим, — пояснил Флетчер. — Он изучал цивилизацию гуаверов на Мелине IV и совершенно случайно натолкнулся на клад, оставленный каким-то преступником, жившим более тысячи лет тому назад. — Он помолчал. — Согласно легендам, преступником этим был огромный киборг, которого звали то ли Железный герцог, то ли Железный принц. Клад этот не представлял для Шеррингфорда особого интереса, поскольку не имел никакого отношения к цивилизации гуаверов, поэтому он разделил его на двадцать равноценных частей и разослал по институтам. — Он указал на бивни. — Это наша часть.

— Что это?

Флетчер пожал плечами.

— Понятия не имею.

— Так пусть сюда принесут электронный микроскоп и выяснят, что это и откуда, — раздраженно бросил Яблонски.

Через несколько минут Флетчер вернулся с довольно сложным прибором.

— Я подумал, что посторонние нам не нужны, сэр, и решил все сделать сам.

— Дельная мысль, — кивнул Яблонски. — Приступай.

Флетчер включил микроскоп, установил за большим из бивней, проанализировал высветившиеся на дисплее результаты.

— По-моему, нам повезло, сэр! — воскликнул он. — Происхождение земное!

— Органика?

Флетчер кивнул:

— Углеродная основа, сомнений быть не может!

— Сделай соскоб и проведи более качественный анализ, — приказал Яблонски.

Пять минут спустя Флетчер доложил о выполнении задания.

— Происхождение земное. Гарантирую на все сто процентов.

— Прогони код ДНК через компьютер биологической лаборатории. Посмотрим, что мы нашли.

Флетчер включил ближайший терминал, ввел необходимые данные. Ответ не заставил себя ждать.

— Это бивни слона, сэр.

— Слона? — повторил Яблонски. — Вымершего земного животного?

— Да, сэр. — Флетчер задумчиво смотрел на бивни. — Интересно, как они попали на Внешние миры?

— Главное, что они здесь. — Яблонски огляделся, понизил голос до шепота: — Сегодня же запрограммируй одного из наших роботов — АО-203, чтобы он мог проникнуть в тессеракт и выйти из него. Я хочу, чтобы вечером ты пришел сюда, забрал эти бивни и отнес на корабль.

— Но я же не смогу приземлиться на Гордости райзов незамеченным! — запротестовал Флетчер.

— Молчи и слушай! — рявкнул Яблонски. — Моделл найдет предлог, чтобы на пару дней покинуть планету. Ты встретишься с ним в системе Перитейн и передашь бивни и робота. Скажи ему, что робот должен обставить все так, будто бивни — один из экспонатов музея. Впрочем, Моделл знает, как это делается.

— А потом мне возвращаться сюда?

— Именно так.

— А как насчет робота? Мы же не можем оставить его на Гордости райзов.

— Пусть Моделл прикажет ему отойти на пятьсот миль и самоликвидироваться.

— Рано или поздно эта история выплывет на свет.

— Пусть выплывает! — отмахнулся Яблонски. — Моя задача — опорочить Пима. И я своего добьюсь!

Минуло четыре месяца. Церемония открытия дверей музея райзов освещалась всеми средствами массовой информации. Эфратеса Пима голографировали, фотографировали, снимали, записывали. Неделью спустя он вышел из музея и уединился, чтобы проанализировать свои находки и прийти к каким-то выводам.

Наконец он собрал пресс-конференцию, и Яблонски заплатил за прямую голотрансляцию, чтобы не дожидаться информационного выпуска.

Пим, как обычно, щегольски одетый и уверенный в себе, откашлялся, стоя перед многочисленными камерами, и заговорил:

— Дамы и господа, позвольте мне сделать короткое заявление, а потом я отвечу на все ваши вопросы. — Он уставился в самую большую из голокамер. — Те из вас, кто следит за нашими исследованиями цивилизации райзов, знают, что не так давно я предположил, что Земля в далеком прошлом служила для райзов перевалочной базой. Эта гипотеза произвела фурор среди моих коллег, причем многие встретили ее в штыки. — Он выдержал

паузу. — Я должен доложить вам, что здесь мои коллеги оказались правы. На основе находок, сделанных мною в музее райзов, я могу категорически заявить, что на Земле базы райзов не было.

— Что?! — проревел Яблонски.

— Ученые всегда ищут истину, и я очень рад, что благодаря моим работам на досужих домыслах поставлен крест и их место заняли факты. — Пим подождал, пока стихнут аплодисменты. — Продолжать изучение цивилизации райзов я поручаю Гилберту Найсванду, моему первому заместителю. Сам я планирую уйти в отпуск на два-три месяца, после чего приму очень лестное для меня предложение Фонда Молтона и проведу несколько следующих лет на Сзандоре II, возглавляя команду экспертов Фонда. Передо мной ставится задача раскрыть тайну одной очень необычной цивилизации. И я с нетерпением жду начала новой работы. А теперь — ваши вопросы.

— Что произошло? — вырвалось у Яблонски. — Я же знаю, что ты нашел бивни, поддонки!

Внезапно образ Пима замигал.

— В чем дело? — спросил Яблонски.

— Сообщение от Эфратеса Пима, — ответил компьютер. — Начать трансляцию немедленно или вы подождете, пока закончится пресс-конференция?

— Она уже закончилась, — бросил Яблонски. — Давай поглядим, что ему от меня надо.

Вновь появился Пим в другом наряде и не в конференц-зале, а в роскошно обставленном кабинете.

— Привет, Борис. Ты смотришь запись, так что диалога у нас не получится. Просто сиди и слушай.

Он не спеша раскурил антарренскую сигару.

— Я очень благодарен тебе, мой давний друг. Ты избавил меня от нескольких лет занудной и утомительной работы. — Пим торжествующе улыбнулся. — Ты, разу-

меется, добивался не этого, но, видно, забыл, кого ты хотел обдурить. Эфратеса Пима!

Яблонски выругался, на что Пим ответил еще одной самодовольной улыбкой.

— Я не знаю, где ты взял бивни, Борис, но методология у тебя всегда шла впереди интуиции. Тебе удалось переправить их в музей, невзирая на бдительную охрану. С этим я тебя поздравляю. Но у меня сложилось ощущение, что бивни ты исследовал не до конца. Тебе хватило того, что они с Земли. — Пим усмехнулся. — А вот мы не поленились провести радиологический анализ. И выяснилось, что они из девятнадцатого века нашей эры. А уж в девятнадцатом веке райзы никоим образом не могли посетить Землю незамеченными.

Пим глубоко затаился, выдохнул облако дыма, которое повисло у него над головой.

— Я сразу понял, что ты приложил к этому руку, Борис. Блестящее планирование, безупречное исполнение и полное отсутствие дара предвидения и воображения. Я это понял, как только получил данные радиологического анализа. Однако, помня о твоём научном методе, решил получить неопровержимые доказательства, прежде чем обвинять тебя во всех грехах. Поэтому я настоял, чтобы все члены экспедиции прошли проверку на машине Неверли. — Он помолчал, очень довольный собой. — Очевидно, твой агент Моделл знал, что происходит с человеком, если он лжет машине. Он признал свое участие в твоих интригах до начала проверки. — Торжествующая ухмылка. — Между прочим, теперь он мой агент.

Еще одна затяжка, облако дыма.

— Короче, раз ты пошел на то, чтобы расстаться с такими ценными экспонатами с одной лишь целью, убедить меня, что Земля посещалась райзами, вывод я сделал однозначный — нога райзов не ступала на Землю. С интуицией у тебя не очень, Борис, но ученый ты до-

тошный... поэтому я с радостью отказался от своего первоначального утверждения. — Внезапно он рассмеялся. — Вот о чем я подумал. Представь себе, что мы таки найдем в музее предмет материальной культуры с Земли, после того как я заявил широкой общественности, что наши цивилизации никогда не встречались. Наверное, мне пришлось бы сказать им следующее: новые находки дают основания заявить, что бедняга Борис Яблонски опять оказался не на высоте.

Он хохотнул, прежде чем продолжить.

— И наконец, друг мой, я должен поблагодарить тебя за такой подарок. Не каждый может похвастаться парой роскошных бивней. Я намерен взять их с собой на Сзандор II, где они займут достойное место в моей коллекции. Не волнуйся: я не сообщу в университет о твоих проделках. Я получу гораздо больше удовольствия, рассказывая о них моим друзьям после хорошего обеда.

Сообщение закончилось. Яблонски медленно поднялся, прошел в ванную и вскрыл себе вены на обеих руках.

Умер он за два часа до того, как его нашел Флетчер.

## ВТОРАЯ ИНТЕРЛЮДИЯ (6303 г. Г.Э.)

Ночь я провел в кабинете, а поутру первым делом проверил, не нашел ли компьютер чего-нибудь интересного. Выяснилось, что нет. Поскольку днем он мог затрачивать на решение моей задачи лишь малую толику мощности, я решил не приставать к нему с вопросами о бивнях. Заказал две копии известных фотографий и несколько минут смотрел на них, пытаясь представить размеры существа, которое отрастило такие зубы. Потом отложил их в сторону и занялся повседневными дела-



ми, в данном случае сертификацией Рогатого демона с Анзарда IV. Размах рогов составлял сто восемь и три десятых сантиметра, сто девяносто третье место в списке, но в зависимости от использованного способа таксидермии величина эта могла увеличиваться на четыре-пять сантиметров. К сожалению, единственная представленная голограмма получилась несколько расплывчатой.

Я отправил голограмму на компьютерный анализ, но и его результаты не показались мне убедительными. Впрочем, другого я и не ожидал. Затем изучил заверенные нотариусом письменные показания охотника и таксидермиста, безуспешно попытался связаться с проводником экспедиции, решил привлечь нашего эксперта по таксидермии в звездной системе Анзарда — отослал ему служебную записку с просьбой дать ответ до конца недели.

Взглянув на часы, я понял, что до назначенной встречи в Музее естественной истории осталось меньше часа, а потому вновь потянулся к фотографиям, любясь великолепными бивнями и гадая, кому же удалось убить обладателя таких зубов в те дни, когда у охотников не было ни лазеров, ни звуковых ружей, ни молекулярных дезинтеграторов.

Не знаю, как долго я не отрывал глаз от фотографий, но внезапно кристалл вспыхнул, и передо мной возникла голограмма лица Хильды Дориан.

— Похоже, мы очень заняты, — проворковала Хильда. — Перенесем ленч на час?

— Не понял?

— Ленч, Дункан, — терпеливо объяснила она. — Ты же знаешь, прием пищи между завтраком и обедом. Уже девять лет по средам мы ходим на ленч вместе.

— И что?

— Господи, неужели опять?

— Что — опять?

— Ты опять на крючке, — мрачно констатировала она.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь.

— Это один из симптомов. Теперь у меня впереди месяц пустых взглядов, фраз, оборванных на полуслове, ланчей в одиночестве. Последний раз такое случилось два года тому назад, когда ты два месяца доказывал, что небесные волки вымерли и этот охотник с Внешних миров — ловкий мошенник. — Она вздохнула. — Значит, кто-то подбросил тебе новую головоломку и говорить с тобой бесполезно, пока ты не разгадаешь ее.

— Ерунда. — Я попытался сосредоточиться на женской головке.

— Чем же заманил тебя этот загадочный мистер Мандака?

— Что ты знаешь о Мандаке? — удивился я.

— Я, между прочим, возглавляю департамент безопасности, Дункан. Мне известно, кто сюда приходит и к кому. Я также знаю, что ночь ты провел в своем кабинете, а компьютер до девяти утра работал только на тебя. — Она улыбнулась. — И еще у тебя играла эта ужасная музыка, которую ты включаешь, когда тебе приходится решать сложные задачи.

— Ты не ответила на мой вопрос.

— Какой вопрос?

— Что ты знаешь о Мандаке?

— Я знаю, что он приходил к тебе вчера, а когда ушел, нам сообщили, что ты получил разрешение пользоваться компьютером по ночам и в выходные.

Я пожал плечами.

— Не такой уж это секрет, раз Мандака обо всем договаривался с руководством. Он ищет самые большие в мире слоновьи бивни.

— То есть с Земли?

— Совершенно верно.

— Наверное, его ждет разочарование.

— Отнюдь, — твердо ответил я. — Бивни я ему разыщу.

— Поправь меня, если я ошибусь, но, насколько мне известно, последний слон умер, когда мы все еще жили на Земле?

— Он ищет бивни, которые на тот момент уже существовали.

— Понятно, — кивнула она. — Поскольку теперь ты будешь говорить только о них, почему бы нам не встретиться в кафетерии, где ты мне все и расскажешь?

— Не могу. У меня официальные замеры в Музее естественной истории.

— Правда? — Она просияла. — А Пруденс Эш там будет?

— Да.

— Я не видела ее с тех пор, как она ушла из «Брэкстона». Ты не будешь возражать, если я составлю тебе компанию?

— Твое право.

— Как приятно иметь дело с джентльменом, — съязвила она. — Встретимся в вестибюле через четверть часа.

Она, как обычно, пришла минута в минуту. И когда я спустился вниз, уже поджидала меня, подкрасившись, сменив серую униформу на яркий наряд.

— Надо бы нам прекратить наши встречи, — улыбнулась она. — У Гарольда возникли подозрения.

— Правда?

Она фыркнула:

— Разумеется, нет. Он знает, что твоя единственная любовь — нерешенное уравнение.

— Я не математик.

— Ладно, неразгаданная загадка.

Двери раскрылись, пропуская нас на улицу. Мы встали на дорожку, уходящую на север.

— Почему бы тебе не рассказать о ней?

— О чем?

— О загадке, над которой ты бьешься, Дункан. Что это за бивни, которые так захватили тебя?

— Тут сошлось несколько факторов. Во-первых, никогда раньше меня не просили найти утерянный охотничий трофей. Для меня это внове.

— И тебя это вдохновляет.

— Во всяком случае, мне интересно. И потом эти бивни — один из старейших охотничьих трофеев во всей галактике. Может, самый старый.

— Понятно, — кивнула она.

— Это еще не все. Я попытался проследить путь бивней. Они исчезали на века, чтобы внезапно появиться в тысячах световых лет от того места, где их видели в последний раз.

— Разве это не обычное дело для ценных охотничьих трофеев?

— Нет. — Я покачал головой. — Чем выше их цена, тем быстрее они оказываются в музее.

— А эти, как я понимаю, не в музее.

— Насколько я знаю, нет. Их ставили на кон в карточной игре, они принадлежали киборгу-преступнику, нечистый на руку ученый воспользовался ими, чтобы опорочить коллегу, — они побывали везде, но только не в музее... Нет, не совсем так. Начался-то их путь в музее, но потом каким-то образом они попали в частные руки. Обычно происходит наоборот.

— Интересно. Но недостаточно.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Должно быть что-то еще. Сказанного тобой недостаточно, чтобы заставить тебя сидеть, уставившись в никуда, и забыть о том, что пора идти домой. Чем же зачаровали тебя эти конкретные бивни?

— Хорошо. — Я повернулся к ней. — Почему у частного коллекционера возникает желание заплатить за них два миллиона кредиток?

— Сколько? — изумленно переспросила она.

— Два миллиона кредиток.

— Могут они столько стоить?

— Ни один музей такую сумму за них не выложит. И почему именно эти бивни? Он четко это оговорил. Никакие другие — только эти.

— Ты нашел причину? — В ней проснулось любопытство.

Я покачал головой:

— Вроде бы когда-то бивни принадлежали его клану.

— Семейное наследство? — предположила она.

— Едва ли. Никому не известны обстоятельства смерти слона, но бивни сразу же продали на аукционе. Их первыми владельцами были не масаи, и прошло больше трех тысяч лет с тех пор, как они принадлежали масаи.

— Кто такие масаи?

— Социальная группа Мандаки.

— Ты говоришь, два миллиона кредиток?

— Плюс те деньги, которые он готов потратить на розыски. Более того, я чувствую, что Мандака готов преступить любые законы, если нынешний владелец бивней не захочет с ними расстаться. Он не остановится ни перед чем, но завладеет ими.

— Включая убийство? — спросила Хильда.

Я вспомнил мрачный блеск глаз Мандаки, когда он говорил, что доберется до цели, какие бы преграды ни возникали у него на пути.

— Меня это не удивит.

— Интересно, — коротко прокомментировала она.

Мы перешли на экспресс-дорожку, встали за прозрачную стойку, закрепили ноги и понеслись, огибая деловой центр, через парк, к окраине. Вскоре экспресс-дорожка остановилась у Общественного центра. Мы перешли на обычную дорожку, проехали мимо обсерватории, Научного комплекса, Музея инопланетного искусства, Аква-

центра, зоопарков, кислородного и хлорного, и, наконец, сошли у Музея естественной истории.

— Девять минут. — Хильда сверилась с часами. — Неплохо для такого времени дня. Но пора бы им проложить и новый маршрут. Всякий раз, проезжая через парк, я вспоминаю, что уже не так молода, как бывало.

— Угу.

Она уставилась на меня.

— Дункан, таким ты мне определенно не нравишься. Обычно ты не забываешь о вежливости.

— А что я такого сказал?

— Я про то, о чем ты не сказал. Мог бы сказать, что у меня отличная фигура и мне никак не дашь больше тридцати.

— У тебя отличная фигура, и тебе никак не дашь больше тридцати, — механически повторил я.

— Благодарю. — Голос ее сочился сарказмом. — И с чего у тебя такая толстая шкура!

Впереди я увидел группу детей, направляющихся к музею. Чтобы обогнать их, я предложил Хильде воспользоваться гравитационным подъемником, а не огромным эскалатором, замаскированным под каменную лестницу, и мгновение спустя мы уже входили в высокие двери.

Прошли вестибюль с огромной вращающейся голограммой галактики, на которой ярко сияли миллионы звезд, входящих в Монархию. Те звезды, которые еще не покорились человеку, светили куда более тускло. Главную голограмму обрамляли великие сражения с указанием дат: Осада Беты Сантори, Битва у Спики, Война с Сетгами, Битва на Внешних мирах, а также три сражения с Канфором VI и Канфором VII, планетами-близнецами, вращающимися на одной орбите.

Пройдя по выставочным залам, мы завернули в Информационный сектор.

— Чем я могу вам помочь? — спросил компьютер.

— Меня зовут Дункан Роджас, — представился я. — Я возглавляю департамент поиска «Уилфорд Брэкстон».

За доли секунды компьютер зарегистрировал мою ретинограмму, отпечатки пальцев и костную структуру.

— Продолжайте.

— Пожалуйста, подтвердите мою встречу с Пруденс Эш у вновь поступившего чучела стрелорога.

Компьютер на мгновение потускнел, затем ярко вспыхнул.

— Подтверждаю. Чучело стрелорога установлено в крыле Центавра.

— Как я его найду?

— Я зажег красную направляющую полосу. Она приведет вас к чучелу. Крыло Центавра закрыто для экскурсий на время установки нового экспоната, поэтому по прибытии вам придется пройти проверку.

— Я знаю. Моя спутница — Хильда Дориан, которая также работает в «Брэкстоне». Пожалуйста, санкционируйте ее проход в крыло Центавра.

— Проход санкционирован.

— Благодарю.

На полу вспыхнула красная линия и повела нас через зал разумных существ, благо в галактике их хватало, затем повернула налево, мимо голограмм, изображающих плато Серенгети, животный и растительный мир различных Внутренних планет. Новые залы, новые голограммы, и, наконец, мы уперлись в закрытые двери крыла Центавра. Подождали, пока компьютер сверит наши ретинограммы. Дверь чуть приоткрылась, мы по одному протиснулись в щель.

Выставка производила впечатление: огромные диорамы, показывающие разнообразных представителей флоры и фауны на Центавре III. Весь северный торец занимала слепящая полярная голограмма. Снег и лед сверкали как настоящие, от них так и веяло холодом.

Еще две воспроизводили тропики: на одной — густые джунгли, на второй — водопой в полдень. Нашлось место для макетов горной вершины, необычных голубых деревьев с изогнутыми под странным углом стволами, саванны. Как раз в саванне трудились сотрудники музея, расставляя чучела животных, расстилая травяной ковер. Там же я нашел и Пруденс Эш, приглаживающую мех за ухом огромного хищника.

— Привет, Дункан. — Она прыгнула с чучела и только тут заметила Хильду. — Ты привел Хильду! Какой приятный сюрприз! Как Гарольд?

— Отлично, — ответила Хильда. — А твои дети?

— Джеффри снова в институте, а девочки по-прежнему во флоте. Дейдр около системы Биндера, а где Кэролин, мне знать не положено, но вроде бы она недалеко от Лодина. — Пруденс улыбнулась. — Они прислала голограмму местного цветка, а я показала ее ботаникам.

— Я вижу, работы у тебя много. — Хильда огляделась.

— Грех жаловаться. — В голосе Пруденс слышалась удовлетворенность. — Я отвечаю за всю центаврскую экспозицию. — Она повернулась ко мне. — Еще раз хочу поблагодарить тебя за рекомендации.

— Благодарить еще рано. В экспозиции по-прежнему есть экологические несоответствия.

— Ты про синюю газель Андерссена?

— Она щиплет травку по ночам. А вы выставили ее на яркое солнышко.

— Я знаю, — кивнула Пруденс. — Но нам не хватает животных. В компьютере есть соответствующая пометка. Это все?

— Нет. Надо бы заменить желто-лиловую птицу в лесной экспозиции на вон ту, с загнутым клювом. — Я указал на птицеподобное существо, подвешенное в воздухе над большим краснокожим травоядным.

— А что с ней не так?

— Она не с Центавра III.



— Откуда же?

— Понятия не имею.

— Если ты не знаешь, откуда она взялась, почему ты утверждаешь, что она не с Центавра III? — спросила Хильда.

— У нее четыре когтя. У всех птиц Центавра — три.

Пруденс подошла к центаврскому лесу, постояла, грозно нахмурившись.

— Я выясню, кто принес ее сюда и по чьему распоряжению она попала в центаврскую экспозицию. — Она глубоко вздохнула, покачала головой. — Спасибо тебе, Дункан. Я распоряжусь, чтобы ее убрали. — Она улыбнулась. — Боюсь даже спрашивать: есть еще какие-нибудь огрехи?

— Пока ничего не вижу. Но во флоре я совершенно не разбираюсь. На твоем месте я бы пригласил кого-нибудь из экспертов музея.

— Обязательно приглашу, — пообещала она. — Ты бы хотел осмотреть стрелорога?

— Если тебя это не затруднит.

— Разумеется, не затруднит. За этим ты и пришел. — Она подвела нас к саванне, вызвала летающую платформу, которая и доставила стрелорога.

— Прекрасный экземпляр, не так ли?

Необычное существо, которому природа даровала уникальное средство защиты против хищников. При приближении последнего стрелорог наклонял голову, и его острые, отравленные рога отстреливались с невероятной силой и точностью попадали в цель на расстояния до сорока футов. Я прочитал энциклопедическую справку о стрелорогах и теперь знал, что стрелы отрастали за шесть недель. Но на следующий день после «выстрела» появлялась пара псевдострел, которые выглядели как настоящие, тем самым отпугивая хищников, которые могли бы напасть на стрелорога, видя, что животное беззащитно.

Псевдострелы усыхали и отпадали, когда отрастали настоящие.

— Есть на что посмотреть. Кто его убил?

— Охотник по фамилии Демосфен.

Я покачал головой.

— Никогда о нем не слышал.

— Он еще новичок.

— Он представил показания судьи?

— Нет. Он стрелял по контракту с музеем.

— Значит, музей направил с ним судью?

— Нет.

— Но ты же понимаешь, что музею не удастся оспорить мое решение, если вас не будет представлять судья?

— Нам требовался стрелорог. Если мы получили рекордиста, а я думаю, так оно и есть, тем лучше.

Пока Пруденс показывала Хильде остальную часть экспозиции и отдавала распоряжения касательно желто-лиловой птицы, я занимался замерами, чтобы убедиться, что Пруденс ничего не напутала. Наконец я проверил все, что хотел, и на карманном компьютере сравнил полученные результаты с текущим изданием «Брэкстона».

— Высота до холки девять дюймов четыре фута. Сто восемнадцатое место.

— Отлично! — Пруденс просияла. — Мы попали в книгу рекордов! — Она помолчала. — Как насчет рогов?

— Сто пятьдесят пятое место по длине, сто восемьдесят третье — по размаху, — ответил я. — Вашему охотнику следовало подождать еще пару недель.

— Сто восемьдесят третье по размаху, — несколько удивленно повторила Пруденс. — Я думала, он поднимется повыше. И сколько ты намерил?

— Шестьдесят семь и две десятых дюйма.

— А я — шестьдесят восемь и одну десятую.

— Ты, наверное, измеряла размах по остриям, — пояснил я. — И не обратила внимания, что правый рог чуть отклоняется в сторону.

Она посмотрела на правый рог, кивнула.

Я помолчал, потом продолжил:

— Длина от кончика носа до кончика хвоста тринадцать футов и три дюйма. Этого недостаточно. — Я повернулся к Пруденс. — Ваш стрелорог попадает в три категории из четырех.

— Что ж, не так уж и плохо, учитывая, что за последние сорок лет их активно отстреливают.

— Должен добавить, у вас отличные таксидермисты.

— Спасибо тебе.

Я помялся:

— Позволь задать тебе один вопрос.

— Насчет стрелорогов?

— Нет.

Она улыбнулась.

— Тогда — насчет слонов?

— С чего ты так решила?

— Хильда рассказала мне о твоей последней навязчивой идее.

— О моем последнем задании, — поправил я ее. — Я уверен, что Мандака побывал у тебя.

— Да, — кивнула Пруденс. — Но я не смогла ему помочь.

— Какое он произвел на тебя впечатление?

Она нахмурилась:

— Даже не знаю. Вроде бы очень вежливый, но что-то в нем мрачное, таинственное.

— Согласен с тобой.

Пруденс задумалась, вспоминая встречу с Мандакой. Наконец посмотрела на меня.

— Задавай свой вопрос.

— Он очень простой. Ты знаешь, за чем я охочусь. Они по-прежнему выглядят как бивни?

— Что-то я вас не поняла, — вмешалась Хильда. — Вроде бы мы решили, что ты ищешь пару слоновьих бивней.

— Бивни — это слоновая кость, а слоновая кость могла использоваться для разных целей, — пояснил я. — Мы знаем, что в четыре тысячи четырехсотом году Галактической эры они оставались целыми и невредимыми, но потом их могли разрезать на куски.

— Я в этом сомневаюсь, — покачала головой Пруденс. — Они наверняка прошли обработку, обеспечивающую их сохранение, возможно, не один раз. Слоновая кость со временем теряет влагу и становится хрупкой. — Она помолчала. — Владелец бивней... тот, кому они принадлежали в четыре тысячи четырехсотом году, имел представление об их стоимости?

— Сколько они тогда стоили? Мне это неизвестно. Но он знал, что стоят они немало, потому что застраховал их.

Она улыбнулась.

— Ты сам и ответил на свой вопрос. Ни одна страховая компания не выдала бы полис на необработанные слоновьи бивни. А молекулярная стабилизация слоновой кости используется с три тысячи сотого года Галактической эры.

— То есть они так и остались бивнями? — уточнила Хильда.

— Если слоновую кость стабилизировали, ни один режущий инструмент не оставит на ней следа, — ответила Пруденс.

— Ты очень облегчила мне жизнь, — улыбнулся я.

— Могу я еще чем-нибудь тебе помочь? — спросила Пруденс.

— Нет, если только не объяснишь, с какой стати современному, хорошо обеспеченному человеку сходить с ума из-за животного, которое умерло более семи тысяч лет тому назад.

— Хороший вопрос.

— У меня есть и другие. Почему именно Слон Килиманджаро? Откуда Мандака знает, что бивни все еще

существуют? Мне об этом ничего не известно, а компьютер работал на меня всю ночь.

— Тут вроде бы только что сказали, что эти бивни не возьмет ни один режущий инструмент, — подала голос Хильда.

— Да, вырезать на них что-либо или разрезать их невозможно, но сие не означает, что бивни нельзя уничтожить. Отчего он абсолютно уверен, что они целы и невредимы? И тут уж поневоле приходится возвращаться к первому и главному вопросу что заставляет человека, живущего в шестьдесят четвертом веке Галактической эры, вспоминать о животном, которое умерло за тысячу лет до начала самой Галактической эры?

— Я-то думала, что главный вопрос — где бивни? — заметила Хильда.

— Это не проблема, — отмахнулся я. — Через несколько дней бивни я найду. Надо только понять, где искать, а уж дальше компьютер разберется.

— Он ищет объект, пропавший более трех тысяч лет назад, который могло занести в любой уголок галактики, и говорит, что это не проблема. — Пруденс в изумлении покачала головой.

— Ты общалась с ним. И твои впечатления ничуть не отличаются от моих: чтобы добраться до бивней, он ни перед чем не остановится. По-моему, такой человек не может не разбудить любопытства.

— У меня возникло желание держаться от него подальше, — искренне ответила Пруденс.

— А у нашего любителя головоломок такого желания не возникло, — вставила Хильда. — Мандака — икс в его уравнении.

— Кстати о Мандаке. — Я повернулся к Хильде. — Хочу попросить тебя об одной услуге.

— У меня такое ощущение, что мне этого слышать не полагается. — Пруденс отступила на шаг. — Увидимся позже.

— Напрасно ты уходишь, — попыталась остановить ее Хильда. — Участвовать в его играх я не буду.

— У меня много дел. — И Пруденс направилась к саванне.

— Так что? — посмотрела на меня Хильда.

— Что-что? Ты знаешь, что мне нужно.

— Мы работаем на одном и том же компьютере. Сам все и выясняй.

Я покачал головой.

— Не могу. Я в департаменте поиска. Прежде чем компьютер выдаст нужную мне информацию, я должен получить разрешение в директорате, а на это уйдет не один день. Они могут даже запретить мне работать на него, если решат, что он слишком уж странный тип.

— И хорошо! — воскликнула Хильда. — По вашему разговору с Пруденс я поняла, что он действительно странный.

— Мы оба знаем, что рано или поздно я получу эту информацию, — терпеливо объяснил я. — Но ты работаешь в департаменте безопасности, Хильда, и можешь получить все интересующие меня сведения прямо сегодня.

— Сегодня я заниматься Мандакой не буду. Я же говорила тебе, мне есть чем заняться.

— Окажи мне личную услугу.

— Почему всякий раз, когда ты влезаешь в какую-то историю, я должна оказывать тебе личную услугу? Я когда-нибудь просила тебя оказать мне личную услугу?

— Как только я разберусь с бивнями, я приглашу тебя и Гарольда в любое увеселительное заведение.

— Я не вымогаю у тебя взятку, черт побери! — воскликнула она.

— Это не взятка, а изъявление благодарности, — отпаривал я.

— Поди отличи одно от другого.

— Мне действительно это нужно, Хильда. Задержись на пять минут и вытяни из компьютера его биографию. Больше пяти минут на это не уйдет.

— Сегодня мы с Гарольдом хотели пообедать в городе.

— Ты будешь изучать меню на пять минут меньше.

Она задумчиво посмотрела на меня, потом покачала головой.

— Если я задержусь, кто-то может спросить, в чем причина. Я займусь этим завтра утром. Будет выглядеть как рутинная проверка.

— Что-то должно быть в его досье, и это что-то укажет мне, почему ему так нужны эти бивни.

— Может, он просто импульсивный человек.

— Одной импульсивностью его поведение не объяснишь.

Обратно мы ехали в молчании, я думал о бивнях и Мандаке. А вечером мой компьютер ожил и сообщил, что нашел еще одного владельца бивней.

## ГЛАВА ТРЕТЬЯ

### ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ (5521 г. Г.Э.)

*Львы убежали с моей тропы, а самбуру с благоговейным трепетом смотрели на меня, когда я проходил мимо.*

*Я шел на юг не торопясь, никогда не удаляясь далеко от воды, уверенный в своих силах и знании территории. Я не голодал, я мог подобрать самую маленькую ягоду и выкорчевать самое большое дерево. Много раз я обдувал пылью спину, чтобы защитить ее от паразитов и обжигающих лучей солнца, и таким мощным было мое дыхание,*

что после того как я уходил, клубы пыли еще долго висели в воздухе.

Время от времени я встречался с другими слонами, но они чувствовали, что я не такой, как они, и в страхе ретировались.

Король мира обречен на одиночество, но так я жил всегда, с достоинством нес мантию своего величия, и земля сотрясалась от моих шагов.

Звали его Александр Коринд Краган Гамма Сигма Филлоб Нельсон Радиллекс Процион Алоит Бааскарда Бракк Астерион Нью-Холланд Дельта Гидра Галахин Зета Писим, и имя его росло с каждой новой захваченной им звездной системой.

Для книг по истории, для многочисленных биографов он выбирал другое, укороченное имя: Чингис Марк Александр Август Рекс.

Его армия и флот, когда речь заходила о нем, ограничивались одним словом: Главнокомандующий.

Жену он не видел уже девять лет, две любовницы надоели до смерти, мажордому он не доверял, его политический советник сбежал на планеты, контролируемые Олигархией, а первосвященник потребовал его смерти.

Денег у него было — не пересчитать, не то что потратить. Целые планетные системы платили ему дань, жили и умирали по его воле. Ему принадлежал роскошный дворец на Астерионе V, построенный в точном соответствии с его указаниями, и где-то в глубине имелась комната, где он выставил свои охотничьи трофеи: головы семи других главнокомандующих, армии которых пытались противостоять ему.

Он сидел в огромном тронном зале, окруженный верными гвардейцами, каждого из которых он отбирал сам. Трон его сработали из белых костей гигантских животных, обитающих на северном полюсе Астериона. На



спинке лежала шкура Мохнатого демона с Нью-Холланда, которого он убил на охоте. С обеих сторон трон обрамляли две колонны из слоновой кости — бивни легендарного слона (так ему говорили), добытые в ходе рейда на Внутренние планеты. Перед троном стояло чучело злобного вида ящерицы высотой в двенадцать дюймов, которое служило подставкой для ног. Стены украшали произведения искусства всех времен и планет, захваченные им в ходе многочисленных войн.

Главнокомандующий не любил синюю униформу своих войск и предпочитал ей наряд из шкур животных, убитых им в схватке один на один. Руки его, однако, всегда оставались голыми. Он гордился двумя глубокими шрамами, рассекавшими лицо, его черные курчавые волосы начали седеть на висках. Синие глаза с презрением смотрели на мир, ничего не упуская, не зная сострадания.

Слева от него, чуть позади стоял молодой человек хрупкого телосложения в строгом сером костюме. Многолетняя привычка ходить, не поднимая головы, привела к тому, что он казался меньше ростом. Справа от трона вытянулся по стойке «смирно» мужчина в парадной униформе со знаками отличия капитана гвардии.

— Он здесь, сэр! — доложил капитан и посмотрел на дверь.

В тронный зал, не выказывая ни тени смущения, вошел мужчина, высокий, чисто выбритый, кричаще одетый, словно пират давно ушедших дней. Длинные тонкие пальцы сверкали драгоценными перстнями, одежда постоянно меняла цвет, словно жила собственной жизнью, сапоги блестели в искусственном свете тронного зала.

Мужчина показал, что ножны его пусты, распахнул китель, широко улыбнулся, вытянул вперед руки, потом медленно повернулся на все триста шестьдесят градусов.

— В этом нет необходимости, — скучающе бросил Главнокомандующий. — Будь ты вооружен, тебя не пропустили бы в тронный зал.

— Это дань традициям, ничего больше, — ответил мужчина. — Я хочу, чтобы вы знали, что я пришел с миром.

— Если на то пошло, ты пришел по нужде, — ответил Главнокомандующий.

— Если вы так считаете, спорить не буду. А остальные уже прибыли?

— Только инопланетянин.

Мужчина нахмурился.

— А Синяя принцесса?

— Нет.

— Когда же они приедут?

— Я их не жду.

— Но я просил их приехать!

— Вероятно, мне они не доверяют. В отличие от тебя, Беллано.

— Доверие тут ни при чем, — отмахнулся Беллано. — Мне нужно кое-что сказать, и я не хочу, чтобы меня подслушали. А сигнал можно как зашифровать, так и расшифровать.

— Тогда, вероятно, причина их отсутствия в том, что моя помощь нужна им куда в меньшей степени, чем тебе.

— Они — дураки, и мы прекрасно обойдемся без них. — Беллано пожал плечами, как бы говоря, что эта тема закрыта. — Кто нам действительно нужен, так это инопланетянин.

— Послать за ним прямо сейчас или ты хочешь немного расслабиться?

— Полагаю, два давних друга могут пропустить по стаканчику, прежде чем заняться делами, — улыбнулся Беллано.

Главнокомандующий кивнул своему сыну, тот прошел к спрятанному в стене бару, наполнил два бокала.

— Прежде чем ты начнешь расслабляться, позволь напомнить, что мы не давние друзья и даже не новые.

— Тогда дружественные соперники.

— И это не так. В прошлом году ты уничтожил два моих корабля. Я этого не забыл.

— По чистому недоразумению, — без запинки ответил Беллано. — Вы же это понимаете, иначе не позволили бы мне прибыть сюда.

— Ты прибыл по делу. Так что не стоит питать иллюзий насчет дружбы. Я уверен, что сегодня мы услышим достаточно вранья. Так что нет смысла с него начинать.

Молодой человек принес поднос с двумя бокалами. Беллано взял один, повернулся к Главнокомандующему.

— За ваше отменное здоровье.

— Благодарю.

— За наш успешный, пусть и временный союз, — продолжил Беллано.

— За наш союз, — эхом откликнулся Главнокомандующий, в его глазах засверкали веселые искорки.

— Что-то не так?

— Я заметил, что ты не пьешь. А мне-то казалось, что тебя мучает жажда.

— Неприлично начинать пить раньше хозяина, — ответил Беллано.

— Не говоря уже о том, что это опасно, — согласился Главнокомандующий. Поднес бокал ко рту и осушил одним глотком. — Доволен?

Беллано учтиво поклонился и последовал его примеру.

— Ваш сын? — спросил он, указав на молодого человека.

— Да.

— Я заметил фамильное сходство.

— Правда? — сухо спросил Главнокомандующий. — А я вот его не замечаю. Джастин, поздоровайся с Беллано, владыкой Уинтергрин.

— Рад встрече с вами. — Джастин протянул руку.

— У меня такое ощущение, что я уже тебя видел. — Беллано всмотрелся в молодого человека.

— Возможно. Я попал на Маргейт IV аккурат после того, как вы подняли на планете свой флаг.

— Тебе следовало представиться.

— Ваши войска вырезали четверть населения планеты. Я счел, что такой момент — не самый удачный для знакомства.

Беллано добродушно рассмеялся.

— Умеешь же ты выбирать слова!

Джастин склонил голову.

— Благодарю вас, сэр.

— Позвольте ему присутствовать при нашем разговоре. — Беллано повернулся к Главнокомандующему.

— Есть ли на то причина?

— Мне он нравится. И потом, возможно, придет время, когда мне придется иметь дело с ним, а не с вами.

— До этого еще очень далеко, — усмехнулся Главнокомандующий. — Но от него секретов у меня нет, поэтому я не стану возражать против его присутствия. — Он коротко взглянул на сына. — Если он не будет забывать, что он зритель, а не участник.

Джастин согласно кивнул.

— Пора! — воскликнул Беллано. — Зовите нашего друга инопланетянина.

— Не хочешь сначала поесть?

— Почему бы нам не поговорить за едой?

— Едва ли тебе полезет кусок в горло, если ты будешь есть за одним столом с нашим инопланетянином, — усмехнулся Главнокомандующий.

— Неужели? А что он ест?

— Тебе не захочется это узнать, — заверил его Главнокомандующий.

— Вы наверняка правы, — согласился Беллано. Помолчав, добавил: — Что-то живое?

— К концу трапезы уже нет.

Беллано скорчил гримасу.

— Тогда давайте сначала поговорим. А не то, увидев, как он ест, я вообще не захочу с ним беседовать.

Главнокомандующий кивнул капитану гвардии, который подошел к двум гвардейцам и что-то им шепнул. Те незамедлительно покинули тронный зал.

— Раз уж вы знаете, что я безоружен, незачем держать охрану во время нашего разговора, — мягко заметил Беллано.

Главнокомандующий кивнул.

— Они уйдут.

— Красиво у вас тут, — улыбнулся Беллано.

— Грабеж — дело доходное, — усмехнулся Главнокомандующий.

— Полностью с вами согласен. — Беллано взял птичку, вырезанную из цельного денебского кристалла. — Полагаю, вы ничего не хотите продать?

— Такого желания у меня нет. Я завоеватель, а не торговец. — Он помолчал. — Если тебе понравилась эта безделушка, можешь ее взять.

— Правда?

— В честь нашего перемирия. Да и тебе не придется красть ее.

— Разве такое говорят потенциальному союзнику? — притворно ужаснулся Беллано. — Я полководец, а не вор.

Главнокомандующий пожал плечами.

— Тогда положи ее на место.

Беллано покачал головой и сунул птичку в кожаный кошель на поясе.

— Я лучше оставлю ее себе в память о нашей встрече.

— Я уже понял, что оставишь.

— Вы позволите мне продолжить осмотр вашей коллекции? — осведомился Беллано.

— Подарков больше не будет.

— Я все равно посмотрю.

— Как хочешь.

— Между прочим, а что это стоит по обе стороны вашего трона?

— Слоновьи бивни.

— Настоящие? — Беллано подошел поближе, чтобы получше их рассмотреть.

Главнокомандующий кивнул.

— Потрясающе. Когда умер последний слон?

— Пять или шесть тысяч лет тому назад.

— И где вы их взяли? — Беллано указал на бивни.

— Приобрел во время одной из экскурсий на Внутренние миры.

Беллано провел рукой по одному из бивней, одобритительно кивнул и продолжил осмотр произведений искусства, развешанных по стенам.

— Кстати, — он стоял перед абстрактной сине-зеленой голограммой, пытаясь понять, что же на ней изображено, — я надеюсь, вы не попытаетесь помешать мне, если отвергнете мое предложение?

— В этом нет необходимости, — ответил Главнокомандующий. — Если б ты мог добиться желаемого без моей помощи, ты бы сюда не пришел.

— Сэр... — подал голос охранник у дверей тронного зала.

Главнокомандующий повернулся и увидел темную фигуру, отдаленно напоминающую человеческую, с кожей цвета обугленного мяса, — существо прыгнуло на подоконник на высоте двенадцати футов от земли и застыло там, наклонившись вперед под углом сорок пять градусов.

— Тебе ничто не мешает? — спросил Главнокомандующий.

— Здесь мне уютно, — ответил инопланетянин. — Здесь я останусь.

— Ты — Миларрр? — спросил Беллано, не отрывая глаз от инопланетянина.

— Миларрр — я.

— Благодарю, что пришел.

— Я ожидаю больше чем «благодарю, что пришел», — ответил инопланетянин, обнажив в улыбке желтые клыки.

— И получишь больше, не беспокойся, — пообещал Беллано. — Начнем.

— Начнем, и стартуем, и двинемся, — согласился Миларрр, заурчав, словно гигантский кот.

Беллано повернулся к Главнокомандующему.

— Я уверен, что наша встреча фиксируется как микрофонами, так и голокамерами, но я чувствовал бы себя более уверенно при закрытых дверях.

Главнокомандующий посмотрел на Джастина, кивнул. Молодой человек прошел к дверям, приказал охранникам выйти, затворил массивные парадные двери тронного зала, а затем закрыл и все остальные.

— Ты уверен, что не хочешь спуститься? — спросил инопланетянина Беллано.

— Покой, безопасность, удовлетворенность, счастье, — ответил Миларрр, чуть изменил позу, наклонив пулеподобную голову, и Беллано увидел на его спине пару крыльев. Они не могли поднять инопланетянина в воздух, но, похоже, помогали сохранять равновесие.

— Позволь предложу тебе что-нибудь выпить, — продолжил Беллано.

— Летящие-в-ночи никогда не пьют человеческих опьянителей, нет, — ответил Миларрр.

— Как скажешь, — пожал плечами Беллано.

— Я скажу, начнем и двинемся.

— Полностью с тобой согласен. — Беллано выдержал паузу. — От абсолютно надежного источника в Олигархии я получил сведения о том, что через десять дней на Денивар II будет доставлен груз золота.

Летящий-в-ночи издал пронзительный крик, напоминающий паровозный гудок.

— Золото хорошо. Золото почетно. Золото ценно. Золото красиво. Золото тягуче. Золото...

— Золото хорошо охраняется, — оборвал его Главнокомандующий.

— На этот раз — нет, — уверенно заявил Беллано.

— Тогда почему тебе понадобилась моя помощь?

— Флот выделил конвой из трехсот кораблей.

— И ты полагаешь, что триста кораблей — ненадежная охрана? — улыбнулся Главнокомандующий.

— Вдвоем мы можем выставить куда более грозную армаду, так что о надежной охране говорить не приходится.

— Если только они не засекут нас за два дня до встречи и не позовут на помощь Двенадцатый и Четырнадцатый флота.

Беллано торжествующе улыбнулся.

— Подмоги не будет ни при каких обстоятельствах.

Главнокомандующий ответил долгим взглядом.

— С чего ты это взял?

— Об этом мало кто знает, но Двенадцатый флот надолго завяз в созвездии Андерсона. Консорциум из тридцати девяти горнодобывающих планет решил отделиться от Олигархии, и Двенадцатому флоту поручено этого не допустить.

— И почему ты думаешь, что они не пошлют подкрепления?

— Потому что эти тридцать девять планет куда важнее для Олигархии, чем груз золота. — Беллано понизил голос. — И вооружение у шахтеров оказалось куда лучше, чем ожидал Флот. Ситуация такова, что сам Двенадцатый флот ждет подкреплений. Горнодобывающие миры здорово его потрепали.

— А Четырнадцатый? — спросил Главнокомандующий.



— После Волярийской войны от него осталась только половина. И еще четыре месяца он никому не сможет чем-либо помочь.

Вновь засвистал Летящий-в-ночи.

— Ты думаешь, ты знаешь. Ты не знаешь. Максимум три месяца. Может, два и девять десятых. Может, два и восемьдесят пять сотых. Может, два и восемьдесят семь сотых. Ты не знаешь.

Беллано посмотрел на инопланетянина.

— Откуда тебе это известно?

Миларррр осклабился.

— Разве я не самое прекрасное и интеллектуальное из всех разумных созданий? Разве я не знаю об умирании дня и приходе ночи?

— Какое отношение смена дня ночью имеет к Четырнадцатому флоту? — спросил Беллано.

— Просто я знаю и об этом, — твердо заявил Летящий-в-ночи. — Три месяца. Может, два и девять десятых.

Беллано повернулся к Главнокомандующему.

— Три месяца, четыре, какая разница? По крайней мере он подтверждает мои слова. Флот еще три месяца будет зализывать раны, а мы собираемся ударить через восемь дней.

— Вроде бы ты упоминал о десяти.

— Я сказал, что через десять дней золото поступит на Денивар II. А напасть я предлагаю через восемь. Денивар неплохо вооружен. Опять же полицейские корабли. Легче разобраться с одним конвоем. — Он помолчал. — Так что?

Главнокомандующий покачал головой.

— Слишком уж просто у тебя получается.

— Иной раз простое решение — самое лучшее.

— Золото — самое лучшее, — промурлыкал Миларррр.

— Как проверить информацию о том, что Двенадцатый флот завяз в созвездии Андерсона?

— У вас есть соответствующие источники. Задействуйте их.

— Я предпочитаю справиться у твоих.

Беллано заулыбался:

— Это я понимаю.

— Если я не получу подтверждения, на мое участие не рассчитывай, — предупредил Главнокомандующий. — Так ты не хочешь сказать, к кому мне обратиться?

Беллано покачал головой.

— Я поклялся не называть имен.

— Когда тебя это останавливало?

— Туше, — улыбнулся Беллано. — Вы все равно им не поверите, хотя бы потому, что их имена назову вам я. Мне известно, что в Олигархии у вас есть свои источники информации. Так или иначе вы ими воспользуетесь, потому что ко мне доверия у вас нет.

— А насчет Четырнадцатого флота?

— Тут все просто. — Беллано указал на Летящего-в-ночи. — Его источники наверняка никак не связаны с моими, а информацию мы получили одинаковую.

— Почему Олигархия везет золото на Денивар II? — спросил Главнокомандующий. — Обычно такой груз следует в обратном направлении, с Внешних миров на Внутренние. Что произошло на этот раз?

— Думаю, я могу ответить на этот вопрос, отец, — подал голос Джастин.

— Я тоже могу, — раздраженно бросил Главнокомандующий. — Но я хочу услышать его ответ.

— Силы Флота слишком распылены, — ответил Беллано. — Человечество завоевало главенствующее положение в галактике, но Олигархии приходится постоянно охранять миллион миров плюс маршруты пассажирских и торговых перевозок. По-моему, в ближайшие годы Двенадцатый флот намерен пользоваться услугами наемников, расплачиваясь с ними золотом.

Главнокомандующий кивнул.

— Если это так, а я уверен, что другого быть не может, на это золото и купилась Синяя принцесса.

— Вы думаете, она им продалась? — спросил Беллано.

— Скорее нанялась на службу. Она узнала о золоте и решила, что такой путь к золоту — самый короткий. — Главнокомандующий задумчиво посмотрел на Беллано. — И кто, по-твоему, должен возглавить операцию?

— На Внешних мирах нет военачальника лучше вас. — Беллано поклонился. — Так что двух мнений быть не может.

— Твой флот пойдет на острие атаки.

— Это же корабли и люди, — пожал плечами Беллано. — И то и другое легко заменить, особенно людей. Добычу мы поделим на троих. А что каждый из нас выделит своим войскам — это уже никого не касается.

— Согласен, — кивнул Главнокомандующий. — И вот что еще. Ни при каких обстоятельствах мои корабли не пойдут в бой под моим флагом.

— Я бы предпочел, чтобы мы вообще обошлись без флагов.

Главнокомандующий покачал головой.

— Если я соглашусь, то мы поднимем флаг Синей принцессы. В конце концов Флот захочет найти и покарать злодея. Почему бы нам не подсказать, кого надо покарать.

— Превосходно! — улыбнулся Беллано.

— Следующий вопрос. У Летящих-в-ночи флота нет. Зачем они нам?

— Мы захватим двадцать семь тонн золота, от которых придется быстро избавляться. Так где же прятать его, как не в империи, объединяющей одиннадцать звезд, заселенных инопланетянами, и не имеющей политических контактов с Олигархией? Девять десятых осядет в их сейфах, а одна десятая появится на рынке в виде украшений в ближайшие десять лет.

— Может, одна двенадцатая, возможно, вероятно, — подтвердил Миларрр.

— А чем они расплатятся?

— Кредитками.

— Сколько? — спросил Главнокомандующий.

— Двадцать процентов от рыночной стоимости золота.

Главнокомандующий повернулся к инопланетянину.

— Совещание окончено. Можешь сидеть на своем месте хоть до скончания веков, толку не будет.

— Двадцать шесть целых и две тысячи двести тридцать одна десяти тысячная, — назвал новый коэффициент пересчета Миларрр.

Главнокомандующий не смог сдержать улыбки.

— Как тебе удалось так быстро все подсчитать?

— Не быстро, не тотчас же, не от фонаря, — заверил его Миларрр. — Это наше абсолютно последнее; крайнее, предельное предложение наверняка.

— Тридцать процентов, или мы ставим крест на проекте, — ответил Главнокомандующий.

— Хорошо, тридцать. — И Летящий-в-ночи перепорхнул на соседний подоконник.

Главнокомандующий посмотрел на Беллано.

— Сколько ты выставишь кораблей?

— Сто тридцать пять, может, сто сорок.

Главнокомандующий улыбнулся.

— Сто семьдесят пять.

— Мне столько не собрать.

— Вот видишь? Я же говорил, что для лжи время придет.

— Я же не могу оставить беззащитными собственные владения, — запротестовал Беллано.

— Ты и не оставишь. Если в операции будут участвовать сто семьдесят пять твоих кораблей, у тебя останутся еще двадцать семь.

— Двадцать девять, — поправил его Беллано.

— Придется мне переговорить с моими шпионами, — усмехнулся Главнокомандующий.

На мгновение в тронном зале повисла тишина.

— Как я понимаю, пора обговорить подробности, — нарушил молчание Беллано.

— Не стоит торопиться. Я еще не дал своего согласия.

— Да?

— Вот именно, — продолжил Главнокомандующий. — К примеру, не решено, как мы поделим золото.

— Я полагал, пятьдесят на пятьдесят, — ответил Беллано.

— Ты предоставляешь половину кораблей?

— Я предоставляю необходимую информацию.

— Которую я должен подтверждать по своим каналам.

— Мы можем разделить золото пропорционально количеству кораблей.

— Можем, но не будем.

— Почему?

— Потому что мои корабли, участвующие в операции, не составят трех четвертей.

— Вы хотите получить семьдесят пять процентов золота? — взревел Беллано. — Никогда!

Главнокомандующий пожал плечами.

— Как скажешь.

— Шестьдесят на сорок, — предложил Беллано.

— Названная мною цифра не подлежит обсуждению.

— Но вы обсуждали проценты с инопланетянином!

— Он мне понадобился бы, прими я решение об участии в операции. Золото ведь надо кому-то сбыть. Но шестьдесят процентов меня не устраивает.

— Лучше шестьдесят процентов от двадцати семи тонн золота, чем семьдесят пять от ничего, — заметил Беллано.

— Я же неставляю тебя за дверь. Я-то тебе нужен, а вот ты мне, если мы не сможем договориться, — нет. Я прекрасно обойдусь без тебя. — Он усмехнулся. — Да еще выстроится очередь мелких авантюристов, которые почтут за счастье поучаствовать в нападении на конвой за гораздо меньший процент.

— Я, между прочим, могу предупредить Флот!

— Если твоя информация подтвердится, а я не ударю палец о палец, не перепроверив ее, предупреждение Флота конвоем не поможет. Но одного ты добьешься: Флот припомнит нам наши грехи, чего ни тебе, ни мне не хочется. Но со мной справиться Флоту будет сложнее, чем с тобой. А теперь отвечай прямо: ты согласен на двадцать пять процентов или разговор считаем оконченным?

Беллано сверлил его яростным взглядом:

— Согласен.

— Я знал, что благоразумие возьмет верх.

— Что еще нужно сделать, прежде чем мы начнем готовиться к нападению на конвой?

— Сейчас я проверю достоверность твоей информации и способность Летящего-в-ночи упрятать двадцать семь тонн золота, не оставив следов, а потом решу, участвовать мне в операции или нет. — Он кивнул сыну, тот прошел к парадным дверям, распахнул их. — Вас отведут в ваши апартаменты, где вы сможете отдохнуть и перекусить. Встретимся через три часа.

— Где тебя носило, черт побери? — прорычал Главнокомандующий, едва Джастин вошел в его покои.

— Разговаривал с Летящим-в-ночи, — ответил Джастин. Он пересек комнату со сверкающим полом, сел в кресло ручной работы из дорадуйского дерева.

— Ты что, мазохист? — Главнокомандующий развернулся на кресле лицом к сыну, приказал двери закрыться. — Слушать его — одно мучение.

— Если ему что-то нужно, он изъясняется очень даже понятно.

— И что ему нужно?

— Слоновьи бивни.

— Это же охотничий трофей. На рынке за них не дадут и ломаного гроша. Зачем они ему?

Джастин пожал плечами:

— Если я не ошибаюсь, Летящие-в-ночи поклоняются животным. Они обожествляют размер и силу, а таких огромных зубов он никогда не видел. Он думает, что, заполучив бивни, он станет всемогущим.

Главнокомандующий хохотнул:

— Для этого требуется несколько большее, чем два куска слоновой кости.

— Я знаю, — кивнул Джастин. — Но он предложил заплатить сорок процентов от рыночной стоимости золота, если мы согласимся отдать ему бивни.

— Интересно. — Голос Главнокомандующего, однако, остался бесстрастным.

— Так что мне ему сказать?

— Естественно, откажи. Это же первое предложение. Давай поглядим, сколько он накинёт — Главнокомандующий помолчал. — И потом, нам есть что обсудить и без бивней. Пока ты болтал с Летящим-в-ночи, я получил подтверждение сведениям Беллано. — Он указал на портативный компьютер с личным гербом. — Все сходится.

— Тебя это удивляет? — спросил Джастин. — В конце концов сейчас он наш заложник. Он не мог не знать, что ты обязательно проверишь его информацию.

— И каково твое мнение?

— Насчет чего, отец?

— Насчет Беллано. Что, по-твоему, мне делать?

— Раньше ты никогда не спрашивал моего мнения.

— И теперь не собираюсь им руководствоваться, — отрезал Главнокомандующий. — Но ты присутствовал на совещании. Я хочу знать, сколь многому оно тебя научило. Так что бы ты сделал?

— Я бы отослал Беллано домой и забыл о его предложении.

— Почему?

— Нам это не нужно.

— Я-то думал, что двадцать семь тонн золота еще никому не мешали, — саркастически заметил Главнокомандующий.

— Нам не надо высовываться, — стоял на своем Джастин.

— Объясни. — Главнокомандующий достал большую сигару из украшенного драгоценными камнями ларца, раскурил ее.

— Я думаю. Флот не тревожит нас только потому, что мы очень далеко от зоны его деятельности. Миров, подчиняющихся Олигархии, здесь мало, а наше уничтожение потребует неадекватного расхода сил и средств. — Он помолчал. — А вот если мы нападём на конвой, у Флота появится веская причина навалиться на нас всей мощью.

— Такая возможность присутствует.

— Но ты в это не веришь.

Главнокомандующий покачал головой.

— Информация Беллано подтверждает то, о чем я догадывался и сам. Силы Флота слишком распылены. И он не может реагировать на каждый чих. В Олигархии больше миллиона миров, и везде Флот должен поддерживать порядок. — Он глубоко затыкнулся, выпустил струю дыма. — Они, возможно, и рады, что мы действуем в этом секторе. Мы держим под контролем сотню звездных систем, поддерживаем торговлю. Через пару столетий они, конечно, придут сюда на готовенькое.

— Тогда почему они назначили награду за твою голову?

— Разумеется, если какой-нибудь авантюрист сможет отправить меня к праотцам, они плакать не будут, — признал Главнокомандующий. — Но они не будут мешать таким, как я, править железной рукой, чтобы со временем присоединить наши владения к Олигархии.

— Ты готов поставить на кон свою жизнь? — спросил Джастин.

Главнокомандующий широко улыбнулся:



— Разумеется, нет. Но я с радостью поставлю на кон жизнь Беллано.

— Я не уверен, что понимаю тебя.

— Учись понимать, — жестко бросил Главнокомандующий. — Когда-нибудь все это станет твоим, и тогда тебе придется думать головой.

— Тебе незачем оскорблять меня, отец.

— Это еще большой вопрос. — В голосе Главнокомандующего еще слышалось раздражение. Потом он пожал плечами. — Ладно. Я согласен с тобой, потеря трех сотен кораблей Флоту не понравится. Если уж мы решим впутаться в это дело, нам надо указать им, кто злодей, иначе они сами решат, на кого обрушить свой гнев.

— И злодеем станет Беллано?

— Должен стать. Они никогда не поверят, что этим злодеем может быть Летящий-в-ночи. — Он пристально посмотрел на сына. — А ты поверил бы?

— Трудно сказать, — ответил Джастин. — Возможно, если получше их узнать...

— Олигархия не ставит своей целью понять мысли или действия инопланетян. Они ими правят или их уничтожают. Они будут искать врага среди людей, а флаг Синей принцессы одурачит их разве что на десять секунд.

— А как ты сумеешь убедить их, что им нужен Беллано?

— До того как конвой будет полностью уничтожен, я позволю им перехватить кодированное послание одного из подчиненных Беллано своему командиру. Они успеют передать его шифровальщикам Двенадцатого флота, и через несколько часов те узнают, кого надо искать.

— Если они его найдут, как гарантировать, что он нас не выдаст?

— Они найдут то, что от него останется, — ответил Главнокомандующий. — В битве его корабль будет уничтожен. Впрочем, как и практически все корабли его флота. —

Лицо Главнокомандующего озарила улыбка. — Он угрожает моей безопасности. Так почему не направить на него гнев Флота?

— Но он может заподозрить, что ты намерен предать его, и постарается обезопасить свою персону.

— Обязательно заподозрит и примет все мыслимые меры предосторожности. — Он откинулся на спинку кресла, заложил руки за голову, переплетя могучие пальцы, взгляд его остановился на голограмме последней любовницы, парящей над пультом управления, позволяющим наблюдать за любой комнатой дворца. — Флот Беллано примет на себя основной удар конвоя. Когда же мы разделаемся с конвоем, не составит труда добить оставшиеся корабли Беллано нашим Флотом. Мы также подложим пять или шесть тонн золота в разбитый флагман Беллано. В конце концов зачем Флоту искать золото по всем Внешним мирам? Эти пять-шесть тонн убедят их, что остальная часть груза уничтожена в пылу сражения.

— Ты думаешь, они в это поверят? — В голосе Джастина слышались нотки сомнения.

— Вероятность того, что поверят, достаточно велика, хотя я и намерен кое-что предпринять на случай, если не поверят. — Он помолчал. — Так или иначе, когда операция закончится, от его флота останется максимум пятьдесят кораблей. Их не хватит для защиты восемнадцати звездных систем. Я думаю, в течение года они перейдут под наш контроль. А потом мы примемся за Синюю принцессу. — Главнокомандующий улыбнулся. — У нас на руках все козыри.

— Значит, ты ввязываешься в это дело не из-за золота.

— Золото, конечно, мощный стимул. — Главнокомандующий с удовольствием попыхивал сигарой. — Но мой главный мотив — устранение конкурентов.

— Не могу поверить, что все будет так легко, как ты говоришь.

— Какая уж тут легкость. Многие достойные мужчины и женщины сложат головы в этой борьбе.

— Ты знаешь, о чем я.

— Если б я постоянно колебался, не зная, что предпринять, не стал бы я Чингисом Марком Александром Августом Рексом. Армии и планеты — что люди. Лучше всего они откликаются на решительные действия своих лидеров. — Он всмотрелся в сына. — Это ты должен осознать, если надеешься удержать то, что мне удалось собрать. Если решение принято, нельзя ограничиваться полумерами. Мы не можем украсть у Флота часть золота, не можем частично обмануть Беллано, не можем захватить лишь половину планет, контролируемых Синей принцессой. Надо брать противника за горло, а если уж взял, так не отпускать. — Главнокомандующий задумался, пытаясь уложить свою мысль в одно предложение. — Всегда надо стремиться получить по максимуму, но само это не дается.

— Я запомню твои слова, отец, — кивнул Джастин.

— У того, кто стоит на вершине, нет друзей и союзников. Его окружают лишь подчиненные и враги, и каждый из первых всегда может перейти во вторые.

— Ты мне это уже говорил.

— И буду говорить, пока не запомнишь мои слова так же хорошо, как свое имя. — Он наклонился вперед. — А теперь насчет Летящего-в-ночи... Тридцать процентов рыночной стоимости золота — это смешно.

— Так давай отдадим ему бивни и получим сорок процентов.

— Нет.

— Почему нет?

— Потому что я не понимаю, зачем ему золото, и не доверяю тому, чего не могу понять. — Главнокомандующий помолчал. — Мы продадим ему пять тонн, не больше.

— Если тебе не нравится цена, зачем вообще продавать? — спросил Джастин. — У нас останется только шестнадцать или семнадцать тонн.

— Потому что золото всего лишь средство достижения цели. Всегда есть шанс, что Флот разгадает нашу шараду... А если они решат, что Беллано забрал не все золото, и начнут обшаривать Внешние миры в поисках остального, я хочу помочь им в поисках. Если устранение Беллано обойдется нам в пять тонн золота, почему не отдать еще пять за гарантии того, что Флот никогда не узнает, как все было на самом деле.

— Но Летящий-в-ночи сообщит Флоту, что остальное золото у нас.

— А я заявлю обратное. Олигархия склонна верить людям и не доверять инопланетянам. Опять же мы избавимся от нашего золота задолго до того, как они начнут задавать вопросы. — Главнокомандующий всмотрелся в сына. — Ты сомневаешься?

— Надо быть очень осторожным, предавая существ, которых не понимаешь.

— Но я их понимаю! Потому-то я и Главнокомандующий.

— Да, отец, — склонил голову Джастин.

Прошло одиннадцать дней, налет на конвой завершился в полном соответствии с намеченным планом. Беллано погиб. Флот, по крайней мере официально, поверил, что удалось вернуть все золото, уцелевшее после уничтожения флагмана Беллано. Главнокомандующий потерял только шестьдесят три корабля. В Олигархии в рейде винили только Беллано.

Главнокомандующий сидел на троне, с хрустальным бокалом в руке, положив одну ногу на чучело ящерицы, смакуя вкус победы. Джастин стоял рядом, тоже потягивая вино, а Миларррр устроился на подоконнике в двенадцати футах от пола.

— Все прошло более гладко, чем я ожидал, — говорил Главнокомандующий. — Я не рассчитывал, что груз золота, оставленный на флагмане Беллано, их обманет.

— Тебя есть с чем поздравить, отец, — откликнулся Джастин. — Добавить вина в твой бокал?

Главнокомандующий кивнул, протянул ему бокал.

— Спасибо. Спроси нашего друга, не хочет ли он составить нам компанию.

— Нет, нет, нет, нет! — тут же зачирикал Миларрр. — Я не употребляю опьянителей.

— Можем мы ему что-нибудь предложить? — спросил Главнокомандующий.

— О да, о да. — Летящий-в-ночи легко соскочил на пол и шагнул к бивням. — Вот что пьянит по-настоящему. — И он положил руку на больший из бивней.

— Ты счастлив, просто прикасаясь к нему? — удивленно спросил Главнокомандующий.

— Он сияет могуществом, светится, сверкает, — объяснил инопланетянин.

— И ты думаешь, что могущество перейдет на тебя? Миларрр улыбнулся.

— Когда мы соприкасаемся, я бессмертен.

— Главное, чтобы ты был доволен, — пожал плечами Главнокомандующий.

— Доволен, и счастлив, и бессмертен.

— Тем лучше для тебя. Пятьдесят процентов.

— Нет.

— Может, пятьдесят один, возможно, вероятно.

— Я об этом подумаю.

— Хорошо! Подумай, поразмысли, пообсуждай, взвесь, а потом мы поговорим, поторгуемся, заключим сделку, произведем обмен.

Главнокомандующий осушил бокал.

— А пока давай сменим тему. — Он повернулся к сыну. — Местонахождение оставшихся кораблей Беллано определено?

Джастин кивнул:

— Да, отец. У него осталось пятьдесят пять кораблей, и координаты всех внесены в наши компьютеры.

— Несколько дней уйдет у нас на перегруппировку, а потом мы ударим по ним, прежде чем появится новый лидер и соединит их в единый кулак. — Главнокомандующий протянул бокал. — Прекрасное вино. Налей мне еще.

Джастин покачал головой.

— По-моему, ты выпил достаточно, отец.

— С каких это пор ты стал решать, сколько мне пить? — Главнокомандующий попытался встать и с изумлением обнаружил, что ноги его не держат.

— Ты выпил достаточно, чтобы умереть, — спокойно ответил Джастин.

— Ты сошел с ума? — взревел Главнокомандующий. — Ты понимаешь, что говоришь?

— Уверяю тебя, смерть будет совершенно безболезненной. Потеря чувствительности в конечностях, чувство холода, и все.

— Охрана!

— Они не придут, отец, — усмехнулся Джастин. — Теперь они работают на меня.

— Но почему? — вырвалось у Главнокомандующего.

— Твое время прошло, отец. Вольница кончилась. — Джастин помолчал. — Ты поверил ложной информации, которую я подсунил Беллано и другим твоим источникам. После этого у меня не осталось ни малейших сомнений, что твои дни сочтены. Неужели ты действительно думаешь, что самая мощная военная машина галактики позволит горстке авантюристов править целыми звездными системами и собирать с них дань? Как ты мог подумать, что флот не сможет обеспечить груз золота надежной защитой, способной отразить любую атаку?

— Но мы победили! — запротестовал Главнокомандующий. — Мы их уничтожили!

Джастин покачал головой:

— Ты уничтожил корабли с неукомплектованными командами, перед которыми ставилась лишь одна задача: нанести максимальный урон Беллано, а уж потом капитулировать. Сначала я думал разрешить флоту прислать тысячу кораблей поддержки, чтобы уничтожить и наш флот, но потом решил, что он мне еще понадобится, прежде чем пойдет на слом.

— На слом? Да что...

— Побереги силы, отец. У тебя их осталось совсем немного. Пока ты воевал с себе подобными, стремясь стать властелином Внешних миров, я по своим каналам убедил флот, что лучше иметь дело с одним губернатором, чем с дюжиной главнокомандующих.

— Ты? — ахнул Главнокомандующий.

— Именно. Разве ты не учил меня проявлять инициативу? В качестве жеста доброй воли я преподнес им Беллано и его флот, через день или два они арестуют Синюю принцессу. Твоя смерть окончательно убедит их, что со мной можно иметь дело. В конце концов до тебя они хотели добраться больше всего.

— Ты все уничтожил, — прошептал Главнокомандующий.

— Ерунда, — отмахнулся Джастин. — Со временем ты потерял бы свою империю в схватке с более сильным противником, или ее потерял бы я. Я никогда не стремился в военачальники. В этом я не силен, да и не развернешься на этой должности. Ты подмял под себя тридцать звездных систем, я же как губернатор буду править ста шестьюдесятью семью. Разумеется, сначала нам придется кое от кого избавиться, но флот с радостью мне поможет.

— А золото?

— Я возьму тонну за свои хлопоты, а остальное возвращу на казначейский планетоид в системе Делурса. Посылать его сюда не было особой нужды. К услугам наемников

флот практически не прибегает, а если случается, то платит наличными. Эти двадцать семь тонн золота послужили наживкой, которую Беллано и проглотил, заключив с тобой союз ради нападения на конвой.

— Умный ход, — едва слышно прошептал Главнокомандующий.

— И я того же мнения, — согласился Джастин. — Одним ударом я более чем в четыре раза увеличил твою империю да еще приобрел в союзники Олигархию. — Он помолчал. — Я все сделал правильно, отец? Ты одобряешь мои действия?

— Ты допустил ошибку. — Джастину пришлось нагнуться, чтобы услышать отца.

— О? Какую же?

— Тебе следовало убить инопланетянина. Теперь у тебя нет для него золота.

— Миларрра? С ним проблем не будет. Ему вполне хватит слоновой кости.

— Ты дурак, — выдохнул Главнокомандующий и умер.

Джастин выпрямился, повернулся к Летяшему-в-ночи.

— Он мертв.

— Печально, и трагично, и душераздирающе, и неизбежно. — Инопланетянин все поглаживал большой из бивней — А теперь обсудим золото, которое хорошее, и блестящее, и прибыльное.

— Золота не будет, — ответил Джастин.

— Нет золота? Нет золота? Но я видел золото!

— Только одну тонну, и оно нужно мне самому.

— Но здесь я!

— Я знаю, ты здесь ради золота, но я думаю, что мы сможем найти взаимоприемлемое решение.

— Взаимоприемлемое, и разумное, и справедливое. Ты предлагаешь, я отвергаю.



— В знак доброй воли я хотел бы передать тебе эти бивни.

— Бивни! — воскликнул Миларрр, взлетев на больший из них. — Бессмертен и непобедим я!

— Вот и хорошо.

Миларрр недобро посмотрел на Джастина.

— Теперь золото.

— Для тебя золота нет.

— Я знаю, где оно, — напомнил Летящий-в-ночи.

— После твоего отъезда я перенесу его в другое место.

— Я возьму его с собой.

— Ничего ты с собой не возьмешь! — Джастин повернулся к двери. — Охрана!

— Грустно и печально, они не придут.

— Почему?

— Потому что я их перебил.

— Ты? Как?

— Я, очень просто.

Миларрр вытянул вперед руку с когтями-пальцами, и внезапно Джастин упал на колени, хватаясь руками за горло.

— Бивни у меня, — спокойно продолжил Миларрр. — Я бессмертен. Я непобедим. Я правлю вечностью и бесконечностью. Даже Олигархия теперь меня не тронет.

— Ты сумасшедший! — прохрипел Джастин. — Они найдут мой труп и выследят тебя!

— Им до меня не добраться. Я самый могучий из воинов. У меня бивни!

— Они были и у моего отца, но не принесли ему бессмертия! — выдохнул Джастин.

— Есть разница. — Миларрр прыгнул на пол.

— В чем она?

— У меня нет сына.

## ТРЕТЬЯ ИНТЕРЛЮДИЯ (6303 г. Г.Э.)

— Дункан?

Я пробормотал что-то нечленораздельное и перека-  
тился на бок.

— Дункан!

Чья-то рука энергично трясла мое плечо.

— Что случилось? — Я резко сел, едва не ударив го-  
ловой склонившуюся надо мной Хильду Дориан. — Я  
проспал?

— Нет.

— О. — Я еще не пришел в себя, и сердце стучало,  
как паровой молот. — Который час?

— Ровно семь.

— Вечера? Утра?

— Утра, — ответила она. — Я вижу, ты и эту ночь  
провел в кабинете.

Ко мне вернулась способность соображать.

— Я вновь нашел бивни, почти через двенадцать сто-  
летий после их последнего появления.

— Правда? Когда и где?

— На Внешних мирах, в пять тысяч пятьсот двадцать  
первом году Галактической эры.

— Менее чем в восьми столетиях от наших дней, —  
уточнила Хильда.

— Но есть проблема.

— Проблем больше, чем ты думаешь.

— Правда.

— Давай сначала послушаем твою.

— Бивнями завладел инопланетянин, так что мне  
пришлось задать компьютеру другое направление поиска. — Должно быть, я уснул, пока ждал информацию.

— Хочешь кофе? — слишком уж заботливо спросила  
Хильда.

— Не сейчас.

— Ты уверен? — настаивала она.

— Да, уверен. С чего такое стремление напоить меня кофе?

— Есть проблема посерьезнее поиска инопланетного владельца бивней, и я хочу, чтобы ты полностью проснулся.

— Я проснулся, встал, потянулся. Что ты собираешься мне сказать?

— Сегодня я пришла на работу пораньше и заказала досье Мандаки.

— И что?

Она долго смотрела на меня, словно решая, проснулся я или нет.

— Его не существует.

Я нахмурился:

— Что значит, его не существует? Он приходил в этот самый кабинет. Он перевел деньги на мой счет. Я на него работаю.

— Знаю, — мрачно кивнула она. — Но официально он не существует.

— Компьютер, покажи голограмму Букобы Мандаки, — приказал я.

Над компьютером возник образ Мандаки.

— В твоём компьютере он есть, а в архивах Содружества отсутствует.

— Ты проверяла его голосовой слепок и ретинограмму? Может, Мандака — вымышленная фамилия.

— Компьютер сейчас этим и занимается. Пока безрезультатно.

— Галактика большая. Рано или поздно он его найдет. — Я подумал о других направлениях поиска. — Что еще ты выяснила?

— Его идентификационный номер фальшивый, паспорт — подделка, генеалогическая программа не может назвать родителей.

— Бред какой-то. Вы проверяли его кредитоспособность, прежде чем я получил разрешение на эту работу?

— Проверяли. — Она хмурила брови. — В двух банках у него на счету более пяти миллионов, но я не могу определить источник его денег.

— А адрес?

— Компьютерный терминал в Городском центре.

— Он платит налоги?

— У меня нет допуска в компьютер Казначейства.

— Можешь его получить?

— Если я зайнусь об этом, станет известно, что я проверяю Мандаку. Поэтому я решила сначала переговорить с тобой.

— Дельная мысль, — согласился я. — Если ты расскажешь об этом кому-то из начальства, мне прикажут прекратить поиск бивней.

— Может, это наилучший выход? Пока мы не выясним, кто он?

— А какая, собственно, разница? Ты сама сказала, что деньги у него настоящие.

— Но мы ничего о нем не знаем. Вдруг он преступник?

— Возможно, он именно тот, за кого себя выдает, — отрезал я. — Если я не найду бивни, мы тем более не узнаем, кто он. Он просто исчезнет и наймет кого-нибудь еще.

— Мне следовало предугадать твою реакцию, — вздохнула она. — Тебе лишь бы найти эти чертовы бивни!

— Как только я их найду, я заставлю его рассказать, кто он и зачем они ему понадобились, — пояснил я. — А пока мне нечем его прижать.

— Как бы он не прижал тебя. И не отправил к пратоцам.

Я пренебрежительно хмыкнул.

— Никто не убьет меня, когда мой компьютер фиксирует все происходящее.

— Человека без прошлого, настоящего и будущего это не остановит. Ведь его личность компьютеру неизвестна.

— У него есть лицо, костная структура, пальцы, глазная сетчатка. Даже если полиция не будет знать его имени, они будут знать, кого искать. — Я улыбнулся Хильде. — Благодарю за заботу, Хильда, но необходимости в этом нет. Я найду бивни через два или три дня. За два прошедших вечера я уже отследил их историю на протяжении двух с половиной тысяч лет, так что осталось всего лишь восемьсот. А как только я выясню местонахождение бивней, мы узнаем, кто такой мистер Мандака и почему ему так отчаянно хочется заполучить охотничий трофей, о котором никто не знает и который никому другому не нужен.

— А если он откажется говорить?

— Он скажет, — твердо заявил я.

— С чего такая уверенность?

— Ты не видела его лица, когда он говорил про бивни. А я видел. Он сделает все что угодно, лишь бы заполучить их.

— Включая убийство?

— Ты абсолютно права. Но в данном конкретном случае убийство не приведет его к бивням. А правда — приведет.

Хильда долго смотрела на меня.

— Очевидно, ты не хочешь, чтобы имеющаяся у меня информация вышла за пределы этого кабинета.

— Ни в коем случае!

— Я соглашусь держать рот на замке только при двух условиях.

— Каких же? — полюбопытствовал я.

— Я лично запишу все твои будущие встречи и разговоры с Мандакой.

— Согласен, если ты не будешь вмешиваться в наше общение и не дашь ему знать, что ведется запись.

— Если через три дня эта история не завершится, я пойду в совет директоров и полицию и расскажу все, что знаю.

— Но ты ничего не знаешь, — указал я. — Я знаю: человек, который теоретически не существует, располагает кредитной линией в пять миллионов. Я знаю: есть человек, о котором обществу ничего не известно, хотя данные о нем должны храниться в пятидесяти миллионах банках памяти. Я знаю: существует человек, который, по твоей же оценке, способен на убийство. Неужели ты думаешь, что такая информация никого не заинтересует?

— А если на поиск бивней у меня уйдет пять дней? Или семь? Вдруг у инопланетян нет архивов? Они не присоединились ни к Олигархии, ни к Содружеству. А вдруг они уже вымерли? Ты не можешь ограничивать меня тремя днями!

Она обдумала мои слова.

— Ладно, в чем-то ты, возможно, и прав. Если ты не найдешь бивни через три дня, я дам тебе шанс вновь изложить свою точку зрения. Но я тебе ничего не обещаю.

— Это неприемлемо! — рявкнул я.

— Есть другой вариант — я пойду к начальству тотчас же.

Я жег взглядом ее, она — меня.

— Хорошо, — пробормотал я. — Договорились.

Она хотела сказать что-то еще, но передумала и вышла из кабинета.

Я встал, приказал двери никого не впускать, разделся, встал под молекулярный душ, устроенный в стеной нише.

— Включайся, — приказал я.

— Исполнено.

— Компьютер?

— Да?

— Нашел что-нибудь еще?

— Нет. Об инопланетянах, известных как Летящие-в-ночи, информации очень мало.

— Сколько еще времени до начала работы «Брэкстона»?

— Один час, пятьдесят одна минута и девятнадцать секунд.

— Какой процент твоей мощности в моем распоряжении?

— Шестьдесят три и двадцать семь сотых.

— Всего?

— Я готовлю здание к приходу сотрудников и работаю для тех, кто уже прибыл.

— Очень хорошо. Из располагаемой мощности половину используй на Летящих-в-ночи. Попытайся узнать, что стало с бивнями после того, как они попали к Миларрру.

— Приступаю...

— А теперь затени окно, пока я не оденусь.

— Исполнено.

Я вышел из душа, остановился перед светящимся кристаллом.

— Оставшуюся половину мощности используй для получения максимума информации о Букобе Мандаке.

— В официальных архивах отсутствует досье Букобы Мандаки.

— Мне известно, что ты проводил проверку только по архивам Монархии. Но ведь можно посмотреть и в других местах.

— Жду указаний...

— Прежде всего материалы, имеющие отношение к масаи, если они существуют.

— Понятно. Приступаю...

— Далее, выясни, имеют ли слова «Букоба» и «Мандака» какое-нибудь значение на диалекте масаи.

— Понятно. Приступаю...

— А теперь включи мне музыку.

— Желаете что-то конкретное? — спросил компьютер.

— Концерт Барджиина си-минор.

— Исполняю. — И мой кабинет наполнила атональная инопланетная музыка.

— Вот и славненько. — Голый, я прилег на кушетку. — Сделай мне легкий массаж.

— Исполняю, — ответила кушетка.

Кушетка приняла контур моего тела, завибрировала.

— И прогрей поясницу. Что-то она затекла.

— Прогреваю.

— Благодарю. — Я повернулся к кристаллу. — Существует официально Мандака или нет, какие-то следы он обязательно оставил. Мы знаем, что до того как прийти ко мне, он побывал у Пруденс Эш в Музее естественной истории. Проверь все музеи и частных коллекционеров, собирающих земных животных. Начни с этой звездной системы, потом проверь соседние и иди дальше. Я хочу знать, побывал ли он где-нибудь еще или сразу приехал сюда.

— Понятно. Приступаю...

Я помолчал, наслаждаясь музыкой Барджиина, стараясь раствориться в экзотических ритмах.

— Свяжись с Советом риэлтеров, со всеми агентствами по аренде недвижимости и отелями и выясни, не арендовал или не покупал ли Букоба Мандака или человек, на него похожий, жилые апартаменты на этой планете.

— Понятно. Приступаю... Я проверил все словари масаи, имеющиеся в лингвистическом банке памяти и на Делурсе VIII. Букоба — традиционное имя у масаи. Мандака — традиционное имя в Восточной Африке, распространенное среди масаи, кикуйю, луо, вакамба и самбуру. Ни одно из имен не имеет какого-либо значения.

— Что ж, догадка не подтвердилась, — вздохнул я.

— Будут дальнейшие указания?

— Давай посмотрим, как у него поставлен сбор информации. Я хочу, чтобы ты дал рекламное объявление



от лица человека, унаследовавшего коллекцию охотничьих трофеев. Коллекция ему совершенно не нужна, и он хочет продать ее тому, кто даст самую высокую цену. Включим в коллекцию бофайтера, кошачьего демона, несколько хищников небольших размеров и пару слоновых бивней.

— Где опубликовать объявление?

— В тридцати тысячах световых лет от этой планеты.

Над кристаллом появилась голограмма галактики. Семь точек мигали ярко-синим светом.

— Мигают планеты, входящие в Монархию и находящиеся на расстоянии от тридцати тысяч трехсот сорока шести световых лет до тридцати одной тысячи ста двенадцати.

— Какая ближайшая?

— Нелсон двадцать три.

— Люди живут на двадцать третьей планете от солнца? — удивился я.

— Нет. Эта планета единственная в системе.

— Тогда откуда это число?

— Это двадцать третья по счету планета, приспособленная под земные условия Нелсоном, членом Корпуса первопроходцев, который жил и умер во втором столетии Галактической эры. Жители называют планету Зеленый луг.

— Население?

— Семьдесят две тысячи триста сорок девять человек.

— Годится. Помести объявление во всех средствах массовой информации, какие захотят его опубликовать. Все отклики должны направлять в наш филиал на Геновате II, а оттуда — ко мне.

— Приступаю...

Я начал одеваться. Подумал о том, чтобы сходить домой за чистой одеждой, но решил не тратить времени и просто изменил цвет одежды на оранжево-коричневый.

— Дай-ка мне посмотреть на себя со всех сторон.

Тут же рядом со мной возник мой близнец и начал медленно поворачиваться. Я пристально осмотрел его и решил, что Хильда может и не заметить, что я остался в прежнем одеянии. Кроме того, забот у нее хватало, так что, возможно, я мог и не услышать от нее привычной лекции о необходимости почаще менять одежду.

— Благодарю.

Моя голограмма исчезла.

— И вот что еще.

— Ожидаю...

— Я хочу, чтобы ты связался с полицейским компьютером и узнал, не арестовывался ли в последние двадцать лет человек с приметам Мандаки.

— Результат будет отрицательный, — тут же ответил компьютер. — Если б его арестовывали, в Содружестве имелись бы его голосовой слепок и ретинограмма.

— Хорошо. Больше указаний не будет.

— Приступаю...

Я вернулся на кушетку. Что-то мне мешало, и тут я вспомнил, что просил прогревать спину. Тут же дал команду убрать подогрев.

Подумал, не заказать ли завтрак, но решил поспать еще час, до начала рабочего дня. И вроде бы только закрыл глаза, как меня разбудил компьютер.

— Дункан Роджас?

— Да. — Проснулся я мгновенно.

— Я выяснил, что произошло с бивнями после того, как они попали к Миларрру.

— Превосходно!

Компьютер молчал.

— В чем дело?

— Я обязан указать, что «Уилфорд Брэкстон» начинает работу через две минуты и семь секунд. За столь короткое время я не смогу изложить имеющуюся у меня информацию.

— Так я начну работу чуть позже.

— Мне разрешено вести розыск бивней лишь в то время, когда вы не работаете на «Уилфорд Брэкстон».

— По ходу рабочего дня я всегда делаю перерыв на ленч. Сегодня я использую это время с самого утра. Тебя это устроит?

— Я должен определиться. — Кристалл на пару мгновений стал кроваво-красным, потом к нему вернулся обычный цвет. — Да, меня это устроит.

Я наклонился вперед, и компьютер рассказал о следующем этапе удивительной одиссеи бивней.

## ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

### ВОРОВКА (5730 г. Г.Э.)

*Ранним утром я спустился в Рифтовую долину, где под покровом тумана и испарений пряталось озеро Богория. Я напился, не обращая внимания на двух буйволов, которые недовольно смотрели на меня.*

*Время от времени я жалел, что рядом со мной нет молодых спутников. Я мог бы научить их всему, что знал, именно так передается накопленная мудрость от одного поколения другому, но, хотя многие видели меня, никто не решился подойти. Слишком я огромен, и все взирают на меня с благоговейным трепетом.*

*Я решил двинуться дальше, следуя пути, проложенному много десятилетий назад. Когда я похлопал ушами, чтобы остудить кровь, тысячи птиц с криком поднялись из окрестных кустов. Я посмотрел на них, а потом повернул голову к югу.*

Таити Бено налила в бокал алфардского бренди, откинулась на спинку кресла и всмотрелась в голограмму

двух огромных бивней, подвешенных во времени и пространстве над ее компьютером.

— Пожалуйста, поверни их на триста шестьдесят градусов, — попросила она, и бивни начали медленно вращаться.

— Еще раз назови их вес.

— Двести тридцать семь и двести двадцать пять фунтов на первом аукционе в тысяча восемьсот девяносто восьмом году Нашей эры, двести двадцать шесть и двести четырнадцать фунтов при контрольном взвешивании в тысяча девятьсот тридцать втором году Нашей эры, четыреста восемьдесят семь и двадцать две сотых и четыреста пятьдесят девять и сорок восемь сотых галактических стандартных килограммов при взвешивании перед молекулярной стабилизацией в три тысячи двести восемнадцатом году Галактической эры.

Не отрывая взгляда от бивней, она пригубила бренди.

— Покажи мне их владельца.

Бивни исчезли, уступив место тощему, жилистому Летящему-в-ночи.

— Это Мегланн, — пояснил компьютер. — Называет себя официально избранным премьер-министром Винокса IV, но на самом деле он офицер низшего ранга, захвативший власть на Виноксе одиннадцать стандартных лет тому назад.

— Одиннадцать лет, — повторила она. — Предпринимались попытки свергнуть его?

— Три. Все неудачные.

— Что случилось с претендентами на пост премьер-министра?

— Их ликвидировали.

— Хорошо его охраняют?

— У него личная служба безопасности из пятидесяти семи Летящих-в-ночи, которые посменно охраняют его круглые сутки. Его всегда окружает не менее девяти телохранителей, даже в собственном доме.

— Где он держит бивни?

— Они выставлены в Правительственном комплексе.

— Странное название для музея.

— Это не музей. Там размещены центральные органы управления Винокса IV.

— Как я понимаю, бивни под постоянной охраной?

— Весь комплекс под постоянной охраной. Об охране бивней мне ничего не известно.

— В Правительственном комплексе работают люди?

— Проверяю... Нет и никогда не работали.

— У них есть какие-нибудь программы обмена с Олигархией?

— Нет.

Таити задумалась.

— Хорошо. А теперь покажи мне бригаду реставраторов, которых выписали на Винокс, чтобы заделать трещину, появившуюся в большем из бивней.

Над компьютером появились несколько инопланетян, все очень высокие, очень синие и абсолютно лысые.

— Людей в эту бригаду не включали?

— Нет.

— Кто руководитель?

Голограмма выбрала высокую, синюю женщину.

— Тсавос Твизир, возраст сто шесть стандартных галактических лет. Профессиональный реставратор, дипломы университетов на Лодине XI и Канфоре VI, работает по договорам уже более шестидесяти лет.

— У нее свой корабль?

— Да.

— Понятно, — кивнула Таити. — Пока слабых мест нет. Продолжим поиск. Кто посол Олигархии на Виноксе IV?

Инопланетянка исчезла, уступив место полноватому мужчине средних лет.

— Амброз Ситон, сорок семь лет, ранее посол на Голдене, ранее личный адъютант адмирала Исаака Киндлемера.

— Голден? — Она вопросительно изогнула бровь. — Главный торговый центр Внутренних миров?

— Совершенно верно.

— А Винокс даже не входит в Олигархию. Едва ли этот перевод можно рассматривать как повышение по службе. — Она задумчиво смотрела на голограмму. — Почему он ушел от Киндлемьера?

— Информация засекречена. У меня доступа нет.

— Может ли такой переход рассматриваться как понижение?

— Если исходить из величины жалованья, то нет.

— А если считать критериями власть и влияние?

— Да.

Она позволила себе улыбнуться.

— Думаю, мы нашли ниточку, за которую можно потянуть. Компьютер, переключись в личностный режим.

— Исполнено.

— Так что у нас есть по Амброзу Ситону?

— Хорошо образованный, но лишенный воображения чиновник, абсолютно преданный Олигархии. Засыпает Делурос VIII посланиями, в которых просит разъяснений по тем или иным протокольным вопросам. Отсюда можно сделать вывод, что чувствует он себя очень неуверенно. Не привык полагаться на себя, с интуицией у него слабовато — ему недостает всего того, что просто необходимо послу на Внешних мирах, где многие решения приходится принимать на свой страх и риск, без одобрения Олигархии.

— В чем состояли его проступки, стоившие двух прежних постов?

— Эта информация засекречена.

— Он доволен теперешней работой?

— Он уже дважды просил перевести его на одну из планет Олигархии, из чего следует, что теперешняя работа ему не по душе.

— Все теплее и теплее. Выйди из личностного режима.

— Исполнено.

— Ты, разумеется, знаешь, почему я задаю эти вопросы.

— Вас нанял коллекционер Лийо Нельсон. Он хочет, чтобы вы украли бивни у Летящего-в-ночи с Винокса IV.

— Мне предложили такую работу, — поправила она компьютер. — Я еще не согласилась. — Она помолчала. — Давай еще раз взглянем на бивни.

Тут же над компьютером возникла голограмма бивней.

— Сколько они стоят при свободной продаже?

— Слоновая кость давно уже вышла из употребления. Ее не продают и не покупают, не используют для создания произведений искусства, — ответил компьютер. — На сегодня она представляет собой ценность лишь для коллекционеров и музеев, а ценность эта определяется суммой, которую коллекционер или музей готов за нее выложить. Последняя торговая сделка со слоновой костью прошла в пять тысяч четыреста девятом году Галактической эры. Стоимость ее составила четыреста двадцать пять кредиток за стандартный килограмм. После этого лишь две пары бивней были подарены музеям без денежной компенсации.

— Ясно, — кивнула она. — Давай еще раз посмотрим, что же мы знаем.

— Ожидаю вопроса...

— Нельсон долгие годы охотился за слоновой костью безо всякого результата. Ему удалось узнать по своим каналам, что Летящий-в-ночи пригласил бригаду реставраторов, чтобы заделать трещину, появившуюся в бивне. Он навел справки и выяснил, что этот бивень — один из пары, которую он и искал. — Она помолчала. — Вроде бы все логично.

— У вас есть причины сомневаться в истинности его намерений? — спросил компьютер.

— Основная причина — инстинкт самосохранения. Прежде чем браться за работу, я должна убедиться, что в

его предложении нет какого-либо подтекста. В конце концов, если что-то пойдет не так, в тюрьму сядет не он. — Вновь пауза. — Если он лжет, я не вижу, ради чего. Пока я не покину планету, бивней ему не заполучить. — Она долго смотрела на них. — Наверное, они очень ему нужны. Деньги он предлагает огромные.

Она пила бренди, рассматривая и бракуя различные варианты действий, пока наконец не остановилась на том, что ей понравился. Проанализировав его, она решила, что он может сработать, и занялась шлифованием деталей. Часом позже она включила компьютер.

— Сообщи мистеру Нельону, — распорядилась она, — что я согласна на его условия. Как только мой банк на Биндере X подтвердит поступление на мой счет половины оговоренной суммы, я приступлю к выполнению задания.

Таити в строгом сером деловом наряде вошла в небольшой, бедновато обставленный кабинет посла Ситона и уселась в кресло напротив стола. Стены украшали голограммы, изображающие посла в компании влиятельных людей и инопланетян, улыбающихся в камеру.

Ситон, в военном мундире, со всеми орденами и медалями, поднялся, чтобы приветствовать ее. Ей показалось, что ростом он повыше, чем на голограмме компьютера, из чего она сделала вывод, что он намеренно увеличивает рост посредством специальной обуви. Волосы его поблескивали привлекательной на вид, но неестественной сединой, густые усы он, несомненно, слегка затемнял.

— Надеюсь, вы простите мне непрезентабельность обстановки. — Он обвел рукой кабинет.

— По-моему, у вас очень уютно, — ответила она.

— Это точно. Но от посольства требуется не уют, а представительность. — Он скорчил гримасу. — Мы должны производить впечатление на аборигенов, или на нас будут плевать. Однако правительство не намерено выде-



лять средств посольству на Виноксе IV, пока планета не присоединится к Олигархии. А невозможность показать товар лицом способствует тому, что не присоединится она никогда.

— Мы и раньше принуждали к присоединению непокорные планеты. Я уверена, эта тактика останется на вооружении и в будущем.

— Все так, — Амброз переплел пухлые, розовые пальчики, — но на тех планетах Олигархия находила что-то интересное для себя: полезные ископаемые, плодородную пашню, расщепляющиеся материалы. Винокс IV слишком беден и слишком далек от Делурса VIII, чтобы кто-то обратил на нас внимание.

— Но они же послали вас сюда, не так ли? — По голосу чувствовалось, что она высоко ценит статус посла Олигархии.

— Я карьерный дипломат, — ответил он с притворным смирением. — Куда назначают, туда и еду.

— Очень уж вы скромничаете, — запротестовала она. — Один из ваших помощников сказал мне, что вы служили под началом адмирала Киндлемьера.

— Это правда, — признал он. — Прирожденный флотоводец. Мне так недостает общения с ним. Бывало, мы играли в шахматы, пили портвейн. — Амброз улыбнулся. — Он так сердился, когда проигрывал...

— И вы были послом на Голдене, — продолжила Таити. — Если бы Олигархия не интересовалась Виноксом IV, она не стала бы посылать сюда дипломата с таким послужным списком.

— Вы очень проницательная женщина... Разумеется, Винокс их интересуется. Меня просто раздражает медлительность бюрократической машины.

— А меня поражает ваша доступность. Все-таки вы занимаете такой высокий пост. Я очень благодарна вам, посол Ситон, за то, что вы смогли уделить мне время.

— Часть моей работы состоит в том, чтобы помогать людям, дорогая моя. Чем я могу вам помочь, мисс Бено?

— Пожалуйста, зовите меня Таити.

— Хорошо, Таити, — согласился он. — Сколь долго вы собираетесь пробыть на Виноксе?

— Еще не знаю. Неделю, может, две.

— Если я правильно понял моего помощника, вы хотели бы построить здесь тюрьму.

Она улыбнулась.

— Если бы я хотела построить тюрьму, то провела бы на Виноксе год. Нет, моя работа — представить оценочное исследование о возможности сооружения здесь исправительного учреждения.

— Я, честно говоря, не понимаю, кого бы мы могли держать в этой тюрьме, потому что за пределы посольства наша власть не распространяется.

— Мы начинаем на Внешних мирах интересный эксперимент, — пустилась в объяснения Таити. — Мы нашли способ обеспечения максимальной безопасности тюрем. На кислородных мирах мы будем строить тюрьмы для преступников с тех планет, где дышат хлором, и наоборот. Тем самым возможность побега практически исключается, поскольку дышать преступник сможет лишь в пределах тюрьмы. — Она помолчала. — Да и местное население не будет опасаться появления поблизости исправительного учреждения.

— Я никогда об этом не слышал! — воскликнул Ситон. — Блестящая идея!

— Благодарю вас, — потупилась Таити. — Я имею к ней некоторое отношение.

— Вы — очень интересная женщина.

— А вы, — с улыбкой ответила она, — профессиональный дипломат.

Он хохотнул.

— Это правда. Но даже дипломаты не могут только лгать, дорогая моя.

— Раз уж вы убедили меня, что говорите искренне, не позволите ли обратиться еще с одной просьбой?

— Разумеется.

— Я хотела бы осмотреть город. Не могли бы вы попросить кого-нибудь из сотрудников сопровождать меня?

— Я сам с радостью вам все покажу.

— О, в этом нет необходимости, — запротестовала она. — Я же знаю, как вы заняты.

— Я всегда могу выкроить время для человека, — заверил ее Амброз. — Тем более для такой очаровательной женщины, как вы.

— Что ж, буду вам очень признательна.

— Но вы должны понимать, что смотреть тут особенно нечего, — предупредил он Таити. — Это не родная планета Летящих-в-ночи. По существу, это шахта, снабжающая их империю некоторыми металлами и расширяющимися материалами, месторождения которых уже выработаны на других планетах. Город тут только один, и он не идет ни в какое сравнение с городами Олигархии.

— Мне нравится осматривать новые миры.

— Тогда во второй половине дня вы будете моей гостьей, — твердо заявил он.

— Благодарю вас, посол.

— Пожалуйста, зовите меня Амброз.

— С удовольствием, Амброз.

— Как мне повезло, что вы прилетели сюда! — воскликнул Ситон. — Вы и представить себе не можете, каково общаться только с дипломатами и военными.

— По правде говоря, я ругала себя за то, что по прибытии на Винокс сразу же заявила к вам.

— Ерунда! — отмахнулся Ситон. — Вы же привезли рекомендательные письма от адмирала Накашимы и посла Крейга. К кому идти с такими бумагами, как не к послу?

Внезапно она нахмурилась.

— Что такое, дорогая моя? — обеспокоился Ситон.

— Мое письмо от посла Крейга. Вас не затруднит отдать мне его? Я хотела бы его поблагодарить, а у меня нет адреса его посольства.

— Нет проблем. — Ситон поднялся. — Оно наверняка в вашем досье. Сейчас я вам его принесу.

— Ну зачем же. — Она привстала. — Я могу взять его сама.

— Какие пустяки. И потом, вы же не знаете, к кому из сотрудников обратиться.

— Премного вам благодарна.

Едва за ним закрылась дверь, Таити подошла к компьютеру, с минуту изучала его, затем быстро внесла минимальную, практически незаметную корректировку в программу и вернулась к креслу за двадцать секунд до того, как в кабинете вновь появился Ситон с письмом в руке.

— А теперь позвольте пригласить вас на ленч, после чего я покажу вам город.

— Я не хочу доставлять вам столько хлопот. Я могу перекусить в отеле и вернуться в указанный вами час.

— Прекратите! — шутливо прикрикнул на нее Ситон. — Считайте, что это приказ.

Она ослепительно улыбнулась.

— В таком случае...

Девяносто минут спустя, отгороженные от сухого, разреженного воздуха планеты герметичным корпусом посольского лимузина, они ехали по извилистым улочкам города, мимо столбов-насестов, на которых сидели Летящие-в-ночи, мимо жилых домов, обитатели которых отдавали предпочтение наружным стенам, а не комнатам.

— Фантастика! — то и дело восклицала Таити. — Тут все дома наклонены под такими странными углами?

— Большинство, — ответил Ситон. — Летящие-в-ночи не могут стоять прямо. Они любят где-то сидеть или качаться. И чем больше угол наклона насеста, тем лучше.

— И я заметила, что на улицах нет фонарей. Они видят в темноте?

— Понятия не имею. Насколько мне известно, никто не видел их спящими. Один эгзобиолог приезжал сюда несколько месяцев тому назад. Он вроде бы выяснил, что Летящие-в-ночи восстанавливают энергию, когда висят головой вниз. Реакция мышц в этот момент свидетельствует о глубоком расслаблении, эквивалентном человеческому сну. — Ситон вздохнул. — Но мне в это не верится.

— Почему?

— Я присутствовал при подписании торгового соглашения между Виноксом IV и Рузвельтом III. Мегланнн, их премьер-министр, всю церемонию провисел головой вниз, но при этом внес шесть или семь поправок.

— Я слышала о Мегланнне. Что это за тип?

— Хладнокровный и безжалостный, — ответил Ситон. — У меня мурашки бегут по коже, когда я нахожусь с ним в одном помещении, хотя, разумеется, не подаю вида. С инопланетянами нельзя давать слабину. Не могу понять, почему он поселился на Виноксе, а не на любой из более населенных планет Летящих-в-ночи.

— Может, он боится покушений, — предположила Таити.

— Может, и боится, — согласился Ситон. — Но скорее ему нравится здешний климат или красоты природы, какие уж тут есть. Вы должны помнить, что у инопланетян совсем другая логика. При этом многие не прочь пустить в ход оружие. Мегланнн, поднимаясь на вершину власти, уничтожил, по моим расчетам, десятую часть населения Летящих-в-ночи. Поскольку ему принадлежат бивни, он даже приветствует конфронтацию.

— Бивни? — переспросила она. — Что за бивни?

— Слоновьи.

— С Земли?

— Это нелепо, я понимаю, но Летящие-в-ночи прознали про бивни давным-давно, и молва утверждает, что хозяин бивней бессмертен и непобедим.

— Вроде бы тот факт, что этот Мегланн отобрал их у прежнего владельца, свидетельствует об обратном.

Он улыбнулся:

— Для меня — да. Но я отказываюсь размышлять о логике инопланетян.

— Разве это не ваша работа?

— Работа посла Олигархии на планетах, в нее не входящих, — держать оборону и ждать, пока Олигархия вспомнит о нас и подомнет под себя.

Они осмотрели новые здания посольств Канфора и Лодина и наконец остановились у массивного сооружения, превосходящего размерами все то, что они видели раньше.

— Где мы? — спросила Таити, когда двери лимузина сдвинулись и ее ноздрей достигли необычные запахи инопланетного города.

— У Правительственного комплекса. — Ситон вылез из лимузина, помог Таити спуститься на мостовую. — Ужасный запах, не правда ли? Тут Летящие-в-ночи работают. — Он приказал водителю не отходить от лимузина, взял Таити под руку и повел к парадной двери.

Они вошли в семистенное фойе. Стены украшали многочисленные таблички с надписями на незнакомом Таити языке и несколько картин с преобладанием синего и фиолетового цветов. Таити предположила, что красная часть спектра Летящим-в-ночи недоступна. А главной достопримечательностью фойе была скульптура Летящей-в-ночи.

— Мивессс, — пояснил Ситон. — Стоит в ряду их великих полководцев. Так, во всяком случае, мне говорили.

— Статуя золотая или только покрыта золотом? — спросила Таити из профессионального любопытства.

— Понятия не имею. Если хотите, могу узнать.

Она покачала головой.

— Не надо. Разницы-то особой нет.

Он провел Таити через анфиладу комнат, в каждой из которой Летящие-в-ночи сидели на стенах и потолке; потом они вошли в большое, ярко освещенное помещение.

— Вот мы и пришли! — Ситон увлек ее налево. — На этой стене вы видите то, что мы должны воспринимать как королевские драгоценности, хотя всем ясно, что это обычный кварц. Некоторые предметы, правда, уникальны.

— Насчет уникальности вы правы. — Таити с интересом разглядывала драгоценности. — Вот это вроде бы ожерелье, это — корона, а вот что делать с остальными — я даже представить себе не могу.

— Боюсь, гида из меня не получится.

— А как одевается Мегланни для торжественных церемоний?

— Он может прийти как голым, так и одетым, — безразлично ответил Ситон. — Однажды я видел его при параде. Он пять или шесть минут теребил эти камешки, а потом передал все кому-то из помощников, словно это стекляшки.

— Может, теребление камешков несло в себе особую социальную или религиозную нагрузку.

— Понятия не имею. — Тема эта наводила на Ситона тоску. — Возможно, вы и правы. — Он подвел ее к другому стенду. — А вот это образцы религиозного искусства Летящих-в-ночи.

Таити увидела штук сорок деревянных и каменных фигурок, напоминавших подводное существо с шипами.

— У этих фигурок есть живой прототип?

— Образно говоря. Это их божество.

— Их бог похож на сферу с шипами?

— Они так думают.

— Фигурки довольно примитивные, — отметила Таити.

Он пожал плечами.

— Это их высшее художественное достижение за последние тысячи лет. Летящие-в-ночи — не из числа поклонников искусства.

— А это, — Таити повернулась и указала на две огромные колонны из слоновой кости, — должно быть, бивни. — С минуту она пристально их разглядывала. — Интересно, как слоновьи бивни попали к Летящему-в-ночи.

— Откровенно говоря, я не знаю их истории, — ответил Ситон. — Вроде бы они здесь добрых две сотни лет.

Она долго разглядывала меньший бивень, потом перешла к большему.

— Что вас так заинтересовало? — спросил посол.

— Я никогда не видела слоновьих бивней, — ответила Таити. — Занятно. — Она указала пальцем на основание большего бивня. — Откуда здесь трещина?

— Она такая маленькая. Как вы ее заметили?

— Скоро прибудет бригада реставраторов?

— Какая бригада реставраторов? — Ситон сразу подобрался.

— Раз Летящие-в-ночи так ценят бивни, я полагаю, они должны заделать трещину. Но она до сих пор не заделана, следовательно, среди Летящих-в-ночи нет специалистов должной квалификации и им не остается ничего другого, как пригласить бригаду реставраторов.

— Но почему бригаду? Разве один реставратор не справится?

— Не знаю. — Она пожала плечами. — Может, и справится. Будь то человек или инопланетянин.

Амброз наклонился над большим бивнем, но так и не заметил трещины. Выпрямился, долго смотрел на Таити и, завершив экскурсию, отвез ее в отель.



- Пообеждаете со мной сегодня? — спросил он.
- С превеликим удовольствием, — ответила Таити.

Таити тяжело вздохнула, когда на ее компьютер поступило очередное кодированное послание посольства (о чем, разумеется, в посольстве и не подозревали): на этот раз запрос о продуктах для людей, живущих на Виноксе IV.

— Отправь по назначению, — приказала она компьютеру.

— Исполнено.

— Что с ним? — пробормотала она, откинувшись на спинку огромного кресла, какие администрация отеля ставила во все номера, где останавливались гуманоиды. — Неужели придется все сказать открытым текстом?

— Еще послание, — сообщил компьютер.

Оно касалось двух вышедших из строя бластеров.

— Черт! Если у него не зародилось подозрений, значит, он слишком глуп, чтобы иметь с ним дело.

— Что делать с посланием?

— Отправь по назначению.

Она просидела еще минут десять, сверля компьютер взглядом, и стала рассматривать другие планы, ни один из которых не вызывал у нее особого энтузиазма.

— Еще послание, — прервал ее размышления компьютер. — Зашифровано личным кодом посла Ситона.

— Его-то мы и ждем! Перехвати!

— Исполнено.

— О чем в нем говорится?

— Запрос посла Ситона Петру Коберникову, главе разведывательного управления Олигархии в этом секторе.

— Амброз, как мне хочется тебя расцеловать! — воскликнула Таити. — Я знала, что не можешь ты быть таким глупым! Что он хочет знать?

— Он просит прислать ваше досье, а также хочет, чтобы Петр Коберников досконально вас проверил. Особо

подчеркнуто, что всю информацию он должен получить в течение ближайших трех часов.

— Чтобы он мог арестовать меня за обедом, — кивнула Таити. — Отправь ему ответ стандартным армейским кодом, в котором укажи, что я работаю на Коберникова, мое задание и досье засекречены, но посол Ситон должен оказывать мне всемерное содействие, если я обращаюсь к нему за помощью.

— Как мне подписаться? — спросил компьютер.

Она задумалась.

— Обойдемся без фамилий. Только служебный номер Коберникова.

— Я должен отметить, что не принято не подписывать кодированные послания.

— Мне это известно, но я не знаю, друзья они с Коберниковым или нет и как подписывается Коберников, одной фамилией или с перечислением всех своих титулов. Укажи на послании «Только лично» и присвой ему гриф «Особой важности». Пусть этот бюрократишка, чахнувший на захудалой планете, почувствует, что стал участником большой игры.

— Что мне сделать с сообщением посла?

— Уничтожь его.

— Великолепное вино, — прокомментировала Таити. Вновь пригубила бокал, поставила на стол, улыбнулась Ситону. Обедали они в отдельном кабинете, примыкающем к столовой посольства.

— Импортировано с Калимара II.

— Калимар II? — повторила она. — Никогда не слышала об этой планете.

— Расположена во Внешних мирах. Основа экономики — сельское хозяйство.

— Надо бы съездить туда. Можно очень неплохо провести время в тамошних виноградниках, подбирая мес-

то для исправительного учреждения с хлорной атмосферой.

— Вы никогда его в глаза не видели. — Ситон самодовольно улыбнулся.

— Виноградника?

— Исправительного учреждения с хлорной атмосферой, — ответил он. — О, идея прекрасная, и Олигархия действительно начинает строить такие тюрьмы, но вы не имеете к ним ни малейшего отношения, не так ли, дорогая моя?

— Но я же все вам сказала. Только из-за них я и попала на Винокс IV.

— Я знаю, что вы мне сказали.

— Тогда в чем проблема, Амброз?

— Вы не та, за кого себя выдаете, не правда ли?

— Но вы же видели мои рекомендательные письма.

— Видел... но после нашей маленькой экскурсии я связался с Петром Коберниковым.

— Черт бы его побрал! — вырвалось у нее. — Я же говорила ему, что справлюсь сама!

— Так вы работаете на Разведывательное управление! — торжествующе заявил Амброз.

— Я этого не говорила.

— В этом нет нужды.

Она долго смотрела на него.

— Хорошо. Я прибыла сюда с очень ответственной и опасной миссией. Раз уж вы обо всем знаете, будем говорить открыто. Вы должны сделать все возможное, чтобы меня не раскрыли. От этого зависит моя жизнь.

— Ваша жизнь? — удивился он.

— Именно так, — мрачно изрекла она. — Так вы обещаете мне помочь?

— Разумеется. Но у меня есть к вам вопрос: если ситуация принимает опасный оборот, почему меня не поставили в известность? Я все-таки посол.

— Потому что мое задание не связано напрямую ни с людьми, ни с Летящими-в-ночи, проживающими на Виноксе IV.

— Так для чего вы здесь?

— Я скажу вам, когда сочту это необходимым, — ответила она, давая сигнал роботу наполнить ее бокал.

— Думаю, я и так знаю. Ваша миссия связана с бивнями, не так ли?

— С чего вы так решили?

— У вас свои секреты, у меня — мои.

— Вы ошибаетесь. — Ее голосу недоставало убедительности.

— Отнюдь, — усмехнулся Амброз. — Но я заверяю вас, что буду держать рот на замке. Я лишь хочу вам помочь. — Он выдержал паузу. — Ваша миссия имеет отношение к бивням, не так ли?

Она не отвечая смотрела на него.

— Ну что же вы, дорогая моя. Если вы не можете довериться вашему послу, то кому же вам доверять?

Наконец она со вздохом кивнула.

— Вы правы.

Над столом надолго повисла тишина.

— Больше вам нечего мне сказать? — не выдержал Ситон.

— Я никак не решу, можно ли вам доверять, — ответила Таити.

— Мы же на одной стороне. Я помогу вам всем, чем смогу.

— Это меня и тревожит. Вы уже знаете, что миссия моя опасна и она не имеет прямого отношения к проживающим на Виноксе IV людям. Так почему вы с таким усердием навязываете мне свою помощь?

Он сухо улыбнулся.

— Если мы успешно завершим вашу миссию, я, возможно, смогу покинуть эту дыру. — Он помолчал. — Я, конечно, не без греха, у меня были ошибки, но я заслу-

живаю что-то получше Винокса IV. Я способен на большее. Я имею право на должность, соответствующую моему потенциалу. — Он помялся. — Возможно, в ваших глазах я выгляжу смешным, но я действительно способен на большее! И вы можете помочь мне, просто позволив помогать вам!

Опять долгая пауза.

— Ладно. — Она приняла решение.

— Вот и отлично!

Робот-официант принес ей новый бокал вина, осторожно поставил на стол. Стол чуть качнулся, и робот придержал бокал, пока Таити не взяла его в руки.

— На прошлой неделе Разведывательному управлению стало известно, что группа инопланетян, выдающих себя за реставраторов, попытается украсть бивни.

— И что? — удивился Ситон. — Они же не имеют никакой ценности. Древние охотничьи трофеи с Земли.

— Возможно, но Мегланнн верит в их чудодейственную силу, так же, как и его народ. Если инопланетяне украдут бивни, они смогут потребовать огромный выкуп.

— Мегланнн — варвар, — поморщился Ситон. — Почему Олигархия должна волноваться из-за бивней?

— Варвар или нет, но он — вождь Летящих-в-ночи, а мы, между прочим, уже пять столетий безуспешно пытаемся убедить их присоединиться к Олигархии. Если нам удастся предотвратить кражу, у нас, возможно, появится веский аргумент, к которому они прислушаются.

— Я завтра же договорюсь об аудиенции. Реставраторы прибудут лишь на следующей неделе. Мы заранее предупредим его.

— Нет, — отрезала Таити.

— Почему нет?

— Мы должны поймать их за руку. Если бивни спасут солдаты Мегланнна, он, возможно, проигнорирует жест доброй воли Олигархии. Или мы просто спугнем гра-

бителей, и они ударят в другой раз — тогда все наши старания пойдут насмарку.

— Но как же нам их остановить? — заволновался Ситон. — У меня тридцать шесть военных и пятьдесят три гражданских сотрудника. Едва ли мы сможем защитить бивни.

— Мы держим Винокс IV под наблюдением. Как только я сообщу нашим людям, что бивни украдены, мы возьмем воров с поличным.

— А если инопланетянам удастся удрать? Если их корабль разовьет световую скорость, прежде чем вы успеете их перехватить? Или вы уничтожите их корабль, на борту которого будут бивни?

Таити улыбнулась:

— Я привезла с собой дубликаты, практически не отличимые от настоящих, даже с трещинкой у основания на большем бивне. Моя задача — заменить настоящие бивни поддельными, а потом дать знать нашим кораблям о краже подделок.

— Понятно, — задумчиво протянул Ситон. — А как вы поступите с настоящими бивнями?

— Спрячу в безопасном месте, — ответила Таити. — Вот тут мне может потребоваться ваша помощь.

— Мне негде их прятать, — покачал головой Ситон. — Летящие-в-ночи имеют право в любой момент войти на территорию посольства. У них возникнут подозрения, если мы внезапно откажемся впустить их. — Он помолчал. — Может, разместим их на неделю на одном из ваших кораблей?

— Нет, — покачала головой Таити.

— Почему нет?

— Во-первых, мы не хотим, чтобы кто-то узнал о прибытии наших кораблей. И во-вторых, что более важно, Летящие-в-ночи на это не согласятся. Они же считают нас врагами.

— А что предложите вы?

Она пожала плечами:

— Еще не знаю, но у меня пять дней на размышления. Возможно, для начала мне надо украсть настоящие бивни, чтобы инопланетянам достались подделки.

— Любопытная мысль.

— Но опасная. — Таити помрачнела. — Если я попадусь, судить меня будут Летящие-в-ночи, и вы ничем не сможете мне помочь.

— Да, я понимаю. Допустим, вы украли бивни. А что потом?

— Я бы спрятала их в посольстве.

— Я уже говорил вам, посольство — не самое надежное место.

— Значит, придется придумать что-то еще.

— А как насчет вашего корабля?

— У меня нет разрешения на их вывоз.

— Это не проблема. За разрешением можно обратиться к Коберникову.

Она покачала головой:

— Мне запрещено связываться с ним до завершения операции. Мы не знаем, сколь совершенны декодеры инопланетян. — Она вздохнула. — Чудовищная глупость. Я уверена, что разрешение он бы мне дал.

— Может, воспользоваться компьютером посольства... — предложил Ситон.

— Нет, слишком рискованно. Ситон в задумчивости наклонил голову, потом посмотрел на Таити.

— Не такая это проблема. Вы не можете увезти бивни без разрешения, зато я могу вам его дать.

— Вы уверены? — В ее голосе слышалось сомнение.

— Как посол, я имею право принимать решения в интересах населения планеты. А по моему разумению, защита бивней выгодна всем, как людям, так и Летящим-в-ночи. Я дам вам письменное разрешение на вывоз бивней с Винокса IV.

— Так мы и сделаем! Хорошо, что я доверилась вам, Амброз. Теперь осталось решить, как переправить бивни из Правительственного комплекса на мой корабль.

— И заменить их дубликатами, — добавил Ситон.

— Есть у вас какие-нибудь предложения?

— Вечером я об этом подумаю и, полагаю, найду приемлемое решение.

Ситон проинструктировал компьютер, и в воздухе возникли чертежи какого-то сооружения.

— Это схема этажа Правительственного комплекса, на котором находятся бивни.

— Как вам удалось ее достать? — спросила Таити, хотя тот же чертеж хранился в памяти ее компьютера.

— У меня есть источники информации, — гордо ответил он. — Итак, бивни находятся здесь, а вот тут, — он указал на одну из комнат, — ближайший выход.

— Сколько охранников?

— На выходе — двое. В зале с бивнями — ни одного, во всяком случае, если не происходит ничего чрезвычайного. В коридорах — от пятнадцати до тридцати пяти.

— Люди в Правительственном комплексе не работают?

— Совершенно верно.

Она словно впервые изучала схему.

— Ситуация не из простых. Я уверена, что не смогу их поднять. Если же воспользоваться гравитационным подъемником, меня наверняка услышат или увидят.

— Быть может, очистить здание от охраны? — предложил Ситон.

Таити с трудом подавила вздох облегчения, радуясь тому, что ей нет нужды подсказывать Ситону каждый шаг. Если план будет вроде бы принадлежать ему, он будет выполнять его с куда большим рвением.

— Разумеется, это упростит дело, — согласилась она. — Но как убедить их покинуть посты?



— Воздушный рейд? Нет, не пойдет. Они же ни с кем не воюют. — Он помолчал. — А может, внушить им, что здание сейсмически неустойчиво и вот-вот рухнет?

Она покачала головой.

— Пока оно не рухнуло. Если они вам и поверят, то сначала вынесут из здания все самое ценное.

— Скорее всего, — согласился Ситон.

— Нам нужно не только убедить их покинуть Правительственный комплекс, но и обосновать мое присутствие в здании.

— Вам же понадобится помощь.

— На этом этапе — нет. Мне нужно лишь ваше разрешение на вывоз бивней с планеты.

— Дорогая моя, вы сами признали, что не сможете поднять бивни. Думаю, вам придется взять моих людей, хотя бы в качестве грузчиков.

— А как мы объясним присутствие в здании солдат Олигархии? — спросила она в надежде, что он сам найдет ответ и ей не придется подводить его к нему.

И тут Ситон торжествующе улыбнулся:

— Очень просто!

— Как же? — взволнованно спросила она.

— Для Летящих-в-ночи вы — специалист по хлорным атмосферам?

— Именно так меня зарегистрировала таможенная служба.

— Вот и ответ на ваш вопрос! — воскликнул он. — Мы объясним, что произошла утечка хлора и им надо покинуть здание, пока мы не найдем причину утечки и не устраним последствия.

— Великолепная идея, Амброз! — воскликнула Таити, и он аж просиял от удовольствия. — Просто великолепная. Тут уж не останется ничего иного, как покинуть здание!

— Хорошее предложение, не так ли? — гордо спросил он.

— Наилучшее. Если вы решите оставить дипломатию, вас ждет блестящая карьера в Разведывательном управлении. А теперь обговорим детали. Я приехала сюда не для того, чтобы очищать от хлора Правительственный комплекс, поэтому нам не удастся заявить, что утечка только там и больше нигде. — Она замолчала, словно погрузившись в раздумья. — Наверное, идеальный вариант — подпустить хлора в канализационную систему, чтобы он проник в соседние дома. Мы приедем в спецмашинах и скажем, что проводили эксперимент, который вышел из-под контроля. В итоге они не смогут сосредоточить внимание только на Правительственном корпусе. Мы скажем, что потенциально опасность велика, но мы сумели нейтрализовать большую часть хлора и теперь должны проверить основные канализационные коллекторы на предмет скопления смертоносного газа.

— Мне это нравится! — воскликнул Ситон. — К тому же мы сможем объяснить ваше присутствие в Правительственном комплексе. Решение прежде всего обезопасить самый важный объект, а уж потом заниматься остальными выглядит вполне логичным. В пять минут мы очистим Правительственный комплекс, заменим бивни и ретируемся оттуда.

— А где мы возьмем хлор? — спросила Таити.

— Хлора у нас больше чем достаточно, — заверил ее Ситон. — На территории посольства имеются две переговорные комнаты для хлордышащих инопланетян. Мы возьмем столько хлора, сколько нам потребуется, а после завершения операции восполним расход.

— Вы уверены, что я не поставлю вас в неловкое положение? — спросила Таити. — Вы понимаете, солдаты будут красть бивни по вашему прямому приказу.

— Какие пустяки, — отмахнулся Ситон. — Честно говоря, вы оказываете мне большую услугу. Как только

в Олигархии узнают, что я помогал вам, меня тут же переведут на более приятную планету.

— Это я могу гарантировать, — нежно улыбнулась ему Таити.

## ЧЕТВЕРТАЯ ИНТЕРЛЮДИЯ (6303 г. Г.Э.)

— Значит, она заставила посла украсть для нее эти бивни! — промурлыкала Хильда, и только тут я заметил ее голограмму, висящую над сияющим кристаллом. Она сидела за столом, ела печенье и запивала его чаем.

— Совершенно верно, — ответил компьютер.

— Компьютер, — приказал я, — освежи воздух и дай мне полюбоваться солнечным светом.

— Приступаю... исполнено.

Восточная стена моего кабинета стала прозрачной, и утреннее солнце приветствовало меня своими лучами, в воздухе запахло морем.

— Что ж, — продолжил я, — теперь мне по крайней мере известно, что пятьсот семьдесят три года тому назад бивни попали к Лийо Нельону.

— Неверно.

— Не понял.

— Нельон умер от эплазии, редкого заболевания, вызываемого мутацией вируса, когда Таити Бено находилась на Виноксе IV.

— А что случилось с бивнями?

— В данный момент не располагаю информацией для ответа на этот вопрос.

— Зайдем с другой стороны. Как пошли дела у Таити Бено после того, как она увезла бивни с Винокса?

— В последующие два года она совершила еще три крупные кражи. Следов ее дальнейшей деятельности найти не удалось.

— Бивни не представляли для нее никакой ценности, — заметил я. — Она могла продать их в любой момент.

— Скорее всего, но на данный момент я не располагаю никакой информацией.

— По крайней мере мы можем продолжить поиск по архивам человечества, — вздохнул я. — Это лучше, чем копаться в архивах Летающих-в-ночи.

— Ты не будешь возражать, если я задам вопрос? — вмешалась Хильда.

— Нет, конечно.

— Компьютер, зачем Лийо Нельону понадобились бивни?

— В данный момент не имею достаточной информации для ответа на этот вопрос.

— Есть у Лийо Нельон что-то общее с теми людьми, кто владел или разыскивал эти бивни?

— Приступаю... Исполнено. Лийо и Нельон — имена, распространенные среди масаи.

По лицу Хильды чувствовалось, что она очень довольна собой.

— Значит, Нельон — масаи? — Меня, надо сказать, это открытие не удивило.

— Я не могу ответить утвердительно. Мне лишь известно, что его имя и фамилия — обычные имена масаи.

— Проверь по банку данных того времени, — приказал я.

— Приступаю... Исполнено. Теперь могу подтвердить, что Лийо Нельон был масаи.

— Почему в поиске бивней мы все время наталкиваемся на масаи? — задал я риторический вопрос.

Солнце поднималось все выше, и я приказал компьютеру затенить восточную стену.

— У меня есть еще вопрос. Из чистого любопытства. Что стало с Амброзом Ситоном?

— Его сняли с работы, судили, признали виновным в воровстве и шпионаже, дали условный срок, после чего он канул в небытие.

— Бедняжка, — прошептала Хильда.

— Круглый идиот, — охарактеризовал я его.

— И что из этого? — возразила она. — Или ты симпатизируешь только гениям?

— Он позволил абсолютно незнакомому человеку втянуть себя в преступное деяние.

— А я, между прочим, знакома с одним типом, который ради абсолютного незнакомца лжет своим работодателям да еще уговаривает начальника департамента безопасности сыграть с ним в одной команде. Он тоже круглый идиот?

— Мандака ни на что меня не уговаривал, — возразил я. — Он меня нанял. Как я выполняю его задание — это мое дело.

— Как ты его выполняешь — это наше дело, — поправила она меня. — Или ты забыл о нашем уговоре?

Внезапно я вспомнил, что мы не одни.

— Почему ты это говоришь при включенном компьютере? Он же все записывает!

— Он не будет делать никаких выводов, если только мы не прикажем ему перейти в личностный режим, — спокойно ответила она. — И только шеф департамента безопасности знает, где искать эту запись. При желании я могу ее стереть.

— Понятно, — кивнул я. — И когда у тебя может возникнуть такое желание?

— Думаю, несколько дней я трогать ее не буду. Надеюсь, она не понадобится мне, чтобы приводить тебя в чувство.

— Пока я не сделал ничего предосудительного, — стоял я на своем. — Я лишь выполняю работу, за которую мне заплатили.

— Тебе заплатил человек, который не существует.

— Существуют его деньги, существуют бивни, — ответил я. — Остальное меня не касается.

— А вот меня касается. У тебя три дня без двух часов, чтобы найти решение.

— У меня три дня, а если я не найду бивни, ты обещала вновь обсудить со мной ситуацию, которая сложится на тот момент, — напомнил я.

— Только обсудить, не более того, — согласилась она.

Голограмма Хильды исчезла, и следующий час я сертифицировал Серебряного червя с Внутренних миров. Перерыв на ленч я использовал утром, поэтому быстро перекусил в кабинете и занялся изучением жалобы одного проводника, недовольного тем, что я не внес в книгу рекордов Дьявольскую сову, подстреленную его клиентом.

— Дункан Роджас, вам звонят из города, — объявил компьютер.

— Пусть ответит кто-нибудь из сотрудников. Я занят.

— Это невозможно.

— Почему?

— Потому что звонит Букоба Мандака, который имеет дело непосредственно с вами, а не с фирмой «Уилфорд Брэкстон». Моя программа требует...

— Можешь не продолжать, — оборвал его я. — Соединяй.

— Контакт звуковой или визуальный?

— Визуальный.

Мгновение спустя над кристаллом появилось лицо Букобы Мандаки.

— Мистер Роджас? Я звоню, чтобы выяснить, каковы ваши успехи.

— Мне удалось отследить бивни до пять тысяч семьсот тридцатого года Галактической эры, — ответил я. — Где они только не побывали, доложу я вам!

— Когда я смогу узнать об их теперешнем местонахождении? — Моя последняя фраза не произвела на него впечатления.

— Вероятнее всего, через два-три дня, но не позже чем через стандартную неделю.

Он согласно кивнул:

— Меня это устраивает.

— А пока, мистер Мандака, я бы очень хотел с вами поговорить.

— Мы и так говорим.

— Но сейчас мое время мне не принадлежит, — сказал я. — Не могли бы мы встретиться за обедом?

— Это необходимо?

— Для меня — да.

Он задумался, вновь кивнул.

Внезапно над головой Мандаки возникла голограмма Хильды, знаками показывающей, что она хочет составить мне компанию.

— Вы бывали в «Древних временах»?

— Слышал об этом заведении, но бывать там не приходилось.

Жесты Хильды становились все более энергичными.

— Этот ресторан есть в справочнике. Я буду там в восемь вечера.

— Могу я привести подругу?

— Я бы предпочел, чтобы вы пришли один.

— Она работает в «Брэкстоне» и в курсе проводимого мною расследования.

— Я плачу только вам. И говорить буду только с вами.

— Вы на этом настаиваете?

— Таковы мои условия.

— Хорошо, мистер Мандака. — Я стрельнул взглядом в Хильду. — Я приду один.

— В восемь часов, мистер Роджас, — повторил он и исчез.

— Дункан! — Хильда хмурилась. — По-моему, у нас был уговор.

— А что я мог поделывать? Ты его слышала.

— Ты не очень и настаивал.

— Я боялся, что он вообще откажется встречаться со мной.

— Я тебе это припомню, если ты не найдешь бивни за три дня.

— В этом я нисколько не сомневаюсь, — вздохнул я.

— Я также жду от тебя полного отчета, когда вечером вернусь из театра.

— Вечером? — вскинулся я. — А может, завтра утром?

— Я сказала, вечером. — И ее голограмма растаяла в воздухе.

Я прибыл на десять минут раньше, опасаясь, что Мандака уйдет, если я задержусь хоть на минуту. Адрес, который я нашел в справочнике, привел меня в район, где жили самые богатые, но, сойдя с движущейся дорожки, я оказался перед большим административным зданием, стеклянные стены которого отражали лучи заходящего солнца.

Я направился к элегантно одетому швейцару и сказал, что ищу «Древние времена». Он улыбнулся и подвел меня к маленькой двери слева от парадного входа, подождал, пока я дам ему на чай, после чего нажал какие-то кнопки на приборчике, что заменял ему часы. Дверь ушла в сторону. Я встал на воздушную подушку и за несколько мгновений опустился на пятьдесят футов, где меня приветствовал старший официант. Полюбопытствовав, как меня зовут, он сообщил, что столик на мое имя заказан, и уже хотел отвести меня туда, но тут я застыл как вкопанный.

У меня создалось ощущение, что я действительно попал в древние времена. Вместо стен ресторана я видел бесконечные ухоженные поля, раскинувшиеся по бере-



гам огромной реки. Надо мной возвышался каменный сфинкс, вдаль я видел рабов, подтаскивающих каменные блоки к наполовину построенной пирамиде.

— Вы у нас впервые? — вежливо осведомился официант, дождавшись, когда я перестану озираться по сторонам.

— Да.

— На этой неделе у нас панорамы Египта. Мы работаем в тесном контакте с историческими и археологическими обществами, поэтому в том, что мы показываем, нет ни малейшего вымысла.

— Вы сказали, на этой неделе? — переспросил я.

Он кивнул.

— Тематика показа меняется каждые десять дней. Перед этим мы демонстрировали доисторическую жизнь позднего мелового периода. Через восемь дней в нашей программе открытие Американского запада.

— Потрясающе, — говорил я совершенно искренне, завороженный происходящим перед моими глазами действием. — Сколько топографических проекторов позволяют создать такой эффект?

— Более трехсот.

— И сколько исторических периодов вы показываете в течение года?

— В нашей библиотеке уже тридцать семь программ, и число их постоянно растет. А вообще мы надеемся охватить весь период пребывания человечества на Земле.

— Если и еда у вас так же хороша, я стану вашим постоянным клиентом.

— Мы гордимся нашим шеф-поваром, мистер Роджас, — ответил старший официант. — Если еда не отвечает самым высоким стандартам, в серьезном ресторанном бизнесе делать нечего. Разумеется, о нас знают на многих мирах, так что туристов и любителей новых ощущений у нас хватает, но основной наш контингент — постоянные посетители.

- Мистер Мандака — один из них?
- О да. Он обожает африканские панорамы.

Мы наконец добрались до столика, где меня ждали меню в кожаном переплете, написанное каллиграфически выведенными синими светящимися буквами, и буклет с объяснениями всего того, что я видел вокруг. Печатные меню встречались очень редко, буклеты — еще реже. Я тут же раскрыл меню, чтобы понять, во что обойдется визуальное и гастрономическое великолепие. Цены отсутствовали. Сие означало, что великолепие стоило не дорого, а очень дорого.

Усевшись, я смог оглядеть и сам ресторан. Большой зал, в котором могли без труда разместиться триста человек. Бар вдоль одной из стен, где хватало места еще для сорока. В низкопробном заведении официантов обрядили бы в набедренные повязки древних египтян, но в «Древних временах» предпочтение отдавалось строгой одежде. Невозможно было определить, где кончалась реальность и начиналась голограмма. Похоже, здесь использовались компьютеры помощнее моего. Сидя за столиком, я буквально чувствовал обжигающие лучи яркого египетского солнца, вдыхал запахи сандалового дерева и благовоний, которые деревянные дау перевозили по Нилу.

Когда пирамиды и сфинкса сменила панорама строительства храма в Карнаке, за мой столик неожиданно сел крупный мужчина в деловом сером костюме — Букоба Мандака. Я даже не заметил, как он подошел.

— Добрый вечер, мистер Роджас.

— Добрый вечер, — ответил я.

— Вы выяснили что-нибудь новенькое после нашего последнего разговора?

Я покачал головой.

— Компьютером я могу пользоваться лишь после работы, мистер Мандака.

— Так что побудило вас потребовать нашей встречи? — Он пристально смотрел на меня, и только сейчас я понял, что он еще шире в плечах и более мощный, чем показалось мне после беседы в моем кабинете.

— У меня есть несколько вопросов.

— Так задавайте их. Я должен заполучить бивни Слона Килиманджаро и готов предоставить вам всю информацию, которая поможет в розысках.

— Мой первый вопрос: зачем вам нужны бивни? Вы выразили готовность заплатить за них гораздо больше их рыночной стоимости.

Он помолчал, словно обдумывая свои слова.

— Я не понимаю, каким образом мой ответ может помочь вам в поиске бивней.

— Вы отказываетесь отвечать?

— На текущий момент — да.

К столику подошел официант узнать, что мы будем пить. Мандака заказал стакан молока.

— Молока? — в изумлении повторил я.

— Это традиционный напиток моего народа, — пояснил он. — В древности мы смешивали молоко с кровью коров.

Я заказал алфардское бренди, и официант отошел, бросая опасливые взгляды на Мандаку, словно ожидая, что тот сорвет с себя цивильную одежду и начнет танцевать на столе.

— Ваш следующий вопрос, мистер Роджас, — нарушил затянувшуюся паузу Мандака.

— Почему масаи проявляют такой интерес к этим бивням?

— С чего вы так решили?

— Прослеживая путь бивней по галактике, я постоянно натыкаюсь на масаи — Масаи Лайбон, Тембо Лайбон, Лийо Нельон, вы.

— Лийо Нельон не владел бивнями, — уверенно заявил Мандака.

— Но практически заполучил их.

— Правда? — Мандака наклонился ко мне.

Я кивнул.

— Он нанял некую воровку, которую звали Таити Бено, чтобы украсть их у инопланетян, известных как Летящие-в-ночи. Она справилась с заданием, но Лийо Нельсон умер до того, как она смогла передать ему бивни. Случилось это пятьсот семьдесят три года тому назад.

— Что произошло с ними потом?

— Компьютер как раз это выясняет. — Я пристально посмотрел на него. — Откуда вам известно, что бивни не попали к Нельсону?

— У меня есть источники информации.

— Вы могли бы облегчить задачу, поделившись ими со мной.

Он покачал головой.

— Моя информация исключительно негативная, мистер Роджас. Мне лишь известно, какие масаи владели бивнями и когда мы их потеряли.

— Вы имеете в виду Тембо Лайбона?

— Совершенно верно.

— Вы не станете отрицать, что последние три тысячи лет масаи пытались вернуть бивни?

Его лицо осталось бесстрастным.

— Следующий вопрос.

— Вы осложняете мне поиски, мистер Мандака.

— Зато я щедро оплачиваю ваши услуги, мистер Роджас. И по моему разумению, вам не надо знать ответ на этот вопрос.

— Я найду его и без вашей помощи.

Он долго смотрел на меня, не произнося ни слова, и мне даже стало не по себе.

— Вам он не принесет пользы, мистер Роджас. — Голос его звучал менее угрожающе, чем я предполагал. — Даже если вы услышите от меня ответ, вы мне не повесите.

— Если он будет соответствовать имеющимся у меня фактам, поверю, — заверил его я.

Он сухо улыбнулся:

— Зачастую факты — враг истины.

Вернулся официант с молоком для Мандаки и бренди для меня. Мы заказали обед. Я остановился на рыбе, Мандака предпочел мясо.

— У вас есть еще вопросы, мистер Роджас?

— Да. Но вы не ответили на уже заданные, так что скорее всего та же судьба ждет и остальные.

— Возможно, — согласился он. — Но, раз уж вы здесь, почему бы их не задать.

— Хорошо. Кто вы?

Наши взгляды встретились.

— Вы знаете, кто я.

— Я знаю, а вот Олигархия — нет.

— Я Букоба Мандака, последний из масаи.

— Тогда почему о вас нет никаких сведений в архивах?

Он ответил не сразу.

— Может, я обожаю секретность.

— Многие обожают секретность. Но вы — единственный, о существовании которого никому не известно.

— Известно. Надо только знать, куда смотреть.

— И куда же?

— Мы уклоняемся в сторону, мистер Роджас. — Он выпил молоко. — Эти сведения не имеют никакого отношения к бивням. — Он помолчал. — Вы вдруг занервничали, мистер Роджас.

— Да, — признал я. — У меня такое ощущение, что я задал очень опасный вопрос.

— Тогда зачем вы его задали?

— Потому что хочу знать ответ.

— И вы хотите знать, почему масаи с маниакальным упорством гонятся за бивнями Слона Килиманджаро?

— Да.

Внезапно он широко улыбнулся.

— Я поступил правильно, выбрав вас, мистер Роджас. Вы не успокойтесь, пока не найдете бивни.

— А как же мои вопросы?

— Когда вы отыщете бивни, я, возможно, что-то вам расскажу.

— А может, я вам не открою, где бивни, пока вы не сообщите мне то, что я хочу знать.

Глаза его сузились, он наклонился вперед, заговорил обманчиво вкрадчивым голосом.

— Вот сейчас вы ступили на очень опасный путь, мистер Роджас. Убийство — меньшее из преступлений, на которые я могу пойти ради бивней.

— Но почему? — Мною по-прежнему владело любопытство.

— Они мне необходимы.

— Для чего? Что вы будете с ними делать? Есть же другие бивни. В музеях, в частных коллекциях. Зачем вам нужны бивни именно Слона Килиманджаро? Если ради них вы готовы на убийство, почему бы вам не убить ради скульптур Мориты или Блазингемского бриллианта?

— Это всего лишь безделушки. А мне нужны бивни.

— Повторяю, почему?

Вновь он долго смотрел на меня.

— Так предопределено тысячелетия тому назад.

— Предопределено? — повторил я. — Кем? Когда?

— Мне кажется, вы уже перебрали с вопросами, мистер Роджас.

— Дайте мне хоть какие-то ответы, — настаивал я. — Если масаи так дорожат бивнями, почему Тембо Лайбон проиграл их в карты?

— Потому что он был дураком! — Глаза Мандаки яростно блеснули. — Он знал, что надо делать, но не мог заставить себя пойти на это.

— А что от него требовалось?

Мандака так пристально смотрел на свои сжатые кулаки, что, наверное, и не услышал моего вопроса. Я

ждал, пока он расслабится, чтобы повторить вопрос, но внезапно прогремел гонг, и в зале появился старик с длинной седой бородой, в многоцветных одеждах, с посохом в руке.

— Моисей. — Мандака повернулся к старику. Посох в его руках превратился в змею и вновь стал посохом.

— Молодец, — прокомментировал я, когда Моисей стал вершить чудеса своего библейского тезки. — Мне всегда нравились маги\*.

— Вам всегда нравились иллюзионисты, — поправил меня Мандака.

— А в чем разница?

Он опять посмотрел на меня:

— Маги вам бы не понравились, мистер Роджас.

— А вы с ними встречались?

— Нет, — ответил он.

Как раз в этот момент Моисей произнес какое-то заклинание, и вода на ближайших к нему столиках превратилась в кровь, а потом вновь стала водой.

— Тогда почему вы полагаете, что они бы мне не понравились? — спросил я под аплодисменты сидящих за столиками.

— В моем народе были маги, скорее колдуны, когда мы еще не оторвались от Земли.

— Вы хотите сказать, волшебники? — с сомнением спросил я.

Он покачал головой:

— Нет. Эти маги придавали нам силы в бою, проливали дождь над нашими посевами, способствовали размножению скота.

— Какой прагматизм!

— Согласен с вами, — кивнул он. — Но вот что я вам скажу, мистер Роджас. Мундумугу, колдун, мог нало-

---

\* В английском языке слова «маг» и «фокусник» пишутся одинаково (magician). Роджас, разумеется, имел в виду фокусника, но ниже речь пойдет о магах.

жить заклятие на человека или животное, находящихся за сотни миль от него, и этот человек или животное умирали.

— Я очень в этом сомневаюсь, мистер Мандака.

— Меня это не удивляет, мистер Роджас. — Мандака смотрел на Моисея, над головой которого теперь кружила стая саранчи.

Представление продолжалось еще пять или шесть минут, каждый фокус в точности соответствовал библейскому эпизоду. Наконец старик воздел руки, и голограмма Красного моря разделилась надвое. Он прошел несколько шагов по сухому дну, повернулся, поклонился и тут же исчез под миллионами тонн воды. Это послужило сигналом для смены декораций, и мы увидели юную Клеопатру, объезжающую свои владения на золотой колеснице.

— Потрясающе! — воскликнул я, как и все присутствующие, захлопав в ладоши.

— Для иллюзии — да, — согласился Мандака. — Мы закончили, мистер Роджас?

— Вы вроде бы уже собрались сказать мне, чего не смог сделать Тембо Лайбон, но нас прервало появление фокусника.

— Нет, говорить этого я не собирался, мистер Роджас.

— Тогда должен признать, что разговор окончен, по крайней мере на сегодня. Мне бы хотелось знать, где я могу вас найти.

— В этом нет необходимости, — ответил он. — Я буду связываться с вами ежедневно, пока вы не найдете бивни.

Я отпил бренди, посмотрел на Мандаку.

— Не знаю, как потактичнее задать этот вопрос...

— Весь вечер вы обходились без подобных уловок, мистер Роджас. — По его голосу я не понял, то ли он раздражен, то ли ему смешно. — Что изменилось?

— Я бы хотел получить ваши заверения в том, что я не делаю ничего противозаконного.



— Все абсолютно законно.

— И вы не преступник?

— Нет, я не преступник. — Мандака посмотрел мне в глаза. — Теперь у меня есть вопрос.

— Слушаю.

— Если бы я ответил иначе, вы бы прекратили поиски бивней?

— Нет, — честно ответил я. — Не прекратил.

Мой ответ его полностью устроил.

— Я так и думал.

— Но вы сказали мне правду?

— Да, мистер Роджас. Я не преступник, и вы не делаете ничего противозаконного.

— Тогда я найду вам эти бивни.

— Я знаю, что найдете.

— Наверное, мне следует указать, что они не приносили счастья прежним владельцам.

— Меня это не удивляет.

— Тогда я надеюсь, что вы станете исключением из правила и они принесут вам славу и богатство.

Он печально улыбнулся.

— Они принесут мне только смерть, мистер Роджас, — заявил он с абсолютной уверенностью. — А теперь, если позволите...

Он поднялся и ушел, прежде чем я успел произнести хоть слово, оставив меня размышлять над его фатализмом.

Час спустя я вошел в свой кабинет и плюхнулся в кресло.

— Компьютер, ты выяснил, к кому попали бивни после Таити Бено?

— Нет.

— Переведи две трети располагаемой мощности на наш разговор, а остальное используй на поиски бивней.

— Исполнено, — сообщил мне компьютер. — Что вы хотите обсудить, Дункан Роджас?

— Расскажи мне о масаи.

Кристалл ярко засветился, собирая информацию.

— Масаи — очень агрессивное племя кочевников-скотоводов, обитавшее в южной Кении и северной Танзании.

— Откуда же у скотоводов агрессивность?

— Они не проповедовали войну, как зулусы, — объяснил компьютер, — но совершали набеги на соседние племена, захватывая их женщин и скот, и немало в этом преуспели. Хотя их число никогда не превышало триста тысяч, одно время они контролировали треть пастбищ Кении и Танзании.

— На какие племена они нападали?

— Главным образом на кикуйю и вакамба, хотя воевали и с луо, нанди и кизи.

— Масаи правили в Кении или Танзании?

— Нет. До колонизации в Восточной Африке границ не было. Потом Кению захватили англичане. После обретения независимости там правили главным образом кикуйю, реже луо и вакамба.

— Но не масаи?

— Нет.

— Это любопытно. Если они брали верх над остальными племенами, почему же они не заняли первые посты в государстве?

— Самым харизматическим лидером борьбы за независимость был Джомо Кениата, кикуйю, и его племя получило все руководящие должности.

— А масаи не возражали?

— Масаи еще столетие продолжали пасти скот, не обращая внимания на социальные и политические изменения. Политика коснулась их лишь в тот момент, когда из-за кризиса перенаселения государству пришлось выкупать их родовые земли.

— А танзанийские масаи? Почему они не пришли к власти?

— Танзания сначала была германской колонией, потом британским протекторатом. Масаи всегда составляли в этой стране меньшинство, не проявлявшее интереса ни к освободительному движению, ни к формированию независимого государства.

— Все это более чем странно. Получается, что, взяв верх над соседними племенами, масаи добровольно отдали все, чего добились за многие столетия.

— Возможно, отдали не добровольно, — поправил меня компьютер. — Англичане запретили им носить оружие и воевать с соседями.

— Когда это случилось?

— Приблизительно в тысяча девятисотом году Нашей эры.

— После тысяча восемьсот девяносто восьмого года?

— Возможно, и после. Система связи в те времена была очень примитивной, особенно в Африке, и приказы очень долго доходили до исполнителей.

— В тысяча восемьсот девяносто восьмом году убили Слона Килиманджаро, — напомнил я.

— Мы этого не знаем, — возразил компьютер. — Нам известно, что в этом году бивни Слона Килиманджаро впервые продали на аукционе.

— Интересно, нет ли здесь связи?

— Между чем и чем?

Я нахмурился:

— Пока не знаю. Масаи выставили бивни на аукцион?

— Архивные материалы неполны и противоречивы, но упоминаний о том, что масаи имели какое-то отношение к тому аукциону, нет.

Я глубоко задумался, уверенный, что нащупал ниточку, которая может вывести меня к причинам, объясняющим связь между масаи и бивнями, но еще не зная, где и что искать.

— В Британский музей национальной истории бивни попали в тысяча девятьсот тридцать втором году Нашей эры. Так?

- Да.
- Сколь долго пробыли бивни в музее?
- Сто двадцать пять лет.
- Выясни, что случилось с ними потом.
- Приступаю...

## ГЛАВА ПЯТАЯ

### ПОЛИТИК (2057 г. Н.Э.)

*Миллионы фламинго летали вокруг, когда я медленно шел по берегу озера Накуру. Я не стал пить грязную и горькую озерную воду, вырыл яму в склоне холма и терпеливо подождал, пока она наполнится чистой водой.*

*Я поел листья баобаба, высокую траву, побеги акации, осыпал тело пылью, чтобы уберечься от паразитов и жаркого солнца. Понюхал ветер и обнаружил среди прочего запах цитрусовых. Пошел на запах, набрел на маленькую деревушку и начал опустошать сады, ибо огромное мое тело требовало колоссальной энергии. Туземцы выбежали с копьями и луками, чтобы отогнать меня, но, увидев, с кем имеют дело, склонили головы и захлопали в ладоши, словно признали во мне давно ушедшего Бога, который наконец-то вернулся к ним.*

*Три дня я кормился в садах и мог бы задержаться подольше, потому что возраст и битвы юности уже давали о себе знать (на ноге, повыше колена, рог носорога оставил глубокий шрам, а в теле я все ношу три мушкетные пули), но я двинулся дальше на юг, по рифтовому разлому на поверхности матери-земли, навстречу своей судьбе.*

*Мэтью Кибо, с крепкой кенийской сигаретой, болтающейся в углу рта, рукавами, закатанными выше лок-*

тей, блестящей кожей черепа, проглядывающей сквозь поредевшие седые волосы, поднялся из-за компьютера, пересек комнатушку, достал из холодильника банку прохладительного напитка, нажал кнопку, увеличивающую скорость вращения вентилятора под потолком.

Февраль в Найроби — месяц жаркий. Кибо вздохнул, стараясь не думать о прибрежном Малинди или своем просторном доме в горах Уганды, где всегда царила прохлада. Он вернулся к креслу, одним глотком ополовинил банку, сквозь грязное окно посмотрел на Городскую площадь, где несколько человек не шли, аплыли (в такую жару не побегаешь) мимо статуи Джомо Кениаты.

Банка опустела, он бросил ее в корзинку для мусора и уже повернулся к компьютеру, когда открылась дверь и в комнату вошел молодой человек в цветастом кикой.

— Вижу, ты тут неплохо устроился, — заметил Том Нджомо.

— Один кабинет ничем не лучше другого, — сухо ответил Кибо. — Как дела в округе Накуру?

— Жарко и сухо, как и везде. — Нджомо усмехнулся. — Я думаю, пыльных смерчей там больше, чем избирателей.

— Бароти внес деньги в избирательный фонд?

— Говорит, что все еще думает, — ответил Нджомо.

— Он лжет, — твердо заявил Кибо.

— Возможно, — согласился Нджомо. — Он пообещал принять решение в ближайшие три или четыре недели.

— Тогда толку от него не будет, даже если он и говорит правду.

— Все так плохо?

— Во всяком случае, не очень хорошо. — Кибо указал на высвеченные на дисплее цифры. — Джейкоб Тику, семьдесят два процента. Джон Эдвард Кимати, двадцать один процент, не определившихся шесть процентов, три остальных кандидата делят между собой один процент.

— А чего ты ожидал? — Нджомо пожал плечами. — Тику — самый популярный президент со времен Джомо Кениаты. Посмотри, чего он добился: занятость растет, инфляция падает, уровень грамотности достиг девяноста процентов, он построил канал от озера Туркана, Запад его любит, Восток обхаживает, защитники дикой природы просто боготворят, не говоря уже о том, что благодаря его настойчивости Замбия и Заир прекратили войну и выработали условия мирного соглашения. — Он помолчал. — Как можно выиграть выборы, если тебе противостоит сам Господь Бог?

— Никто и не говорил, что это будет легко. — Кибо сухо улыбнулся. — Но мне платят за организацию избирательной кампании Кимати.

— Вот ты ею и руководишь. — Нджомо не упустил случая вставить шпильку.

— Кимати требует особого подхода. Он многих пугает, в том числе и меня. Ему непросто взять верх даже над обычным кандидатом, а не то что над Джейкобом Тику.

— Так почему ты работаешь на него?

— Потому что он уволил прежнего организатора предвыборной кампании и всех его сотрудников и потому что другая сторона не сочла необходимым воспользоваться моими услугами, — ответил Кибо. — Моя задача — показать, что они крепко ошиблись, а до того как Кимати превратит эту чертову страну в руины, ретироваться из Кении.

— До выборов одиннадцать недель, так что твой прогноз едва ли осуществится. — Нджомо достал из холодильника бутылку пива.

— Ну не знаю. За одиннадцать недель многое может произойти.

— Например?

Кибо пожал плечами:

— Еще не знаю. Я в этой должности только три дня. Но первый закон нашего бизнеса остается прежним — надо найти основополагающую идею.

— Они все в кармане у Тику. И каждую он трактует, как хочется избирателям.

— Значит, мы должны отыскать ту, которую он упустил.

— Желаю тебе удачи.

— Желай удачи нам, — поправил его Кибо.

— Я сказал именно то, что хотел, — стоял на своем Нджомо. — Я всего лишь выпускник факультета политологии, собирающий материал для диссертации на звание магистра. Я ничего не знаю о тебе, но я люблю эту страну и не хочу, чтобы ею правил такой демагог, как Кимати. Идеальный для меня вариант — чтобы он проиграл с достоинством, получив приличное число голосов. Тогда в следующий раз меня наймет более приличный кандидат.

— Надеюсь, ты простишь мне, если я вложу в эту кампанию все, что могу?

— Попутного тебе ветра, — пожал плечами Нджомо. — Ты же знаешь, Кимати выступал даже против Турканского канала. Если бы его не прорыли, северные провинции так и остались бы пустыней. — Он помолчал. — А ты задумывался, что произойдет, если он все-таки выиграет выборы?

— Думать о том, что произойдет через минуту после окончания выборов, для организаторов избирательных кампаний — святотатство, — ответил Кибо. — Как только выборы закончены, они начинают готовить следующие, пусть даже в другой стране и на другом континенте. Или в университете тебя этому не учили?

— Я начинаю думать, что учили меня не тому, — признал Нджомо. — Я терял время, вникая в сложности нашей политической системы, а мне следовало штудировать Макиавелли.

— Это не помешало бы.

— Я уже понял.

— В работе организатора предвыборной кампании нет ничего мистического, — продолжал Кибо. — Ты оцениваешь ситуацию, изучаешь соперника, анализируешь рынок, намечаешь цели. Обычный менеджмент, как в любой другой сфере. Но в своем деле, не буду скромничать, я разбираюсь получше многих.

— Знаю, — кивнул Нджомо. — Но не потому ли развалилась экономика Малави?

— Я добился избрания моего кандидата. А управлять страной — это его работа! — Он закурил новую сигарету, всмотрелся в молодого человека. — Позволь дать тебе один совет.

— Внимательно слушаю.

— Моральная и этическая позиция — это прерогатива политического лидера. Если ты этого не понимаешь, считай, что ошибся с выбором профессии. Организаторы предвыборных кампаний действуют за сценой и пойдут на сделку с дьяволом ради того, чтобы их боссы могли выходить к зрителям и рядиться в белоснежные тоги.

— Даже если политический лидер — Джон Эдвард Кимати?

— Что бы ты там ни думал, народ стремится выбрать лидера, которого он достоин. Если они сумасшедшие и готовы отказать в доверии Джейкобу Тику, значит, они достойны Кимати.

— А твоя работа — предоставить им такую возможность.

— Совершенно верно. С чего ты решил, что кандидатами на пост президента могут быть только те, кто получил твое персональное одобрение?

— Я этого не говорил.

— Вот и хорошо. Тогда я ожидаю от тебя добросовестной работы. И потом, если ты хочешь и дальше заниматься организацией предвыборных кампаний, вкалывай, не жалея сил. Это избиратели смотрят на Тiku и



Кимати. Политики же не спускают глаз с тебя, меня и наших оппонентов.

Нджомо предпочел промолчать.

— Ладно. — Кибо поднялся. — Когда допьешь пиво, начинай обзванивать сборщиков пожертвований, особенно в округе Тзаво. Мягко, но твердо скажи им, что надо бы поддать жару. А я пошел в библиотеку.

— Зачем? — спросил Нджомо.

— Потому что мы не можем вести предвыборную кампанию без денег, а осталось их совсем ничего.

— Нет, я спрашиваю, зачем ты пойдешь в библиотеку?

— Я же говорил тебе — искать объединяющую идею.

— И ты надеешься найти ее там? — В голосе Нджомо звучало сомнение.

— Кто знает? — пожал плечами Кибо. — Но в другом месте я ее точно не найду.

Он надел пиджак, шляпу и вышел под жаркое экваториальное солнце, стараясь не обращать внимания на звуки и запахи центральной части города. С Мои-авеню свернул на Биашара-стрит. Еще один поворот налево, два квартала с сувенирными магазинчиками, и улица привела его к недавно реконструированному и расширенному зданию библиотеки Макмиллана. Он не знал, что и где искать, но затребовал гору книг и дисков, унес в читальный зал, сел за столик у окна, из которого открывался вид на золотой купол мечети Джеймиа, и углубился в работу.

Он понимал, что из современности черпать идеи бессмысленно: Тику их все отработал. Экономика исключалась: средний кениец при Тику стал жить куда лучше. Не мог он сунуться и во внешнюю политику: иначе, как Миротворец Африки, пресса Тику не называла.

Значит, ему оставалась только сфера эмоций, идея, которая могла разжечь страсти, поскольку разум избирателей твердо стоял на стороне Джейкоба Тику. Следовательно, Кимати требовался враг, не Тику, его разве

что не обожествляли, другой, живой, осязаемый враг, которого проглядел Тику, но против которого Кимати мог начать священную войну.

Кибо откинулся на спинку стула, заложил руки за голову, уставился на мечеть. Соседняя страна? Нет. Пресса уже боялась Кимати. Они решат, что он жаждет войны.

Значит, большая страна, могучая, чтобы, какие бы страсти ни разжег Кимати, мысль о войне ни у кого не возникла бы. Соединенные Штаты? Нет, они больше ста лет вкладывали деньги в Кению и на роль врага не годились. Россия? Нет, она не имела никаких дел с Восточной Африкой. Китай или Индия? Сфера их интересов лежала в Западной Африке.

Оставалась, как он и предполагал, Британия. Англичане колонизировали Кению, привнесли свои законы и обычаи, затем ушли, чтобы сохранить свою власть через Содружество наций. Где-то в прошлом, за тридцать, семьдесят, девяносто, сто пятьдесят лет, должно найтись что-то такое, что он мог бы использовать, что-то столь тривиальное, что Тику это проглядел, что-то столь бессмысленное, что ни один прежний президент не обратил на это внимания. Однако это что-то должно нести в себе огромный потенциал и, при должной подаче, привести нацию под знамена Кимати.

Через семь часов он нашел то, что искал.

— Ты шутишь, так? — спросил Нджомо.

— В бизнесе я шуток не признаю, — ответил Кибо.

— Так ты действительно думаешь, что сможешь выиграть для Кимати выборы, напомнив нации о слоне, который умер полторы сотни лет тому назад?

Они сидели в открытом ресторане в Мутайга, небольшом городке в восьми милях от столицы. Их столик стоял неподалеку от мангалов, на которых жарили мясо. Официанты носились от столика к столику. В баре толпились нарядно одетые мужчины и женщины.

— Совершенно верно. — Кибо сыпанул пряностей на филе импалы.

— Ты такой же чокнутый, как и он!

— Неужели в университете тебя ничему не научили? — изумленно спросил Кибо.

— Кое-чему научили, к примеру, понимать, когда политик хватается за соломинку, — бросил в ответ Нджомо.

— Ерунда, — отмахнулся Кибо. — Я нашел для Кимати объединяющую идею, которая завтра станет его собственной.

— Хороша идея, — пренебрежительно фыркнул Нджомо.

— Поговорим после его выступления. Знаешь, выборы выигрывает не тот, у кого лучшая фискальная политика или кто умеет ладить с парламентом. Обычно побеждает кандидат, который рассказывает хорошие анекдоты и перещеловал больше детей.

— Или тот, кто сумеет поднять на щит мертвого слона? — ехидно спросил Нджомо.

— Абсолютно верно, — кивнул Кибо. — Кимати нужна идея. Он ее получил. Ему нужен враг, теперь он у него есть. Поскольку идея у него одна, она должна быть предельно проста и понятна каждому избирателю. Идея должна взывать к общенациональной гордости, подняться над племенной враждой, в едином порыве объединить всю страну. А ты говоришь, мертвый слон. Даже фамилия кандидата нам поможет. Дидан Кимати был одним из самых удачливых генералов в войне за независимость. Я постараюсь, чтобы пресса об этом вспомнила. — Кибо отпил вина, откинулся на спинку стула. — Идея блестящая.

— И ты веришь в то, что говоришь? — спросил Нджомо.

— Разумеется, верю. А через неделю в нее поверит вся страна.

— Не сработает.

— Еще как сработает. Прецеденты были.

— Кто-то стал президентом благодаря мертвому слону? — фыркнул Нджомо.

— Нет, но Хассин в две тысячи двадцать третьем году стал президентом Египта, эксплуатируя точно такую идею.

— Хассин? Он победил, потому что заключил перемирие с Иорданией.

— Это случилось после выборов. А вся его избирательная кампания строилась исключительно на обвинении Великобритании в экспроприации национальных сокровищ Египта. Он обещал их вернуть и стал президентом.

— Вернул?

— Нет. Все сокровища по-прежнему в Британском музее... но на выборах-то он победил. И был далеко не самым плохим президентом.

— Даже если он и требовал вернуть сокровища, речь шла о мумиях, золоте, драгоценностях. Ты же говоришь о слоновьих бивнях.

— Я говорю о национальной чести, — уточнил Кибо. — Не вина Кении, что у нас не было храмов и пирамид, которые могли бы разграбить англичане. Они взяли то, что смогли найти, и теперь мы хотим вернуть награбленное.

— Но это всего лишь бивни!

— Бивни — символ, ничего более, — ответил Кибо. — И совершенно не важно, стоят они чего-то или нет. Они остаются самыми большими в мире. Они должны выставляться здесь, в музее Найроби, а не в Британском музее естественной истории. — Он помолчал. — Тем более всем известно, что этого слона убил не европеец, а африканец.

— Да кого это волнует?

— Будет волновать всех, после того как Кимати произнесет следующую речь. Это последнее оставшееся пятно колониализма, которое необходимо стереть. Эти бив-

ни — часть кенийской истории, а не британской. — Он наклонился над столом. — И вот что еще. Бивни даже не включены в экспозицию. Они заперты в хранилище, в подвале музея. Собирают пыль, хотя на них хотел бы посмотреть каждый кениец.

— Они не выставлены ни в одном из залов музея?

Кибо покачал головой.

— Англичане в очередной раз демонстрируют презрение к Африке, не так ли?

— Пожалуй, можно представить это и так, — кивнул Нджомо.

— Особенно если об этом скажет наш огнедышащий дракон.

— Позволь мне обдумать твои слова.

— Твое право. — Кибо допил вино, подозвал официанта.

— Да, мистер Кибо?

— Принесите мне на десерт сливочное мороженое с орехами и шоколадом.

— Я думал, ты на диете, — подал голос Нджомо, когда официант отошел.

— Сегодня я имею право ни в чем себе не отказывать. Заслужил. Хорошему политику за всю жизнь удастся выдвинуть две-три блестящие идеи. Благодаря этой я еще пять лет не буду жаловаться на недостаток заказов.

Следующим вечером Кимати превзошел себя. Голос его звенел от напряжения, глаза вылезали из орбит, вены на лбу вздулись так, что едва не лопнули, когда он честил англичан. Им досталось и за расизм, и за колониализм, он грозил им всеми карами, если они незамедлительно не вернут бивни Слона Килиманджаро, он призывал к бойкоту всех британских товаров.

Англичане, вещал он, поганили горы и саванны Кении, уничтожали один вид животных за другим, а те-

перь отказываются вернуть символ девственной природы Кении, бивни самого большого в мире слона.

Англичане подгребали под себя сокровища всех своих бывших колоний, а теперь не только не возвращают их, но даже не выставляют на всеобщее обозрение, прячут в подвалах, чтобы выразить этим пренебрежение к тем, кого унижали сотни лет.

А если Джейкоб Тику, громогласно объявил Кимати, не потребует вернуть бивни, значит, тот, кто когда-то считался лидером нации, лишился мужества и не может противостоять англичанам.

Да и зачем англичанам бивни, вопрошал Кимати. Они отказываются выставить их в музей, отказываются продать их, отказываются возвратить. Когда же они прекратят унижать кенийцев?

Не замедлил он и с ответом. Только когда Кения выберет президента, который не убоится англичан и сотрет последнее пятно с достоинства черной Африки.

— Неплохо, — мурлыкал на следующий день Кибо, просматривая предварительные итоги опросов общественного мнения. — Очень даже неплохо.

— Ты хочешь сказать, что сработало? — хмыкнул Нджомо. — Я думал, что смирительную рубашку наденут на него прямо перед телекамерами, так он дергался, брызгал слюной и потрясал кулаками.

— Его рейтинг поднялся на четыре пункта. Для сумасшедшего результат прекрасный.

— Дай-ка посмотреть! — В голосе Нджомо слышались нотки изумления. Он склонился над компьютером. Долго смотрел на дисплей. — Невероятно!

— Подожди завтрашнего дня, когда он выступит в университете. Я уверен, что он прибавит еще два пункта, — пообещал Кибо.

— Интересно, а как реагируют англичане? — спросил Нджомо.

— Наверное, удивляются, чего мы поднимаем столько шума из-за каких-то бивней.

— Они их возвратят?

— Пока он им угрожает — нет. Они не из тех, кто поддаются шантажу. А он будет угрожать им до выборов.

— А Тику?

— Что — Тику?

— Что делать ему? — спросил Нджомо.

— Действовать в соответствии с законами логики.

— И что сие означает?

Кибо пожал плечами.

— Кто знает? Но эффекта не будет. Мы бьем на эмоции. И логика тут бессильна.

Кимати произнес еще четыре речи и поднял рейтинг еще на девять пунктов, прежде чем Джейкоб Тику решил наконец высказаться насчет бивней.

Слона, указал он, убил не англичанин, даже не европеец.

Слона, заявил он, убили на склонах горы Килиманджаро, которая находится на территории Танзании, так что Кения не имеет никакого права требовать возвращения бивней.

Бивни слона, напомнил он, законным образом продали на аукционе в Занзибаре, который тогда был независимой страной, а не в Момбасе.

И только через тридцать четыре года после аукциона, объяснил он, Британский музей естественной истории приобрел бивни.

Кимати, заключил он, пытается разжечь страсти и нажать политический капитал на высосанной из пальца проблеме, при этом накаляя отношения с давним и надежным союзником Кении — Великобританией.

Великолепную, достойную великого политика речь опубликовали все английские газеты. Тику показали все транснациональные информационные каналы.

И на следующее утро Кимати сократил разрыв с Тику еще на три пункта.

— Что-то ты очень мрачен для человека, чей кандидат отстает от самого Господа Бога всего на шесть пунктов, — отметил Нджомо месяц спустя, входя в кабинет Кибо.

— На пять, если ты заглядывал в сегодняшний номер «Нации», — поправил его Кибо.

— Так с чего такая печаль? — не унимался Нджомо. — Деньги текут рекой, мы не успеваем их пересчитывать, Кимати попал на обложки «Штерна» и «Тайм», а бедняге Джейкобу Тику, наверное, уже снятся слоны.

— Посол Великобритании хочет поговорить с ним.

— С Кимати?

Кибо кивнул:

— Я уже две недели вожу их за нос, но скоро они загонят меня в угол.

— А почему бы не дать им пообщаться?

— Не хочу рубить сук, на котором сижу.

— Не понимаю тебя. Кимати подождет, пока все камеры нацелятся на них, а потом пригрозит послу, что отправит его к праотцам, если посол не сядет на следующий самолет, вылетающий в Великобританию, и не привезет бивни.

— Этого-то я и боюсь.

У Нджомо округлились глаза.

— У меня такое ощущение, что мы говорим на разных языках.

— Все потому, что ты молод и наивен, — вздохнул Кибо. — Поверь мне, встреча Кимати с любыми представителями Великобритании не в наших интересах.

— Ты потратил месяц, создавая миф, что Кимати — единственный защитник чести Кении. Когда же ему представился шанс схлестнуться один на один с врагом, ты пытаешься этого не допустить. Почему?



Вновь тяжелый вздох.

— Как ты думаешь, что видят англичане, американцы или русские, когда смотрят на Кимати?

— Ну не знаю. Должно быть, колоритного политика, который занимает первые полосы газет, выступая с необычной идеей.

— Они видят клоуна. Большого, грубоватого клоуна, чья страна отдала кому-то его игрушки, а он требует вернуть их ему. — Он помолчал. — Половина из них думают, что он носит набедренную повязку и живет в глинобитной хижине.

— К чему ты клонишь?

— Он их забавляет, как забавлял в прошлом столетии Иди Амин. Если б они прислушались к его словам, то поняли бы, как ловко он манипулирует аудиторией. Если б они вспомнили, что в своем выпуске в Сорбонне он был первым, его выходки перестали бы их забавлять. Они бы перепугались.

— А разве плохо напугать посла Великобритании? — спросил Нджомо — Еще один гвоздь в политический гроб Джейкоба Тику.

— Возможно. Но я в этом сомневаюсь — Кибо закурил очередную сигарету. — При том темпе, в котором растет поддержка Кимати, он догонит Тику за две недели до выборов и победит с отрывом в два миллиона голосов. Его может остановить только одно.

— Что же?

— Потеря идеи, с которой он идет на выборы. У меня не будет времени найти ему другую. Если посол встретится с ним лично и поймет, что Кимати — сумасшедший и действительно может развязать войну из-за бивней, он скорее всего порекомендует своему правительству вернуть бивни. — Кибо посмотрел Нджомо в глаза. — Это тебе, надеюсь, понятно: нет идеи — нет и победы.

— Понятно. — Тут помрачнел и Нджомо.

— Вижу, этому тебя тоже не учили, — сухо отметил Кибо.

Нджомо достал из холодильника бутылку пива.

— Так что же нам теперь делать?

— Я лезу из кожи вон, убеждая Кимати, что встретиться с противником — ниже его достоинства.

— Я думал, его противник — Джейкоб Тику.

— С Тику сражаться бесполезно. Кимати воюет с англичанами. Я-то думал, что ты меня слушаешь.

— Если логика не срабатывает, дави на тщеславие, — предложил Нджомо. — Это беспронигрышный вариант.

— Ты чему-то да учишься.

— Правда?

Кибо кивнул:

— Организатор предвыборной кампании должен прежде всего разбираться в людях, а уж потом в политике.

— Ты, несомненно, прав.

— Если ты усвоишь этот принцип, в политике тебя ждет блестящее будущее. — Внезапно Кибо улыбнулся. — А если забудешь, то всегда сможешь заработать на жизнь, преподавая политологию в университете.

Очередную речь Кимати произнес в Малинди. Его выступление транслировалось на всю страну. Через пять минут в кабинете Кибо зазвонил телефон.

— Да?

— Мистер Кибо?

— Слушаю.

— Говорит сэр Роберт Пик.

— Чем могу быть полезен вам, господин посол? — Кибо закурил.

— Вы слышали речь, которую произнес этим вечером Джон Эдвард Кимати?

— Да.

— Надо остановить нескончаемый поток оскорблений в адрес моего государства, мистер Кибо.

— Кандидат сам пишет свои речи, господин посол. Что я могу с этим поделать?

— Я надеюсь, вы убедите его прекратить нападки на Великобританию. Правительство Его Величества воспримет еще одну подобную речь с крайним неодобрением.

— Так почему бы вам лично не сказать все это мистери Кимати? — спросил Кибо.

— Я неоднократно пытался встретиться с ним, но вы постоянно мне в этом мешали, мистер Кибо.

— Это не так, господин посол, — солгал Кибо. — Время мистера Кимати расписано по минутам, но я пытаюсь устроить вашу встречу.

— Не извольте беспокоиться.

Кибо нахмурился:

— Вы больше не хотите встретиться с ним?

— Нет.

Кибо быстро проанализировал возможные альтернативы.

— Вы могли бы пообедать с ним завтра вечером.

— К сожалению, завтрашний вечер у меня занят, — не без ехидства ответил Пик. — Просто запомните мои слова, мистер Кибо. Еще одного шквала оскорблений мы не потерпим.

И в трубке зазвучали гудки отбоя. Кибо тут же попытался разыскать Кимати. В конце концов ему удалось связаться с Нджомо.

— Что-нибудь случилось? — спросил молодой человек.

— Беда, — коротко ответил Кибо. — Я хочу, чтобы на ближайшие два дня ты отменил все выступления Кимати. Пока я не переговорю с ним, он нигде не должен появляться.

— А что такое?

— Мне позвонил посол Великобритании. Он требует, чтобы Кимати перестал нападать на его страну.

— И что из этого?

— Делай то, что тебе говорят! — рявкнул Кибо и бросил трубку. Снова попытался связаться с Кимати. В час дня ему это удалось: кандидат взял трубку в своем «люксе».

— Джон, это Мэтью Кибо.

— Как тебе понравилась моя сегодняшняя речь?

— Превосходная речь. — Кибо помолчал. — Джон, у нас проблемы. Я отменил все твои выступления на ближайшие два дня. Можешь ты сказатьсь больным?

— Зачем?

— Ситуация очень сложная. До выборов двадцать дней. Пора устанавливать более дружеские отношения.

— С Тику? — пренебрежительно бросил кандидат. — Кому нужен этот старикашка?

— С англичанами.

— Пусть сначала отдадут бивни!

— Джон, ты говоришь со мной, а не с избирателями. Это я нашел тебе эту идею.

— Я не успокоюсь, пока бивни не вернутся в Кению!

— Джон, пока я не давал тебе плохих советов, не так ли? Ты должен мне верить. Если ты перестанешь клеймить англичан, у тебя есть шанс выиграть выборы. Если нет, обещаю тебе, ты проиграешь.

— Никто не вправе приказывать Джону Эдварду Кимати! — проревел кандидат. — Я никого не боюсь, будь то страна или человек, и не позволю заткнуть себе рот! Пусть привозят свои пушки. Я готов к войне.

— Они привезут не пушки. Можешь ты остаться в Малинди, пока я не прилечу и не поговорю с тобой?

— Завтра утром я должен выступать в Лами-Тауне. Если хочешь поговорить со мной, прилетай туда.

— Твое выступление отменено.

— Тогда я выйду на городской перекресток и выступлю там. Мне не заткнут рот, пока бивни не вернутся в Кению!

Кибо швырнул трубку на рычаг, вновь попытался дозвониться до Кимати, но в ответ слышались лишь короткие гудки.

Еще час он просидел на телефоне, а потом поехал домой, прекрасно осознавая, что его кандидату уже не стать будущим президентом.

Нджомо пересек кабинет и выключил телевизор.

— Я считаю, что это одна из его лучших речей! — воскликнул он.

— И к тому же одна из последних, — добавил Кибо. — Включи телевизор.

— Зачем?

— Потому что я могу отличить угрозу от блефа.

— Ты насчет посла Великобритании? — спросил Нджомо. — Что он может сделать! Чем громче он будет протестовать, тем выше взлетят шансы Кимати.

— Тебе еще многому надо учиться. — Кибо откинулся на спинку стула, наблюдая за перипетиями разворачивающейся на экране исторической драмы.

Нджомо просидел рядом с ним двадцать минут, потом поднялся, подошел к столу, на котором стоял компьютер.

— Ты не возражаешь? Хочу посмотреть рейтинг трансляции его выступления.

— Смотри, конечно. — Он тоже встал, шагнул к окну, выглянул.

В центре Городской площади по-прежнему высилась статуя Джомо Кениаты. Проехала машина «скорой помощи» с включенной сиреной. Две сотни испуганных птиц взлетели с веток.

— Неплохо, — прокомментировал Нджомо появившиеся на дисплее цифры. — Особенно много телезрителей на побережье.

— На побережье сто пятнадцать градусов\*, — напомнил Кибо. — В такую жару им не остается ничего другого, как сидеть дома и смотреть телевизор.

Внезапно он вернулся к креслу и уставился в экран.

— Этого я и ожидал.

Нджомо выключил компьютер, повернулся к телевизору.

— Мы прерываем нашу трансляцию, — прозвучал маслянистый, обволакивающий голос, — чтобы передать специальное сообщение.

На экране возникла резиденция президента Тику в Мутайга. Джозеф Тику и сэр Пик стояли на каменных ступенях, окруженные репортерами.

— Я вас надолго не задержу, — предупредил Тику.

Репортеры придвинулись.

Сегодня утром, в одиннадцать тридцать, то есть пятнадцать минут назад, правительство Кении завершило дружественные и конструктивные переговоры с правительством Великобритании, которое представлял посол сэр Роберт Пик. В полном соответствии с итогами наших переговоров бивни Слона Килиманджаро завтра в полдень будут выставлены на всеобщее обозрение в Национальном музее Найроби.

Старый президент пожал руку Пику и лучезарно улыбнулся прямо в камеры. Кибо почувствовал, что улыбка предназначена лично ему.

— Вот тебе и последний урок. — Кибо печально вздохнул. — Не берись за организацию предвыборной кампании кандидата с одной-единственной идеей, если не уверен, что эта идея протянет до выборов.

— Что же нам теперь делать? — вырвалось у потрясенного заявлением президента Нджомо.

— Теперь? — переспросил Кибо. — Идти домой и отдыхать. А послезавтра постараемся придумать, что дол-

---

\* 115 градусов по шкале Фаренгейта соответствуют 46 градусам по шкале Цельсия.

жен говорить Кимати три последние недели предвыборной кампании, чтобы достойно, а не с разгромным счетом проиграть выборы.

— А завтра?

— Насчет тебя не знаю, — Кибо поднялся, подошел к стенному шкафу, достал пиджак, надел, — а вот я пойду в музей и посмотрю, из-за чего разгорелся сыр-бор.

## ПЯТАЯ ИНТЕРЛЮДИЯ (6303 г. Г.Э.)

Домой я вернулся после полуночи, скорее из желания переодеться, а не потому, что хотел провести ночь в собственной постели. Кивнул трехногому швейцару с Хесполита III, подождал, пока лифт сравнит мои ретинограмму и костную структуру с заложенными в его памяти, поднялся на седьмой этаж. Когда коридорная дорожка остановилась перед моей дверью, я сошел с нее, прижал ладонь к пластине сканнера, произнес звуковой код, вошел.

И оказался лицом к лицу с Букобой Мандакои.

— Что вы тут делаете? — спросил я.

— Жду вас, — ответил он, поднимаясь с кресла, в котором сидел.

— Как вы сюда попали?

— Есть способы.

Я смотрел на него, здоровенного, мускулистого, высящегося надо мной словно гора, и решил сменить тему.

— Ясно. А что привело вас сюда?

— Хотел поговорить.

— Мы вроде бы этим и занимались за обедом.

Он покачал головой.

— За обедом мы пикировались, мистер Роджас. А теперь мы поговорим.

— Я это только приветствую. Вы не будете возражать, если я себе что-нибудь налью?

— Отнюдь. Бутылки на кухне.

— Знаю, — сухо ответил я.

— У вас интересная квартира, мистер Роджас. — Он последовал за мной.

— Обычная. — Я пожал плечами.

— Я и сказал — интересная, а не экстраординарная. Я оглядел белые стены, стерильно чистую мебель.

— Что вы нашли тут интересного? Квартира как квартира.

— Она интересна тем, что абсолютно ничего не говорит о вас. И в то же время говорит все.

— Что-то я вас не совсем понимаю.

Я подошел к бару, приказал двери уйти в стену.

— Давно вы здесь живете, мистер Роджас?

— Почти семь лет.

— И за семь лет вы так и не обжили свою квартиру. Вот это я и нахожу интересным.

— Я все равно вас не понимаю. — Я достал контейнер.

— Мебель чисто функциональная, по картинам на стенах невозможно судить о вкусе хозяина. Ковер старый, но такое ощущение, что по нему не ходят. Кухней никто не пользуется. Ни жены, ни семьи, ни любовницы. Вы платите за квартиру, мистер Роджас, но используете ее как номер отеля. В квартире нет ничего от вас. Даже книги и диски чисто развлекательные, нужные лишь в те короткие минуты, когда человек хочет отвлечься. И эти головоломки, мистер Роджас. — Мандака печально покачал головой. — Головоломки.

— Что они вам?

— Какой человек будет держать сотни головоломок в спальне и кабинете? Только тот, который хочет заполнить пустоту между часами, отдаваемыми важному делу.



Я молча смотрел на него.

— Как не похожа квартира на ваш кабинет, мистер Роджас, — продолжал он. — Везде книги, стены увешаны фотографиями и голограммами редчайших животных галактики, еда и кофе всегда под рукой, мебель не просто удобная, но удобная лично вам. Там вы живете, мистер Роджас, живете ради дела, которым занимаетесь.

— Вы пришли сюда, чтобы сказать мне об этом? — В голосе моем слышалось раздражение. Очень уж точно охарактеризовал он мою жизнь, увидев несколько комнат со старой мебелью.

— Нет, я пришел сюда, чтобы сказать, что я очень вами недоволен, мистер Роджас.

— Да? А почему?

— Вам известна планета Нелсон двадцать три?

— Вы так быстро отследили объявление? — удивился я.

— Разумеется.

— Я потрясен.

— А я раздражен. Зачем вы дали его?

— Хотелось узнать, какие у вас источники информации.

— Ни мои источники, ни я не испытываем ни малейшего желания участвовать в экспериментах, которые служат исключительно для удовлетворения вашего любопытства, мистер Роджас, — жестко заявил он. — Я потратил немалые средства, чтобы проследить путь объявления до вашего кабинета.

— Возможно, мне не следовало этого делать, — признал я. — Вычтите ваши расходы из моего вознаграждения.

— Они составили почти треть того, что я вам плачу.

— Не важно. — Я пожал плечами. — Вина-то моя.

— Стоило ли давать это объявление, мистер Роджас? — спросил он, не сводя с меня глаз.

— Пожалуй, нет. Честно говоря, я предполагал, что вы или ваши люди его не заметите.

— Проверка вашей гипотезы может обойтись вам в кругленькую сумму, мистер Роджас. Или вам не нужны деньги?

— Все хотят получать деньги.

— Но не всем они нужны. — Он задумчиво посмотрел на меня, потом кивнул. — Вам деньги могут купить стерильные квартиры да тривиальные головоломки, которые вы тут держите. Только такие люди, как я, могут ставить перед вами интересные задачи, вроде розысков бивней Слона Килиманджаро. — Он иронически улыбнулся. — Я думаю, мистер Роджас, вам без меня не прожить, как и мне — без бивней.

— Давно масаи жаждут завладеть бивнями? — спросил я.

— Довольно-таки, — признал он.

— С тысяча восемьсот девяносто восьмого года Нашей эры?

— Не совсем.

— Но желание это возникло у них до тысяча девятьсот четырнадцатого года Нашей эры? — предположил я.

— Да, мистер Роджас.

Я улыбнулся, довольный собой.

— Я так и думал.

— Возможно, мне не следовало недооценивать ваши головоломки. Они отточили ваш ум.

— Благодарю вас.

Он вновь долго смотрел на меня.

— Насколько я понимаю, между нашими сегодняшними встречами вы узнали что-то новое.

— Есть немного. — Я наполнил стакан. — Скорее подтвердилось то, о чем я и сам догадывался. Составите мне компанию?

— По-моему, я говорил вам, что пью только молоко.

— К сожалению, молока у меня нет. Не присесть ли нам, мистер Мандака?

— В кухне только один стул.

— Так пройдемте в гостиную.

Он пересек гостиную, сел в большое кресло. И приказал кушетке приблизиться, только потом вспомнив, что мебель в моей квартире не реагирует на команды голосом. Подошел к ней, установил контрольные рычажки так, чтобы она плавала над полом на высоте шести дюймов, при этом мягко покачиваясь, и сел.

— Так что рассказал вам компьютер этим вечером? — спросил Мандака, когда я отпил из стакана и поставил его на стол.

— Как и почему англичане вернули бивни Кении.

— Это произошло в двадцать первом столетии Нашей эры. — В его голосе слышалось недовольство. — Я-то думал, вы прослеживаете историю бивней из прошлого в будущее, а не наоборот.

— Все так. На экскурс в прошлое расходовалась лишь малая доля мощности компьютера. Просто мне хотелось побольше узнать об этих бивнях.

Я ожидал вспышки гнева, но он лишь кивнул.

— Джон Эдвард Кимати, — пробормотал он. — Его стараниями бивни оказались у нас в руках, но мы по-прежнему ничего не предприняли.

— А что вам следовало предпринять, мистер Мандака?

— Забрать их из музея и сделать то, чего от нас ждали. То, что еще предстоит сделать.

— Что же это?

Он задумчиво посмотрел на меня.

— Если б я мог надеяться, что вы мне поверите, мистер Роджас, я бы вам рассказал.

— Почему бы сначала не рассказать, а я уж сам решу, верить вам или нет?

Он покачал головой.

— Едва ли вы будете работать с полной отдачей, если придете к выводу, что ваш заказчик — безумец.

— Я уже думаю, что работаю на преступника, но меня это не останавливает.

На его лице отразилось удивление.

— На преступника? Почему? Неужели причина лишь в том, что я сумел нейтрализовать охранную систему вашей квартиры?

— Потому что вы не Букоба Мандака.

— Я уже говорил вам, что это мои настоящие имя и фамилия.

— Но в государственных архивах о вас нет никакой информации.

— Вроде бы за обедом вы удовлетворились моим ответом.

— Потому что наши интересы совпадают: я хочу найти бивни не меньше вашего. Вы, между прочим, очень сильный человек, мистер Мандака. Так что я и теперь не буду ставить ваш ответ под сомнение, если вы будете настаивать на нем. Но мне хотелось бы знать правду.

Он улыбнулся:

— Интеллигентное решение, мистер Роджас. Пусть я и рискую разочаровать вас, но должен повторить: я — Букоба Мандака.

— Когда и где вы родились?

— На Земле, пятьдесят три года тому назад.

— На Земле? — изумленно переспросил я, ибо впервые встретил человека, родившегося на материнской планете.

— Совершенно верно.

— Тогда почему в архивах нет никакой информации о вас?

— Земля практически опустела, мистер Роджас. На ней сейчас живет не больше пятидесяти миллионов человек, и переписное бюро находится на краю света. Так что моим родителям не составило труда скрыть от властей сам факт моего появления на свет.

— Почему у них возникло такое желание?

— Потому что они знали, что может прийти день, когда мне потребуется абсолютная свобода, в том чис-

ле, как они правильно предположили, свобода от ненавязчивого контроля государства.

— Зачем вам свобода от государственного контроля, если вы действуете в рамках закона?

Он помолчал, словно прикидывая, что можно мне сказать, а что — нет.

— Пока я не совершил никаких правонарушений, но без колебания переступлю через любой закон, который встанет между мною и бивнями.

— Путешествие по подложному паспорту — правонарушение, — заметил я.

— Для меня — нет, — отмахнулся он.

Ожил компьютер.

— С Дунканом Роджасом хотят поговорить.

— Соединяй, — приказал я.

— Желаете визуальный контакт или только звуковой?

— Визуальный.

Над кофейным столиком появилась Хильда Дориан.

— Ты знаешь, который теперь час?

— Перевалило за полночь.

— Ты должен был связаться со мной, как только вернешься с обеда, — бросила она. — Я проверила твой компьютер, после того как мы с Гарольдом пришли из театра, и компьютер сообщил, что ты ушел домой. Почему ты не доложил?

— У меня гость. — Я указал на Мандаку. Она отдала своему компьютеру соответствующую команду, и ее образ чуть развернулся, чтобы она могла видеть масаи.

— Он тебе угрожает? — тут же вырвалось у нее.

— Отнюдь.

— Ты уверен?

— Абсолютно. Перестань опекать меня как ребенка.

— Перестану, если ты не будешь вести себя как ребенок. Тебе известно, что об этом человеке нет никаких сведений в архивах Содружества, однако ты пригласил его к себе домой.

— Не так уж я его и приглашал.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Ничего, Хильда. Заверяю тебя, опасность мне не грозит, и я рад, что он у меня в гостях.

Она переводила взгляд с одного на другого, потом откашлялась.

— Мандака, я вас предупреждаю. Вам будет лучше, если завтра утром он придет на работу целым и невредимым.

И прежде чем масан успел раскрыть рот, Хильда исчезла.

— Кто это? — наконец спросил он.

— Хильда Дориан. — Тут я понял, что имя и фамилия ничего ему не говорят. — Она руководит департаментом безопасности «Брэкстона».

— Та самая женщина, которую вы хотели привести с собой на обед?

— Да.

— Любопытная получилась бы трапеза. — На его губах заиграла ироничная улыбка.

— Извините, иногда она слишком уж опекает меня. Надеюсь, она вас не оскорбила.

— Нет. — Он покачал головой. — Наоборот, мне бы хотелось, чтобы был человек, питающий ко мне такие вот чувства.

— А я бы этого не хотел. — Я скорчил гримасу.

— Вы так говорите только потому, что сердитесь на нее. Если б вы оказались в одиночестве, по-настоящему в одиночестве, вы бы ее боготворили.

— А вы по-настоящему одиноки?

Он кивнул.

— У вас нет жены?

— Нет.

— Детей?

Он покачал головой:

— Мне не разрешено их иметь.

— Друзья?

— Ни одного.

Я уже и не знал, что сказать.

— Знаете, бывает и хуже. Многие люди сознательно выбирают уединенную жизнь.

— Я не выбирал такую жизнь, мистер Роджас, — с жаром заверил он меня. — Я бы с удовольствием наслаждался семейным счастьем, хотел, чтобы рядом был человек, который волновался бы обо мне точно так же, как ваш шеф безопасности волнуется о вас.

— Что препятствует вам обзавестись семьей?

— Мне предназначено судьбой жить и умереть в одиночестве. — Он посмотрел на меня. — Между прочим, наши жизни очень похожи, мистер Роджас: хладнокровие, минимум эмоций, уединение.

— Я не нахожу их похожими, — возразил я.

— Разница лишь в том, что вы добровольно избрали такой образ жизни.

— Вас послушать, так я отшельник, — запротестовал я. — А я постоянно общаюсь с людьми.

— Я тоже.

— И у меня есть работа, — добавил я.

— А у меня — миссия.

Не нравился мне этот разговор, поэтому я быстренько сменил тему:

— Обретение бивней — лишь первый этап вашей миссии, не так ли?

Он кивнул.

— Но вы не искали их все пятьдесят три года, не так ли?

— Вы совершенно правы, мистер Роджас. На их поиски я затратил только семь лет.

— А что произошло семь лет тому назад?

Он долго смотрел на меня, потом пожал плечами.

— У меня не осталось уже никаких сомнений в том, что я — последний масаи.

— И последний масаи должен сделать то, что хотел сделать Лийо Нельон, когда разыскивал бивни?

— Сделать это мог любой масаи. — В голосе его слышались злые нотки. — А последний масаи просто обязан.

— Но вы не скажете мне, что именно.

— Вы подумаете, что я сумасшедший.

— Это деяние как-то связано с потерей масаи могущества, не так ли?

— Могущество — понятие очень растяжимое, — ответил Мандака. — Вы знаете, сколько нас было, когда масаи боялись все племена Восточной Африки?

— Нет.

— Двадцать пять тысяч, мистер Роджас, в сравнении с двумя миллионами кикую.

— Двадцать пять тысяч? — недоверчиво переспросил я. — И вам удавалось держать под контролем треть страны?

— Никаких стран в Восточной Африке не было, пока их не создали. Были земли, на которых традиционно жили масаи, и мы не предпринимали попыток захвата земель, принадлежащих другим племенам. — Губы его искривила вымученная улыбка. — Но в тысяча восемьсот восьмидесятом году Нашей эры наш величайший колдун, мундумугу Мбатьян предсказал близкий приход трех несчастий с севера, которые поставят масаи на край гибели. В восемьдесят первом году на нас обрушилась эпидемия ветряной оспы, после которой погибло девяносто процентов масаи, в восемьдесят втором наши стада поразила чума, после которой осталось лишь несколько коров да бычков.

— А третье несчастье? — спросил я.

— В восемьдесят третьем в Масаиленд из Момбасы пришел двадцатилетний шотландец Джозеф Томсон.

— Томсон стал вашим третьим несчастьем? — хмурясь, спросил я.



— Не столько сам Томсон, сколько белый человек, который отнял наши земли и попытался растоптать нашу культуру. — Мандака вздохнул. — Все, что предсказал Мбатьян, сбылось, но мы выдержали и остались величайшими воинами Восточной Африки. Ни один юноша не становился *elmoan*, взрослым, не убив льва своим копьем. — Он нахмурился. — Но англичане отняли наши копья и запретили нам даже носить щиты. Мы не имели права убить льва, напавшего на наши стада. Из воинов они превратили нас в беззащитных пастухов. — Тут он внезапно хохотнул. — Мы никогда не ладили с англичанами. Вы знаете, масаи — единственное племя, не участвовавшее в первой мировой войне. Англичане требовали, чтобы все африканцы, годные к строевой службе, явились на призывные пункты, а мы им сказали! «Нет, нет, мы не воины, у нас нет оружия, которым мы могли бы сражаться. Мы теперь пастухи и останемся с нашими коровами и козами».

— Извините за любопытство, но какое отношение имеет все это к бивням?

— Самое непосредственное. — Голос его переполняла горечь. — И вот что меня особенно злит: бивни не одно столетие находились в Кении, но мы не отняли их у кикую. Насколько мне известно, даже не пытались отнять. — Он задумался. — Именно тогда, до того, как бивни перешли в частные руки, нам следовало завладеть ими.

— Я удивлен, что государство с ними рассталось, — заметил я — После накала страстей, сопровождавших борьбу Кимати и Тику, они должны были превратиться в национальную святыню.

— Они и превратились.

— Тогда почему государство отдало их?

— Какой-нибудь чиновник из кикую или луо получил хорошую взятку, — пренебрежительно бросил Мандака.

— Разве подробности вам не известны? — удивился я.

— Нет. Я знаю лишь, что в первом тысячелетии Галактической эры бивни попали в частные руки. Их история всегда волновала меня куда меньше, чем их нынешнее местонахождение.

— Значит, вам все равно, как это произошло? — разочарованно спросил я.

— Зато вам, я вижу, небезынтересно. Сколько нужно времени, чтобы узнать об этом?

— Я уверен, что передача бивней проходила официально, с подписанием соответствующих документов. Если так, то моему компьютеру в «Брэкстоне» потребуется три или четыре минуты, чтобы найти интересующую нас информацию. Если хотите, я могу спросить его об этом прямо сейчас.

Он согласно кивнул, и через несколько минут компьютер начал знакомить нас с тем, что ему удалось выяснить.

## ГЛАВА ШЕСТАЯ

### КУРАТОР (16 г. Г.Э.)

*Мои годы тяжелым грузом лежали на теле, когда я взбирался по склону Рифтовой долины, по-прежнему держа курс на юг. Однажды, пока я спал, муравьи забрались мне в хобот, и боль едва не свела меня с ума, прежде чем я сумел добраться до воды и утопить их. Я видел других слонов, которые умирали от физических мучений, или от голода, или от клыков хищников, которые нападали на тех, кто слишком ослабел и не мог защищаться, но я знал, что мне такая смерть не грозит.*

Время давило на меня, жгло мои внутренности, как солнце жгло спину, заставляло убыстрить шаг. Лыица, поедаящая водяного козла, зарычала на меня, не желая уступать дорогу. Я поднял хобот, воинственно протрубил, и она попятилась, даже не решаясь оскалить зубы. Крокодил напал на мою ногу, когда я переходил узкую, мелкую протоку. Я поднял его хоботом и переломил пополам. Стадо импал попало мне на пути. Я бросился на них, утверждая свое право идти там, где мне того хочется, и они унеслись в ужасе.

Характер мой портился на глазах, болела душа, но я гнал и гнал вперед свое древнее тело. Я не желал страдать молча, я оглашал африканские просторы пронзительными, истошными воплями, предупреждая людей и животных уйти с моей тропы, по которой я шел навстречу судьбе.

Музей африканских древностей гордился своей прекрасной экспозицией, пусть и не соответствующей названию. Во-первых, она охватывала короткий трехсотлетний период, с 1780 до 2080 года Нашей эры. Во-вторых, экспонаты представляли не всю Африку, даже не Восточную Африку, а одну лишь Кению. И прежде чем перебраться в прекрасное здание из стекла и мрамора на колонизированной Новой Кении, музей располагался в Найроби.

На заре Галактической эры, в тридцатом столетии после Рождества Христова, Республика передала изобильную Новую Кению с богатой животной жизнью, сотнями речушек, плодородной почвой перенаселенной Кении. Сентиментальные кенийцы хотели назвать столицу Нью-Найроби, но она получила другое название — Кениата-Сити, в честь Mzee, Мудрого Старика, который освободил Кению от англичан и провел страну через первые, самые трудные годы независимости. Теперь в Кениата-Сити проживало полмиллиона человек. Еще миллион составляло население Нью-Момбасы, Литтл-

Наиваша, Ньерере-Сити и Керичо-Тауна, а оставшиеся двести тысяч жили и работали на фермах в экваториальной зоне планеты.

К поверхностной трансформации прибегать практически не пришлось, население Новой Кении прирастало достаточно равномерно, политические метания отсутствовали, так что планета достаточно легко вписалась в Республику. На новые бактериологические заболевания нашлись новые медикаменты, для новых почв создавались новые злаки, выполнение новых обязанностей члена галактического сообщества взяли на себя новые правительственные департаменты, для покрытия новых долгов взимались новые налоги.

А когда налоги достигли предела, переступить который правительство не решалось, приходила пора затягивания поясов и сокращения расходов. Под такое сокращение и попал текущий бюджет Музея африканских древностей.

— Подведем итог, — возвестил Джошуа Киджано, главный куратор музея, собрав руководителей отделов. — Для посетителей музей будет открыт четыре дня в неделю, по три часа. Отделы обслуживания и обеспечения безопасности сокращаются вдвое. Жалованье всех сотрудников музея уменьшается на пятнадцать процентов. Новая зарплата замораживается и в обозримом будущем не будет автоматически увеличиваться в соответствии с инфляцией. Если кто-то из вас не желает работать на таких условиях, я никого не буду осуждать. Все желающие получают рекомендательные письма с самой лестной характеристикой. — Он оглядел шестерых начальников отделов, тяжело вздохнул. — Мы давно ждали этого. Однако я уверен, что сложившуюся ситуацию вам надо обдумать. Жду вас у себя сегодня и завтра, в первой половине дня. — Он посмотрел на полную, седовласую женщину. — Эстер, буду тебе очень признателен, если ты удержишься на несколько минут.

Остальные потянулись за дверь, полушепотом разговаривая между собой. Эстер осталась в кабинете куратора, на удивление просторном, лишенном предметов старины, занимающих все свободное место.

— Пожалуйста, присядь, Эстер. — Он обошел свой стол, сел сам.

— Неужели все так плохо, Джошуа? — Эстер опустилась на стул.

— Ужасно, — подтвердил он. — Сколько лет мы с тобой отдали этому музею? Семьдесят пять? Восемьдесят?

— Восемьдесят три, — ответила она. — И теперь они хотят погубить музей, не так ли?

— Не весь.

— Основные коллекции!

— Они все основные, — возразил куратор.

— Значит, те коллекции, над которыми ты и я работали всю жизнь.

Он кивнул.

— Ты, разумеется, знаешь, что к нам поступило предложение о покупке коллекции бабочек.

— На Земле эта коллекция собиралась пятьсот лет. Для них это что-то да значит?

— Похоже, что нет. Музей национальной истории далекого Лондона предложил за нее очень приличную сумму.

— Оценить коллекцию бабочек невозможно. Это самая полная из всех коллекций.

— О цене нас не спрашивали, — с горечью заметил он. — Они оценили ее сами. И, к сожалению, вышли со своим предложением прямо на правительство.

— Они не дураки, — покивала она. — Они знали, что мы им откажем.

— Они также знали, что какой-нибудь бюрократ увидит в музее новый источник доходов. — Киджано пристально посмотрел на Эстер. — С этим я и боролся последние две недели.

— Я думала, ты боролся за наш бюджет.

Он покачал головой.

— Это я говорил остальным. Ту битву я проиграл в первые двадцать минут. Я боролся за спасение музея.

— И?

— Мы достигли компромисса.

— Бабочки?

— Бабочки — только начало. — Его голос переполняла горечь.

— Что еще? — спросила она, предчувствуя беду.

— Они согласились, что все отделы, напрямую связанные с культурным наследием Новой Кении, останутся нетронутыми. Но я должен сразу предупредить тебя, прежде чем ты решишь, оставаться ли тебе на посту начальника отдела животного мира, что мне не удалось защитить твои экспозиции.

— Это я уже поняла.

— В знак протеста я подал прошение об отставке, вступающее в силу через две недели. Почему бы тебе не последовать моему примеру, Эстер? В Республике много музеев, которые с радостью примут на работу специалистов с таким опытом.

— И позволить какому-нибудь бюрократу, не отличающему млекопитающее от рептилии, разрушить то, что мы с тобой строили всю жизнь? — спросила она. — Животный мир — такая же часть нашего наследия, как произведения искусства или племенные костюмы, Джошуа. Наши отношения с природой позволили нам стать такими, какие мы есть!

Киджано глубоко вздохнул.

— Ты это знаешь, и я знаю, но я не смог убедить правительство в нашей правоте. — Он положил руки на стол, нервно переплел пальцы. — Их позиция такова: другие отделы показывают историческое и культурное наследие людей, живущих на Новой Кении, в то время как экспозиции отдела животного мира более уместны в Музее естественной истории Земли.

— Это же нелепо!

— Я знаю. Но они настроились что-то продать, и тут я бессилен.

— Разве они не понимают, что заменить эти экспонаты нечем? — с жаром воскликнула Эстер Камау. — Если мы продадим бабочек и морские раковины, такой коллекции нам больше не собрать!

— Разумеется, понимают, — кивнул Киджано. — Но одно дело — понимать, и совсем другое — осознать, что это твое. Они политики. Сейчас их беспокоит лишь двадцатидевятипроцентная инфляция и падение шиллинга относительно республиканской кредитки.

— Экономика придет в норму и без продажи бесценных коллекций, которые собирались более чем тысячу лет.

— Их не волнует состояние экономики через пять или десять лет, — терпеливо объяснил он. — Их заботят выборы в следующем году или годом позже.

— Наша коллекция бабочек не решит их проблем, — стояла она на своем.

— Они замахнулись не только на коллекцию бабочек.

— После их аукционов хоть что-то останется, Джошуа?

— Надеюсь. Они согласились оставить нам главные экспонаты бонго и окапи, Ахмеда из Марзабита, окуня рекордных размеров, выловленного в Ниле, последнюю импалу, последнего гепарда.

— В нашей экспозиции шесть тысяч экземпляров. Сохранение шести ты называешь компромиссом?

— Нет. Компромисс состоит в том, что пять других отделов остаются нетронутыми.

— По-моему, от твоего компромисса дурно пахнет.

— Согласен с тобой, но альтернатива и того хуже.

Она задумалась:

— Не можем мы привлечь на нашу сторону прессу?

— Я уже пытался. Всепланетным информационным структурам наши проблемы до лампочки, а те, кто хо-

тел бы что-то сделать, составляют лишь два процента населения. Которые и так на нашей стороне.

— Ты сделал не все, что мог, — упрекнула она куратора.

— Ты несправедлива, Эстер. Тебя заботит судьба твоего отдела, я же борюсь за выживание всего музея.

— Извини. — Голос ее смягчился. — Я знаю, ты старался. Но этого оказалось недостаточно. Надо что-то придумать. Мы не вправе позволить этим эгоистичным, невежественным, аморальным политикам разбазарить коллекцию, которая собиралась полторы тысячи лет!

— Тут мы бессильны. — Он беспомощно развел руками.

— Всегда можно найти выход.

— Я не могу одобрить действия, которые нанесут урон музею.

Она долго смотрела на него.

— Ты хороший человек, Джошуа, но уж больно наивный. Неужели ты не понимаешь, что одним отделом дело не кончится? Покончив с ним, они примутся за остальные. Одни только драгоценные камни стоят многие миллионы шиллингов. И как долго ты удержишь их после того, как они распродадут ракушки и чучела львов?

— Они заверили меня...

Эстер пренебрежительно фыркнула.

— После того как они разбазарят отдел животного мира, их заверения не будут стоить и выеденного яйца.

— Возможно, ты права. Поэтому я и подал прошение об отставке. Я слишком много вложил в этот музей, чтобы смотреть, как его растаскивают по частям. — Он посмотрел на Эстер. — А ты не хочешь подать в отставку?

Она покачала головой.

— Мы не можем удрать в кусты. Кто-то должен с ними бороться. Их надо остановить, Джошуа.



— Они — правительство. Их не остановишь, — вздохнул куратор.

— Я попытаюсь. — Она гордо вскинула голову.

Совет директоров музея, многие из которых занимали важные государственные посты, отказался принять отставку Джошуа Киджано, настояв, что тот должен отработать оговоренный контрактом срок и проследить за распродажей коллекций отдела животного мира. Он оспорил их решение в суде, проиграл дело и с неохотой согласился доработать оставшиеся четырнадцать месяцев.

Коллекция бабочек стала первой ласточкой. Тут Эстер Камау оказалась бессильна на соглашении уже стояли подписи высоких договаривающихся сторон.

Но за остальные экспонаты она сражалась отчаянно, в надежде на улучшение экономической ситуации.

Музей на Биндере X захотел приобрести коллекцию животных саванны. Она связалась со своим коллегой на Биндере, объяснила ситуацию и спасла буйвола и хищников, пожертвовав антилопами и газелями.

Университет на Сириусе V заинтересовался окаменелостями, найденными на озере Туркана. Она подделала инвентаризационную опись, сохранив девятнадцать наилучших образцов, и отправила оставшиеся 236 лишь тогда, когда ее прижали к стенке.

Коллекция ракушек в восемнадцать тысяч экземпляров. Ее пожелали приобрести музеи с Гринвельдта и Роллукса IV. В совете директоров Гринвельдтовского музея нашелся ее хороший знакомый. В итоге ракушки отбыли на Гринвельдт, но двести самых редких, по договоренности со знакомым, остались на Новой Кении.

А потом Грегори Руссо, губернатор Дедала II, наживший состояние на продаже флоту боевых кораблей, большой поклонник охоты на Внутренних мирах, заявил, что хочет приобрести для своей частной коллекции бивни знаменитого Слона Килиманджаро.

Она выждала две недели, затем сообщила губернатору, что бивни не числятся в списке экспонатов, выставленных музеем на продажу.

Он ей не ответил, и Эстер решила, что вопрос закрыт, но месяц спустя ее вызвали в кабинет Джошуа Киджано.

Он подождал, пока она сядет, потом протянул ей личное письмо губернатора Руссо. Она прочитала письмо, вздохнула, положила на стол.

— Ты сказала губернатору Руссо, что бивни Слона Килиманджаро не продаются?

— Да, — кивнула Эстер.

— У тебя есть список экспонатов, которые сняты с распродажи, Эстер. Бивни в нем не значатся.

— Это особый случай. Бивни Слона Килиманджаро — не просто охотничий трофей, они представляют собой огромную историческую ценность.

— Какую же?

— В две тысячи пятьдесят седьмом году Нашей эры они едва не решили судьбу избирательной кампании в Кении.

— Правда? — удивился Джошуа Киджано. — Я об этом ничего не знаю.

— Тогда позволь рекомендовать тебе некоторые исторические книги и диски. Бивни — самый важный экспонат нашего музея.

— Я бы хотел прочитать эти книги. Если все так, как ты говоришь, я обращусь в правительство и постараюсь убедить их, что бивни надо сохранить. — Внезапно глаза его, только горевшие энтузиазмом, потухли.

— В чем дело, Джошуа?

— Они не согласятся. Губернатор Руссо предлагает за бивни триста тысяч кредиток. Больше двух миллионов новокенийских шиллингов!

— Но я думала, речь идет о продаже наших коллекций другим музеям, чтобы люди всегда могли на них

посмотреть. Этот человек даже не кениец, Джошуа, и бивни нужны для его частной коллекции.

— Правительство смотрит на все это иначе. Главное для них — триста тысяч кредиток, так что они ухватятся за его предложение.

— За такие деньги мы можем продать ему одного из двух наших носорогов.

— Не нужен ему носорог. Он хочет купить бивни. О чем и пишет.

— Если ему нужны бивни, пусть утроит сумму, и мы продадим ему Ахмеда. Но бивни Слона Килиманджаро должны остаться здесь.

— Ахмед из Марзабита — самый знаменитый слон в нашей истории, — напомнил Джошуа, — единственное животное, охраняемое специальным указом президента. Не просто президента, а самого Mzee. Правительство уже согласилось оставить Ахмеда в музее.

— Бивни Слона Килиманджаро гораздо важнее, — настаивала Эстер.

— Но их нет в списке.

— Плевать я хотела на этот список! — взорвалась Эстер. — Я — куратор отдела животного мира, и я говорю, что эти бивни — самый значительный экспонат музея.

Он долго смотрел на нее, тяжело вздохнул.

— Эстер, если я откажу ему, он прямиком направится в правительство. И там его предложение примут. А мой отказ лишь отсрочит неизбежное.

— Отсрочка нам не повредит. Что они могут тебе сделать, уволить? Ты уже хотел уйти, но они не приняли твоей отставки.

Он улыбнулся:

— Ты права. — Улыбка увяла. — Получив мой отказ, он обратится в правительство. Все-таки он губернатор целой планеты. У него есть высокопоставленные друзья.

— Я знаю, что обратится. Мы с тобой не армия, Джошуа. Силы наш ограничены. Но мы должны хвататься за каждую соломинку.

Три недели спустя представитель Руссо обратился к правительству Новой Кении. Правительство получило деньги, представитель — разрешение на вывоз бивней, а Эстер Камау начала готовиться к последней битве.

Через семнадцать дней зажужжал компьютер. Эстер Камау оторвалась от бумаг.

— Да?

— Это Джошуа. Он здесь.

— Кто?

— Губернатор Руссо. — Киджано запнулся. — Если для тебя это слишком болезненно, я сам отдам ему бивни.

— Нет. — Она поднялась. — Встретимся у стенда с бивнями.

Она прошла несколько длинных залов, мимо пустых выставочных стендов и пьедесталов, свернула в маленькую комнату, где в большом стеклянном шкафу хранились два бивня.

Несколько минут спустя появился Киджано в сопровождении высокого, загорелого, мускулистого мужчины средних лет с копной седых волос.

За ними на почтительном расстоянии следовала четверка молодых людей.

— Эстер, это Грегори Руссо, губернатор Дедала II.

— Я знаю. — Протянутая рука губернатора повисла в воздухе, а Эстер пронзила его взглядом.

— Что-то не так? — спросил Руссо.

— Просто хочу получше рассмотреть человека, который покупает трофеи другого охотника.

— Я не просто охотник, — поправил ее Руссо. — Я и коллекционер. — Он помолчал. — Как я понимаю, вам очень не хочется продавать эти бивни. Позвольте заве-

рить вас, что теперь они будут находиться под охраной самой совершенной системы сигнализации.

— В этом я не сомневаюсь. Как и в том, что никто не увидит их, кроме вас и ваших друзей.

— Время от времени я открываю мое загородное поместье для широкой публики.

— Наш музей открыт каждый день.

— Но ваших посетителей больше заботит национальный долг, а не национальные сокровища, — улыбнулся Руссо. — Поверьте мне, это взаимовыгодное соглашение.

— Я вам не верю, губернатор Руссо.

Он хотел ей ответить, передумал, пожал плечами, вопросительно посмотрел на Киджано.

— Губернатор привел людей, которые переправят бивни на его корабль, — сообщил ей Киджано.

— Я все обдумала и решила, что не разрешу вам этого сделать, — твердо заявила Эстер.

— Что? — вскинулся Руссо.

— Экономический кризис — явление временное. А бивни Слона Килиманджаро принадлежат вечности. Мне жаль, что вам в этой истории отведена роль злодея, но я положила всю жизнь на сохранение древностей. Заменить или вернуть их невозможно, и я не могу допустить, чтобы политики лишали нас нашей истории.

— Мне кажется, вы оторвались от реалий, — покачал головой Руссо. — Я вам сочувствую, но бивни принадлежат мне. Я за них уже заплатил.

— Тогда я умоляю вас как человека, большую часть своей жизни прослужившего людям, еще раз послужить им, подарив бивни музею.

— Это невозможно, — покачал головой губернатор. — Я заплатил за бивни, они — мои, и я здесь, чтобы увезти их на Дедал.

— Вам их не увезти, — возразила Эстер.

— Что вы такое говорите? — возмутился Руссо.

— В чем дело, Эстер? — встревожился Киджано.

— Джошуа. — Она повернулась к куратору музея. — Мы должны где-то остановиться. Мы не имеем права позволить им уничтожать то, что создавалось полторы тысячи лет.

— У меня такое ощущение, что вы мне угрожаете. — Руссо более не улыбался.

— Дело именно так и обстоит, губернатор.

— И каким же образом одна безоружная женщина может помешать моим людям забрать бивни?

— Одной безоружной женщине с вами не справиться. Поэтому я и установила взрывное устройство под один из бивней. Если кто-то коснется его, все крыло взлетит на воздух вместе с теми, кто в нем находится.

— Под какой бивень? — нахмурился Руссо.

— Так я вам и сказала!

— Это нелепо! — взорвался Руссо. — Я просто приглашу специалистов, которые разминируют бивень, и все равно увезу их, а вы проведете несколько лет в тюрьме.

— Взрывное устройство среагирует на малейшую вибрацию. Я не уверена, что ваши специалисты сумеют его снять.

Руссо вновь посмотрел на Киджано.

— Она говорит правду?

— Понятия не имею.

— А что вы думаете?

— Я думаю, — после паузы ответил Киджано, — что не хотел бы находиться в музее, если вы решите забрать бивни.

Руссо приказал своим людям выйти за дверь, повернулся к Эстер Камау.

— Хорошо. Что вы еще хотите? Больше денег?

— Если б я хотела денег, трехсот тысяч хватило бы за глаза.

- Так чего же вы хотите?
- Проще сказать, чего я не хочу.
- Пожалуйста, скажите.

— Музей — это не здание, оно новое, а экспонаты, древности, которым я посвятила всю жизнь. Не только я, две тысячи ученых за последние полторы тысячи лет приложили руку к созданию этой коллекции. Конечно, они делали это ради собственной славы и из любопытства, но они трудились на благо всех кенийцев, и теперь мы продолжаем их работу ради живущих на Новой Кении. Это наша история, наше прошлое. Все, что у нас было, и все, что есть, — эти сокровища принадлежат всему народу. И я не хочу и не могу допустить медленного растаскивания музейных коллекций. — Она помолчала. — Уж лучше я все уничтожу одним махом.

— Но продажа экспонатов куда выгоднее их уничтожения, — заметил Руссо. — Я, к примеру, готов подписать с вами соглашение, предоставляющее вам первоочередное право выкупить бивни, если я или мои наследники решат их продать. Я уверен, что и другие покупатели ваших экспонатов согласятся на такое условие.

— Какой прок от этого соглашения, если эти экспонаты могут оказаться в добрых двухстах тысячах световых лет и на продажу их выставят лет через тысячу?

— Такое соглашение по крайней мере оставит вам возможность исправить ошибку, совершаемую, по вашему мнению, правительством. Уничтожение бивней и других экспонатов лишит вас такой возможности.

— Есть и третий вариант.

— Какой же?

— Оставить бивни, где они есть. Это их законное место. Он покачал головой.

— Шантажу я не уступлю.

— Тогда послушайте, что я хочу сказать вам о музее, и, возможно, мне удастся убедить вас в своей правоте.

— Сначала отключите взрывное устройство, а потом я вас выслушаю.

— Я вам не верю, губернатор.

— Не верите, что выслушаю?

— Что примете правильное решение, выслушав меня.

Он долго молчал, разглядывая две колонны слоновой кости, потом вновь повернулся к ней.

— Почему именно бивни?

— Я вас не понимаю.

— Я знаю, что вы продали чучела чуть ли не всех животных, а также коллекции ракушек и бабочек. Почему именно бивни заставили вас решиться на крайние меры?

— В них величие Кении, — ответила она.

— Что вы хотите этим сказать? Я, разумеется, не очень хорошо знаю историю бивней, но могу предположить, что их добыли в ходе какой-то охотничьей экспедиции.

Эстер покачала головой.

— Бивни — это сама Кения! — с жаром воскликнула она. — Кения славилась дикими животными, а эти бивни принадлежали величайшему животному на Земле. Кения занималась торговлей слоновой костью, и эти бивни тоже продали на аукционе. Кения была колонией, потом обрела независимость, а бивни остались последним свидетельством британского колониализма. Многие великие сыны Кении боролись за независимость, но точку в этой борьбе поставил Джейкоб Тику, вернув бивни Кении. Потом кенийцы улетели к звездам, и бивни отправились в это путешествие вместе с ними. Кения — микрокосм эволюции человечества, от примитивного человека к жителю города и космическому путешественнику, и они пережили все эти эпохи. Для истории Кении они бесценны. — Она всмотрелась в Руссо. — Без них мы ничто.

— Ясно. — Руссо медленно кивнул. — Они значат для вас очень многое.



— Для всех кенийцев.

— Но особенно для их куратора.

— Моя работа — сохранить бивни для вечности. Поэтому я не могу допустить, чтобы вы увезли их. Вы это понимаете?

Руссо улыбнулся:

— Теперь понимаю. — Он повернулся к Киджано. — У вас есть ключи от стенда?

— Ключей нет. Замок открывается отпечатком большого пальца одного из руководителей музея.

— Пожалуйста, откройте его.

— Но взрывное...

— Никакого взрывного устройства нет, — заверил его Руссо.

Киджано осторожно подошел к стенду, приложил большой палец правой руки к сканнеру, стеклянная дверь распахнулась.

Руссо шагнул к бивням, коснулся каждого, повернулся к Эстер Камау.

— Я не стану выдвигать против вас обвинения. Несправедливо осуждать священника за желание уберечь святыню.

Он вышел из комнаты за своими людьми, а Эстер печально посмотрела на доброго друга.

— Извини, Джошуа. Я не могла не попытаться спасти их.

— Знаю.

— И взорвать не смогла.

— Я и не думал, что сможешь, — кивнул он.

Меньше чем через год Музей африканских древностей продал свой последний экспонат — копье нанди ручной работы.

Эстер Камау не стала свидетельницей этого знаменательного события. Она умерла семью месяцами раньше. Никаких болезней доктора у нее не нашли, просто ей не

хотелось жить. Джошуа Киджано обратился к правительству с просьбой установить на ее могиле скромный памятник за государственный счет. Бумага эта шесть лет пролежала без движения. За это время Джошуа Киджано умер, и, когда до его просьбы дошли руки, никто уже не мог вспомнить, кто такая Эстер Камау и за какие заслуги правительство должно тратить на нее деньги налогоплательщиков. Бумагу положили под сукно и вскоре забыли, потому что выяснилось, что правительственная политика финансовой стабилизации привела к стагнации экономики, и теперь эксперты старательно искали новые пути ее стимулирования.

Музей, пять лет простоявший пустым, за несколько месяцев кардинально реконструировали и разместили в нем бурно разрастающееся Бюро экономического развития. И все правительственные чиновники Новой Кении гордились тем, что нашли достойное применение уже, казалось бы, никому не нужному, но еще добротному сооружению.

## ШЕСТАЯ ИНТЕРЛЮДИЯ (6303 г. Г.Э.)

Кристалл компьютера потух, Мандака посмотрел на меня.

— Ваше любопытство удовлетворено? — спросил он.

— На текущий момент.

— Ирония ситуации в том, что из всех кенийцев только один попытался спасти бивни, и тот не был масаи.

— А откуда вы это знаете?

— Камау — имя кикуйю, — объяснил Мандака. — Опять же, она занимала важную и престижную должность, следовательно, не могла принадлежать к масаи, — с горечью добавил он.

— Почему?

— Уже поздно, и меня мучает жажда, мистер Роджас. — Мандака встал, потянулся. — Я думаю, мне пора домой.

— А мне спать совсем не хочется. Я с радостью провожу вас, если вы живете неподалеку.

— Живу я далеко, — ответил он. — Вы все равно хотите проводить меня?

— Да.

— И увидеть, как живет последний масаи? — Его глаза весело блеснули.

— Наверное, как и все, — предположил я.

— Вы же в это не верите, мистер Роджас.

— Не верю, — признал я.

— Ох уж это ваше любопытство! Хорошо, мистер Роджас, я покажу вам то, чего не видел ни один человек с тех пор, как я поселился на этой планете.

— Спасибо.

Он направился к двери, подождал, пока я прикажу огням погаснуть, вышел в коридор, опять подождал, пока я перепрограммирую систему охраны и замок.

— Вас, конечно, это не остановит, — прокомментировал я свои действия, — но вдруг кто-то наблюдал за вами, когда вы входили в квартиру. Пусть они попотеют.

— Я бы об этом не тревожился, мистер Роджас. В вашей квартире не на что позариться.

Я хотел огрызнуться, но тут до меня дошло, что он совершенно прав, поэтому промолчал и повел его к аэролифту, на котором мы спустились в холл. Швейцара с Хесполита сменила его коллега с Мендори, похожая на кошку, мускулистая, с шелковистым желтым мехом. Я предупредил ее, что не вернусь до следующего вечера, потому что после визита к Мандаке намеревался поехать в «Брэкстон».

Мы вышли из дверей, встали на медленную дорожку, на перекрестке перешли на дорожку-экспресс, ко-

торая в пять минут пронесла нас через город и доставила на западную окраину. Там мы поменяли еще три дорожки, пока не сошли с последней перед высоким зданием из хрома и стекла, сверкающим в лунном свете.

— Моя скромная хижина, — с саркастической улыбкой объявил Мандака.

Миновав сложную систему охраны, мы оказались в вестибюле и повернули налево, к личному аэролифту, который доставил нас на самый верхний, семьдесят девятый этаж. По застеленному ковром, ярко освещенному коридору движущаяся дорожка понесла нас направо и остановилась у первой же двери.

Мандака что-то произнес на незнакомом мне языке, подождал, пока охранная система идентифицирует его. Дверь открылась, пропуская нас в квартиру, и встала на место, едва мы переступили порог.

— Свет, — приказал Мандака, и вся квартира разом осветилась.

Я стоял на утоптанной земле маленького дворика, окруженного изгородью из растений с большими шипами. Справа от себя я увидел хижину, крытую соломой, с обмазанными глиной стенами. А вместо стен передо мной открылась панорама уходящей вдаль саванны.

Через двор я последовал за ним в хижину. Мебель заменяли три примитивные циновки. В середине горел костер. Тепла я не почувствовал и сразу все понял.

— Голографические проекции? — спросил я. Мандака кивнул.

— Да. Вы стоите на ковре, и я полагаю, что владельцам дома не понравились бы хижины, сделанные из высушенного коровьего помета. Я выбрал эту квартиру только потому, что высота потолков здесь двадцать футов и я смог разместить проекторы нужной мне мощности. — Он улыбнулся. — Мне надо переодеться. Через минуту вернусь.

С этими словами он наклонился и прошел через низкую дверь воображаемой хижины, хотя мог пройти во весь рост, через проекцию. Ожидая его, я обошел хижину. У стены стояли два копия с большими металлическими наконечниками. Я коснулся одного и, к своему изумлению, обнаружил, что оно настоящее. Потом вроде бы услышал чье-то блеяние, но решил, что это фонограмма. Над огнем висел котелок, в котором что-то варилось. Как выяснилось, тоже топографическое.

— Добро пожаловать в мой дом, мистер Роджас. — Мандака вновь появился в хижине, одетый в какой-то красный балахон, оставляющий открытым одно плечо и свисающий ниже колен. В одной руке он держал древний бурдюк с молоком. Поднес его ко рту, выпил, осторожно положил на пол.

— Это... необычно.

— Я — последний масаи. — Скрестив ноги, он сел на циновку у костра. — Не осталось никого, кто будет чтить и поддерживать древние обычаи.

— Меня поражает другое. Вы действительно так живете.

— Я следую всем ритуалам, которые не противоречат местным законам, — ответил он. — То есть я не режу коз и не предсказываю будущее по их внутренностям. Я также не доказал, что стал мужчиной, потому что не убил копьём ни одного льва.

— Это неудивительно. Последний лев умер в две тысячи восемьдесят восьмом году Нашей эры.

— Да, конечно, вы же ведущий эксперт «Уилфорда Брэкстона»! — Он хохотнул.

— Масаи мерили свое богатство числом принадлежащего им скота. Но я вижу лишь голограмму пустой саванны. Куда подевались все коровы и козы?

— Дело в том, что скот у меня настоящий, мистер Роджас, — ответил Мандака. — Мне принадлежат боль-

шие стада на четырнадцать планетах. И состояние я сколотил на мясе, шкурах и молоке.

— Как я понимаю, и остальные комнаты вашей квартиры... напоминают о давно ушедших днях.

— Кроме моего кабинета, из которого я контролирую покупку и продажу скота.

Я задумался, как бы потактичнее задать следующий вопрос, но не нашел нужных слов. И спросил в лоб:

— Вы не находите, что отсутствие современных удобств не есть благо?

— Я нахожу, что для меня такой дом — необходимость, — серьезно ответил он. — Когда я уйду, не останется никого, кто будет помнить наши традиции. Мы — гордый народ, мистер Роджас. Мы обходили ловушки западной цивилизации и после того, как европейцы ассимилировали все остальные племена. Мы жили в гармонии с окружающей нас природой, мы ни у кого не просили милости, но и никому ее не подавали. Мы хотели только одного: чтобы нам позволили жить, как мы жили всегда... — Он замолчал, глубоко задумавшись, потом продолжил. — Знаете, мистер Роджас, мы никогда не забивали наш скот для еды, только смешивали их кровь с молоком.

— Весь ваш народ жил на молоке с кровью? — изумленно спросил я.

— Главным образом. — Он уставился в какую-то точку пространства и времени, и мерцание костра отбрасывало странные тени на его темное лицо. — Когда-то мы были великим народом. Наших *elmoani*, молодых воинов, боялись все, кто их видел, женщин защищали все наши воины, а наши земли считались самыми плодородными во всей Восточной Африке. Мы говорили на своем языке, с презрением отменяя суахили и английский. — Он посмотрел на меня, печально улыбнулся. — А потом пришел черед перемен, столь неспешных, что поначалу мы ничего не заметили. Мы проиграли сраже-

ние с лумбва. Нанди сумели дать нам отпор. Наша молодежь стала носить рубашки и шорты. Когда мы заболели, то шли в больницу, а не к мундумугу. Не успели мы оглянуться, как многие из нас говорили уже на суахили и мы начали выпрашивать шиллинги у туристов за право сфотографироваться с нами. И при этом нас стало гораздо больше, чем во времена былого величия.

Он вздохнул и продолжил, словно забыв о моем присутствии:

— Потом пришла пора независимости, и англичане отдали страны таким людям, как Кениата и Ньерере. Когда человек достиг звезд, он колонизировал Новую Кению, Уганду II, Ньерере, но масаи остались на Земле, без земель, без скота, без собственного языка. — Он помолчал, словно возвращаясь из прошлого в настоящее. — А теперь остался только я, мистер Роджас. Я один могу искупить грехи моего народа.

— Как?

— Я должен кое-что сделать, и, кроме меня, сделать это некому.

— Поэтому вам и потребовались бивни?

Он кивнул:

— Поэтому мне и потребовались бивни.

— Как могут бивни искупить грехи вашего народа, спасти его?

— Я вам скажу, мистер Роджас, когда вы найдете бивни и они станут моими.

— Ловлю вас на слове.

— Я очень надеюсь, что мне удастся выполнить данное вам обещание.

— Удастся, — уверенно заявил я. — Даже сейчас, пока мы беседуем, компьютер ищет бивни.

— Я знаю. — Он глубоко вздохнул. — Вы и представить себе не можете, сколь они важны для меня. Я не женюсь, у меня не будет детей. Если я не спасу мой народ, его уже никто не спасет.

— А почему вы не женитесь? — спросил я. — Я знаю, что масаи крали женщин у других племен, так что чистокровного масаи просто не найти.

— С двадцать четвертого столетия Нашей эры масаи не женятся вне племени. Во всяком случае, не должны. Быть может, кое-кто нарушал закон и брал жену из другого племени или народа.

— Но никто из них не попадал в ситуацию, когда женщин-масаи просто не было. Последнему масаи нельзя руководствоваться этим правилом.

— Не в этом дело, мистер Роджас.

— Тогда я повторю вопрос: почему вы не можете жениться?

— Потому что я не мужчина.

Я недоуменно воззрился на него.

— Не понял.

— Ни один мальчик-масаи не становится мужчиной, *elmoan*, пока его не обрежут. Он не может занять место среди равных, не может давать совет старшим, не может жениться. — Он помолчал. — Меня так и не обрезали, мистер Роджас. По закону моего народа я все еще мальчик.

— Обрезание — очень простая операция. Ее может сделать любой врач.

— Это невозможно.

— Тогда почему вас не обрезали, чтобы вы могли жениться и вести нормальную жизнь?

— Я скажу вам, когда вы найдете бивни. Но я уже говорил, что не судьба мне жениться и заводить детей. Я очень сожалею об этом, мне хотелось бы иметь большую семью, но я вынужден избрать другую тропу.

— Какую же?

Он долго смотрел на меня, и, пожалуй, впервые на его лице отразились чувства.

— Более ужасную, чем вы можете себе представить, мистер Роджас.



Маска бесстрастного масаи заняла привычное место, и он предложил мне выпить молока. Я догадался, что такое случалось с ним крайне редко, если вообще случалось, поэтому взял бурдюк в руки.

Прежде чем выпить, заглянул в его темное чрево.

— Пейте спокойно, мистер Роджас. — Мандака усмехнулся. — Крови там нет.

Я глотнул молока, которого не пил с детства, вернул ему бурдюк.

— Спасибо, что разделили его со мной, — искренне поблагодарил его я.

— Молока у меня много, да вот пить его не с кем. — Он пожал плечами. Поднялся. — Пойдемте со мной, мистер Роджас. Я покажу вам остальные комнаты. Другого дома масаи уже не будет, так что вы сможете утолить свое любопытство.

Я встал и последовал за ним, инстинктивно склонив голову, чтобы не удариться головой о воображаемый дверной косяк, и мгновением спустя оказался в другом помещении, размерами побольше.

Украшали его головные уборы из львиного меха, около каждого стояло копье. Аккуратные ярлычки указывали имя владельца головного убора и копья.

— Да у вас тут музей, — восхитился я.

— Такой коллекции нет ни в одном музее, — ответил он с ноткой гордости в голосе. — Вот этот головной убор принадлежал Нельону, в честь которого назвали один из горных пиков.

Несколько минут он рассказывал мне историю каждого головного убора и копья, лицо его оживилось. Такое случалось с ним, лишь когда речь заходила о бивнях. Наконец мы подошли к последнему из головных уборов, самому неприятзательному, из сухой травы.

— А это что? — спросил я.

— Это мой головной убор. Львов на Земле не осталось, пришлось пользоваться подручными материалами.

— Неужели ваше детство прошло в таких условиях? — недоверчиво спросил я. — Вы жили в хижине?

— В manyatta, — поправил он меня. — Хижина — часть усадьбы, в которую входят другие хижины и окружающий их забор.

— Но как власти могли допустить, чтобы вы жили, извините, как дикарь.

— Я же все объяснил: Земля практически обезлюдела, те представители властных структур, что еще остались, не считали необходимым указывать семье, живущей в Кении, вдали от всех остальных, как им вести хозяйство и что есть. — Он помолчал. — До тринадцати лет я видел лишь родителей да бабушек с дедушками.

— Вы никогда не играли с другими детьми? — изумился я.

— Никогда.

— И вы жили, как ваши далекие предки?

— По форме, но не по духу, — ответил он. — Да, мы жили в глинобитной хижине, но в ней стояли три компьютера. И хотя я не посещал школу, я получил дипломы по экономике, бизнесу и африканской истории.

— Насчет истории мне понятно. Но почему экономика и бизнес?

— Я знал, что наступит день, когда мне придется покинуть Землю и убедиться, что я — последний масаи. А если моя догадка окажется верна, на меня ляжет поиск бивней. И первое, и второе будет стоить немалых денег.

— И когда вы покинули Землю?

— Двадцать шесть лет тому назад, после того как умерли мои родители.

— И больше вы туда не возвращались?

Он покачал головой.

— Еще нет.

— Но собираетесь вернуться?

— Собираюсь, — вздохнул он.

— Я вам завидую.

— Правда? Почему?

— Потому что я всегда хотел побывать на прародине человечества.

— Вы — богатый человек. Почему вы не съездили туда? — спросил он.

— Пару раз намечал такую поездку, — признал я. — Но всегда что-то мешало.

— Вроде бивней?

— Именно. Передо мной ставились такие интересные задачи, что я не мог от них отказаться. Но я надеюсь, что все-таки выкрою время.

— Меня это не удивит, — усмехнулся Мандака.

На какое-то время в хижине повисла тишина.

— Пожалуй, мне пора, — нарушил я молчание. — День выдался долгим, я устал.

— Уделите мне еще пару минут, мистер Роджас, — остановил меня Мандака. — Я хочу вам кое-что показать. Вас это заинтересует.

Следом за ним я прошел в еще одну голографическую хижину. Я увидел несколько примитивных картин и скульптур, потом Мандака подвел меня к рисунку, изображавшему огромного слона с непропорционально большими бивнями.

— Что вы на это скажете, мистер Роджас?

Я всмотрелся в рисунок.

— Это он?

— Я думаю, да. Даты совпадают, художник нарисовал еще нескольких слонов, но не с такими бивнями.

— Каких же он был габаритов? — с трепетом спросил я.

— Мы лишь знаем длину его бивней — более десяти футов, так что обычный человек доходил бы ему до сих пор. — Он указал на точку посередине ноги.

— Просто великан! — вырвалось у меня.

— Самое крупное животное из всех, живших на Земле, — согласился со мной Мандака.

На рисунке слон выглядел как живой, и я без труда представил себе, как он идет по саванне Восточной Африки. Земля дрожит от его шагов, а трубит он громче грома.

— Есть другие рисунки или фотографии? — спросил я Мандаку.

— Только этот.

— Позвольте вас поблагодарить. Я так рад, что вы показали мне его.

— Пустяки.

— Но мне действительно пора. Надо поработать.

— Я думал, вы собрались спать.

— Я могу поспать и в моем кабинете. Но сначала я должен кое-что выяснить.

— Знаю.

Я изучающе посмотрел на него.

— Вроде бы вы не одобряли моего интереса к истории бивней.

— Я ошибался. Мне казалось, что охотник не должен слишком много знать о добыче.

Через другие хижины он провел меня к входной двери.

— Завтра вы свяжетесь со мной? — спросил я.

Он кивнул.

— Позвольте поблагодарить вас за ваше гостеприимство.

Дверь открылась.

— Это я благодарю вас за то, что пришли. Вы — мой первый гость.

— С тех пор как вы приехали сюда. — Я вышел в коридор. — Вы мне это уже говорили.

— С тех пор как я покинул Землю, — уточнил он, когда коридорная дорожка понесла меня к воздушному лифту. Я оглянулся, чтобы посмотреть, машет ли он мне на прощание рукой, но дверь уже закрылась.



В кабинете царил мрак. Я приказал компьютеру включить неяркий свет и налить мне чашечку кофе, сел в кресло, установил нужный мне угол наклона спинки, закинул руки за голову.

— Компьютер?

— Да, Дункан Роджас?

— Какой процент твоей мощности занят розысками бивней?

— Семьдесят два и три десятых процента.

— Направь пять процентов на выполнение моего следующего распоряжения и продолжай розыски.

— Приступаю... Исполнено.

— Я видел рисунок, судя по всему, прижизненный, Слона Килиманджаро.

— В соответствии с имеющейся у меня информацией таких рисунков нет. Я должен просмотреть банки памяти и сравнить хранящиеся там сведения с вашим наблюдением.

— Прекрасно. Но мне почему-то кажется, что таких свидетельств очевидцев может быть несколько.

— Логичное умозаключение.

— Я хочу, чтобы ты связался с банком памяти библиотечного компьютера на Делуросе VIII и выяснил, нет ли там таких свидетельств. Ограничь поиск временным периодом от тысяча восемьсот семьдесят пятого до тысяча восемьсот девяносто восьмого года Нашей эры. Свидетельства могли написать и позже, но этот отрезок времени просмотри обязательно.

— Приступаю...

— И, пожалуйста, поставь мне концерт Крониза.

Вновь мой кабинет наполнила атональная музыка. Я держал чашку с кофе, а пальцы другой руки выбивали на ней мелодию концерта.

Покончив с кофе, я бросил чашку в дезинтегратор, принял молекулярный душ, переоделся и лег на кушетку.

— Я нашел свидетельство, в котором речь скорее всего идет о Слоне Килиманджаро, — внезапно объявил компьютер.

Я резко сел, от сонливости не осталось и следа.

— Выключи музыку.

— Исполнено.

— Чем обусловлена неопределенность твоего заключения? — спросил я.

— Свидетельств других очевидцев нет, так что сравнивать не с чем. Но я провел сравнение со всеми известными свидетельствами тех, кто встречался с очевидцами, и вероятность того, что в найденном мною материале речь идет о животном, которое вы называете Слоном Килиманджаро, составляет девяносто четыре и тридцать две сотых процента.

— Хорошо! — с жаром воскликнул я. — Расскажи, что ты раскопал.

— Исполняю...

## ГЛАВА СЕДЬМАЯ

### ОХОТНИК (1885 г. Н.Э.)

*Два месяца провел я, шагая по выжженной солнцем Рифтовой долине, пока наконец последнее из озер не осталось позади и не пришло время вновь подниматься на плато.*

*Я понюхал ветер, не один раз, многократно, ибо с годами пришла осторожность. С запада пришел запах травы, зеленеющей на равнине Лоита, и я знал, что там*

река Мара с холодной и чистой водой, но повернул я на юго-восток, потому что именно на равнине Лоита я впервые столкнулся с существом, способным вселить в меня страх, бледным человеком, умеющим убивать издалека, и больше я там не появлялся.

Я остановился, чтобы раздавить кожных паразитов, потерявшись боками о ствол акации, а оставшихся забросал пылью, набранной хоботом. Последний раз взглянул на великий разлом в теле Земли и проследовал древней тропой, проложенной по восточному обрыву. Птицы и обезьяны рассыпались в стороны при моем приближении, а когда я встретил львицу, идущую навстречу, она зарычала и шмыгнула в кусты.

Наконец я поднялся на равнину, где начался последний этап моего путешествия.

Старик Ван дер Камп оглядел бар, занимающий половину лачуги, которую он гордо называл торговый пост Мбого, и пересчитал белые лица: три, четыре, если считать и его, — гораздо больше, чем обычно.

Торговый пост он назвал в память о буйволе, который жестоко поранил ему ногу, прежде чем он сумел всадить пулю в глаз разъяренного зверя. Располагался пост на Песчаной реке, собирая как клиентов, так и термитов примерно в равной пропорции. В задней комнате старый бур хранил тюки с кожей и слоновой костью с указанием владельца и цены, дожидавшиеся того дня, когда пойдут дожди, обмелевшее русло заполнится водой и за товаром прибудет грузовое судно. В подвале, закопанные в землю, хранились двадцать бочек пива. Ван дер Камп не кормил клиентов, но мог приготовить принесенную ими еду.

На стене за стойкой бара белели черепа и рога (на таксидермистов денег у Ван дер Кампа не было) антилоп, лошадей, канн, газелей и буйвола, того самого, что дал название торговому посту.

Старик налил себе пива, присмотрелся к клиентам. У края стойки сидел англичанин Райс, в аккуратном, только что выглаженном костюме, с сильными, мозолистыми руками, очень бледный, словно тропическое солнце обесцветило его лицо. Как это странно, отметил Ван дер Камп. Обычно у человека, проводящего много времени под солнцем, кожа темнеет, а у англичанина она светлела.

Другой край стойки оккупировал Гюнтерманн, немец, лысый, усатый, синеглазый, в костюме, который когда-то был белым, а теперь напоминал цветом темно-серую африканскую почву. Даже под крышей он не снимал пробкового шлема, скрывающего его лысину. Пусть выглядел он нелепо, но дело свое знал: на складе лежали сорок два заготовленных им бивня.

За столиком у дальней стены сидел Слоун, первый встреченный Ван дер Кампом американец. Американцы редко появлялись в Африке, поскольку их государство не стремилось колонизировать Черный континент. Наряд американца не мог не вызвать улыбки: ковбойский стетсон и форма армии конфедератов, но он уже сделал себе имя среди охотников за слоновой костью, из чего старый бур пришел к логичному выводу: слоновая кость, и только она, объединяла этих трех совершенно непохожих друг на друга мужчин.

На улице, у колодца, толпились двадцать черных, проводники и носильщики трех белых. В бар их не пускали, но Ван дер Камп проследил, чтобы им налили пива и вонючей браги, какую варили кизи. Оплачивали все это, разумеется, белые. Ван дер Камп пересчитал черных: лумбва, кикуйю, девять вакамба, полдюжины нанди, вандеборо, двое баганда. Слава Богу, ни одного масаи, — возможно, удастся обойтись без кровопролития. Каждые несколько минут он высовывался из окна, поглядывая на высокого, мускулистого лумбва, так, на всякий слу-



чай, но лумбва, сидевший чуть в стороне, словно и не подозревал о присутствии других африканцев.

— Я выпью еще. — Англичанин Райс осушил стакан, обвел взглядом бар. — Если кто-то желает присоединиться ко мне, угощаю.

Слоун, американец, поднял голову, кивнул, начал сворачивать сигарету.

— Я с удовольствием. — Немец достал носовой платок, вытер с лица пот. — Позвольте представиться: Эрхард Гюнтерманн из Мюнхена.

— Гюнтерманн, Гюнтерманн, — повторил англичанин, резко повернулся к немцу. — Не ваша ли фамилия упоминалась несколько лет тому назад в связи с торговлей рабами?

— Надеюсь, что нет. — Немец добродушно рассмеялся. — Я давно уже не имею к этому никакого отношения. — Он пожал плечами. — Да и денег эти рабы почти не приносили. — Он улыбнулся. — Опять же, сильная конкуренция со стороны англичан. — Он помолчал. — Слоновая кость приносит куда больший доход.

— Господа, за королеву. — Райс поднял стакан. Никто его не поддержал, а он словно этого и не заметил. — Так вы теперь охотник за слоновой костью?

Гюнтерманн покачал головой:

— Я торговец слоновой костью.

— Неужели?

Немец кивнул.

— Я иду в Конго, в тропические леса, нахожу там племена, которые жаждут мяса, и продаю им антилопу, получая взамен слоновую кость. — Он опять вытер потное лицо платком и удовлетворенно добавил: — Очень выгодно.

— Если они убивают слонов, почему они не могут охотиться на антилоп и добывать мясо? — спросил англичанин, убивая муху цеце, усевшуюся к нему на шею.

— Сами они слонов не убивают, — объяснил немец, — но знают, где найти их скелеты. А когда находят, забирают бивни. — Он помолчал, дожидаясь, пока в соседнем болоте не прекратит реветь гиппопотам. — В одной пигмейской деревне столько бивней, что они используют их вместо жердей в заборах, которыми окружают свои дворы. — Немец покачал головой. — Бедняги. Они понятия не имеют, сколько стоит слоновая кость.

— И где же находится деревня с заборами из бивней? — с любопытством спросил англичанин.

Гюнтерманн улыбнулся:

— Друг мой, вы же понимаете, что я вам этого не скажу.

Райс улыбнулся в ответ:

— Да, конечно. — Теперь ему пришлось дожидаться, пока замолчит гиппопотам. — Так вы Гюнтерманн.

— Именно так. А вы?

— Блейни Райс, в недавнем прошлом житель Йоханнесбурга.

— Йоханнесбург, — повторил Гюнтерманн. — Вы родились в Африке?

— Родился я в Англии, в Манчестере. Эмигрировал в Южную Африку, купил ферму, дела не заладились, стал торговцем, двинулся на север. Через двенадцать лет добрался до этих мест. Лет десять тому назад.

— Вы торгуете слоновой костью? — с профессиональным интересом спросил Гюнтерманн.

— Уже нет. — Англичанин взял орешек и бросил зеленой мартышке, прыгнувшей на подоконник. Мартышка с визгом подобрала с земли орешек и мгновение спустя вновь возникла на подоконнике, ожидая следующего.

— А чем вы торгуете?

Райс улыбнулся:

— Фотографиями.

— Фотографиями? — недоверчиво переспросил немец.

Райс кивнул:

— Я использую светокопировальную бумагу. Фотографии меняю на соль, соль — на медь, медь — на коз, коз — снова на соль, соль — на скот. У меня уходит полгода, чтобы пройти весь маршрут. Заканчивается он в Судане, где я продаю скот армии. Начальных вложений — шесть шиллингов, на финише — чуть больше трех тысяч фунтов.

— А чем вы занимались до того, как стали продавать фотографии? — спросил немец, сняв с носового платка какое-то насекомое и бросив на пол.

— Начал я охотником за слоновой костью, но, должен признать, успеха не добился. А когда завязал, выяснилось, что денег у меня ни пенни, а из ценного — только патроны. Вот я и поменял патроны на соль, потом на эту соль купил больше патронов, поменял их на коз и так далее. В итоге я добрался до Эфиопии и продал имеющийся у меня товар почти за две тысячи долларов Марии-Терезы. Оттуда я уехал, больно уж жарко, вернулся сюда, где климат куда приятнее и больше племен, с которыми можно торговать, купил пару фотокамер, и дело пошло.

— И вы называете это приятным климатом? — усмехнулся Слоун.

Райс повернулся к нему:

— А вы бывали в Эфиопии?

— Пару раз.

— Тогда вы знаете, как там жарко.

— Не намного жарче, чем здесь, — возразил Слоун.

— Вы совершенно не правы, — отчеканил англичанин. — Тамошней жары не выдержит ни один человек.

Слоун пожал плечами и уткнулся в стакан с пивом.

— Если вы не возражаете, мой добрый сэр, я позволю себе задать вам вопрос, — продолжил Райс.

Слоун поднял голову, пристально посмотрел на англичанина.

— Валяйте.

— Туземец, с которым вы прибыли. Не могу понять по родовым насечкам, из какого он племени.

— Он — кикуйю.

— Никогда с ними не встречался. Я слышал, что земли кикуйю закрыты для белых.

— Это так.

— Так где вы его взяли?

— Он нарушил закон, но сбежал до того, как его убили.

— А что он сделал?

Слоун пожал плечами.

— Я не спрашивал.

— Кикуйю — хорошие следопыты?

— Этим я доволен.

— Но похуже, чем вандеборо, — самодовольно усмехнулся немец.

Ветер чуть изменился, на них пахнуло болотом.

— Я заметил, что у вас есть один. — Райс обмахивался шляпой, скорее чтобы отогнать неприятный запах, а не охладить кожу. — Они действительно так хороши?

— Мой вандеборо возьмет след бильярдного шара, прокатившегося по улице Берлина.

Райс хохотнул, допил пиво, поднял пустой стакан.

— Чья очередь?

— Моя. — Гюнтерманн бросил на стойку несколько монет. — Раз уж мы вспомнили о вандеборо. По приезде я заметил за домом женщину-вандеборо.

— Она кизи, — поправил его Ван дер Камп. После паузы добавил: — Она принадлежит мне.

— Вы — бур, не так ли? — спросил Гюнтерманн.

— Да.

— Я думал, буры ненавидят черных.

Ван дер Камп покачал головой.

— Ненависти ко всем черным у нас нет. Мы ненавидим только зулусов. Не потому что они черные, а потому, что они наши кровные враги.

— А в сезон дождей в этих краях становится очень одиноко, не так ли? — понимающе подмигнул буру Гюнтерманн.

— Это так.

— Когда британцы установят здесь протекторат, — продолжал Гюнтерманн, — они заставят вас избавиться от нее.

— Мне уже приходилось иметь дело с англичанами, — мрачно ответил Ван дер Камп. — Они меня не пугают.

— Я бы предложил оставить политику, господа, — вмешался Райс. — Нет причин разжигать в буше национальную рознь.

— Согласен. — Гюнтерманн с улыбкой повернулся к Слоуну. — И не попросить ли нам нашего американского коллегу в интересах интернационального единства снять военную форму.

— Попросить вы можете, — откликнулся Слоун.

Райс присмотрелся к форме.

— Вижу, вы были капитаном, сэр.

— Нет.

— Но ваши знаки отличия...

— Я купил форму после войны.

— Так вы не участвовали в боевых действиях?

Слоун ответил после долгой паузы:

— Участвовал.

— На чьей стороне? — спросил Райс.

— Вроде бы мы договорились избегать политики, — напомнил Слоун.

Райс расстегнул пару пуговиц на рубашке, вновь начал обмахиваться шляпой.

— Это не политика, сэр, чистое любопытство. Почему вы решили купить форму конфедератов? В конце концов они же потерпели поражение.

— Лучше отражает солнечные лучи и собирает меньше пыли, — ответил Слоун.

— А такие шляпы носят ваши американские ковбои? — Гюнтерманн указал на стетсон Слоуна.

— Вам лучше спросить у американского ковбоя.

Гюнтерманн откинул голову, расхохотался.

— Отлично сказано, сэр! Между прочим, мы еще не представлены. Я — Эрхард Гюнтерманн, а этот джентльмен — Блейни Райс.

— Ганнибал Слоун.

— Тот самый Ганнибал Слоун? — Райсу пришлось повысить голос, чтобы перекрычать рев гипполотама.

— Если только в Африке нет моего тезки.

— Ваша слава идет впереди вас, сэр. Вас называют одним из самых удачливых охотников за слоновой костью Восточной Африки.

— Пожалуй.

— Вы стоите в одном ряду с Седоусом и Карамаджо Беллом, — восторженно вещал англичанин.

— Никогда с ними не встречался.

— Сколько слонов вы убили? — спросил Райс.

Слоун скатал-таки сигарету, закурил.

— Несколько.

— Что-то вы скромничаете.

— Наверное, он из тех, кто мало говорит, но много делает, — улыбаясь, повернул Гюнтерманн.

— Наверное, — не стал спорить с ним Слоун.

— Между прочим, — продолжил немец, — не ставя под сомнения ваши достижения, должен сказать, что самый лучший охотник на слонов находится сейчас в нескольких десятках футов от этого бара.

— Большой лумбва с топором? — спросил Слоун.

— Именно он, его зовут Тумо. Лучший из лучших, — гордо заявил немец.

— Вы хотите сказать, что он может убить слона одним топором? — скептически спросил Райс.

— Без труда.

— Мне не хотелось бы ставить под сомнение ваши слова, но в свое время я охотился на слонов и просто не могу вам поверить.

— Я видел, как он уложил своим топором одиннадцать слонов, — стоял на своем Гюнтерманн.

Райс задумчиво разглядывал содержимое стакана.

— Может, в тропическом лесу, где они не могут вернуться. Но только не в саванне.

— Где угодно, — не отступал Гюнтерманн.

— Вы же говорите не о самках или детенышах? — Райс повернулся к немцу. — Речь идет о взрослых самцах?

— Совершенно верно.

Райс покачал головой:

— Это невозможно.

— Я неоднократно это видел.

— Завалить слона весом в шесть тонн жалким топориком?

Немец энергично кивнул.

— Я не хочу называть вас лжецом, но готов спорить, что такое невозможно.

— Назовите вашу ставку, — без запинки ответил немец.

Англичанин вытащил из бумажника стопку банкнот, пересчитал их, положил на стойку.

— Как насчет пятидесяти фунтов?

— Интересная мысль. — Немец широко улыбнулся. — А как насчет ста фунтов?

— Это большие деньги.

— Он или убьет слона, или нет, — заметил немец. — Величина ставки не повлияет на исход его поединка со слоном. — Он помолчал. — Разумеется, если вы не можете...

Райс отсчитал еще пятьдесят фунтов.

— Согласен!

— Тогда по рукам! — радостно воскликнул немец и выложил на стол эквивалентную сумму в марках и долларах Марии-Терезы. Обе стопки денег подвинул к Ван дер Кампу. — Ставки будут у вас.

Бур кивнул, собрал банкноты, засунул в карман.

— Есть только одно условие, — добавил Райс.

— Какое же?

— Он должен убить слона завтра. Через пять дней меня ждут в Кампале, и я не успею к этому сроку, если не выведу завтра к вечеру.

— Об этом мы не договаривались, — покачал головой немец. — А если завтра мы не найдем слона?

Райс на несколько секунд задумался, потом повернулся к Слоуну.

— Мистер Слоун, вы не согласитесь представлять меня на этой охоте, чтобы удостоверить выполнение всех условий?

— Охота может занять не один день. А бесплатно я не работаю.

— Это естественно. Я заплачу вам половину своего выигрыша.

Слоун покачал головой.

— Я возьму бивни.

— Но бивней не будет, если он не убьет слона, — заметил Райс.

— Он убьет.

— С чего такая уверенность?

— Я уже видел, как управляется лумбва с топором.

— Но каким образом человек может убить слона одним топором? — насканивал на него Райс.

— Он обезноживает слона.

— Что вы хотите этим сказать?

Слоун повернулся к Гюнтерманну.

— Это ваш лумбва, вы и рассказывайте.

Немец усмехнулся.



— Если я начну рассказывать людям, как он это делает, кто будет со мной спорить?

— Послушайте, деньги на кон я уже поставил, я могу ничего этого не увидеть, так что очень хочу, чтобы мне хотя бы рассказали об этом, — сердито бросил Райс.

— Хорошо, — кивнул Слоун. — Лумбва выслеживает слона, приближается футов на сорок. Дождается нужного направления ветра, подкрадывается к слону сзади и перерубает сухожилие на одной из задних ног в футах от земли. — Он повернулся к немцу. — Так?

Гюнтерманн лишь улыбнулся в ответ.

— Большинство животных прекрасно обходится тремя ногами, — продолжил Слоун, — но слону необходимы все четыре. Перерубленное сухожилие приковывает его к месту.

— Понятно, — кивнул Райс. — Ему удалось обездвигать слона. Но как он его убивает?

— Все слоны — правши или левши, — ответил Слоун. — Лумбва не нападает, не выяснив, какая сторона у слона любимая.

— А какой ему от этого прок? — удивился Райс.

— Слон с перерезанным сухожилием начинает вертеться на месте, вытянув хобот и стараясь обнаружить своего врага. Вот тогда лумбва или отсекает конец хобота, или просто глубоко вонзает топор в хобот.

— А потом?

— Если рядом другие слоны, бежит в укрытие, если слон один — стоит в двадцати футах и ждет, пока слон не изойдет кровью.

— Как-то это все мерзко! — поморщился Райс.

— Зрелище не из приятных, — согласился Слоун. — Как только я решу, что слону не выжить, я прострелю ему голову, чтобы избавить от ненужных страданий.

— И вы уверены, что лумбва это по силам? — спросил Райс.

— Да, конечно. Впрочем, от ошибок никто не застрахован.

— Если все так легко, как вы говорите, почему еще не перебили всех слонов? — с горечью спросил Райс.

— Я не говорил, что это легко. Я лишь сказал, что такое возможно.

— Полагаю, мне прямо сейчас надо признать свое поражение, — усмехнулся Райс.

— Нет, — покачал головой Гюнтерманн. — Завтра пойдем на охоту.

— Ради чего?

— Вы не первый человек, кто сомневается в способностях Тумо, — ответил немец. — Я всегда даю ему новенький доллар Марии-Терезы, когда он выигрывает пари. Зачем лишать его заработка?

— Почему просто не заплатить ему? — спросил Слоун.

— Деньги я плачу только за выполненную работу, — покачал головой немец.

— А потом всегда есть шанс, что он промахнется, — добавил Слоун. — Если такое произойдет, вы заберете свой выигрыш у Ван дер Кампа, когда заглянете сюда в следующий раз.

— Это правильно! — кивнул Райс. — Кстати, а сколько ему дается попыток? Я хочу сказать, если он окажется столь неуклюж, что спугнет слона, будет ли это считаться за попытку?

— Попытка ему дается только одна, — ответил Гюнтерманн. — Если он начинает подкрадываться к слону, значит, это тот слон, на который мы спорили.

— И вы согласны включить это условие в наш договор?

— Да.

Райс вновь заказал всем пива. Уже начало смеркаться, на реке расквакались лягушки.

— За бивни и половину выигрыша я готов пойти с лумбва вдвоем, — предложил Слоун. — Этим мы сэкономим время.

— Нет, — запротестовал немец. — Я тоже пойду. Мне нравится смотреть, как работает мой лумбва.

— Хорошо, — не стал спорить Слоун. — Но только он и вы, никаких сопровождающих. Если мы начнем отстреливать дичь, чтобы накормить ваших боев, то распугаем всех слонов, а я не могу целый месяц гоняться за одной парой бивней.

— Согласен, — кивнул немец. — Вы возьмете вашего кикую?

— Он всегда со мной.

Гюнтерманн вновь кивнул:

— Хорошо! Нам понадобятся два боя, чтобы принести сюда бивни.

Наутро все четверо двинулись от реки в саванну. Тумо, из племени лумбва, и Каренджа, кикую, следопыт Слоуна, подчеркнуто не замечали друг друга. Гюнтерманн страдал от похмелья, так что первые два часа они прошагали молча. То и дело им встречались громадные стада антилоп-гну и газелей, но ничего крупнее жирафа. Еще через час они сняли с плеч рюкзаки и присели в тени десятифутового термитника.

— Как скоро мы возьмем след слона? — спросил Гюнтерманн, приложившись к фляжке.

— Трудно сказать. — Слоун, сняв левый ботинок, выковыривал песчаную блоху из-под ногтя большого пальца. — В этих краях много стреляли. Слоны перебрались на восток, возможно, и на север, и стали очень осторожными.

— Как вы думаете, сегодня мы найдем след? — не отставал Гюнтерманн.

— У нас уйдет на это два или три дня, — ответил Слоун. — Если нам повезет.

— Вы уверены?

Слоун пожал плечами:

— Всякое случается. Всегда можно наткнуться на одинокого самца, но охотники за слоновой костью знают, что на каждый выстрел надо отмахать двадцать пять миль, если, конечно, ты не из тех, кто отстреливает самок и детенышей. — Он помолчал, чтобы прихлопнуть муху цеце. — А что? Хотите вернуться на Торговый пост?

— Райс практически смирился с проигрышем, — напомнил Гюнтерманн.

— Смирился он или нет, это ваши с ним дела, — ответил Слоун. — Если я не получаю слоновую кость, то половина денег — моя.

— Тогда пошли за слоном! — Гюнтерманн поднялся.

— Как скажете. — Слоун надел ботинок.

— А как вы здесь оказались? — раздраженно спросил Гюнтерманн. — Слонов-то нет.

— Я вернулся из Уганды за носильщиками, — ответил Слоун. — Вождь деревни ачоли разозлился на меня, и мне пришлось спешно ретироваться. Мои люди меня бросили, за исключением Каренджи.

— Ничего не понимаю. Ачоли хотят вас убить, но вы все равно намерены вернуться в Уганду. Почему?

— Я припрятал там три тонны слоновой кости, — ответил Слоун. — Как только найму носильщиков, а может, и нескольких солдат из местных, которые умеют обращаться с ружьями, я вернусь за моим кладом.

— Ясно. — Гюнтерманн вытер лицо носовым платком. — Но почему вы так далеко ушли за носильщиками?

— Они не дезертируют, если не будут знать местных наречий и не смогут без меня найти дорогу домой, — ответил Слоун.

Они шли и шли по саванне, встречались им лишь импалы, зебры да канны. Один раз они увидели страуса, который, заметив их, унесся со всех ног. Когда они присели под акацией, чтобы перекусить, внезапно появились две львицы и прошествовали мимо в тридцати ярдах, полностью их проигнорировав. Вскоре показался

носорог, яростно зафыркал, вроде бы собрался атаковать, но проскочил мимо, высоко подняв хвост.

К вечеру счет увиденных антилоп шел уже на тысячи, а птиц — на десятки тысяч, но выйти на след слона им так и не удалось. Лагерь они разбили в зарослях терновника, Тумо и Каренджа по очереди несли вахту, а вокруг кипела ночная жизнь вельдта: пронзительно смеялись гиены, грозно рычали львы, испуганно ржали зебры.

Утро ничем их не порадовало, и лишь когда солнце подходило к зениту, они наткнулись на кучу слоновьего дерьма. Каренджа подошел, присел, покопался в дерьме рукой.

— Бариди, бвана\*, — объявил он, когда к куче шагнул лумбва.

— Что он говорит? — спросил Гюнтерманн.

— Он говорит, что дерьмо холодное, то есть куча старая и оставлена давно, — ответил Слоун. — За этим слонем идти нет смысла.

— Чушь какая-то! — воскликнул Гюнтерманн, когда Тумо подтвердил вывод Каренджи. — В прошлом году здесь бродили тысячи слонов!

— Это же не дома, Гюнтерманн, — усмехнулся Слоун.

— Что вы хотите этим сказать?

— Я хочу сказать, что они не остаются там, где вы их когда-то видели.

Они прошли еще семь миль, увидели канн, бабуинов, вновь присели, чтобы перекусить, отправив Тумо осматривать окрестности. Он вернулся через полчаса, объявив, что нашел свежий след.

— Сколько слонов? — спросил Слоун.

— Один, — ответил Тумо.

— Взрослый самец?

Лумбва кивнул.

---

\* Холодное, господин (суахили).

— Хорошо. Похоже, дело пошло на лад. Где ты его нашел?

Лумбва указал на восток, сказав, что до следа меньше мили.

— Тогда не будем терять времени. — Слоун забросил за плечи рюкзак, подхватил винтовку. — Вы готовы, Гюнтерманн?

Немец поднялся.

Они прошли на восток с милю, потом повернули на север, наконец лумбва указал на свежую кучу слоновьего дерьма.

Каренджа подошел к ней, оглядел кучу, землю вокруг, хмурясь, вернулся к Слоуну.

— Это Малима Тембоз, бвана, Гора, которая ходит, — шепотом, так, чтобы услышал только Слоун, произнес он.

— Ты уверен? — спросил Слоун.

Каренджа подвел его к слоновьему следу, указал на двойные борозды, оставленные в твердой земле слоновьими бивнями.

— Видите? Маконде называют его Бвана Мутаро, потому что лишь его бивни оставляют такой глубокий след. Мой народ зовет его Мрефи Кулика Твига, ибо он выше, чем жирафы, но он истинная Малима Тембоз.

Слоун подозревал Гюнтерманна.

— В чем дело? — спросил немец. С его лица не сходила улыбка, так обрадовал его свежий след.

— Скажи своему бою, что с этим слоном мы связываться не будем. Найдем другого, и у вас останется шанс выиграть пари.

— Почему? — пожелал знать Гюнтерманн. — Чем вам не подходит этот слон?

— Этого слона я знаю, — объяснил Слоун. — Он убил больше десятка туземцев, включая вандеборо, который управлялся с топором ничуть не хуже вашего лумбва.

— Вы сами его видели?

Слоун покачал головой.

— Нет. Но слышал предостаточно.

— Откуда вы знаете, что это тот самый слон? — спросил Гюнтерманн.

Слоун подвел его к следам.

— Это самый большой отпечаток ноги, какой мне доводилось видеть. Даже по размеру можно сказать, что это тот самый слон. Посмотрите, как его бивни взрывают землю при ходьбе. Вот почему его называют Бвана Мутаро, Великий плуг или Господин плуг. Каждый его бивень никак не меньше двухсот фунтов. — Он помолчал. — Такого слона топором, пожалуй, не убьешь. Он пожил на свете, многое повидал, многому научился. Вашему бою не удастся подкрасться к нему или застать его спящим.

— Если у него такие тяжелые бивни, почему он вас не интересуется?

— Очень интересуется, — возразил Слоун. — И теперь я знаю, что он в этих краях. Я займусь им, как только разрешится ваш спор с Райсом. Но на вашем месте я не стал бы посылать вашего боя против Малима Тембоз. Мы найдем другого слона.

— Гора, которая ходит? — восторженно воскликнул Гюнтерманн. — Я хочу увидеть этого слона!

— Может, когда-нибудь и увидите.

— Я хочу сейчас!

— Я же вам объясняю...

— Вы только подумайте, каким я стану знаменитым, если Тумо убьет его!

— О чем вы говорите? — бросил Слоун. — Мы в пятистах милях от океана, в пяти тысячах милях от цивилизованного мира.

— Я сделаю из него чучело и отвезу вместе с Тумо в Европу. Буду их везде показывать. Величайший слон и дикарь, который убил его топором.

— Вы сумасшедший.

— Мы теряем время. — Гюнтерманн дал понять, что дискуссия окончена. — Тумо!

Лумбва вопросительно посмотрел на него.

— Квенда — пошли!

Лумбва кивнул и двинулся по следу.

Каренджа повернулся к Слоуну.

— Имеет право, — пожал плечами американец. — Поглядим, что из этого получится. — И, сопровождаемый Каренджа и Гюнтерманном, зашагал следом за лумбва.

Следующие девять часов они шли практически по прямой, изредка теряя след, но всегда находя его вновь. Потом повернули на восток, где слон нашел маленький пруд. Светила полная луна, поэтому лумбва решил продолжать преследование и ночью. Чтобы не дать слону уйти. На рассвете они наткнулись на кучу дерьма, которую слон навалил лишь двадцать минут тому назад.

Слоун подозревал Гюнтерманна.

— Мы у цели. Нас разделяет миля, максимум две. Слон шел всю ночь, так что скорее всего заснет, как только солнце поднимется чуть выше. Вы все еще хотите, чтоб ваш лумбва сразился с ним?

— Безусловно!

Слоун долго смотрел на немца, потом кивнул.

— Хорошо. С этого момента мы не разговариваем, не кашляем, не поем, не свистим. Следите за сигналами, которые я буду отдавать рукой. Если я даю команду остановиться, выполняйте ее немедленно. Ясно?

Гюнтерманн кивнул.

— Я собираюсь послать Каренджу вперед, на случай, что в округе окажутся другие слоны, которые могут нам помешать.

— А если он их найдет?

— Если найдет, то вернется и скажет нам, сколько их и где они.

Слоун проинструктировал кикую, и тот рысцой побежал в буш под прямым углом от тропы, проложенной



слоном. Потом Слоун кивнул лумбва, и тот зашагал по следу, но уже куда медленнее и совершенно бесшумно.

Они вышли к роще цветущих деревьев, когда лумбва застыл как монумент. Слоун дал знак Гюнтерманну не шевелиться.

Лумбва осторожно вытащил из набедренной повязки топор. Потом, наклонившись к куче слоновьего дерьма, размазал его по телу, чтобы отбить свой запах. Сорвал несколько травинок, чтобы определиться с направлением ветра, пригнулся и крадучись вошел в рощу.

Слоун и Гюнтерманн оставались на месте. Пять минут. Еще десять.

— Что так долго? — шепотом спросил Гюнтерманн, но Слоун знаком приказал ему замолчать, не сводя глаз с рощи.

Затем они слышали, как громко протрубил слон, после чего поднялся птичий переполох и мартышки бросились врассыпную. Вскоре, однако, все стихло.

— Пошли! — шепнул Слоун. Войдя в рощу, он осматривал каждое дерево, каждую травинку, каждый опавший лист. Гюнтерманн уже собрался обогнать его, но Слоун протянул руку и остановил немца.

Наконец через пять минут они нашли то, что осталось от лумбва: кашеподобная масса, ничем не напоминающая человека. Топор валялся в пятидесяти ярдах. Слоун еще несколько минут осматривал рощу. Слон исчез.

— Он ушел. — Теперь Слоун говорил громко, уверенный, что в роще, кроме них, никого нет. — Мне очень жаль вашего боя, но я вас предупреждал: это не просто слон.

Гюнтерманн печально качал головой.

— Какая трагедия! Я мог бы объехать всю Европу.

— Рад видеть, что случившееся глубоко вас тронуло, — с сарказмом бросил Слоун.

Гюнтерманн свирепо зыркнул на него.

— Я потерял сто фунтов. Разве этого мало?

Слоун бесстрастно пожал плечами.

— Вам виднее.

Зашуршали листья, и Слоун вскинул винтовку. Но к ним направлялся не слон, а Каренджа. Кикуюю быстро выяснил, как что было.

— Малима Тембоз знал, что за ним идут. Видите, он уводил лумбва все глубже и глубже в рощу. Вот здесь он развернулся, — кикуюю показал, где, — потом вернулся сюда, — опять движение руки, — и встал у своей же тропы. Он мудрейший и самый ужасный из всех слонов!

Слоун, обдумав слова кикуюю, согласился с ним.

— Бедняга, наверное, и не догадывался, что слон уже позади него, пока тот не схватил его хоботом. — Он вздохнул. — Хоронить тут нечего. Пошли.

— Куда теперь? — спросил немец, когда они вышли из рощи. — К Торговому посту?

— Вы пойдете к Торговому посту, — ответил Слоун. — А я — охотиться на слона.

— Я с вами, — твердо заявил Гюнтерманн.

Слоун покачал головой:

— Ваш спор закончен. Теперь у меня свои дела. Вы мне обуза.

— Но я хочу его видеть!

— Тумо, возможно, увидел его на пару секунд. Вы думаете, ради этого стоит отдать жизнь?

*Бледный человек не заметил меня, но я видел, как он вышел из-под деревьев, и какое-то внутреннее чувство подсказало мне, что именно он, а не черный человек, мой истинный враг. Убив черного человека, я повернул на восток, двигаясь через залитую солнцем равнину Лопита, и не останавливался два дня и две ночи. Шел и шел, пока не увидел великую Киринайгу, которую люди прозвали Кенией. Тогда я остановился у прохладной воды и вволю напился.*



Слоун присел у кучи дерьма.

— Сухое, — пробормотал он. — По-моему, ему пора бы и сбавить скорость.

— Он — Малима Тембоз, — напомнил Каренджа, как бы говоря, что эти два слова все объясняют.

Слоун привалился к стволу засохшего баобаба, начал сворачивать сигарету, оглядывая пустынный горизонт.

— Где ближайший источник воды?

Кикуйю указал на восток.

— Далеко?

— Полдня пути. Может, больше. Может, меньше.

— Тогда не будем рассиживаться. — Слоун поднялся. — Не ему одному сегодня хочется пить.

Они зашагали под жарким тропическим солнцем. Земля стала такой твердой, что бивни уже не вспахивали ее, и люди дважды теряли след, и приходилось кружить, разыскивая его вновь.

Три часа спустя они добрались до деревни вакамба, спросили, видел ли кто Малима Тембоз. Им ответили взглядами, каких устаивают только сумасшедших и дураков. Слоун вытащил из пояса-патронташа три патрона и предложил их тому, кто скажет, в какую сторону направлялся слон, но желающих не нашлось.

Когда сгустились сумерки, они вышли к узкой, грязной речушке, утолили жажду, а потом разожгли костер под акацией.

— Ужасное место! — пробормотал Слоун, отмахиваясь от moskitov.

— Масаи называют его Найроби, — сообщил ему Каренджа.

— Найроби? И что сие означает?

— Место прохладной воды.

— Скорее место миллиона moskitov, — пробурчал Слоун.

— Мы называем его место холодных болот, — добавил кикуюю.

— Вот это ближе к истине. — Слоун натянул на голову одеяло, укрываясь как от мерзких насекомых, так и от холодного ветра, дующего с равнины.

Ночь Слоун провел беспокойную, дважды вставал, чтобы подбросить дров в костер, мечтая о том, чтобы своими руками задушить гиену, пронзительный смех которой будил его всякий раз, когда он засыпал. Он облегченно вздохнул, когда наступило утро. Невыспавшийся, раздраженный, он приказал Карендже свернуть лагерь и продолжил преследование.

Полчаса они шли по следу, пока не поднялись на большое, пыльное плато, на котором пробежавшее стадо буйволов стерло все следы слона.

— Превосходно, — прорычал Слоун. Он огляделся. — Куда теперь? На юг, в Тзаво, на север, в Кикуююленд, или вперед?

— Только не в Тзаво, бвана, — ответил Каренджа. — Очень сухо.

— Там, однако, много слонов.

— Малима Тембоз не любит своих сородичей. Всегда ходит один.

— Хорошо. Поворачиваем на север и ищем его след.

Два часа они шагали на север, прежде чем Слоун пришел к выводу, что слон направился на юг или на восток.

— Я так не думаю, бвана, — возразил Каренджа. — Он почти что бог, поэтому идти ему к Киринанге, где живет Нгайи.

— Он всего лишь слон, Каренджа.

— Он — Малима Тембоз.

— Даже Малима Тембоз оставляет следы. Мы преследовали его три дня.

На это у Каренджи ответа не нашлось, и он промолчал.

— Давай вернемся назад и поищем там, где мы его потеряли.

— Ндио\*, бвана, — с неохотой согласился Каренджа.

Они пошли назад, к плато, на котором буйволы затоптали следы слона. В какой-то момент у них на пути оказалось семейство львов, обгладывающих канну. Слоун решил обойти их стороной, через кустарник.

— Бвана! — внезапно воскликнул Каренджа, когда они углубились в кустарник и поравнялись с львами.

— Что такое?

Кикуйю указал на землю: две борозды, разнесенные на шесть футов.

Слоун нахмурился:

— Чего ему ломиться через кустарник, если можно пройти по траве?

— Он — Малима Тембоз, — в какой уж раз повторил Каренджа. — Шипы кустарника для него что лепестки цветов.

Они взяли след и через полмили обнаружили кучу слоновьего дерьма.

— Теплое, — объявил Каренджа, сунув в него два пальца.

— Сколько лежит?

— Может, десять минут. Может, пятнадцать. Может, двадцать.

— Будь я проклят! — пробормотал Слоун. — Этот сукин сын выслеживает нас!

— Он знает, что мы здесь, бвана. Мы очень шумели.

— И я знаю, что он здесь, — ответил Слоун, — так что мы квиты.

Каренджа подхватил пригоршню грязи и земли, растер в пыль, высыпал тонкой струйкой. Пыль отнесло к северу.

— Ветер на стороне Малима Тембоз, бвана.

— Тогда постараемся уравнять шансы.

---

\* Да, хорошо (суахили).

Слоун повернул налево, кикую — за ним. Прошагав полмили, он повернул направо и двинулся дальше, не снижая скорости. Час спустя он решил, что обогнал слона, и повернул к зарослям кустарника, ища место для засады. Обосновавшись, он велел Каренджа забраться на ближайшее дерево, а сам загнал два патрона в свою дустволку.

Прошел час, другой, третий.

— Не видать его? — без особой надежды спросил Слоун.

— Хапана\*, бвана.

— Ты уверен?

— Его здесь нет.

— Хорошо, — вздохнул Слоун. — Спускайся.

Каренджа спустился с дерева. Слоун закинул винтовку за плечо. Его форма уже насквозь промокла от пота.

— Выходим из кустарника в траву.

Полмили на восток — и кустарник остался позади. Почти сразу нашли они и след слона.

— Господи! — воскликнул Слоун. — Он прошел мимо нас, пока в кустах нас жрали эти чертовы москиты. Дьявольски умный слон!

— Он — Малима Тембоз — Каренджа кивнул, словно его бвана наконец-то понял, о чем он столько времени твердил.

След привел их на выжженный солнцем участок земли, на котором они не нашли ни дерева, ни травинки, ни газелей, зебр, импал или антилоп. Слоун поискал глазами термитник, нашел, направился к нему, забрался наверх, сунул руку в рюкзак, достал подзорную трубу, огляделся.

— Я его засек! — воскликнул он несколько мгновений спустя.

— Где? — спросил Каренджа.

Слоун указал на северо-восток.

---

\* Нет (суахили).

— Вы уверены, что это Малима Тембоз?

— Он слишком далеко, и бивней я не разглядел, — ответил Слоун. — Но слон большой и идет один.

Он спрыгнул с термитника.

— Ладно, он, видать, любит всякие игры, так что на этот раз попробуем его перехитрить. Видишь рощу деревьев в шести милях отсюда?

— Ндио, бвана, — кивнул Каренджа.

— Если он думает, что мы еще идем за ним, он заляжет там и будет нас дожидаться.

— Он не лев, чтобы лежать в засаде, — заметил Каренджа.

— Он и не из тех слонов, за которыми мне приходилось охотиться. Он знает, что его преследуют. Он знает, что в траве он наиболее уязвим. Поверь мне, он пойдет к деревьям. — Слоун стряхнул со лба пот. — Ты пойдешь направо и обогнешь рощу. Если он пройдет ее насквозь, я хочу знать, куда он направился.

— А вы, господин?

— Я пойду прямо к роще. В четырех милях впереди и, может, на милю левее водопой. Если он остановится, чтобы напиться и устроить себе грязевую ванну, я, возможно, сумею добраться до рощи быстрее.

— А если он не остановится?

— Пойду следом за ним. Дай мне знать криком, если увидишь, что он выходит из рощи.

Каренджа поднял руку.

— Квахери\*, бвана.

— Что значит прощай? Мы увидимся через два часа.

— Ндио, бвана. — В голосе кикуюю не слышалось уверенности. И он побежал к роще.

Слоун оглядел равнину в надежде увидеть громадную фигуру слона, глотнул воды из фляжки и зашагал вперед.

Газели и импалы разбегались при его приближении, и он сбавил шаг, не желая предупреждать слона. Он уже

---

\* Прощай (*суахили*).

порадовался, что так легко пересек равнину, когда напоролся на носорога.

Тот зафыркал и стал обегать его кругом, пока не оказался с подветренной стороны. Слоун снял винтовку с плеча, надеясь, однако, что стрелять все-таки не придется. Уж очень не хотелось выдавать себя слону.

Носорог остановился в шестидесяти ярдах, начал бить землю копытом и яростно зафыркал. Пробежал двадцать ярдов, резко повернул под прямым углом.

Слоун стоял не шевелясь, а носорог тем временем вернулся в исходную точку: похоже, ему не давал покоя запах человека. Вновь ринулся в атаку, но свернул в сторону, пробежав те же двадцать ярдов. А потом яростно потряс головой и унесся прочь.

Слоун постоял еще с минуту, желая убедиться, что носорог не вернется, потом опять двинулся к роше. Заметил, что животных становится все меньше, возможно, потому, что в роше могли обитать хищники. Он искал на земле следы слона, ничего не обнаружил, начал забирать влево, еще надеясь, что сможет перехватить его на открытой местности.

Он прошел треть периметра роши, когда услышал крик Каренджи:

— Бвана, он вернулся под деревья!

— Вернулся? — пробурчал Слоун. — Как он сумел туда вернуться, не попавшись мне на глаза?

Он проверил, заряжена ли двустволка, зажал два дополнительных патрона в левой руке и вошел в рошу, диаметр которой, по его расчетам, не превышал двухсот ярдов.

Углубившись на двадцать футов, остановился, прислушиваясь к характерным звукам: урчанию в животе слона, треску веток под ногами, по которым он мог бы определить местоположение животного. Он ничего не услышал и прошел еще двадцать футов. Опять остано-



вился, но до его ушей доносился лишь щебет птиц да стрекотание насекомых.

Он уж хотел позвать Каренджу, спросить, не покинул ли слон рощу, но не решился выдать свое местонахождение, а потому двинулся в глубь рощи. Видимость не превышала десяти футов, часто даже пяти, и внезапно до него дошло, что только идиот может выслеживать Малима Тембоз в такой густой растительности. Он быстро ретировался и облегченно вздохнул, выйдя на опушку.

Отойдя от рощи на пятьдесят ярдов, Слоун крикнул:

— Он все еще в роще?

— Ндио, бвана.

— Подожди десять минут, чтобы он забыл, где я стою, и начинай шуметь со своей стороны. Может, мы испугаем его и он выбежит на меня.

— Он не боится шума, бвана! — донеслось с другой стороны рощи.

— Все равно пошуми!

Каренджа не ответил, но через пятнадцать минут начал ломать ветки и орать во все горло. Слоун присел на одно колено, сжал винтовку, не отрывая взгляда от рощи, готовый выстрелить по выбегающему из нее слону.

Но стрелять не пришлось.

Десять минут спустя шум стих, а еще через полчаса Каренджа обогнул рощу и направился к Слоуну.

— Зачем ты пришел? — спросил охотник.

— Я подумал, что вы уже мертвы, бвана, потому что не слышал выстрелов, — ответил Каренджа. — Вот я и пришел, чтобы отвезти ваше тело миссионерам.

— Благодарю. — Голос Слоуна сочился сарказмом.

— Мне и дальше ломать ветки, бвана?

Слоун покачал головой:

— Толку от этого нет.

— Так что же нам делать?

— Ждать. — Он похлопал по фляжке. — Воды у нас больше, чем у него. Водопой в миле от роши. Рано или поздно ему придется выйти.

— Рано или поздно человек должен поспать.

— Ты у нас оптимист.

— Мне возвращаться на другую сторону роши, бвана?

— Да, пожалуй. А вот это возьми с собой. — Он протянул Карендже подзорную трубу. — На случай, если он ушел, пока ты торчишь здесь.

Каренджа взял трубу и бегом помчался вокруг роши. Слоун развязал рюкзак, достал кусок провяленного мяса, положил в рот, начал жевать. День сменился сумерками, сумерки — ночью, а слон все прятался в роше.

Наконец Слоун решил, что в такой темноте уже ничего не разглядишь, и разжег большой костер, чтобы отгонять хищников. Сидел он, привалившись спиной к рюкзаку, положив винтовку на колени.

Где-то рыкнул лев. В полумиле к западу заржали зебры. Рев леопарда заглушил предсмертный вскрик антилопы. Все стихло.

Слоун интуитивно поднял голову и увидел, как на него, молчаливый, как ночь, несется Малима Тембоз.

Охотник вскинул винтовку к плечу и уставился на громадного зверя. Его гигантские уши заслонили луну, земля дрожала при каждом его шаге, бивни, казалось, уходили в вечность.

— Ты такой, как о тебе говорили! — с благоговейным трепетом прошептал Слоун.

В последний момент он все-таки выстрелил. Пуля взбила облачко пыли на голове слона, но не остановила его, даже не замедлила его бег. Еще нажимая на спусковой крючок, Слоун знал, что так оно и будет.

Он все смотрел на слона, когда толстенный хобот и сверкающие бивни нависли над ним. «Вот зрелище, ради которого стоит жить», — подумал он.

На том его жизнь и оборвалась.



Спустя несколько минут Каренджа нашел то, что осталось от его бвана. Дождался утра, похоронил разодранную серую форму, поставил на могиле крест (он видел, как белые хоронят своих мертвых), на который и повесил выдавший виды стетсон Слоуна.

Потом он вернулся в свою деревню, заплатил большой штраф, наложенный на него вождем, купил жену и остаток лет пас коз, ибо человеку, охотившемуся на Малима Тембоз, не пристало искать более слабых соперников.

## СЕДЬМАЯ ИНТЕРЛЮДИЯ (6303 г. Г.Э.)

— Дункан... ты когда-нибудь спишь дома? Просыпайся!

Я что-то промычал, стал стягивать одеяло с головы и только тут понял, что никакого одеяла нет и в помине, а я заснул в кабинете.

— Дункан!

Я сел, протирая глаза.

— Который час?

— Половина восьмого. — Хильда стояла у моей кушетки, решительно сложив руки на груди.

— Наверное, у тебя нет желания зайти ко мне через час?

— Нет. А теперь поднимайся. Тебе сразу полегчает.

Я с трудом поднялся. Спина затекла, болела правая нога, во рту стояла горечь.

— Ты не права.

— В каком смысле?

— Мне стало хуже.

— Тогда для разнообразия начни спать в собственной постели. — Она не сводила с меня глаз. — Дункан, я полночи не спала, гадая, увижу ли я тебя этим утром живым. Даю тебе две минуты, чтобы прийти в себя, а потом ты расскажешь мне все, что произошло ночью.

— Слон его убил.

— О ком ты?

— О Ганнибале Слоуне. Первом белом человеке, который увидел Слона Килиманджаро.

— Мне без разницы, что ты узнал от компьютера, — бросила она. — Я хочу знать, что произошло между тобой и Мандакой!

— А-а-а. — Я попытался сосредоточиться. — Ночью компьютер нашел еще три эпизода, связанных с бивнями.

— Так ты приблизился к бивням?

Я покачал головой.

— К бивням — нет.

— Тогда к чему?

— К причине.

— Слушай, давай позавтракаем. Выглядишь ты ужасно и несешь какую-то чушь.

— Благодарю. — Я вновь уселся на кушетку. — Почему бы тебе действительно не прийти в девять?

— Компьютер, — приказала она, — прибавь света.

Мгновенно одна стена стала прозрачной и утреннее солнце залило кабинет.

— Хорошо! — Я закрыл глаза. — Давай позавтракаем! Только прекрати это безобразие!

— Пятьдесят процентов затенения, — приказала Хильда, и я смог открыть глаза.

— Чего ты так надо мной издеваешься? — Я поднялся. — Я спал только три часа.

— Извинюсь позже. — Она подошла к двери, приказала ей открыться.

— Куда идем, на второй или девятнадцатый? — спросил я, пробежавшись пальцем по волосам и пытаюсь вспомнить, куда я дел расческу.

— На девятнадцатый, — ответила она. — Незачем подчиненным видеть тебя в таком виде.

Воздушный лифт поднял нас в столовую для руководящего состава, по существу, кафетерий с несколькими столиками. Мы выбрали тот, что стоял в дальнем углу, сели. Взглянув на голографическое меню, я ограничился пирожным и кофе. Хильда, привыкшая к плотному завтраку, заказала по полной программе.

Допрос она продолжила, как только подносы с едой опустились на наш столик.

— Ты уже проснулся?

Я кивнул.

— Тогда я хочу получить полный отчет.

— Хильда, ты даже представить не сможешь, какая у него квартира. Я за всю жизнь не видел ничего подобного.

— Его квартира? — переспросила она. — Вроде бы я застала вас в твоей квартире.

— Ему она не понравилась. Не чувствуется присутствия хозяина.

— Тут он попал в точку, — кивнула она. — А теперь давай с самого начала.

— Начала?

— Расскажи, что случилось в «Древних временах», каким образом он оказался в твоей квартире.

Я рассказал ей обо всем, включая мое посещение необыкновенного жилища Мандаки. Мой рассказ закончился аккуратно, когда она все съела.

— Знаешь, у меня такое ощущение, что он тебе очень нравится, — заметила она, обдумав мои слова.

Я покачал головой:

— Я слишком мало его знаю, чтобы он мне понравился. Но я ему сочувствую.

— Почему?

Я пожал плечами:

— Потому что он хотел бы быть другим.

— Таким, как ты?

— Только не я. Я сознательно выбрал образ жизни, который он ненавидит. — Я посмотрел на Хильду, улыбнулся. — Он предпочел бы оказаться на твоём месте.

— Не поняла.

— Больше всего на свете ему хотелось бы иметь работу, семью, жить, как все. В детстве он не играл с детьми, на него давит осознание того, что он — последний в своём племени и обязан тратить свои деньги и, возможно, отдать жизнь ради бивней слона, который умер семь тысячелетий тому назад. — Я задумался, глядя в окно. — Да, я думаю, он бы с радостью жил, как ты.

— Тогда почему он не пытается вернуться к нормальной жизни?

— Я же тебе говорил, он не может жениться.

— Миллиарды людей не связывают себя семейными узами, однако ведут нормальный образ жизни. Большинство из них даже значится в архивах Содружества.

— Я тебе все объяснил.

— Да уж, у него на все находится объяснение, — кивнула она — Умеет он убеждать, раз ты ему поверил.

— Ты не была в его квартире, — напомнил я. — Не видела, как он живет.

— А вот ты был. И по-прежнему думаешь, что вы выбрали один образ жизни.

— Да.

— Но он живет в дорогом пентхаусе, который превратил в первобытную хижину, а ты — в обычной квартире, причем даже под страхом смерти не сможешь сказать, какого цвета стены в твоих комнатах. Он путешествует по галактике, ты — не выходишь из своего кабинета. Он

ищет общения, ты его сторонишься. Он нанимает человека, который разыщет ему бивни, чтобы самому не терять на это время, ты не можешь думать ни о чем другом, кроме этих бивней. И, однако, ты убежден, что ваши жизни идентичны. Повторяю: язычок у него что надо, раз ему удалось убедить тебя в этом.

— В главном наши жизни одинаковы, — упорствовал я.

— Они отличаются как день и ночь.

— Незначительное отличие лишь в том, что он несчастлив в своей жизни, а я ею наслаждаюсь.

Она хотела что-то сказать, передумала, заказала пирожное, какое-то время разглядывала свои ногти, потом посмотрела на меня.

— Хорошо, Дункан. Ты провел с ним несколько часов, он, не знаю уж каким образом, сумел тебе понравиться, ты увидел, где и как он живет. Можешь ты теперь сказать, почему он готов заплатить миллионы кредиток, даже убить ради того, чтобы заполучить бивни?

— Я представляю себе, в чем причина, но точного ответа у меня пока нет, — уклончиво ответил я.

— Нельзя ли попроще? — спросила она, когда тарелочка с пирожным опустилась на стол.

— Желание заполучить бивни напрямую связано с тем, что он — масаи. Более того, бивни нужны ему позарез именно потому, что он — последний из масаи.

— А что он собирается с ними делать?

— По его фразам я понял следующее: что-то надо сделать с бивнями или с помощью бивней, и сделать это что-то должен масаи. То есть Мандака, поскольку других масаи не осталось.

— Это какая-то белиберда. Что-то надо сделать, должно сделать, нельзя не сделать. — Она уставилась на меня.

— Тут ты права, — с неохотой признал я. — Просто я еще не нашел ответ. Но я знаю, что он есть!

— Что должно сделать... и почему?

Я пожал плечами:

— Пока не знаю.

— А ты его спрашивал?

— И не раз, — раздраженно ответил я:

— И что?

— Ответа я не получил. Слышал от него лишь одно: «Вы подумаете, что я сумасшедший, если я вам скажу».

Ехидная улыбка заиграла на ее губах.

— Как раз ты так не подумаешь, Дункан. Я могу подумать, что он сумасшедший, кто-то еще, но только не ты. Для тебя он по-прежнему будет одной из головоломок, которые ты так любишь решать.

Я промолчал, играя с пустой чашкой из-под кофе.

— Так что, Дункан, — она тяжело вздохнула, — ты считаешь его сумасшедшим?

— Нет.

— Но у тебя сформировалась хоть какая-то версия? Чем обусловлено его стремление заполучить бивни?

— Одно я знаю наверняка: он ищет бивни потому, что он — масаи.

Она всмотрелась в меня.

— Тогда почему меня не покидает ощущение, что ты знаешь больше того, что говоришь?

— Я подозреваю больше того, что говорю. Но изложил тебе все, что знаю.

— Так почему этот слон интересуется именно масаи, а не кикуйю или зулусов?

— Зулусы жили далеко на юге.

— Я привела неудачный пример, — раздраженно бросила она. — В племенах я разбираюсь гораздо хуже тебя. Уточняю вопрос: почему этим слоном интересуются масаи, а не другие племена?

— Не знаю.

— Слона убили масаи?

— Вероятно, нет. Доподлинно это никому не известно.

— Тогда почему просто не сказать: нет?



— Масаи не охотились, чтобы добывать пропитание, и не торговали слоновой костью: у них не было причин убивать его. — Я помолчал. — Опять же, из того, что я узнал о нем этим утром, обнаженный воин с копьем не смог бы свалить его на землю.

— Если масаи его не убивали, почему же они претендуют на бивни? Кто-то из масаи покупал их на аукционе?

— Насколько мне известно, на Земле бивни масаи не принадлежали. На аукцион их выставил араб, купили их европейцы. Британский музей передал их правительству Кении, они оставались в музее Найроби до начала Галактической эры, да и потом я не смог найти в чередѣ их владельцев хоть одного масаи, пока в восемнадцатом столетии Галактической эры они не оказались у Масаи Лайбона.

— Тогда зачем масаи заявляют, что бивни принадлежат им?

— У меня такое ощущение, что заявляют они другое: бивни нужны им больше, чем кому бы то ни было.

— Мы вернулись к тому, с чего начали, — вздохнула Хильда. — Я спрошу тебя, зачем они мне нужны, ты ответишь, что не знаешь, хотя у тебя есть кое-какие мысли, но поделиться ими со мной ты не готов. Я права?

Я кивнул:

— Да. Еще кофе?

— До чего же иной раз с тобой трудно, Дункан!

— Я этого не хотел.

— Два дня, Дункан! — Ее пухлый пальчик нацелился мне в грудь. — У тебя осталось два дня.

— А потом мы должны вновь обсудить сложившуюся ситуацию, — напомнил я.

— Нечего нам будет обсуждать, если ты не найдешь более правдоподобных ответов.

— Если я найду ответы, дополнительного времени мне не потребуется.

— Тогда тебе лучше их найти, потому что, по моему разумению, ты не приблизился к бивням ни на шаг.

Я вернулся в кабинет, подошел к раковине, умылся, решил, что пора и побриться.

— Компьютер?

— Да, Дункан Роджас?

— Как идет поиск бивней?

— Не нашел их следов после того, как Таити Бено похитила их с Винокса IV.

— Хочу попросить тебя об одной услуге.

— Слушаю.

— Пока я бреюсь, подготовь мне краткую историческую справку по масаи начиная с тысяча восемьсот девяносто восьмого года Нашей эры.

— Вы должны выразиться более точно.

Я нахмурился:

— Тебе нужна конкретная дата в тысяча восемьсот девяносто восьмом году?

— Я хотел бы получить уточнение термина «краткая», — ответил компьютер.

— Не более пятисот слов.

— Приступаю. Исполнено.

— Я еще не побрился.

— жду...

Несколько секунд спустя я сел за стол.

— Компьютер, я готов.

— В тысяча восемьсот девяносто восьмом году племя масаи насчитывало двадцать пять тысяч человек. Ему принадлежала большая часть Рифтовой долины, а также практически весь юг Кении, включая Тзаво, Амбосели и Масаи Мара, и северные регионы Танганьики: плато Серенгети, гора Килиманджаро и кратер Нгоронгоро. В Восточной и Центральной Африке они считались самыми умелыми воинами, по репутации сравнимыми (до

прямых стычек дело не доходило) с зулусами Южной Африки.

К тысяча девятьсот десятому году британцы ввели законы, лишившие масаи их бывшего могущества и привычного образа жизни. Масаи запретили носить копья и даже щиты, они больше не могли нападать на другие племена. К тысяча девятьсот сороковому году их лишили даже традиционного обряда посвящения в мужчины, когда юноши с одним копьём выходили против львов.

Когда Кения обрела независимость, численность масаи увеличилась до двухсот пятидесяти тысяч, но их было гораздо меньше, чем кикуйю, луо или вакамба. Они продолжали пасти скот, отставая от других племен по уровню грамотности, продолжительности жизни, экономической мощи.

К две тысячи десятому году государства Кения и Танзания экспроприировали их земли. К две тысячи пятидесятому году их осталось тридцать тысяч. К две тысячи девяносто третьему году Нашей эры они уже не говорили на собственном языке, известном как Маа, поголовно перейдя на суахили. С началом Галактической эры и колонизацией Новой Кении ни один масаи не занимал ответственного поста в государственных структурах Кении или Танзании. В эпоху космических путешествий ничего значительного это племя не совершило.

— Очень печальная история.

— Моя программа не рассчитана на эмоциональные оценки.

— Я знаю, — автоматически ответил я, погруженный в свои мысли. Наконец вновь посмотрел на кристалл.

— Компьютер?

— Слушаю. — Кристалл ярко вспыхнул.

— Ты можешь проанализировать ситуацию в Восточной Африке, сложившуюся к тысяча восемьсот девяносто восьмому году?

— Проанализировать в каком аспекте?

— Я хочу, чтобы ты дал оценку взаимоотношениям племен, скажем, в тысяча восемьсот девяносто седьмом году, и подсчитал вероятность того, что влияние масаи сойдет на нет.

— Приступаю...

Я заказал чашку кофе, потом решил, что за последние двадцать четыре часа уже перепил кофе, поэтому отменил заказ, отдав предпочтение стакану сока. Компьютер ожил до того, как я его получил.

— Исходя изданных, имеющихся на тысяча восемьсот девяносто седьмой год, включая и его, вероятность изложенной выше истории масаи составляет один и сорок три сотых процента.

— Теперь рассчитай вероятность, взяв за точку отсчета тысяча девятьсот десятый год Нашей эры.

— Приступаю... Пятьдесят один и двадцать три сотых процента.

— Еще раз, отталкиваясь от тысяча девятьсот пятидесятого года.

— Приступаю... Девяносто три и семьдесят восемь сотых процента.

— Спасибо, компьютер. — Я пригубил фруктовый сок. Внезапно передо мной возник образ Хильды.

— Я контролировала твой диалог с компьютером, Дункан.

— Кто тебе разрешил? — спросил я.

— Мне не требуется разрешения, я — руководитель департамента безопасности. И хотя я на тебя злюсь, твои вопросы очень заинтересовали меня. Позволишь предугадать твой следующий вопрос.

— Почему нет?

— Компьютер, я выдвигаю следующую гипотезу: потеря масаи власти и главенства среди прочих племен является прямым результатом смерти Слона Килиманджа-

ро в тысяча восемьсот девяносто восьмом году. — Она помолчала. — Проанализируй, пожалуйста.

— Приступаю... Вероятность вашей гипотезы равна тридцати четырем десяти тысячным процента.

— Очень интересно, — прокомментировал я.

— Что ж тут интересного? — спросила она. — Ты ошибся. — В ее голосе слышалось разочарование. — Знаешь, ты наполовину убедил меня, что тут есть какая-то связь.

— Есть.

— Но компьютер дал тебе тридцать четыре десяти тысячных процента. Это не вдохновляет.

— Ты не права. Исходя из имеющейся информации я ожидал нулевую вероятность.

— Правда?

Я кивнул:

— О связи масаи и слона ничего не известно. Вроде бы он никак не мог повлиять на будущее племени.

— Но вроде бы влиял.

— Это всего лишь предположения, а компьютер оценивает только факты.

— Тогда спроси его, почему результат отличается от нуля.

— Спрошу. Я пытаюсь найти оптимальную формулировку вопроса. — Она помолчала, чтобы не мешать мне думать. Наконец я определился со словами: — Компьютер, какие факторы изменили вероятность влияния Слона Килиманджаро на будущее масаи с нуля на тридцать четыре десяти тысячных процента?

— Показания с чужих слов, касающихся некоторых заявлений Сендейо.

— Кто такой Сендейо?

— Один из вождей масаи, брат Ленаны, верховного вождя масаи в тысяча восемьсот девяносто восьмом году Нашей эры.

— И что заявлял Сендейо?

— Не имею достаточной информации.

— Если ты не знаешь, о чем он говорил, почему его слова повлияли на твои расчеты?

— Для изменения вероятности с нуля до тридцати четырех десяти тысячных процента достаточно того, что он был одним из вождей масаи и упоминал о Слоне Килиманджаро.

— Спасибо. — Я повернулся к Хильде. — Я ошибся. — Тяжелый вздох. — Я и представить себе не мог, что простое упоминание о слоне может повлиять на величину вероятности.

— Возможно, ты ошибся, — согласилась Хильда. — Однако возникает другой вопрос. Компьютер?

— Слушаю?

— Как я понимаю, ты не нашел сведений, доказывающих причастность масаи к смерти Слона Килиманджаро. Это так?

— Так.

— Откуда же Сендейо узнал о смерти слона... и вообще о его существовании?

— Не имею достаточной информации.

Хильда посмотрела на меня.

— Не знаю, куда приведут нас наши вопросы, но картина получается интересная.

— Очень интересная, — согласился я.

В последующие тридцать минут интерес этот заметно поулег, потому что я не смог заставить компьютер выявить связь между Сендейо и/или масаи и слоном. Вождь, возможно, лишь раз помянул слона, источник информации услышал об этом с чужих слов, так что его показания могли не соответствовать действительности, однако это единственное упоминание повлияло на расчеты компьютера. Но другая информация отсутствовала, не выдвигал компьютер и своих версий, ссылаясь на недостаточность имеющейся у него информации.

Цепь моих вопросов прервала Хильда.

— Мы открываемся через двадцать минут. Мне пора заняться делами.

— Хорошо.

— Дай мне знать, если что-нибудь найдешь.

— Обязательно.

Ее образ исчез, а я сосредоточился на компьютере, не зная, с какой стороны подступиться к проблеме. Чтобы потянуть время, я спросил, не обнаружил ли он бивни. Компьютер ответил, что не может установить их местонахождение после того, как Таити Бено выкрала их у Летящих-в-ночи.

Идеи мои иссякли, но мне ужасно не хотелось прерывать допрос компьютера, имея в своем распоряжении еще пятнадцать минут, поскольку вновь коснуться интересующего меня предмета я мог лишь через десять часов, после закрытия «Брэкстона».

— Пожалуйста, воссоздай голограмму бивней, — попросил я в надежде, что меня осенит блестящая идея, если я буду видеть их перед собой.

— Исполнено, — ответил компьютер, и передо мной возникли бивни.

Как всегда, я не мог оторвать от них глаз, но в голову не лезло ничего путного. Я не знал, какие вопросы надо задать компьютеру, чтобы он нашел-таки связь между ними и Сендейо или масаи. Я откинулся на спинку кресла, положил ноги на стол, вздохнул.

— Они выглядят такими чистенькими, несмотря на всю кровь, которые они несут на себе.

— Это же удлиненные коренные зубы, — поправил меня компьютер. — На них нет крови, Дункан Роджас.

— Это метафора, — ответил я. — Я хотел сказать, что из-за них погибло много людей.

— По имеющейся у меня информации шесть тысяч девятьсот восемьдесят два человека, — уточнил компьютер.

— Тут какая-то ошибка, — возразил я. — Погиб Главнокомандующий, его сын, Ганнибал Слоун, Тумо из племени лумбва, Эстер Камау. Мы не знаем, стали ли бивни причиной смерти Железной герцогини и Таити Бено.

— Я не учитывал в моих расчетах Железную герцогиню или Таити Бено.

— Откуда же такие цифры?

— В восемьсот восемьдесят втором году Галактической эры бивни послужили причиной войны.

— Войны? — удивился я.

— Боевых действий между двумя мирами, — ответил компьютер. — Такие действия определяются мною как война.

— И воевали из-за бивней?

— Совершенно верно.

— Расскажи мне об этом, — попросил я.

— Приступаю...

## ГЛАВА ВОСЬМАЯ

### ВЛАСТЕЛИН (882 г. Г.Э.)

*Я достиг пыльных равнин Амбосели и впервые увидел вдали могучую Килиманджаро с ее синевато-серыми склонами и увенчанной снегом вершиной, прячущейся в облаках. Я продолжил свой путь на юг, к Килиманджаро: величайший из слонов, шагающий к величайшей из гор, ибо, если Бог людей обитал на горе Кения, то, возможно. Бог слонов облюбовал себе Килиманджаро.*

*Времени у меня оставалось немного. Я не испытывал ни страха, ни печали: все смертно, но я полагал, что лучше*



мне самому найти моего Бога, чем дожидаться, пока Он найдет меня, слабого и изголодавшегося, не способного стоять в Его присутствии или обезумевшего от боли, вызываемой муравьями, выедающими хобот изнутри. Я хотел спросить Его, почему Он создал меня отличным от других, мне подобных, почему Он повелел мне жить в одиночестве, почему я пережил пули, стрелы и копья, которые убили бы любое другое существо. Я хотел знать, для какой цели Он создал меня и честно ли я служил Ему, оправдал ли Его надежды.

Задержавшись на короткое время, чтобы напиться и осыпать пылью потрескавшуюся, зудящую кожу, я вновь зашагал к Килиманджаро.

Генерал Араб Шагалла, при всех регалиях, оторвался от чашки утреннего чая, когда в его кабинет вошел майор Джума.

— Сэр?

— Вольно, майор, — кивнул Шагалла, отдал короткий приказ компьютеру, и военные карты на стенах потускнели.

— Благодарю вас, сэр. — Джума помолчал, пытаясь успокоиться, но без особого успеха. Протянул генералу листок синей бумаги. — Сэр, что все это значит?

Араб Шагалла искоса посмотрел на листок.

— По-моему, тут все ясно написано. Нам приказано атаковать Плантагенет II.

— Они угрожают нашей безопасности? — Джума наклонился вперед, оперся руками о стол генерала.

— Нет.

— Они напали на наших сограждан?

— Нет.

— Тогда почему, во имя Аллаха, мы должны воевать с планетой, удаленной от нас на семьдесят три тысячи световых лет?

— Потому что таково желание нашего короля. Аллах шепнул ему на ухо, что мы должны атаковать Плантагенет II.

— Это единственная причина?

— Разумеется, нет. Но это официальная причина.

— А какова истинная причина?

Араб Шагалла вздохнул:

— Если я тебе скажу, ты мне не поверишь.

— Это единственный ответ, на который я могу рассчитывать? — спросил Джума.

— Нет, — покачал головой Шагалла. — Но другой ответ ты услышишь не от меня, слава Аллаху. Король приказал собрать всех офицеров после утренней молитвы. Кто-нибудь из младших офицеров по глупости задаст ему этот вопрос. — Шагалла задумчиво посмотрел на Джуму. — Позволь дать тебе добрый совет: постарайся не улыбаться, когда король будет объяснять, почему мы идем в бой.

— Простите?

— Ты меня слышал. Никаких улыбок, и тогда, возможно, мы доберемся до Плантагенета II без особых потерь, да будет на то воля Аллаха.

Они собрались в тронном зале, в парадной форме, все семьдесят восемь высших офицеров Амина Рашида Четырнадцатого, абсолютного монарха Альфа Беднари IV, решившего повести свои войска на святую битву с неверными звездной системы Плантагенет II. Стулья в зале отсутствовали, так что все стояли навытяжку, ожидая прибытия короля.

Наконец он вошел. Маленький, толстый, на кривых ножках, с жидкой бороденкой, но, милостью Аллаха, король. Только-только вся планета отпраздновала его сорокасемилетие, правил он уже три года, а взшел на престол, убив брата и дядю. За это время он взял себе сорок семь жен, по одной на каждый прожитый год. Ис-

лам, который он исповедовал, несколько отличался от истин, записанных в Коране. Деньги он тратил без счета, любил азартные игры, разводил ящериц и с интересом изучал их мутации.

Он патологически боялся чужаков, не доверял тем, кто родился вне Альфа Беднари IV (планету он переименовал, назвав Магометом, в честь пророка, но во всех официальных документах и на картах она значилась как четвертая планета системы Альфа Беднари), опасался женщин и объявил (далее слов дело не пошло) Священную войну всем инопланетным цивилизациям. Он преследовал всех граждан, которые не исповедовали предлагаемую им разновидность Ислама, пока не вмешалась Республика и не ударила его по самому больному месту — казне, а его указ лишить женщин права владения собственностью как раз рассматривался высшим планетарным судом.

На руках он держал сине-зеленую ящерицу и любовно поглаживал ее головку, оглядывая собравшихся.

— Господа, — высоким, пронзительным голосом начал он, — мне очень приятно видеть перед собой таких бравых молодцев. — Он откашлялся. — Завтра мы начинаем джихад\* против неверных с Плантагенета II, и я полечу с вами на моем флагмане, чтобы разделить все опасности, какие выпадут на вашу долю, как и положено настоящему королю.

Он поднял ящерицу, поцеловал ее в голову.

— Я — Амин Рашид Четырнадцатый, король Магомета, любимой планеты Аллаха. Меня не победить никому, следовательно, пока я с вами, никто не сможет победить и вас. Лазерам не сжечь наши корабли, звуковым генераторам не вселить страх в наших воинов, молекулярным дезинтеграторам не уничтожить наши боевые машины. Мы бессмертны, ибо выполняем миссию, возложенную на нас Аллахом.

---

\* Священная война (араб.).

— Вопрос, государь, — подал голос молодой полковник.

— Да? — Рашид повернулся к нему.

— Могу я знать, в чем состоит стратегическая выгода захвата Плантагенета II?

— Нет! — отрезал Рашид. — Разве недостаточно того, что я объявил джихад?

— Да, сэр, — ответил полковник.

Рашид, все еще кипя от гнева, продолжал поглаживать ящерицу.

— Мы начинаем войну с Плантагенетом II, потому что мне явился Аллах и сказал, что я должен пойти туда и забрать то, что должно принадлежать мне. Все, кто станет на нашем пути, будут уничтожены. Все, кто поднимет против нас мечи, узнают, каков он, гнев Божий!

— Мечи? — прошептал майор Джума. — Он думает, что мы будем сражаться на мечах.

— Реки переполнятся кровью, птицы будут рвать обугленную плоть неверных, и битва будет продолжаться до тех пор, пока не падет последний из них. Так повелел Аллах, так и будет.

Никто не решился спросить, что именно надлежало забрать с Плантагенета II, поэтому все молчали, пока Рашид сам не прояснил ситуацию.

— В музее города Нью-Эвон выставлены бивни животного, известного, как Слон Килиманджаро, величайшего млекопитающего, которое когда-либо ходило по Земле, давшей жизнь всем нам. Аллах сказал, что эти бивни должны принадлежать мне. — Он оглядел изумленные лица. — Этого хочу я, и этого хочет Аллах. Любой, кто не пожелает отдать жизнь ради достижения этой цели, — враг не только мой, но и Аллаха. — Холодная улыбка, заигравшая на губах Рашида, ясно показала, что ждет того, кто посмеет пойти против его воли и, разумеется, воли Аллаха.

Вскоре Рашид распустил офицеров, чтобы те активизировали подготовку к вторжению.

— Мы собираемся воевать из-за пары бивней! — воскликнул майор Джума, вернувшись в кабинет генерала Араба Шагаллы. — Я не могу в это поверить!

— Ты согласишься, как только они начнут в тебя стрелять, — мрачно ответил генерал.

— Но почему?

Генерал тяжело вздохнул, достал сигару, раскурил, посмотрел майору в глаза.

— Потому что, взойдя на трон, наш любимый монарх стал отцом тринадцати дочерей. У него нет ни одного сына, а он мечтает о наследнике.

— Какая же связь между войной и наследником? — недоумевающе спросил Джума.

— В древние времена, когда человечество еще не покинуло Землю, существовало животное, которое звали носорог. На него охотились из-за рога, который рос у него на носу.

Джума молчал, ожидая продолжения. Шагалла вновь затянулся, выпустил струю дыма.

— Рог имел форму фаллоса, и многие властители, потребляя рог в толченом виде, полагали, что он усиливает их потенцию. — Генерал помолчал. — Носорогов давно нет, нет и их рогов, но есть два огромных бивня. Если ты взглянешь на них, то отметишь, что они чем-то похожи на рог носорога. Вспомни при этом, что тридцать четыре из сорока семи жен нашего любимого монарха пока бесплодны, а он с годами не становится моложе, и сделай соответствующие выводы.

— Мы собираемся воевать с Плантагенетом II для того, чтобы он мог чаще ублажать своих жен? — недоверчиво спросил майор Джума.

— Разумеется, нет.

— Но...

— Мы собираемся воевать с Плантагенетом II потому, что он думает, что сможет чаще ублажать своих жен.

— Но это же нелепо! — вскричал Джума. — Почему нам не выкупить бивни?

— Мы вышли с таким предложением, но получили отказ. — Шагалла саркастически улыбнулся. — Именно тогда Аллах и предложил нам воевать.

— Рог носорога усиливал мужскую потенцию? — спросил Джума.

— Разумеется, нет.

— Тогда и от бивней толку не будет. Почему никто ему об этом не скажет?

Шагалла встретился с ним взглядом.

— Добровольцев пока не нашлось. Хочешь сказать ему об этом?

— Нет, но...

— Что ж, когда ты найдешь желающего поведать нашему любимому монарху, что бивни не прибавят ему мужской силы, сразу же сообщи мне об этом. А пока такого человека нет, давай готовиться к войне.

Джума покачал головой:

— И мы будем воевать только потому, что никто не хочет сказать этому безумцу, что переросший зуб не влияет на потенцию?

— Суть ты уловил, — мрачно согласился Шагалла. — Старайся лишь помнить, что мы служим планете, которая вечна, а не нашему правителю, который смертен.

Джума покачал головой.

— Это несправедная война. Аллах не позволит нам победить в ней.

— Исторический опыт свидетельствует, что обычно Аллах на стороне тех, у кого побольше огневой мощи.

Вторжение началось неудачно (скажем так, оно вообще едва не завершилось, даже не начавшись, потому что лич-

ный мулла Рашида, Шириф Хассим, узнав о цели военной операции, отказался разрешить войскам есть сублимированные продукты. Рашид тут же его казнил, но и сменивший Хассима мулла не дал такого разрешения. Прежде чем монарх смог найти муллу, который объявил, что на период ведения боевых действий армия и флот могут потреблять сублимированное мясо, то есть приготовленное не в соответствии с законами шариата, восемь мулл приняли мученическую смерть, а флоту пришлось задержаться в космопорте на тридцать шесть часов).

Наконец корабли отбыли к далекому Плантагенету, и майор Джума, проведя два первых дня в крохотной каюте, потребовал аудиенции у генерала.

— Заходи. — Араб Шагалла пригласил молодого майора в свои более просторные апартаменты.

— Благодарю вас, сэр.

— Не хочешь ли выпить кофе? — Он указал на кофейник, что стоял на столе.

— Нет, благодарю вас, сэр.

— Тогда присядь, — улыбнулся генерал. — Мой дом — твой дом. Какой уж есть, — сухо добавил он.

— Эта комната защищена, сэр? — Майор направился к скамье, закрепленной на переборке.

— Защищена?

— Нас прослушивают?

— Нет.

— Хорошо. — Майор сел, наклонился вперед. — Я хочу вам кое-что сказать, потому что доверяю вам, а самому мне не справиться. — Он помялся. — Я разработал план.

— Захвата Плантагенета II?

— Убийства Амина Рашида.

— Будем считать, что я ничего не слышал, — насколько не удивившись словам майора, ответил Шагалла. — А ты, со своей стороны, больше никогда об этом не говори.

— Но он сумасшедший!

— Он также наш король, которому мы присягнули на верность.

— Он не отдает отчета в своих действиях.

— Разве не сказал Аллах, имейте сострадание к сумасшедшим? — Шагалла пригубил кофе.

— Аллах, может, и сказал, но спасет ли это тех, кому придется умереть на Плантагенете?

— Хватит! — отрезал Шагалла. — Он — твой король, ты — его вассал. У него есть недостатки, это так, но совершенен только Аллах. Ты должен служить ему, а судить его предоставь Аллаху.

Джума вскинул голову:

— Неужели вы думаете, что Республика закроет глаза на его выходку? Нападение на мирную планету сделает его преступником. Неужели вы хотите защищать его, когда против нас выступят двадцать тысяч миров?

— Я больше ничего не хочу слышать, — твердо заявил Шагалла. — Ты должен замолчать, или я доложу кому следует.

— Так докладывайте! — бросил Джума. — Но кровь Плантагенета II будет на ваших руках, если вы меня не выслушаете! И из-за чего? Из-за пары бивней, которые, по мнению этого психа, превратят его в быка-производителя!

— Я предлагаю тебе помолиться Аллаху и испросить у него прощения.

— У Аллаха наверняка много своих проблем. Иначе Амин Рашид никогда не взошел бы на трон.

Генерал задумчиво смотрел на своего молодого офицера, словно что-то решал. Потом вздохнул и откинулся на спинку кресла.

— Аллах видит и знает больше, чем ты можешь себе представить.

— И что сие означает? — сразу подобрался Джума.

Шагалла уже хотел что-то сказать, но передумал.



— Молись о том, чтобы Аллах указал путь и тебе, и твоему королю.

— Значит, что-то должно произойти! — воскликнул Джума. — О чем я ничего не знаю!

— В галактике и во Вселенной происходит много такого, о чем ты не имеешь ни малейшего представления, — подтвердил Шагалла.

— И это что-то произойдет в самом ближайшем будущем, — продолжал Джума. — Мы прибудем в Плантагенету II через три дня.

— У тебя свой отсчет времени, у Аллаха — свой, — ответил генерал.

— Могу я помочь? — спросил Джума.

— Разумеется. — Лицо генерала напоминало маску. — Молись за быструю и бескровную победу над неверными.

Их план не мог не сработать. Они засунули бомбу в созревший апельсин и положили его на дно большой вазы для фруктов.

Девять старших офицеров участвовали в заговоре, и все они согласились пожертвовать собственной жизнью ради того, чтобы гарантировать смерть монарха. Шагалла летел не на флагмане, однако участвовал в заговоре. Получив сообщение о смерти Амина Рашида, именно он должен был взять командование флотом на себя и повернуть его к Альфа Беднари IV.

Совещание назначили на шестнадцать ноль-ноль, по корабельному времени. Когда Рашид настоял на своем участии, они решили, что час пробил. Он прибыл и сел за круглый стол. Взрывной механизм уже работал, офицеры, не посвященные в заговор, покинули зал.

Но Аллах, как и отмечал Шагалла, питал слабость к сумасшедшим, поэтому бомба взорвалась аккуратно в тот момент, когда Рашид нагнулся, чтобы поднять с пола упавшую дольку апельсина. Стол защитил короля, он отделался лишь синяками да надышался пороховыми

газами. Семеро из девяти высших офицеров погибли при взрыве, оставшиеся двое — тем же вечером под пытками, не успев выдать имен сообщников.

А флот продолжил полет к Плантагенету II.

Когда до планеты осталось три часа лету, Рашид объявил, что битва с неверными произойдет на Земле: бомбардировка с орбиты могла привести к случайному уничтожению бивней. Пойти на такой риск Рашид не мог.

Шагалла, теперь старший по званию генерал, объяснил, что вооруженные силы Плантагенета уже засекли их и теперь ведут своими радарами. И если ему, Шагалле, не разрешат нанести превентивный удар по огневым точкам противника, он не гарантирует благополучной посадки хотя бы одного корабля.

Рашид вежливо выслушал, но остался при своем мнении, ибо этим самым утром Аллах шепнул ему на ухо, что вторжение пройдет успешно и в скором времени магические силы, таящиеся в бивнях Слона Килиманджаро, будут работать на него.

Шагалла потребовал разрешения вывести флот на орбиту между Плантагенетом V и VI, чтобы он мог разобратся с системой обороны противника.

Рашид ему отказал: Аллах нашептал, что неверные обратятся в бегство от одного вида его святых воинов.

Наконец Шагалла предложил еще раз вступить в переговоры, поскольку присутствие флота могло побудить планетарное правительство пересмотреть прежнее решение и отдать бивни.

Очень разумное предложение, согласился Рашид, но в иных обстоятельствах. Они уже перешли ту черту, до которой возможно примирение. Аллах требует, чтобы он атаковал неверных и вырвал бивни из их когтей.

Шагалла, не считающий ни Рашида, ни Аллаха талантливыми полководцами, просто кивнул и отдал честь.



Первые восемь кораблей, попытавшиеся приземлиться, разнесли в клочья еще на подходе к атмосфере. Девятый добрался до поверхности, уничтожил две фермы и трехкилометровый участок дороги и на том прекратил свое существование.

Наконец Шагалла вышел на связь с королем.

— Господин мой, вы должны разрешить мне подавить их огневые точки. Мы потеряли девять кораблей, а они полностью сохранили систему обороны!

— Уж не отдаешь ли ты мне приказы? — взвился Рашид. — Я — избраннык Аллаха, вознесенный над людьми! Мы не будем атаковать из космоса! Я не могу рисковать уничтожением бивней!

— Но мы потеряли шесть тысяч человек!

— Подумаешь! — Рашид пожал плечами. — Они умерли во славу Аллаха.

— Они умерли за ваши бивни. — Шагалле с невероятным трудом удавалось сохранять хладнокровие. — А мы не приблизились к ним ни на шаг.

— Мы не можем потерпеть поражение, — гнул свое Рашид. — Так повелел Аллах!

— Господин, к сожалению, не могу с вами согласиться. Если вы не позволите мне защищать моих солдат, шансов у нас нет. Вы должны разрешить бомбардировку планеты, или нас ждет жесточайшее поражение.

— Я не позволю уничтожить бивни! — рявкнул Рашид, а после короткой паузы добавил, уже ровным голосом: — Однако я разрешаю распылить в атмосфере химические или токсические вещества, генерал Шагалла, если вы по-прежнему сомневаетесь в нашей победе. Но никаких радиоактивных материалов! Какой прок от бивней, если... если я не смогу их использовать.

«Если ты не сможешь растирать их в порошок и есть за завтраком», — про себя поправил его Шагалла.

— Да, мой господин, — произнес он вслух и отключил связь.

— Теперь он хочет отравить атмосферу и убить все гражданское население? — взвился Джума.

— Чего он хочет и что получится — две большие разницы, — ответил Шагалла. — Я хочу, чтобы ты разобрался, какие у нас на борту нервные газы и химические вещества. Потом пропусти эту информацию через компьютер и постарайся найти тот состав, который выводит на короткое время из строя, но не убивает. — Он помолчал. — После этого мы сбросим газовые бомбы на Нью-Эвон и военные базы, десантируем группу командос, захватим бивни и быстренько ретируемся, да будет на то воля Аллаха!

— А как же Рашид?

— Я уверен, что Аллах в Его бесконечной мудрости решит и эту проблему. Сейчас моя задача — не допустить дальнейших потерь.

— Армия вам доверяет, — не унимался Джума. — Если вы возглавите переворот, вас поддержат девяносто процентов офицеров.

— Военные созданы, чтобы воевать, а не править, — ответил Араб Шагалла. — У меня нет ни желания, ни способностей управлять целой планетой. — Он включил топографические обзорные экраны. — А теперь займись делом. Определись с запасами и составь искомую химическую формулу. Джума?

Майор, уже двинувшийся к двери, обернулся.

— Да?

— Я больше не хочу слышать о перевороте. Я его не возглавлю, а если кто-то из моих подчиненных предпримет такую попытку, выступлю против них. Мы служим в армии Альфа Беднари IV, и я хочу, чтобы в ней помнили о дисциплине и чести.

Араб Шагалла вновь вызвал флагман и попросил соединить его с Амином Рашидом.

— Да, генерал? — Монарх появился на экране.

— Химический состав найден и сейчас распыляется в атмосфере.

— Превосходно! Когда он подействует?

— Меньше чем через пять минут, мой господин. Я отдаю приказ двум моим кораблям приземлиться в Нью-Эвоне и забрать бивни. — Он помолчал. — Вы хотите принять участие в операции?

— Обязательно! Я поведу войска на город!

— Я должен предупредить моего господина, что распыленный состав не вызывает смертельного исхода и действует только три часа. Я не могу гарантировать вашу безопасность, если наши враги придут в себя, когда вы будете находиться среди них.

— Трех часов нам хватит за глаза, — заверил его Рашид.

— Очень хорошо, мой господин. Мы подготовим для вас защитный костюм.

— Газ же не смертелен, — напомнил ему Рашид. — Я обойдусь без защитного костюма.

— Но, господин мой...

— Я бессмертен! — заявил Рашид. — Обычным людям нужен защитный костюм, а избраннику Аллаха — нет! Я войду в Нью-Эвон в белых одеждах.

— Как скажете, мой господин. — Шагалла пожал плечами.

— Отлично. Начинаем вторжение!

Амин Рашид XIV вошел в спящий город во главе своих войск. В одиночестве поднялся по каменным ступеням музея, где его и запечатлел на голокамеру личный биограф. Затем монарх вошел в здание в сопровождении командос и лично разбил стекло, за которым на высоком постаменте стояли бивни Слона Килиманджаро. Проследив за тем, чтобы бивни упаковали в специальные чехлы, Рашид повел войска к кораблям.

Возвратившись на флагман, он прошел через дезактивационную камеру, вызвал на связь командиров всех кораблей и сообщил о своей победе.

А перед вечерней молитвой упал, потеряв сознание.

— Он будет жить? — спросил майор Джума.

— Будет, — ответил Араб Шагалла.

— И с головой у него все будет в порядке? Хуже не станет?

Шагалла раскурил сигару, уселся поудобнее.

— Не станет.

— Тогда Аллах нас покинул! — с горечью воскликнул молодой офицер.

— Аллах нас не покидал, — возразил ему Шагалла.

Джума недоуменно уставился на генерала.

— Аллах не только справедлив, я думаю, он не лишен и чувства юмора.

— Я вас не понимаю.

— Я только что получил доклад медиков о самочувствии нашего монарха.

— Но вы же сказали, что он жив и с головой у него все в порядке.

— Именно так. — Шагалла не мог скрыть довольной улыбки. — Но кое-каких способностей он все-таки лишился. — Генерал с видимым удовольствием затянулся, выпустил струю ароматного дыма. — Ради чего мы напали на Плантагенет, майор Джума?

— Чтобы захватить бивни, которые должны превратить его в жеребца-производителя.

— Совершенно верно, — кивнул Шагалла. — Так вот, как следует из медицинского отчета, тем, кто надышался газом, распыленным в атмосфере Плантагенета II, гарантирована полная импотенция.

Джума заулыбался:

— Правда?

Шагалла кивнул:

— Я же говорил тебе, что Аллах — самый справедливый Бог в мире. И озорства у Него не отнять, не так ли?

— Я не променяю Его ни на какого другого, — кивнул майор Джума.

## ВОСЬМАЯ ИНТЕРЛЮДИЯ (6303 г. Г.Э.)

Выслушав историю Амина Рашида XIV, я принялся за рутинную работу. Мандака связался со мной перед ленчем.

— Есть ли новая информация?

— Я узнал, что произошло с бивнями в восемьсот восемьдесят втором году Галактической эры.

Мандака нахмурился:

— Вы знаете, о чем я.

Я покачал головой:

— Компьютер не может их обнаружить после того, как Таити Бено украла их у Летящих-в-ночи.

— Вы узнали об этом позавчера.

— Они найдутся, — заверил я его. — Это лишь вопрос времени. Компьютер ничего не упустит, а наше дело — еще немного потерпеть.

— Ночь вы проведете в своем кабинете?

— Да.

— Вечером я с вами свяжусь.

— Можете не беспокоиться. Я найду вас, как только обнаружу бивни.

— Я с вами свяжусь, — повторил он и исчез.

— Я не сомневаюсь, что свяжетесь, — сказал я пустоте, в которой только что висела его голограмма.

День тянулся медленно. Я что-то записывал, проверял какие-то замеры, составлял план работы для своих сотрудников. Встретился с художницей, участвующей в

подготовке очередного издания «Брэкстона», в четыре часа заказал стакан фруктового сока и уселся в кресло, гадая, какие новые направления поиска задать компьютеру, чтобы тот сумел-таки обнаружить бивни.

— Надеюсь, ты переоденешься, — услышал я знакомый голос, повернулся и увидел стоящую в дверях Хильду. После завтрака она изменила прическу и надела что-то очень элегантное, в розово-зеленых тонах. На ее руке даже сверкало обручальное кольцо с бриллиантом и звездными камнями, которое Гарольд подарил ей более двадцати лет тому назад.

— Чего это ты так разоделась?

— Компания дает бал для сотрудников.

— Так его же устраивали совсем недавно.

— Год тому назад.

— Правда?

— И ты не присутствовал.

— Я, должно быть, болел.

— Ха!

Надолго повисла тишина.

— Что ж, желаю тебе хорошо отдохнуть, — наконец выдал я из себя.

— Ты тоже пойдешь, Дункан.

Я покачал головой.

— Мне надо поработать.

— Дункан, прошло уже четыре года с тех пор, как ты в последний раз побывал на балу для сотрудников.

— Все напиваются и затевают какие-то глупые игры, — ответил я. — Мне это неинтересно.

— Поверишь ли, мне тоже, — ответила она. — Но я туда иду, потому что этого от меня ждут, а сегодня пойдешь и ты.

— Не могу. Мандака обещал вечером связаться со мной.

— Мандака не платит тебе жалованья, не принадлежит ему и твой компьютер, — заметила она. — Ты рабо-



таешь в «Уилфорде Брэкстоне», и руководство настоятельно просит тебя прийти.

— Перестань, Хильда. Они даже не знают, есть я или нет. У меня очень важное дело.

— Ничего более важного на сегодня у тебя нет, — отрубила Хильда. — Наши работодатели полагают, что постоянное отсутствие на балу руководителя одного из департаментов подрывает корпоративный дух.

— Мои сотрудники приходят сюда, чтобы разыскивать и подтверждать подлинность охотничьих трофеев, а не ходить на балы и выслушивать нудные речи начальства. Если оно действительно хочет укрепить моральный дух, пусть поднимет им жалование.

Она сверлила меня взглядом.

— Дункан, я обещала им, что ты придешь, и я не дам и повода считать меня лгуней.

— Тебя за язык никто не тянул. А мне, между прочим, ты назначила предельный срок, помнишь?

— Я дам тебе еще шесть часов.

Я покачал головой.

— Не пойдет. В последний раз, когда меня туда занесло, жена старика Хэммонда вцепилась в меня как клещ и четыре часа что-то бубнила на ухо.

— Жена мистера Хэммонда уже три года как умерла. Так что нечего ссылаться на нее.

— Так давно? — удивился я.

— Ты ходил на похороны.

— Я думал, не прошло и нескольких месяцев.

— Три года, Дункан.

— Ты уверена?

— Дункан, я никак не могу понять, почему я трачу на тебя время. Ты так погряз в работе, что не замечаеть ничего вокруг.

— Я этого тоже не понимаю, — искренне ответил я. — Может, тебе оставить это зряшное занятие и не мешать мне разыскивать бивни?

— Дункан, перестань думать только о себе! — Она по-настоящему разъярилась. — Тебя не убудет, если ты пойдешь на бал, а мне ты облегчишь жизни! Твои работодатели хотят, чтобы ты пошел, твои сотрудники хотят, чтобы ты пошел, и я настаиваю на том, что ты должен пойти. И спорить тут не о чем.

— Мне нечего надеть.

Она подошла к стенному шкафу, просмотрела, что там висит, достала костюм.

— Этот подойдет.

— Все будут одеты лучше меня. Я буду неловко себя чувствовать.

— Сам виноват, — бросила она. — Ты не один месяц знал, что сегодня у нас бал.

— Услышал только от тебя.

— Ерунда. Компания направляла приглашения всем сотрудникам.

— Я его не получал.

— Компьютер? — воскликнула она.

— Приглашение получено сто восемь дней тому назад, — услужливо ответил компьютер. — После чего четырежды поступали просьбы подтвердить присутствие, проигнорированные получателем.

— Спасибо тебе, друг. — Я одарил кристалл злобным взглядом.

— Всегда рад помочь, Дункан Роджас, — последовал ответ.

— Раз всем все ясно, я хочу, чтобы ты переоделся и ровно в пять покинул кабинет.

— Почему ты меня мучаешь? — взмолился я. — У тебя есть муж. Разве ты не можешь пойти с ним?

— Гарольд встретит нас там.

— Тогда иди с миром, хорошо проведи с ним время, передай ему мои наилучшие пожелания и оставь меня в покое.

— Гарольд идет, потому что он взрослый человек и не чурается тех обязанностей, которые накладывает на него общество. Тебе тоже пора взрослеть.

— Я вот-вот найду бивни.

— Бивни подождут. Опять же, компьютер никто не выключает. Он будет работать, а ты — веселиться на балу.

— Компьютер топчется на месте. Я должен задать ему новое направление поиска.

— Вот и задашь после окончания бала.

— Мы потеряем восемь часов!

— Сердце у меня обливается кровью, — Хильда саркастически усмехнулась. — С чего у тебя такая предубежденность? Может, тебе там понравится.

Я не счел нужным отвечать.

— А вдруг ты встретишь на балу интересную молодую женщину? Хотя я и не понимаю, что может увидеть в тебе интересная молодая женщина.

— А что видишь во мне ты? — спросил я.

Она задумчиво посмотрела на меня, вздохнула.

— Если б я знала! Когда-то я видела умнейшего молодого человека с тонким чувством юмора. Чуть эксцентричного, но мне такие всегда нравились. — Она помолчала. — Но с годами эксцентрик стал маниакальным трудоголиком, а чувство юмора полностью атрофировалось.

— А ум?

— Ум остался, но этого недостаточно, Дункан. Ты нигде не бываешь, на все, кроме работы, тебе наплевать. Ты стал обижать людей, не по злой воле, но своим безразличием, а я не уверена, что есть меньшее зло.

— Тогда почему ты по-прежнему волнуешься обо мне?

— Потому что я знаю тебя полжизни, а полжизни нельзя вычеркнуть из памяти, даже если все повернулось не так, как ожидалось и хотелось бы. Опять же, если Гарольд и я не будем заботиться о тебе, то кто позаботится?

Я пожал плечами, не находясь с ответом.

— Я понимаю, ты был бы счастлив, если бы все оставили тебя в покое, но в этой жизни нельзя получить всего, что хочется. Так ты переодеваешься или я закрываю тебе доступ к компьютеру?

— А ты можешь?

— Могу.

— А может, ты еще десять минут покричишь на меня и уйдешь?

Она покачала головой.

— От юности тебя отделяет меньше тридцати лет. Я надеюсь, что ты все-таки повзрослеешь.

— В пять часов? — Я признал свое поражение.

— Да. — И она погрозила мне пухлым пальчиком. — И что б ты был готов, Дункан!

Я кивнул, она ушла, и до назначенного ею срока я едва успел дать компьютеру все необходимые указания.

В кабинет я вернулся к одиннадцати, получасом раньше решив, что Хильде слишком хорошо, чтобы она заметила мое отсутствие.

Бал, как я и ожидал, получился на удивление занудным. Все, включая и наследников Брэкстона, хором пели песни, демонстрируя единение и добрую волю, от которых у меня сводило челюсти. Наконец появился оркестр, и Хильда буквально заставила меня танцевать с ней, хотя я упирался изо всех сил, ссылаясь на то, что не занимался этим уже много лет. Народу, однако, бал нравился, и я поневоле задумался, а вдруг они правы и я чего-то недопонимаю в жизни, но тут я вспомнил Мандаку, сидящего на полу, одетого в древних одеждах и разыскивающего бивни. Бог знает с какой целью, и решил, что с головой не все в порядке у остальных, ибо никакие танцы и болтовня по остроте ощущений не шли ни в какое сравнение с розысками бивней во времени и

пространстве. Я понял, что у меня куда больше общего с этим загадочным черным человеком, который воспитывался в хижине и никогда не играл с детьми, чем с Хильдой и другими сослуживцами. Они жаждали общения, нас больше прельщала охотничья тропа, по которой толпами не ходят.

Вернее, поправился я, по этой тропе шел я один. Даже Мандака, будь у него право выбора, предпочел бы жизнь обычного сотрудника «Брэкстона». Меня же больше всего устраивало одиночество охотника. Я смотрел на Хильду и Гарольда, видел, что они питали друг к другу все те же любовь и нежность, но не завидовал им. Они придут домой, поболтают о пустяках, посмотрят голофильм, и так пройдет еще один вечер. Никто не бросит им вызова, они не узнают ничего нового, не испытают сладостного чувства, знакомого лишь охотнику, выслеживающему добычу. Через восемь часов они откроют глаза, счастливые и умиротворенные, я же проснусь, еще на шаг приблизившись к бивням. Нет, ни за какие коврижки не поменяюсь с ними местами.

— Компьютер!

— Да, Дункан Роджас?

— Ты нашел бивни?

— Нет.

— Тебе удалось обнаружить хоть какую-то информацию, связанную с ними, после того как их украли Таити Бено?

— Нет.

Я сел, нахмурившись.

— Согрей мне поясницу, — приказал я креслу.

— Исполнено.

— Компьютер, мне надо подумать. Пожалуйста, включи Альтаирскую рапсодию Ганецки и затени западную стену.

— Приступаю... Исполнено.

Я просидел не шевелясь минут десять, разрешая волнам музыки накатывать на меня, освобождая разум от всех лишних мыслей.

— Компьютер?

— Да, Дункан Роджас?

— Какая часть твоей мощности задействована на поиск бивней?

— Семьдесят три целых и двести тридцать одна тысячная процента.

— И каковы результаты?

— Результатов нет.

— Я недостаточно точно выразился. Хронологически ты, конечно, продвинулся вперед. Таити Бено украла бивни в пять тысяч семьсот тридцатом году Галактической эры. Ты уже миновал тридцать первый год, тридцать второй. В каком году ты сейчас?

— Я одновременно веду поиск по нескольким направлениям: хронологический, алфавитный, предметный, визуальный, по местонахождению, по музеям, по аукционам, по описаниям, по мемуарам. Ни одно исследование не закончено.

— Ясно. Значит, так. Я хочу, чтобы половину располагаемой мощности ты использовал для того, чтобы выяснить, где и как умерла Таити Бено. Если она никому не отдала бивни, то они могут так и не появиться. — Я помолчал. — Она умерла через два года после кражи бивней. Товар это специфический, покупателей могло не найтись. Лийо Нельсон предлагал за них большие деньги, так что она, возможно, дожидалась не менее весомого предложения. И, уж конечно, ни музеи, ни коллекционеры столько выкладывать бы не стали. А наследники Лийо Нельсона или не знали о порученном ей задании, или не смогли ее разыскать. А раз нам известно, что в руки масаи бивни так и не попали... — На том я и замолчал.

— Приступаю.

— Хорошо. — Я заказал стулу легкую вибрацию-массаж. — Компьютер?

— Да?

— Как ты думаешь, зачем они ему нужны?

— Не понял вопроса.

— Бивни... Почему они понадобились Мандаке?

— Не имею достаточной информации.

Я задумался:

— Сколько людей моего возраста проводят на работе больше ночей, чем дома?

— Уточните вопрос. Вы имеете в виду людей, которые родились в один с вами день или которым исполнилось столько же полных лет, что и вам? Вы говорите об этой планете, звездной системе, Содружестве, всей галактике?

Я вздохнул:

— Можешь не отвечать. — Я закрыл глаза, вслушался в рапсодию. — Компьютер?

— Да?

— А может, дело в другом?

— Не понял вопроса.

— Должен я хотеть то, чего хочется другим людям?

— Уточните вопрос.

— Иметь друзей, семью, детей, жену.

— Я не запрограммирован на общие суждения в этой сфере.

— Создай подпрограмму и дай ответ.

— Приступаю... Нет, Дункан Роджас, ничего, кроме жажды знаний, вами не движет.

— Ты уверен?

— Нет, Дункан Роджас. Не уверен. Я создал подпрограмму, основанную на своих логических принципах. Будь вы машиной, я был бы уверен.

— Спасибо тебе, компьютер.

Наверное, я задремал, потому что, открыв глаза, увидел, что часы показывают два ночи, а во рту — привкус горечи.

— Компьютер?

— Да, Дункан Роджас?

— Ты нашел бивни?

— Нет.

— Ты определил место и время смерти Таити Бено?

— Нет.

Я поднялся, прошел в ванную, встал под молекулярный душ. И тут же меня позвал компьютер.

— Букоба Мандака пытается связаться с вами.

— Обеспечь визуальный контакт.

Над компьютером появилось лицо Мандаки.

— Я пытался найти вас в одиннадцать вечера, но безо всякого успеха.

— Мне пришлось заглянуть в одно место. Отказаться не было никакой возможности.

— Насчет бивней?

— Нет.

— Тогда вы не имели права уходить, — резко бросил он. — Я оплачиваю ваше время.

— Я ходил на бал для сотрудников компании. Мне пригрозили, что отлучат меня от компьютера, если я не явлюсь.

Он долго смотрел на меня, потом кивнул.

— Вы нашли бивни?

— Нет. Сейчас компьютер выясняет, где и как умерла Таити Бено. Я исхожу из предположения, что бивни не попали к наследникам Лийо Нельона. Вы можете это подтвердить?

— Тембо Лайбон был последним из масаи, кому принадлежали бивни. — Он помрачнел: так случилось всякий раз, когда он поминал Тембо Лайбона. — Они принадлежали нам тринадцать столетий, и этот болван проиграл их в карты!



— Может, он не знал их истинной ценности, — предположил я.

— Знал, — уверенно ответил Мандака. — Каждый масаи знал об этом. Бивни не должны были попасть ни к нему, ни ко мне. Первому же масаи, который завладел ими, следовало исполнить волю богов.

— Первому? — переспросил я. — Вы имеете в виду Масаи Лайбона?

Он молча кивнул, его взгляд нырнул в далекое прошлое. И такая печаль отразилась на его лице, что мне захотелось его утешить.

— Я их найду. Даю вам слово, Букоба Мандака.

— Я знаю, что найдете. — Лицо его напоминало деревянную маску.

— Я свяжусь с вами, как только узнаю, где они, — продолжил я.

— Хорошо, — ответил он.

Еще минуту я смотрел на него, гадая, что же такое сказать, но он облегчил мою участь, разорвав визуальный контакт.

— Компьютер?

— Да, Дункан Роджас?

— Масаи Лайбон был первым из масаи, которому принадлежали бивни?

— Да.

— Он передал их своим потомкам, и они оставались у масаи, пока не попали к Тембо Лайбону?

— Совершенно верно.

— Интересно, а каким же образом бивни попали к Масаи Лайбону?

— Это вопрос? — спросил компьютер.

— Да. Ты знаешь ответ?

— Проверяю... Да, теперь знаю.

## ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

### ХУДОЖНИК (1701 г. Г.Э.)

*Приближаясь к Килиманджаро, я останавливался все чаще и чаще, чтобы наполнить желудок водой, ибо, хотя мне и хотелось есть, зубы мои источились и я не мог пережевывать пищу. Болела голова, суставы не разгибались, я то и дело останавливался, чтобы передохнуть.*

*Я много раз проверял ветер, потому что люди жили у подножия горы, а у меня не было желания встречаться с ними. Сил, оставшихся у меня, едва хватило бы на то, чтобы подняться на вершину и встретиться с Богом, а спускаться я не собирался. Даже белые цапли, мои постоянные спутники, и те почувствовали, что я готовлюсь к смерти: все, кроме одной, улетели, когда я вплотную подошел к горе. Я последний раз напился, последний раз осыпал спину пылью и ступил на тропу, вьющуюся по склону к вершине.*

Он — черная кожа, рост шесть футов четыре дюйма. Она — семь футов два дюйма от носа до кончика хвоста, кожа — замысловатый рисунок синего и зеленого.

Он смотрел на мир холодными карими глазами, она видела недоступное никому горящими красными «бельмами».

Он — Человек, она — Ночная ползунья.

Он — Масаи Лайбон, она — Глаза-в-огне.

Пути их пересеклись лишь однажды, потому что ей принадлежало то, что он хотел заполучить. Ее драгоценнейшее сокровище, без которого он не мог жить.

Она жила в пещере на Беламоне XI, где температура редко поднималась выше нуля градусов по шкале Цельсия, а кружащиеся в вихре снежинки рассеивали свет далекой красной звезды.

Некоторые цивилизации убивали слепых младенцев при рождении. Другие, с помощью достижений науки, возвращали им зрение. Кто-то воспринимал слепого как беспомощного инвалида, которого кормили и поили всю жизнь. Ночные ползуны выбрали иной путь. Они создали все условия, чтобы развить ее уникальный художественный талант, позволяющий дать более точное описание того, что они знали, но никогда не видели.

В сорок пять она по праву считалась одним из лучших художников своего поколения. К восьмидесяти годам, достигнув зрелости, она решила, что пора браться за проект, к которому она готовилась всю жизнь. В черед образцов она хотела запечатлеть в резьбе эволюцию Ночных ползунов, от зарождения разума до покорения звезд, дабы еще полнее осознать опыт, накопленный цивилизацией.

Когда она объявила, что пора, один из всепланетных торговых домов преподнес ей две колонны слоновой кости, приобретенные у людей. Республика которых постепенно становилась ведущей силой в галактике. Бивни принадлежали самому большому из животных, когда-либо ходивших по материнской планете человека, и возраст их исчислялся тремя тысячелетиями. Глаза-в-огне согласилась, что органический материал, сохранивший свою структуру столь долгое время, идеально подходит для ее целей. К тому же Ночные ползуны подписали перемирие с Человеком, стали одним из его союзников. И своим проектом она могла соединить прошлое Земли и ее цивилизации.

Она начала свой титанический труд в тот день, когда родился Масаи Лайбон.

Работала она медленно, основательно, а Масаи Лайбон тем временем вырос, окончил школу, прослужил четыре года во флоте Республики, женился, у него родились два сына и дочь. Этого серьезного молодого чело-

века больше интересовали прошлое и будущее, а не настоящее, и в тридцать лет он привез жену и детей в родительский дом, а сам отправился на поиски бивней Слона Килиманджаро.

Поиск его начался с Альфа Беднари IV и охватил спиральный рукав. Внешние и Внутренние миры. Он побывал в музеях и поместьях миллионеров, в мрачных барах и городах инопланетян, дважды оказывался в больницах, когда людям не нравились вопросы, которые он задавал, или тон, которым они задавались.

Но в конце концов через двенадцать лет он обнаружил бивни на Беламоне XI, холодной планете, населенной змееподобными существами, не так давно ставшими союзниками Республики.

Он полетел к Беламону, приземлился на Беламоне XI, попросил посла Республики навести справки. Когда выяснилось, что бивни принадлежат существу женского пола по имени Глаза-в-огне, он попросил разрешения встретиться с ней.

Ему не ответили.

Подождав, он повторил просьбу, приведя новые доводы.

Тот же результат.

Тогда он разузнал, где находится ее пещера, и, никому не говоря, надел защитный костюм, чтобы уберечься от холода, взял продуктов на шесть недель и отправился на встречу с Глазами-в-огне.

До пещеры он добирался четыре дня, четыре самых холодных дня в его жизни, а когда вошел, его встретила чернильная тьма, потому что Глаза-в-огне обходилась без света. Он включил закрепленный на шлеме фонарь.

Он никого не увидел, но по некоторым признакам понял, что пещера обитаемая, и двинулся вглубь. Четверть мили спустя извилистый коридор привел его к Ночной ползунье.

Он увидел огромного серого червя с двумя красными углями вместо глаз и десятком щупалец, извивающихся у шеи.

Он же напоминал ей сложную схему: сосуды, несущие кровь, тепло, распространяющееся во все стороны.

— Ты та, кого зовут Глаза-в-огне? — спросил он, голос его гулко отдавался от стен пещеры.

— Да, — шипящим шепотом ответила она.

— Меня зовут Масаи Лайбон.

— Я знаю, кто ты. Дважды я отказывалась видеть тебя. Ты нарушил договор, войдя в мой дом без разрешения.

— Я приношу свои извинения. Но пришел я потому, что не мог поступить иначе.

— Я знаю, почему ты здесь, Масаи Лайбон.

— Знаешь?

— Разве я не Глаза-в-огне, которая видит то, о чем другие могут только догадываться?

— У тебя есть то, что тебе не принадлежит. То, что мое племя разыскивало сотни лет.

— Ты говоришь о бивнях, — прошипела Глаза-в-огне.

— Да.

— Но это уже не те бивни, которые принесли мне сорок лет тому назад. Они стали хранилищем священного искусства моего народа.

— Они принадлежали моему племени и должны вернуться к нему.

Она смотрела на него невидящими красными «бельмами».

— Они не принесут вам счастья, Масаи Лайбой.

Он сел на каменный пол, привалился спиной к каменной стене.

— Ты не знаешь, зачем они мне нужны.

— Знаю, Масаи Лайбон. Мои слепые глаза видят как прошлое, так и будущее, и я вновь говорю тебе, что от обладания бивнями пользы вам не будет. — Она помол-

чала. — Я предвидела, что ты придешь. Я даже запечатлела тебя в резьбе, Масаи Лайбон.

— Меня? — удивился он.

— Да.

— Если ты можешь заглянуть в будущее, ты знаешь, что я сейчас скажу?

— Я не знаю.

— Значит, ты не можешь заглянуть в будущее.

— Бедный человек! Как и мои сородичи, ты видишь только Здесь и Теперь. Прошлое застыло в своей неизменности, но число вариантов будущего бесконечно. Я вижу наиболее вероятные варианты и говорю, что обретение бивней не вернет твоему племени былого величия.

— Обретение — лишь первый шаг.

— Сделаешь ты то, что должно быть сделано, Масаи Лайбон? — спросила Глаза-в-огне. — Отведешь необрезанного сына на гору на Земле и искупишь грехи своего племени?

— Нет. — Он с трудом сумел скрыть изумление, ибо она действительно знала все. — Я верну бивни масаи. Другие сделают остальное.

— Другие ничего не сделают, Масаи Лайбон, — прошептала Глаза-в-огне. — И в конце концов масаи лишатся бивней.

— Никогда! — воскликнул он. — Заполучив их, мы никогда с ними не расстанемся!

— Расстанетесь, Масаи Лайбон! — уверенно ответила она. — Для бивней возможны два равновероятных будущих. В первом случае они навечно останутся на Беламо-не XI, чтобы со временем стать святой святых моего народа. Во втором они будут путешествовать по всей галактике, принося несчастья одним и смерть другим.

— Они станут собственностью масаи и у них останутся, — стоял на своем Масаи Лайбон.

Она покачала змеиной головой.

— Нет, Масаи Лайбон, этого не случится.

— Тогда ты ошибаешься.

Дрожь сомнения пробежала по ее огромному телу.

— Возможно.

— Я должен забрать бивни.

— Я не могу отдать их тебе. Я трудилась больше сорока лет. Работа над большим завершена, на малом сделано больше половины. Они стали частью моей жизни, я не могу с ними расстаться.

— У меня есть деньги. Назови свою цену.

— Им нет цены, Масаи Лайбон.

— Может, мы найдем компромисс. Нельзя ли перенести твою работу на другой материал?

— Нет. Нигде я не врезалась глубже, чем на тысячную долю миллиметра, нет ни одной линии, которую можно разглядеть без специального оборудования. Сделанное мною невозможно перенести или скопировать. — Она помолчала. — Работа такая тонкая, что бивни нельзя даже трогать. Прикосновение твоей руки может уничтожить столетия истории моего народа. Эта гора станет храмом, и всем, кто захочет увидеть мою работу, придется совершить паломничество в эту пещеру, где с помощью особых приспособлений они смогут увидеть плоды моих трудов.

— Очень сожалею, но все это останется лишь в твоих мечтах. Покидая Беламон XI, я заберу бивни с собой.

— Выслушав меня, ты все-таки хочешь взять бивни?

— Да.

— Я не могу этого разрешить, Масаи Лайбон.

— А я не смирюсь с отказом, Глаза-в-огне.

— Ты пришел без оружия.

— Я пришел поговорить... в этот раз.

— Если ты вернешься, я тебя убью.

— Я вернусь, потому что готов рискнуть своей жизнью.



Когда Масаи Лайбон вошел в кабинет посла, тот оторвался от компьютера и мрачно посмотрел на него.

— Два часа тому назад я был готов вышвырнуть вас с планеты.

— Неужели? — Лицо Масаи Лайбона напоминало маску, взгляд не отрывался от снежной белизны за окном кабинета.

— Вы наведывались к Ночной ползунье, известной под именем Глаза-в-огне?

— Да.

— Вам же запретили приходить к ней!

— Я повинуюсь Божьей воле, а не законам Ночных ползунов.

— Вы должны повиноваться законам Республики, которые представляю здесь я, — сурово молвил посол. — Я запретил вам идти к ней, но вы пошли. Я мог бы арестовать вас за это. — Посол долго сверлил его тяжелым взглядом, потом вздохнул. — Но полчаса назад мне позвонили из здешнего министерства инопланетных дел.

— Однако.

— Глаза-в-огне не хочет, чтобы вам причиняли вред, задерживали или высылали с планеты помимо вашей воли. У меня нет иного выбора, как подчиниться... но я не понимаю ее мотивов. — Он покачал головой. — Чем дольше я общаюсь с инопланетянами, тем больше убеждаюсь, что их действия не объяснишь логикой.

— Если вы не арестовываете меня и не высылаете с планеты, зачем вы меня позвали? — спросил Масаи Лайбон.

— Потому что я хочу знать, что происходит. К примеру, кто такая эта Глаза-в-огне? За пределами этой планеты о ней никто и не слышал.

— У нее есть то, что ей не принадлежит.

— Вы думаете, что оно принадлежит вам?



— Моему народу.

— Послушай, черт побери, у нас с тобой народ один, но, уверяю тебя, у нее нет ничего такого, что принадлежит мне!

— Мой народ — масаи, и ей есть что вернуть нам.

— Да кто такие масаи? Я никогда о них не слышал.

— Человеческое племя.

— У людей теперь нет племен, Масаи Лайбон, — отчеканил посол. — Есть единое человечество, и ничего больше. Мы все противостоям галактике.

— Если это так, то в итоге галактика победит.

— Как бы не так, — усмехнулся посол. — Но мы уклонились от темы. Что из принадлежащего ей вы считаете своим?

— Два слоновьих бивня.

— Бивня? — удивился посол. — Она работает над ними почти полстолетия.

Взгляды мужчин встретились.

— Она не имела права начинать эту работу.

— Теперь слишком поздно говорить об этом. Как я понимаю, через десять лет она завершит этот грандиозный проект.

Масаи Лайбон покачал головой:

— Она его не завершит. Улетая с планеты, я заберу бивни с собой.

— Сможете вы доказать, что они ваши?

— Наши доказательства не покажутся вам убедительными.

— То есть законных оснований для возвращения бивней у вас нет.

— Они должны принадлежать нашему племени.

— Но суд ваши притязания не признает.

— Поэтому я и не обращаюсь в суд.

— Почему вы ждали сорок лет, а теперь пожелали вернуть бивни?

— На поиски ушло немало времени.

— Почему вы думаете, что бивни принадлежат вам?

— Вы не поймете.

— А вы попытайтесь объяснить.

— Нет.

— Черт бы вас побрал, я ваш единственный представитель на этой заснеженной планете! Если вы не можете убедить меня в справедливости ваших требований, как я сумею убедить их?

— Глаза-в-огне знает, почему я должен получить бивни.

— Вы сказали ей и не говорите мне? — взвился посол.

— Я ничего ей не говорил. Она знает.

— Она — червь-переросток, которая не отползала от своей пещеры и на десять миль. Откуда ей это знать?

Масаи Лайбон пожал плечами.

— Вы ее не спросили?

— Нет.

— А не могут ли ее знания исходить от одного из ваших масаи? Если он оставил ей бивни, не следует ли вам поступить аналогичным образом?

— Она не встречалась с масаи.

— Тогда...

— Она — провидица, — ответил Масаи Лайбон. — Она видит то, что скрыто от других, понимает то, что недоступно остальным. Она знает историю бивней и может увидеть их будущее. Она ждала, что я приду за бивнями.

— Но она отказалась отдать их вам, — резонно заметил посол. — То есть она, несомненно, знает, что плану вы покинете без них.

— Как она объяснила мне, есть одно прошлое, но много будущих. Она пытается не манипулировать событиями, чтобы они реализовали оптимальный для нее вариант будущего. У нее, естественно, ничего не выйдет.

Посол молча смотрел на него. Он уже понял, что сидящий перед ним человек такой же безумец, как и все

эти инопланетяне, с которыми ему приходилось иметь дело, но гораздо более опасный.

— Вот что я вам скажу, Масаи Лайбон. Если с Глазами-в-огне или с бивнями что-то случится, я не успокоюсь, пока вы не понесете достойное наказание.

— У вас свои обязанности. — Масаи Лайбон поднялся и направился к двери. — У меня — свои.

На следующее утро корабль Масаи Лайбона приземлился в полумиле от пещеры, в которой обитала Глаза-в-огне. Он опять надел защитный костюм, проверил, заряжены ли батареи лазерного пистолета и молекулярного дезинтегратора, засунул оружие за пояс, подождал, пока укол, который он сделал себе, обеспечит выброс адреналина в кровь, и двинулся к пещере, не обращая внимания на ледяной ветер, швыряющий хлопья снега ему в лицо.

Двадцать минут спустя он вошел в пещеру. Хотя костюм поддерживал внутреннюю температуру постоянной, ему показалось, что стало теплее: сказалось отсутствие ветра и снега. Он зашагал к тому месту, где встретился с Глазами-в-огне. Мощный фонарь на шлеме разгонял тени.

Он увидел ее там, где и ожидал найти. В темноте светились ее красные глаза.

— Ты пришел снова, Масаи Лайбон, — прошипела она.

— Пришел. — Вновь его голос эхом отозвался в стенах пещеры. — Почему ты просила посла не высылать меня с планеты?

— Потому что предопределено, что ты снова придешь, так что нет нужды вовлекать в эту историю посла или просить его предотвратить неизбежное.

Он вытащил лазерный пистолет, нацелил на нее.

— Я должен забрать бивни. Пожалуйста, не заставляй меня стрелять.

— Моя жизнь — ничто. Меня заботят мои творения.

— Не следовало тебе использовать эти бивни.

— Использование мною слоновой кости было предопределено, как и наша встреча в это время и в этом месте.

— Предопределено кем? — спросил Масаи Лайбон.

— Создателем всего, — ответила она.

— Ты веришь в Бога?

— В того же Бога, в которого веришь и ты, Масаи Лайбон, — ответила Глаза-в-огне. — Того самого Бога, который лишил твое племя бывшего величия и не вернет его потому только, что вор прибыл на далекую планету, чтобы украсть у художника ее работу.

— Я должен увезти бивни.

— Я знаю. Но они принесут масаи лишь несчастья, а потом вновь уйдут из их рук.

— Это проклятие обреченной Ночной ползуны?

— Нет, — прошипела Глаза-в-огне, — это предвидение Ночной ползуны, для которой открыто будущее. Ты убьешь меня и заберешь бивни, но они не принесут тебе того, на что ты надеешься.

— Убивать тебя нет нужды. Отползи в сторону, и я унесу бивни, не тронув тебя.

Она покачала головой, по стенам и полу забегали страшные тени.

— Сначала ты должен меня убить.

— В этом нет необходимости.

— Есть. Вчера я вырезала на малом бивне последнюю сцену: свою смерть от твоей руки.

— Искусство не всегда отражает жизнь. У меня нет желания убивать тебя. Позволь мне забрать бивни и уйти.

— Печальная вас ждет судьба, Масаи Лайбон. Масаи будет становиться все меньше и меньше, остатки вашего могущества будут таять как дым, внуки твоих детей даже не будут знать, что олицетворяют собой бивни, и в конце концов все вы обратитесь в пыль.

— Ты ошибаешься!

— Я права. — Она поползла к нему. — А теперь ты должен меня убить, или я убью тебя.

Он отступил на шаг, еще на один, но она продолжала надвигаться на него, и тогда он выстрелил. Она застыла на полу, но лишь через пять минут жизнь покинула ее горящие красным глаза. А десять минут спустя он заставил себя перешагнуть через ее тело.

Он нашел бивни в маленькой пещере в тридцати ярдах от ее тела, по одному переташил в свой космический корабль. От тонкой резьбы, естественно, не осталось и следа.

## ДЕВЯТАЯ ИНТЕРЛЮДИЯ (6303 г. Г.Э.)

Круг замкнулся. В следующий раз бивни появились во время той фатальной партии в покер, в которую ввязался Тембо Лайбон. Я узнал все о бивнях Слона Килиманджаро, за исключением двух ключевых моментов: где они сейчас и что Букоба Мандака собирается с ними делать.

— Компьютер?

— Да, Дункан Роджас?

— Ты нашел информацию о местопребывании бивней после того, как Таити Бено похитила их с Винокса IV?

— Нет.

— Ты определил место и время смерти Таити Бено?

— Нет.

— Продолжай искать.

— Хорошо, Дункан Роджас.

— А я немного вздремну. — Я откинулся на спинку кресла. — Разбуди меня через два часа.

— То есть в пять пятьдесят три утра, — уточнил компьютер.

— Как скажешь.

— Включить музыку?

— Нет. Я собираюсь спать, а не думать.

Но у меня ничего не вышло. Чем больше я старался заснуть, тем активней становился мозг. Почему бивни исчезли из виду на целых шесть столетий? Почему Масаи Лайбон пошел на убийство ради того, чтобы завладеть бивнями? Почему Лийо Нельон решился на кражу, зная, что наказание — пожизненное заключение? Почему Букоба Мандака готов на любое преступление, от убийства до предательства, ради все тех же бивней?

И тут в памяти всплыло имя еще одного масаи: Лайбон Сендейо. Почему единственное упоминание им Слона Килиманджаро послужило причиной того, что вероятность влияния бивней на падение масаи стала отличной от нуля?

Я все еще искал ответы на эти вопросы, когда компьютер сообщил мне, что уже без семи шесть.

— Ты нашел бивни? — без особой надежды спросил я.

— Нет, но я выяснил, где и когда умерла Таити Бено.

— Пожалуйста, скажи.

— Она умерла в пять тысяч семьсот тридцать втором году Галактической эры на планете Бартий III, известной также как Небесная Синь.

— Как она умерла?

— От аневризмы мозга. Согласно отчету коронера, смерть наступила мгновенно.

— Перед смертью она какое-то время жила на Небесной Сини?

— Да.

— Превосходно! — воскликнул я. — Если она не продала бивни, то к моменту ее смерти они находились на Небесной Сини!

— Это логично.

— А если бы она их продала, ты бы нашел хоть какое-то упоминание о них?

— На текущий момент, с учетом просмотренного мною материала, вероятность справедливости последнего утверждения составляет пятьдесят четыре и двести тридцать одну тысячную процента.

— То есть скорее всего бивни на Небесной Сини.

— Нет, Дункан Роджас, — поправил меня компьютер. — Скорее всего бивни были на Небесной Сини в момент ее смерти.

— Хорошо. — Я поднялся. — Пойду позавтракаю. А ты пока определи, увезли бивни с Небесной Сини после смерти Таити Бено или нет. Используй всю располагаемую мощностъ.

— Приступаю...

Я вышел из кабинета, на воздушном лифте спустился в вестибюль, кивнул охранникам, попросил одного открыть мне дверь. Движущаяся дорожка доставила меня к ресторану, где я часто бывал, если обедал вне дома, но я понял, что слишком взволнован, чтобы есть. Если бивни не проданы, если компьютер не сможет найти свидетельства того, что они покинули Небесную Синь, если бивни находились у Таити Бено до самой ее смерти...

Дорожка понесла меня дальше. Накопившаяся во мне энергия требовала выхода, и я, вместо того чтобы стоять, зашагал по дорожке. Два часа спустя мне бы такое не удалось, более того, полиция могла наложить на меня штраф. Но город еще не проснулся, так что дорожки практически пустовали. И в конце концов мне удалось нагулять аппетит.

Я сошел с дорожки у первого же попавшегося мне ресторана, чтобы узнать, что открывался ресторан лишь через пять часов. Но рядом оказался еще один, работавший круглосуточно. Я заглянул в окно, увидел, что пустых столиков хватает, и вошел.

Трехногий менеджер с Хесполита III провел меня к столику в дальнем конце зала, включил транслейтор и объяснил мне, что я должен просмотреть меню и сделать заказ, если только я не постоянный клиент и мои любимые блюда не занесены в компьютер.

Я приказал столику показать мне меню, изучил голограмму и сделал заказ. Еда прибыла меньше чем через минуту в вакуумной упаковке, открывающейся по звуковой команде.

Пока я пил кофе и ел омлет, столик вновь ожил, предложив мне голограмму последних новостей, включая спорт и бизнес. За дополнительные десять кредиток, информировал он меня, я могу посмотреть вчерашний поединок средневесов на первенство планеты. Цена показалась мне разумной, и я согласился. И лишь потом понял, почему с меня запросили так мало: бой продолжался две минуты и сорок три секунды, и я едва успел проглотить пару кусков омлета.

Расплатившись, я вышел из ресторана и поехал в «Брэкстон».

— Что-то вы очень уж быстро вернулись, мистер Роджас, — улыбнулся мне один из охранников.

— Полно работы, — ответил я, надеясь, что не ошибся.

На аэролифте, поднялся на свой этаж, чуть ли не бегом добрался до кабинета.

— Компьютер! — воскликнул я, едва открылась дверь.

— Да, Дункан Роджас?

— Слоновьи бивни покидали Небесную Синь?

— Нет.

— Значит, мы их нашли!

— Диаметр Небесной Сини — примерно восемь тысяч миль, — сообщил мне компьютер. — Суша занимает двадцать восемь процентов поверхности планеты. Нам известно, что бивни на Небесной Сини, но это не значит, что вы их нашли.



Я взглянул на часы. Без девяти семь.

— Я их найду до того, как откроется «Брэкстон», — уверенно заявил я. — Я хочу, чтобы ты связался со всеми музеями и художественными галереями, всеми публичными и частными коллекциями охотничьих трофеев, всеми обществами по изучению естественной истории. Выясни, нет ли у кого бивней.

— Приступаю...

— И соедини меня с Букобой Мандакой.

— Исполнено.

Мгновением позже над компьютером возник образ Букобы Мандаки. Вероятно, я его разбудил, потому что он моргал и хмурился, пытаюсь сосредоточиться.

— Мистер Мандака, это Дункан Роджас.

— Мистер Роджас! — воскликнул он. — Вы их нашли?

— Почти. Я определил планету, на которой они находятся.

— Когда вы будете точно знать их местонахождение?

Я пожал плечами.

— Через час или два. Может, быстрее.

— Я еду к вам.

— В этом нет нужды. Я позвоню вам, как только выясню, где они. Если хотите, оставайтесь на связи с моим компьютером.

— Нет, — отрезал он. — Я хочу при этом присутствовать.

— Но...

— Нам надо еще кое-что обсудить. Наедине.

— Как вам будет угодно.

— Именно это мне и угодно. — И он разорвал контакт.

— Компьютер. — Я посмотрел на кристалл. — Ты уже нашел бивни?

— Нет.

— Какова численность населения Небесной Сини?

— Три миллиона человек.

— Сколько там музеев, художественных галерей и коллекционеров?

— Музей только один. Одиннадцать художественных галерей и двадцать четыре зарегистрированных коллекционера. Общества естественной истории нет.

— Что ты успел проверить?

— Все, за исключением одной галереи и двух частных коллекций. Завершаю проверку... Бивней нигде нет.

— Где-то они должны быть, — пробормотал я.

— Все ответы отрицательные, Дункан Роджас.

— Может, они принадлежат галерее или коллекционеру, который не хочет с ними расставаться, — не очень уверенно предположил я. Глубоко задумался, вновь посмотрел на потухший кристалл. — Компьютер, а какое сейчас время в музее Небесной Сини?

— Вторая половина рабочего дня.

— Соедини меня с куратором отдела естественной истории.

— Приступаю... — Пауза. — Куратора отдела естественной истории нет.

— Тогда соедини меня с кем-нибудь из музейного начальства.

— Приступаю... Исполнено.

Над компьютером возникло лицо женщины с большими сережками.

— Добрый день, — поздоровался я. — Меня зовут Дункан Роджас. Я возглавляю департамент поиска компании «Уилфорд Брэкстон».

— Я — Хейзл Гутридж, куратор планетарного музея Небесной Сини. Чем я могу вам помочь?

— У меня есть серьезные основания предполагать, что на Небесной Сини могут находиться бивни Слона Килиманджаро. У меня есть клиент, который готов щедро заплатить за них.

— Слона? — Она нахмурилась. — Нет, слонов в нашей экспозиции нет.

— Я разыскиваю не чучело слона, а только его бивни, — терпеливо объяснил я.

— Это я поняла. Но в нашем музее представлены только флора и фауна Небесной Сини.

— По моей информации, полученной из очень надежного источника, бивни попали на Небесную Синь пятьсот семьдесят пять лет тому назад и не покидали ее. Возможно, их приняли за рога какого-нибудь представителя местной фауны.

Она покачала головой:

— Я представляю себе габариты слона. Среди местных животных таких нет. — Она помолчала. — Почему эти бивни такие дорогие?

— Они — часть семейного наследства. И представляют ценность лишь для моего клиента.

— Но не для музея, специализирующегося на земных животных? — спросила она.

— Позвольте выразиться иначе. Только мой клиент готов заплатить больше той суммы, в которую оценили бы бивни на обычном музейном аукционе.

— Понятно, — кивнула она. — Но я все равно не знаю, как вам помочь, мистер Роджас. Я уже сказала, у нас представлены только местные флора и фауна. И вообще, естественная история — наше слабое место. Видов животных и растений у нас не так много. Я же специализируюсь на местных драгоценных камнях и минералах.

— Вы когда-нибудь видели бивни африканского слона? — спросил я.

— Нет, но я бы их узнала, попади они в нашу экспозицию.

— Позвольте показать вам их голограмму.

— У меня есть другое предложение. Я собиралась на заседание совета директоров, когда вас соединили со мной. Пусть ваш компьютер покажет вам голограммы наших экспонатов в крыле естественной истории. Если

вы найдете среди них бивни, дайте мне знать. Хотя и тогда я едва ли вам помогу. Наши экспонаты не продаются.

— Премного вам благодарен. Я принимаю ваше предложение.

— Добро пожаловать в наш музей. — Она улыбнулась и исчезла, а на ее месте возникла голограмма главного зала крыла естественной истории. На диораме я увидел реку, лес, каких-то ящериц, змей.

Диорама сменилась другим залом, с чучелами животных, и тут уж я понял, что музею необходим куратор отдела естественной истории. Полярные животные соседствовали с травоядными, а в одном случае рыбацкая амфибия паслась на сиреневой травке.

Еще два зала, бескрылые птицы и шестиногие рептилии, но не бивни. Наконец, окаменелости, скелеты доисторических животных. Я наклонился вперед, вот уж где бивням самое место. Но нет. Хищники, напоминающие грызунов, несколько травоядных, размером побольше, даже один динозавр, гигант, высотой аж в двадцать пять футов, но никаких бивней.

Очередной зал, с яйцами птиц и рептилий, и голограмма погасла.

— Что такое? — вскинулся я.

— Вы увидели весь раздел естественной истории, — пояснил компьютер. — Передача закончена.

— Но я не увидел бивни!

— Бивни не включены в каталог музея. — Короткая пауза. — Что мне теперь делать, Дункан Роджас?

Я ответил не сразу.

— Ты проверил те объекты, что лежат на поверхности. Углубляй поиск.

— Конкретизируйте задание.

Я тяжело вздохнул.

— Дай подумать.

Я замер, уставившись в стену, пытаюсь понять, что же я упустил. Если Таити Бено не продала бивни, значит, они все еще на Небесной Сини.

Тогда почему же компьютер их не нашел? Напрашивался очевидный ответ: она их спрятала. Но сие не означало, что они потеряны навсегда. Бивни наверняка находились с остальным добром, которое она прятала от властей.

— Компьютер?

— Да, Дункан Роджас?

— Что стало с собственностью Таити Бено после ее смерти?

— Проверяю... Ее дом купил некий Джеймс Которн. Драгоценности продали на аукционе. Выручка пошла на уплату налогов. Деньги, украденные на Торрансе III, и бриллианты, похищенные с Сириуса V, были возвращены законным владельцам.

Вот оно что! Раз добыча возвращена владельцам, бивни не спрятаны в каком-то тайнике.

Но, если уж их нашли, где они? Планету они не покидали, это точно. В музее, художественных галереях и частных коллекциях их нет...

И тут меня осенило:

— Компьютер?

— Да, Дункан Роджас?

— Мне нужна полная информация по атмосферной, геологической и климатической истории Небесной Сини.

— Приступаю...

— Когда ты соберешь все данные, изложи их на бумаге.

— Будет исполнено.

Я заказал чашку кофе, уменьшил затененность окон, раскурил сигару и положил ноги на стол, ожидая прибытия Букобы Мандаки.

Он появился через пять минут, очень взволнованный.

— Вы их уже нашли? — с порога спросил он.

— Нет.

— Но вы знаете, на какой они планете?

Я кивнул.

— На Бартии III, больше известной как Небесная Синь.

— Никогда о ней не слышал.

— Это неудивительно. Колонизированная планетка на Внутренних мирах.

— И вы говорите, что еще до открытия «Брэкстона» установите точное местонахождение бивней?

— Боюсь, я выдам желаемое за действительное. Я проверил музей, галереи, все частные коллекции, но бивней пока нет.

Он нахмурился:

— А где еще их искать?

— Я работаю еще над одной идеей. Вернее, работает компьютер.

— Их надо найти! — Он обращался скорее к себе, а не ко мне. — Я не могу остановиться в шаге от цели!

— Пока мы ждем, не могли бы вы рассказать мне о древнем масаи по имени Сендейо?

У него вытянулось лицо.

— Что вы знаете о Сендейо?

— Не так много, как хотелось бы.

Он молча смотрел на меня.

Я уже хотел повторить вопрос, но тут компьютер завершил работу и выдал мне распечатку. Я быстро просмотрел ее, нашел нужные мне цифры и графики, удовлетворенно кивнул, бросил распечатку на стол и откинулся на спинку кресла.

— Мистер Мандака, кажется, я знаю, где сейчас бивни.

— Слава Богу! — прошептал он. Взял распечатку. Колонки цифр, графики, на его лице отразилось не-

доумение. — Вот по этому вы определили их местонахождение?

— Да.

Он с восхищением покачал головой.

— Я поступил правильно, обратившись именно к вам.

— Не желаете молока? — спросил я.

— Нет, благодарю.

— Присядьте, — предложил я.

— Я слишком взволнован, чтобы сидеть. Вы и представить себе не можете, что для меня все это значит.

— Мне хотелось бы представить.

Он долго смотрел на меня.

— Вы все узнаете, и очень скоро.

— Что-то я вас не понимаю. Наши дела заканчиваются, как только вы убедитесь, что я действительно нашел бивни.

Он по-прежнему не отрывал от меня глаз.

— Я бы хотел продолжить наше сотрудничество, мистер Роджас.

— Правда? — Мне с трудом удалось скрыть свою заинтересованность.

— С тем, что мне предстоит сделать, в одиночку я не справлюсь. Мне должен помогать еще один человек. Как минимум. Я уже понял, что вам можно доверять, поэтому хотел бы, чтобы вы пошли со мной. — Он помолчал. — Вам придется взять отпуск без сохранения содержания, но я компенсирую ваши потери.

— Сколько я буду отсутствовать?

Он потер подбородок.

— Недели четыре.

— И куда мы отправимся?

— Сначала на Небесную Синь.

— А потом?

— На Землю.

— Зачем?

— Я должен кое-что сделать, а одному мне это не под силу.

— Что именно?

Он ответил долгим взглядом.

— Я вам скажу, но лишь после того, как мы достигнем Земли и у вас не будет возможности передумать.

Я покачал головой:

— Извините, мистер Мандака. Если уж я уйду в отпуск и полечу с вами на Землю, я должен знать, в чем причина.

— Если я вам скажу, вы не полетите.

— Я не полечу, если вы мне не скажете, — возразил я.

Ему пришлось выдержать нелегкую борьбу с самим собой, но в конце концов он вздохнул, подозвал кресло и, когда оно подплыло к нему, сел.

— Хорошо, мистер Роджас. Полагаю, вы должны все знать.

— Я вас внимательно слушаю.

— Но мне придется познакомить вас кое с какими подробностями, чтобы вы не решили, что имеете дело с сумасшедшим.

— С эксцентричным человеком — да, — ответил я. — А сумасшедшим я вас не считаю.

— Премного вам благодарен, — сухо усмехнулся он. — А теперь я бы выпил молока.

Я заказал молоко, и через несколько секунд он уже держал стакан в руке.

— За неимением шампанского. — Он поднял стакан и одним глотком осушил его.

— Вы собираетесь рассказать мне о Сендейо, не так ли?

Он кивнул, подозвал маленький столик, поставил на него пустой стакан.

— Знаете, — тут я заметил, что моя сигара потухла, и вновь раскурил ее, — проснувшись сегодня утром, я понял, что мне известна вся история бивней, за исключе-



нием двух моментов осталось выяснить, где сейчас бивни и что вы хотите с ними делать. — Я помолчал. — А вот Сендейо никак не укладывался в общую схему. Для меня так и осталось загадкой, какое отношение имеет он к бивням.

— Все потому, мистер Роджас, что ваши исходные посылки неверны. Есть еще один эпизод истории бивней, оставшийся вам неизвестным.

— Правда? — Я наклонился вперед. — И что же это за эпизод?

— Смерть Слона Килиманджаро.

— Никто не знает, как он умер.

— Я знаю, — ответил Мандака. Глаза его затуманились, он словно перенесся на триллионы миль и тысячи лет, чтобы рассказать мне трагедию Шунди, Бутамо, Раканьи, Сендейо и Слона Килиманджаро.

## ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

### СЛОН КИЛИМАНДЖАРО (1898 г. Н.Э.)

*Я достиг подножия Килиманджаро и начал подниматься по склону. Поначалу пологому, с прогалинами в густой растительности, с многочисленными речушками, заполненными ледяной водой, стекающей с покрытой снегом и льдом вершины.*

*Поднимался я не спеша, зная, что мой Бог, если Он живет на вершине горы, меня подождет. Нижняя часть склона кишела жизнью, но все живое, за исключением стайки цапель, парящих надо мной, разбежалось в стороны при моем появлении. Львы рычали, отступая, леопарды шипели, бросаясь в кусты, носороги фыркали, уносясь прочь,*

*люди застывали и с трепетом взирали на меня, когда я проходил мимо их хижин.*

Его звали Бутамо, и он бежал два дня и две ночи. Его захватил в Уганде Шунди, вождь кавирондо, известный работорговец. По числу проданных им негров он уступал разве что знаменитому арабу Типпу Тибу. Маленьким мальчиком Шунди сам попал в рабство к Типпу Тибу, где и узнал, что Коран запрещает правоверному мусульманину держать в рабстве другого мусульманина. Он принял ислам и получил свободу. А потом сам занялся работоторговлей, поскольку ничего другого делать не умел. Отпускать на свободу братьев по вере он не хотел, а потому отправлялся за живым товаром в глубь Черного континента, куда еще не проник ислам. Дела у него шли отлично, каждый караван рабов приносил немалую прибыль.

Шунди руководствовался двумя правилами: рабов надо хорошо кормить (на невольничьих рынках в Занзибаре и Момбасе за дистрофиков много не давали) и сбежавшего раба должно убить (чтобы другие не последовали его примеру).

Поэтому, когда Бутамо удрал, Шунди поручил руководство караваном своему помощнику, а сам в сопровождении трех следопытов-вандеробо бросился следом за беглецом, чтобы привести его назад и убить в назидание остальным.

*Воздух становился прохладнее, боль в моем животе поутихла, я смог осторожно опуститься на мягкую землю и втереть грязь в потрескавшуюся, зудящую кожу. Появился молодой слон, который хотел напиться, но, увидев меня, подождал, пока я не закончу и уйду от болотца.*

На склоне горы, у самого подножия, Бутамо увидел деревню и направился к ней. Путь занял у него три часа,

а при входе в деревню его окружили воины, наставившие на него копья.

— Помогите мне! — взмолился Бутамо. — Я сбежал от работорговцев и два дня ничего не ел.

— Ты не из нашего племени, — ответил один из старейшин. — С чего нам помогать тебе?

— Если вы не дадите мне еды, я умру.

— Если мы дадим тебе еды и работорговцы об этом узнают, мы все умрем, — ответил старейшина — Ты должен покинуть нашу деревню.

— Я безоружен. Дайте мне копье, чтобы я смог убить какое-нибудь животное и съесть его.

Старейшины посовещались. Работорговцы наверняка гонятся за беглым рабом, могут прийти в деревню и найти древнее, заряжаемое со ствола ружье, которое много лет назад досталось им от немца-охотника. Они могут начать задавать вопросы о немце и арестовать старейшин за убийство.

Если же отдать ружье беглому рабу, никто не узнает, откуда оно у него взялось, а если его казнят за убийство, так и жизнь раба — не сахар.

— Ты знаешь, как пользоваться ружьем белого человека? — спросил Бутамо все тот же старейшина.

— Я видел, как ими пользуются белые люди.

— Ты сбежал от работорговцев, рабство мы ненавидим, а потому поможем тебе, — продолжал старейшина. — Копья мы тебе дать не можем, потому что по нему работорговцы найдут нашу деревню, а враждовать с ними мы не хотим. Но мы дадим тебе ружье, если ты поклянешься, что никому не скажешь, где ты его взял.

— Никому не скажу.

Старейшина послал одного из воинов за ружьем.

— Дайте ему воды, — распорядился другой старейшина, и Бутамо напоили.

Воин вернулся, протянул Бутамо старинное ружье и мешок.

— В мешке порошок, который заставляет ружье стрелять, — объяснил старейшина.

— Я знаю, — кивнул Бутамо. — Я видел, как Шунди управлялся с таким ружьем.

— Кто такой Шунди?

— Работоторговец, от которого я сбежал.

— Странное имя для белого человека.

— Он черный, — ответил Бутамо.

— Почему черный человек продает других черных? — спросил старейшина.

— Ради денег.

— А что он делает с этими деньгами?

— Покупает много коров, коз и жен.

— Как много? — заинтересовался старейшина.

— Я благодарю вас за помощь. — Бутамо попятился. — Надо уйти, чтобы не привести Шунди в вашу деревню.

Бутамо заметил двух воинов, ушедших по тропе, ведущей к подножию, и решил, что безопаснее идти к вершине.

*Когда я поднялся до середины горы, у меня вновь разболелись ноги и живот. Я в ярости протрубил, негодуя, что плоть слаба, но силы оставили меня, и впервые за семьдесят лет я опустился на землю, чтобы поспать.*

Бутамо три часа поднимался в гору, прежде чем убедился в том, что племя, давшее ему ружье, его не преследует. Он увидел бородавочника, косящего на него глазом, хотел убить, но побоялся выдать свое местонахождение. Вместо этого сорвал с ветки какой-то фрукт, съел, обогнул большую скалу, нашел за ней съедобные ягоды и продолжил подъем, стараясь не оставлять следов.

*Я проснулся от жуткой боли в боку, таких мучений испытывать мне еще не доводилось, с превеликим трудом поднялся на ноги. Спал я не больше трех часов, но мое*

*тяжелое тело практически раздавило мое правое легкое, и теперь я стоял на дрожащих ногах, жадно ловя воздух. Боль сводила меня с ума, и я в ярости начал выдирать деревья и швырять их вниз по склону. Птицы бросились врассыпную, и прошло немало времени, прежде чем боль и ярость утихли и я смог продолжать подъем.*

Бутамо провел ночь на горе, дрожа от холода. Утром нашел речку, вошел в воду, попытался поймать руками рыбу. Когда ноги совсем заledenели, вылез на берег, нашел какие-то ягоды, съел, залез на скалу, огляделся. Ни Шунди, ни трех его следопытов-вандеробо.

Хотя преследователи еще не показались, Бутамо знал, что рано или поздно вандеробо найдут его след, который приведет их на склон горы. А нападут они без предупреждения, в этом Бутамо не сомневался. Поэтому он развязал мешок с порохом и зарядил ружье.

А потом, голодный, замерзший, не решающийся спуститься вниз, двинулся дальше, изо всех сил стараясь скрыть свои следы от тех, кто будет его искать.

*Холодный, голодный, с урчащим животом, с режущей болью в правом легком, я поднял голову, чтобы посмотреть, далеко ли до вершины, но треть горы скрывали облака. Я воздел к небу хобот и принялся в надежде, что уловлю запах Бога.*

*Но обнаружил лишь запах человека.*

Бутамо поднялся на сотню ярдов, чтобы убедиться, что тропа перегорожена громадными валунами, снесенными сюда селевым потоком. Он взял влево, пытаясь обойти их.

Остановился, чтобы смахнуть пыль и пот со лба, и внезапно увидел в шестидесяти ярдах огромного слона, такого большого, что он возвышался над деревьями, с невероятно длинными и тяжелыми бивнями.

\* \* \*

*Я сумел пересилить боль, застилавшую мне глаза. Он стоял в шестидесяти ярдах от меня, с ржавым ружьем в руках, в одной набедренной повязке.*

*— Ты — Бог? — спросил я, протянув к нему хобот. — Ты тот, кого я ищу?*

Бутамо огляделся: нет ли рядом других слонов, но никого не увидел. Он с восторгом смотрел на бивни слона, понимая, что не решится выстрелить: Шунди и три его вандеробо ловили каждый звук, который мог выдать его присутствие.

С сожалением он видел, как Шунди торговал слоновой костью, и знал, сколько она стоит. Бутамо попятился.

*Он не ответил, не подал мне никакого знака. Я понял, что он не Бог, обычный человек.*

*Боль вернулась, и я уже знал, что живым мне до вершины не дойти. Я мог встретиться с Богом только в одном случае: если Он прямо передо мной, но этот человек стоит между нами.*

Бутамо оглядел прогалину. Открытое пространство, спрятаться негде, только среди деревьев на другой стороне. Но он не знал, что ждет его впереди. Вдруг там логово леопарда и его встретит разъяренная самка, решившая, что он хочет убить ее детенышей? Но он не мог просто стоять и смотреть, как на него надвигается слон. Расстояние между ними сократилось на сорок ярдов, и слон не собирался поворачивать. Бутамо закричал и замахал руками в надежде отпугнуть слона.

*Человек что-то кричал мне. Я поднял хобот и протрубил ответ Это моя гора, гремел мой голос, и я не остаюсь, пока не увижу Бога.*

\* \* \*

Когда их разделяло лишь тридцать ярдов, Бутамо поднял древнее ружье и прицелился.

С двадцати ярдов он выстрелил.

*Я почувствовал боль в левом плече, кровь хлынула из раны. Я знал, что через несколько секунд мое сердце остановится, но использовал эти секунды сполна: рванулся вперед, обхватил человека хоботом и швырнул его в дерево, росшее в двадцати футах.*

*Затем, со вздохом, я завалился на бок. Последний раз взглянул на вершину Килиманджаро, все еще надеясь увидеть Бога и спросить, почему Он так поступил со мной, но вершину по-прежнему закрывали тучи, и я закрыл глаза, внезапно умиротворенный, ибо осознал, что именно этого Он от меня и хотел и через мгновение я с Ним встречу.*

Пять часов спустя Раканья случайно наткнулся на мертвого слона. На прошлой неделе он пас коров на юго-восточном склоне, а когда они спустились вниз, оказалось, что две коровы пропали. Оставив стадо сыновьям, Раканья вернулся на Килиманджаро, чтобы найти коров.

И наткнулся на тушу самого большого в мире слона и тело Бутамо, в котором еще теплилась жизнь.

— Кто ты? — спросил Раканья.

— Воды, — едва шевельнулись губы Бутамо в запекшейся крови.

Раканья дал умирающему воды.

— Кто ты? — вновь спросил он.

— Я тебя не понимаю.

Раканья в третий раз повторил вопрос, перейдя с языка масаи на суахили.

— Я — Бутамо.

— Что ты делаешь на нашей горе?

— Вашей горе? — прошептал Бутамо, явно не понимая, что это означает.

— Бог отдал масаи землю между Киринайгой и Килиманджаро, — объяснил Раканья.

— Я убежал от работорговцев, — выдохнул Бутамо, — но слон, которого я застрелил, убил меня. Пожалуйста, спрячь от них мое тело.

— С какой стати?

— Они отнесут меня в мою деревню, чтобы мои собратья знали, что убежать от Шунди невозможно. Птицы выклюют мои глаза, муравьи обглодают плоть, а гиены сожрут кости. Не позволяй им сделать все это. Закопай меня или сбрось в глубокое ущелье.

— Какая разница, что произойдет с тобой после смерти, — пожал плечами Раканья. — Мне надо искать пропавших коров. — И он встал, чтобы уйти.

— Подожди! — из всех оставшихся сил выкрикнул Бутамо.

— Что еще, раб?

— Если ты спрячешь мое тело, я скажу тебе, как разбогатеть.

— Я уже богат, — ответил Раканья. — У меня много коров и коз и уже есть три жены.

— В один день ты сможешь удвоить свое богатство.

Раканья присел на корточки рядом с Бутамо.

— Как? — спросил он.

— Человек, который охотится за мной, торгует не только рабами, но и слоновой костью. Если ты продашь ему бивни слона, которого я убил, он заплатит тебе так много серебряных монет, что ты сможешь купить целое стадо.

— Масаи не торгуют слоновой костью, мы не пользуемся монетами белого человека.

— На деньги, которые он заплатит тебе, ты сможешь купить пятьдесят коров.



Раканья подумал о том, что шансы найти двух коров практически нулевые, прикинул, сколько коров потребуют за девушку, на которую он недавно положил глаз, задумчиво посмотрел на слоновью тушу.

— Как зовут работорговца? — спросил он.

— Ты спрячешь мое тело?

Раканья кивнул.

— Спрячу.

— Его зовут Шунди, из племени кавирондо. С ним три следопыта-вандеробо.

— Как мне отделить бивни? Раньше я никогда этим не занимался.

— Если ты подождешь три или четыре дня, то сможешь просто выдернуть их.

— Я не могу сидеть здесь столько времени.

— Тогда ты можешь... — Бутамо зашелся в кашле и, больше не произнеся ни слова, умер.

Раканья огляделся, нашел большой заостренный камень, какой мог бы использовать вместо топора, если б камень попался ему около дома. Подошел к туше, ощупал челюсть, нашел то место, где крепился бивень, и начал вырубать его из кожи и мышц.

Работа эта заняла много времени, и когда он отделил оба бивня, уже стемнело. Не обращая внимания на холод, он по одному отнес их на полмили и спрятал под кустами. Потом вернулся к Бутамо, взвалил тело на плечо, подошел к краю ближайшей пропасти и сбросил тело вниз, подождал, пока до него донесся глухой удар (тело упало на землю, пролетев тысячу футов), и вернулся к лишенной бивней туше слона.

Разжег костер, дожидаясь гостей.

Вандеробо нашли его утром, но сам Шунди прибыл уже к полудню. Работорговец обошел тушу слона, отметил, что бивней нет, улыбнулся, посмотрел наконец на Раканью.

— Ты — масаи, не так ли? — спросил Шунди.

Раканья кивнул.

— Я преследовал раба. След привел сюда.

— Он здесь, — подтвердил Раканья.

— Где?

— Он мертв.

— Мне нужно его тело.

— Тело ты не получишь. — Раканья пренебрежительно глянул на трех вандеробо.

— Мне нужно тело.

— Ты уйдешь без него, если не хочешь кровавой мести масаи, — ответил Раканья.

Шунди всмотрелся в него:

— Ты — единственный масаи, которого я вижу.

— Одного достаточно.

— Не нравится мне наглость масаи. Я думаю, им просто необходимо пожить в рабстве.

Прежде чем кто-то двинулся с места, Раканья пробил копьем грудь одного вандеробо, поднял другое копьё, деревянное, которое изготовил вечером.

— У тебя тоже одна жизнь, — заметил он.

— Ты прав. — Шунди вытащил из-за пояса револьвер, взвел курок, прицелился в Раканью.

Тот без страха смотрел на револьвер.

— Если ты меня убьешь, то не сможешь найти бивни слона.

— Ага! — Шунди улыбнулся. — Вот это уже деловой разговор!

— Нам не о чем говорить, пока ты не выбросишь револьвер.

Шунди сунул револьвер за пояс.

— Ты должен его выбросить, — повторил Раканья. — Иначе ты убьешь меня после того, как я отдам тебе бивни.

— Даю тебе слово, что не убью.

— Много ли стоит слово работоторговца? — усмехнулся Раканья.

Шунди достал револьвер, печально посмотрел на него, вздохнул и швырнул в пропасть.

— Пошли. — Раканья двинулся вверх по склону. — Я покажу тебе, где бивни.

Они взбирались на гору минут пятнадцать. Потом Раканья подошел к кустам, под которыми спрятал бивни, вытащил их на открытое место.

— Клянусь Аллахом! — воскликнул работорговец. — Никогда не видел таких бивней. — Он опустил на корточки, внимательно осмотрел их. — Ты напортичил, масаи. Отрубил не меньше пяти фунтов от основания бивней.

— Они все равно самые большие бивни на свете.

— Это точно.

— Сколько серебряных монет белого человека ты мне заплатишь?

— Я дам тебе сорок серебряных шиллингов, — ответил Шунди.

— За каждый.

— Это большие деньги, — покачал головой работорговец.

— Бивни того стоят.

— Слишком дорого.

— Тогда они останутся здесь, пока не сгниют. Тебя на Килиманджаро больше не пустят.

Шунди еще раз оглядел бивни, пожал плечами:

— Хорошо. Восемьдесят шиллингов.

— Отсчитай их и положи на землю. Я их подберу.

Шунди кивнул, достал туго набитый кошель, начал отсчитывать шиллинги.

— Я хочу и это. — Раканья указал на большую золотую монету.

— Это доллар Марии-Терезы. Он стоит много шиллингов.

— Отдай его мне.

— Хорошо. — Шунди положил доллар на землю. — Он твой, если ты отведешь нас вниз, чтобы мы не заблудились.

Раканья собрал монеты, ссыпал их в бурдюк для воды. Подождал, пока каждый из вандеробо взвалил на плечо по бивню, начал спускаться к прогалине, на которой убили слона.

Прогремел выстрел, Раканья упал лицом вниз, умерев еще до того, как коснулся земли.

— Наглый сукин сын, — усмехнулся Шунди с дымящимся револьвером в руке. — Неужели ты мог подумать, что у великого Шунди только один револьвер и он выбросит его только потому, что этого хочет жалкий варвар?

Он подошел к трупу Раканьи, забрал деньги, повернулся к следопытам.

— Следуйте за мной! — приказал он. — И упаси вас Аллах повредить бивни.

*Боль ушла. Исчезли все чувства, даже голод и жажда больше не мучили меня, однако покой я не обрел, что-то меня тревожило, и я закричал. Я кричал все громче и громче, пока крик мой не проник в сон самого Сендейо.*

Ярко горел костер, освещая обмазанные глиной хижины деревни. Старейшины сидели у огня, за ними широким кругом расположились пятьсот *elmoani*, гордых воинов-масаи, с разрисованными лицами, с копьями, на наконечниках которых вспыхивали отблески пламени.

Внезапно из темноты появилась высокая фигура Сендейо, брата верховного вождя всех масаи. Он подошел к самому костру.

— Мне приснился сон, дети мои, — заговорил Сендейо. Свет и тень играли на его черном лице.

Он оглядел сидящих, дожидаясь, пока ему ответит самый уважаемый старейшина.

— Расскажи нам твой сон, Сендейо.

— Много ночей я спал плохо. Сегодня стало ясно почему.

Он выдержал паузу, дожидаясь полной тишины.

— В этом сне я увидел вождя всех слонов, лежащего мертвым на склоне великой Килиманджаро.

Он вновь замолчал, теперь старейшины и воины жадно ловили каждое его слово.

— Слона убил не масаи, — продолжал Сендейо, — ибо масаи не убивают животных ради мяса или слоновой кости. Мы убиваем только львов, чтобы доказать, что стали мужчинами.

— Кто убил слона, о Сендейо?

— Слона убил сбежавший раб.

— Какое отношение имеет твой сон к масаи, о Сендейо? — последовал вопрос старейшины.

— В моем сне воин-масаи по имени Раканья подошел к слону, — вновь пауза, — отрубил его бивни и продал их.

— Я знаю Раканью, — подал голос другой старейшина. — Он пропал шесть дней тому назад.

— Вы найдете его тело на склоне Килиманджаро, — с абсолютной уверенностью заявил Сендейо, и стон ужаса пролетел над воинами и старейшинами, не ужаса смерти, ибо масаи смерти не боялись, но ужаса перед могуществом человека, который мог видеть недоступное остальным. — Я приказываю вам не искать тело, — продолжил Сендейо. — Он нарушил закон и обесчестил свой народ. Он надругался над вождем всех животных, он начал торговать с белыми. — Сендейо помолчал. — Он обесчестил всех масаи.

Все со страхом смотрели на Сендейо, ожидая продолжения.

— С этого дня все, что принадлежит масаи, обратится в пыль. Это произойдет не в один миг, масаи сильны и многочисленны, но это произойдет. Упадет плодородие наших земель, кикуйю, луо и вакамба превзойдут нас числом, белый человек погубит наших воинов, и

сам язык масаи исчезнет, уступив место суахили и языку белого человека. Наша численность будет уменьшаться, оружие отнимут у нас, наши люди забудут, кто такие масаи. И с этого дня души всех масаи будут бродить между этой и следующей жизнью.

Страх и ужас охватили сидевших вокруг.

— Скажи нам, что мы должны сделать, о Сендейо! — вскричали старейшины. — Скажи нам, как снять это таку, самое ужасное из заклятий?

— Есть способ. — Мгновенно установилась мертвая тишина. — Вы должны найти бивни и принести их на Килиманджаро, на то самое место, где умер слон. Там вы соорудите алтарь и окропите его невинной кровью, кровью необрезанного мальчика-масаи. Только так можно вернуть честь масаи. Только тогда души собравшихся здесь и еще не рожденных освободятся от этого таку. Только так души всех масаи найдут упокоение.

Сендейо обвел взглядом старейшин и воинов.

— Я сказал. Теперь дело за вами.

Он повернулся и возвратился в свою хижину, и более его сны не тревожил образ Слона Килиманджаро. Сендейо никогда больше не упомянул о нем до самой смерти, нашедшей его семь лет спустя.

*С тех пор душа моя бродила по просторам космоса, ожидая и наблюдая, ожидая и наблюдая, а заклятие Сендейо исполнялось, масаи лишились бывшего могущества, их численность падала, богатство исчезало. Я видел, как Масаи Лайбон приобрел мои бивни, я видел, как Тембо Лайбон проиграл их в карты, я видел, как Лийо Нельон умер, прежде чем они попали к нему, и, наконец, остался только один масаи, высокий храбрец, которого звали Букоба Мандака, отделенный триллионами триллионов миль от священной горы Килиманджаро.*

## ДЕСЯТАЯ ИНТЕРЛЮДИЯ (6303 г. Г.Э.)

Закончив рассказ, Мандака замолчал, ожидая моей реакции.

— Вот, значит, как вы намерены поступить с бивнями, — наконец вырвалось у меня.

Он кивнул:

— Выбора нет.

— Выбор у вас есть, — возразил я. — Вы можете не приносить себя в жертву.

— Это надо сделать.

— Почему? Из-за того, что семь тысяч лет тому назад кто-то наложил заклятие на масаи?

— Но ведь заклятие осуществилось, не так ли?

— Вы не знаете, связано ли с ним падение масаи.

— Речь тут не о знании, а о вере.

— Что ж, я в это не верю.

Вновь в моем кабинете повисла тяжелая тишина. Я заметил, что сигара потухла, и раскурил ее.

— Когда вы вылетаете на Небесную Синь? — спросил я.

— Завтра утром. Я бы хотел, чтобы вы полетели со мной.

— Времени мало. Боюсь, «Брэкстон» меня не отпустит.

— Отпустит, — возразил он.

— С чего такая уверенность?

— Их задача — зарабатывать деньги. Однажды я купил вас у них. Куплю еще раз.

— То есть заплатите им за мое отсутствие помимо моих комиссионных?

Он кивнул:

— Я всегда готов платить за то, что мне нужно, мистер Роджас.

— Бивни вы получите. И сразу полетите с ними на Землю?

— Да. — Наступила неловкая пауза. — И повторяю, я бы хотел, чтобы вы составили мне компанию.

— Почему?

— На то есть причины.

— Мне бы хотелось их знать, потому что я не намерен участвовать в обряде, который завершится вашей смертью.

— Вам не придется в нем участвовать, заверяю вас.

— Так зачем я вам нужен?

— После завершения обряда мое тело надо сжечь, а пепел рассеять по ветру. С такой просьбой я могу обратиться к очень немногим людям. Вы — один из них.

— Так ли это необходимо? — спросил я. — Вы — последний масаи. Что бы вы ни сделали, новых масаи не появится. Зачем жертвовать жизнью ради уже исчезнувшего племени?

— Я делаю это не для тех масаи, которые появятся на свет Божий. Тут вы правы, я — последний. — Он помолчал. — Я делаю это ради всех масаи, что жили во времена Сендейо и после него, ибо их души не могут найти покоя, пока на склонах Килиманджаро не будет принесена очистительная жертва.

— Пророчества Сендейо — примитивные заклинания, ничего больше.

— Они — основа моей веры, — возразил Мандака. — И вашим аргументам ее не поколебать.

Я долго смотрел на него, потом согласно кивнул.

— Хорошо. Вопрос закрыт, во всяком случае, на текущий момент.

— Благодарю вас. Так вы полетите со мной?

— Если вы договоритесь с «Брэкстоном», на Небесную Синь полечу. Я хочу посмотреть на бивни.

Мандака поднялся.

— Тогда мне пора готовиться к отлету. Вы сможете подъехать завтра утром к моему кораблю?

— Где он находится?



Он назвал номер ангара и взлетной площадки в местном космопорте.

— Когда взлет?

— На рассвете, мистер Роджас. Пожалуйста, не опаздывайте. Мне не терпится добраться до бивней.

Он вышел из кабинета, оставив меня осмысливать последствия предстоящей одиссеи.

— Ты сошел с ума?

Хильда сидела напротив меня за столиком в кафетерии для руководства, ее круглое лицо покраснело от негодования.

— Нет. — Я покачал головой. — Вроде бы нет.

— Что ты знаешь об этом человеке?

— Много чего. — Я отправил в рот кусок пирожного.

— Много чего, — повторила она. — А чего много? Он появляется неизвестно откуда, в архивах Монархии о нем нет ни бита информации, он признает, что не остановится перед убийством, если кто-то станет между ним и бивнями, он живет как какое-то животное в этой жуткой квартире, и ты берешь четырехнедельный отпуск, чтобы лететь с ним на Землю и присутствовать при языческой церемонии, о которой ты ничего мне не говоришь.

— Ему нужна моя помощь. И пока я согласился лететь с ним только на Небесную Синь. Насчет Земли я еще не решил.

— Почему-то, когда мне требовалась твоя помощь, ты ссылался на загруженность работой, — фыркнула Хильда и ударила пухлым кулачком по столу, расплескав чай.

— Это моя работа, — терпеливо объяснил я.

— Твоя работа закончилась, как только ты нашел бивни.

— Я их еще не нашел, — уточнил я. — Вот почему я должен лететь на Небесную Синь.

— Не води меня за нос, Дункан. Ты их нашел, в этом можно не сомневаться. Слишком уж самодовольная у тебя физиономия.

Я не мог этого отрицать, но не хотелось и подтверждать, поэтому я молча смотрел на нее.

— Скажи мне правду, — после долгой паузы взмолилась Хильда. — Ты думаешь, то, что он собирается сделать, как-то связано с восстановлением чести или престижа масаи?

— То, что думаю я, значения не имеет. Он думает, что связано, а это — главное.

Она покачала головой:

— Почему я трачу на тебя столько времени, Дункан?

— В самом деле, почему?

Она пожала плечами:

— Если бы я знала.

— Ты не можешь объяснить, почему тебя тянет ко мне. Я не могу сказать, почему я решил помочь Мандаке. Почему бы нам не остановиться на том, что я наконец-то выполняю то, чего ты от меня хотела?

— Когда это я говорила, что хочу отправить тебя на Землю с Мандакой?

— Ты всегда говорила, что хочешь, чтобы я брал на себя обязательства по отношению к кому-либо. А когда я взялся помочь Мандаке, ты начинаешь жаловаться.

— Ох, Дункан, Дункан, что же мне с тобой делать? Как можно быть одновременно таким умным и таким глупым?

— Почему бы тебе не пожелать мне счастливого пути и не сказать, что привезти тебе с Небесной Сини?

— Вернись с Земли здоровым и невредимым. Этого будет достаточно.

— Я еще не решил, полечу я на Землю или нет, — напомнил я ей.

— Разумеется, полетишь, — бросила она.

— А если и полечу, кому захочется убить специалиста по розыску охотничьих трофеев?

— Ты действительно хочешь, чтоб я сказала тебе? Мы вновь начнем ссориться.

— Тогда не говори. — Я достал карманный компьютер.

— Если я решу лететь на Землю, то вернусь через двадцать девять дней. Почему бы вам с Гарольдом не заказать на тот вечер столик на троих в «Древних временах»? Я угощаю.

Она вздохнула, уставилась на чашку с чаем.

— Я подумаю, Дункан.

Доедали мы в полном молчании. Потом я поднялся.

— Извини, но должен бежать. У меня еще полно дел.

Она не сдвинулась с места, не отвела глаз от чашки. Я подумал, что она хочет посидеть одна, и повернулся, чтобы уйти.

— Дункан?

— Да?

— Счастливого тебе пути, черт бы тебя побрал.

Корабль Мандаки приземлился в единственном космопорте Небесной Сини, и мы поехали в город на маленьком такси-роботе.

Планета полностью отвечала своему названию, ибо нигде я не видел такого синего неба. Причиной тому, решил я, чистейший океан, покрывавший восемьдесят процентов поверхности. Такси мчало нас мимо ухоженных полей, где фермеры выращивали гибрид пшеницы с гораздо более крупными зернами, чем на других планетах. Чистый, прозрачный воздух наполнял легкие, я откинулся на спинку сиденья, наслаждаясь поездкой, а вот Мандака нервничал, не находя себе места.

Наконец такси доставило нас на огромную площадь, исторический центр города, и робот подробно объяснил нам, как добраться до музея. Пять минут спустя довольно примитивные движущиеся дорожки вынесли нас

к зданию музея, и мы сошли на каменные ступени. Я представился швейцару и спросил, как нам с Мандакой попасть в крыло естественной истории.

— Уведомите также о моем прибытии Хейзл Гутридж и попросите ее встретить нас в зале окаменелостей.

— Разумеется, мистер Роджас, — кивнул швейцар и поспешил за Мандакой, уже шагавшим по коридору.

Мы миновали три художественные галереи, научный зал, добрались наконец до раздела естественной истории, а несколько мгновений спустя вошли в зал окаменелостей, где нас встретили двадцатипятифутовый динозавр и пятьдесят скелетов мелких зверушек.

— Где бивни? — шепотом спросил Мандака.

— Совсем рядом. — Я уже хотел поделиться с ним своим секретом, но тут вошла Хейзл Гутридж.

— Как я понимаю, мистер Роджас? — Она направилась ко мне, протягивая руку.

— Очень рад нашей личной встрече, — улыбнулся я. — Этот джентльмен — Букоба Мандака, мой коллега.

— Добрый день, мистер Мандака. — Короткий кивок. — Я и не подозревала, что вы собираетесь посетить Небесную Синь. — В голосе слышалось осуждение. — Если б вы предупредили меня, мы бы подготовились к встрече.

— Я же говорил вам, что я ищу бивни одного слона, находящиеся, по моим данным, на Небесной Сини.

— Но я же сказала вам, что о них у нас нет никаких сведений.

— Я вам верю. Однако они здесь.

— Что-то я вас не понимаю, мистер Роджас, — рассердилась Хейзл Гутридж. — Я лишь могу повторить, что в экспозиции музея их нет.

— Вы также сказали, что естественная история — не ваш конек, и у вас нет куратора этого раздела.

Она нахмурилась.

— Уж не обвиняете ли вы меня в том, что я вам солгала, мистер Роджас?

Я покачал головой.

— Я обвиняю вас разве что в невежестве, — ответил я. — Бивни в этом зале.

— Где? — одновременно спросили она и Мандака.

Я указал на динозавра:

— Здесь.

— Это реконструкция скелета плотоядного динозавра, — заметила она.

— Я знаю. Но хищники таких размеров встречаются гораздо реже, чем вы думаете. В галактике два миллиона населенных планет, и лишь на двадцати семи жили такие большие хищники, причем только на трех их можно классифицировать как динозавров. Мой компьютер проанализировал экологическую, геологическую и климатическую историю вашей планеты и пришел к выводу, что вероятность существования динозавров-хищников близка к нулю и составляет три миллионных доли процента.

— Что вы такое говорите, мистер Роджас? — Мандака впился взглядом в динозавра.

— Я говорю, что тот, кто знал меньше меня о прошлом Небесной Сини, мог решить, найдя бивни, что перед ним — останки огромного доисторического животного, и реконструировал скелет, отталкиваясь от ложной предпосылки.

— Это невозможно, мистер Роджас! — запротестовала Хейзл Гутридж.

— Но почему? Вы живете на колонизированной планете, население немногочисленно, палеонтолога среди вас нет, а судя по вашим экспонатам, местные травоядные и хищники габаритами не отличались. — Я повернулся к динозавру. — Думаю, бивни — два самых больших ребра, а все остальное подгонялось под них.

Мандака перебрался через ограждение, прежде чем Хейзл Гутридж успела открыть рот.

— Вы правы! — торжествующе воскликнул он. — Это бивни Слона Килиманджаро!

— Не может быть! — Голосу Хейзл Гутридж не доставало прежней убедительности.

— Может, — возразил я. — Кто-то допустил ошибку, а экспертов, которые могли бы ее исправить, у вас не было. Я не нахожу в этом ничего удивительного, учитывая конкретные реалии.

— Если вы правы, это непростительная ошибка.

— Я прав.

— Я потребую независимой экспертизы.

— Она займет несколько месяцев, — заметил я.

— Возможно, — согласилась она.

Я посмотрел на Мандаку, тот покачал головой.

— Полагаю, мы сможем найти ответ прямо сейчас.

— Как? — недоверчиво спросила она.

— Есть у вас молекулярный микроскоп? Он сразу определит, земного происхождения бивни или местного.

— Нет.

Я нахмурился:

— Я думал, в каждом музее...

— С оборудованием и персоналом у нас большие проблемы.

— Ладно, есть другой способ. Вопрос в следующем: бивни это или ребра. Если ребра, внутри они будут полыми, потому что должны содержать костный мозг. Если бивни — то нет. Любой акустический анализатор плотности сразу ответит нам на этот вопрос.

Она кивнула:

— Я немедленно отправлю их на анализ. Если вы пождете в моем кабинете, через полчаса я принесу результаты.

— Нас это вполне устроит, — ответил я, предупреждая протесты Мандаки.

Она вызвала охранника, который проводил нас в скромный кабинет, где мы и прождали сорок минут. На-

конец Мандака не выдержал, поднялся, закружил по кабинету.

— Она что-то задумала!

Я покачал головой:

— Начальник департамента поиска «Уилфорда Брэкстона» только что указал ей на подделку, выставленную в ее музее. Двадцать минут назад она выяснила, что я прав, и теперь пытается найти способ свести до минимума ущерб, нанесенный репутации музея.

— Если она не продаст их нам, я вернусь ночью и заберу их, — прорычал Мандака.

— Продаст, — уверенно заявил я.

Он хотел что-то ответить, но тут в кабинет вошла Хейзл Гутридж, бледная как полотно.

— Мистер Роджас, мистер Мандака. Приношу вам свои извинения. Вы были правы.

— Ничего страшного не произошло, — заверил ее я. — Наоборот, все может завершиться к взаимной выгоде. Мой коллега по-прежнему желает купить бивни.

— Я уже говорила вам, что мы не продаем музейные экспонаты.

— Но вы также говорили, что в музее выставлены только местные экспонаты, представляющие флору и фауну Небесной Сини. Мне кажется, наличие среди них бивней земного слона негативно отразится на репутации музея, если об этой ошибке станет известно.

— Это угроза, мистер Роджас?

— Разумеется, нет. Речь о другом: чем быстрее демонтируют скелет динозавра, тем меньше вероятность того, что его увидит кто-то еще.

Она пристально смотрела на меня, не в силах решить, то ли я ей угрожаю, то ли подсказываю наилучший выход из создавшегося щекотливого положения.

— Сколько вы готовы заплатить за бивни, мистер Мандака?

— Три миллиона кредиток, — ответил он.

— Три миллиона? — У нее округлились глаза. — Я понятия не имела, что они так дорого стоят.

— Если и стоят, то лишь для мистера Мандаки, — вмешался я.

— Совет директоров должен собраться в следующем месяце. Я уверена, что они согласятся продать вам бивни, мистер Мандака.

— Я должен забрать их немедленно, — возразил Мандака. — Таково условие сделки.

— Обычно такие вопросы так не...

— Но и ситуация очень уж необычная, — пришел я на помощь Мандаке. — Опять же, если вы продадите бивни немедленно, не придется говорить совету директоров, что именно мы хотели купить. Вы можете даже сказать им, что мы предложили три миллиона за весь скелет.

Она обдумала мои слова, согласно кивнула.

— Если вы распорядитесь доставить бивни на мой корабль, — он назвал номер ангара, — я немедленно переведу деньги на счет музея. — Он помолчал. — Или, если хотите, на ваш личный счет.

— Пожалуйста, на счет музея! — воскликнула она. — Я готова поступиться правилами, чтобы спасти репутацию музея, но я не воровка!

— Никто на это даже не намекал, — заверил я ее. — Что же касается досадной ошибки, ставшей причиной нашей встречи, то вы можете на нас положиться. Мы никому ничего не скажем.

— Я искренне на это надеюсь. Я отдала музею всю жизнь и не хочу, чтобы он стал всеобщим посмешищем.

Еще несколько минут я успокаивал ее, потом она распорядилась демонтировать бивни и отвезти их в космопорт, а Мандака связался со своим банкиром и дал команду перевести деньги на счет музея.

Три часа спустя Мандака стоял у грузового люка корабля, в который заносили принадлежащие ему бивни



Слона Килиманджаро. Когда погрузка закончилась, он повернулся ко мне.

— Так что вы решили, мистер Роджас? Отвезти вас домой или вы примете участие в последнем этапе этого путешествия и увидите собственными глазами, как завершится одиссея бивней?

— Я не должен участвовать в обряде. Моя задача — сжечь ваше тело и развеять пепел по ветру. Так?

Он кивнул.

Я пожал плечами:

— Пожалуй, полечу с вами.

— Я никогда в этом не сомневался, — ответил он.

## ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

МАСАИ (6304 г. Г.Э.)

*Одиноким, не знающим покоя, без бивней, лишенный возможности уснуть Вечным сном, которого ждал с таким нетерпением, я в миллиардный раз принимался к галактическим ветрам, и наконец после стольких разочарований запах спасения достиг меня через время и пространство. Торжествующий трубный глас молчаливо исторгся из меня, ибо этот человек, Мандака, возвращался на священную гору.*

Новый год наступил, когда мы летели с Небесной Сини на Землю, пребывая в камерах глубокого сна. Мы проснулись замерзшие и голодные (глубокий сон замедляет жизненные процессы, но не останавливает их, так что я всегда просыпаюсь с жутким чувством голода), когда корабль вышел на околоземную орбиту. Призем-

лились мы на заре следующего дня в двух милях от южного склона Килиманджаро.

— Легенды говорят о том, что слон погиб на северном склоне, — пояснил Мандака, когда мы загрузили бивни и припасы на две гравитационные тележки. — Но на начальные девять тысяч футов мы поднимаемся по южному склону.

— На то есть причина? — любопытствовал я.

Мандака кивнул:

— На южном склоне построен город Ньерере, так что первые семь с половиной или даже восемь тысяч футов мы пройдем по сносным дорогам. Иначе нам пришлось бы преодолевать густую растительность. Она редет только на высоте восьми тысяч футов.

— Почему вы не связались с ними заранее? Может, у них есть космопорт.

— Есть, но бездействующий. Город покинут уже восемь столетий.

— Почему?

Мандака пожал плечами:

— Почему человек уходит из Рая? Чтобы посмотреть, что вокруг. — Он помолчал. — И даже глубокое разочарование не заставляет его вернуться.

Я стоял лицом к востоку, оглядывая бесконечный вельд, с редкими акациями, с высокой, качающейся на ветру травой.

— Красота-то какая!

— Вы правы, — согласился он. — Когда-то, тысячи лет назад, на равнине Серенгети жили от трех до четырех миллионов животных. Их ежегодные миграции являлись собой незабываемое зрелище. — Он вздохнул. — Теперь не осталось ничего, кроме травы и насекомых. Ни птицы, ни полевой мыши.

— Что же случилось с животными? — спросил я.

— Мы свалились им на голову, мистер Роджас, — мрачно ответил Мандака. — Вы издаете справочник охотничьих трофеев. Вам известно, когда вымер какой вид.

— Прочитать об этом в книге — одно, увидеть собственными глазами безжизненную равнину Серенгети — совсем другое. Тут уж отчетливо сознаешь, что мы натворили. — Я повернулся к Килиманджаро, вершина которой пряталась в облаках. — Пытаюсь представить себе всех львов, леопардов, слонов, носорогов, разнообразных травоядных, что обитали на склонах этой горы.

— И людей, мистер Роджас, — добавил Мандака. — Здесь обитали и люди. Теперь остались одни насекомые.

— Может, в следующий раз мы будем умнее.

Он покачал головой:

— Следующего раза не будет. Во всяком случае здесь.

— Так где-то еще.

— Возможно. — В голосе его слышалось сомнение.

А потом мы зашагали по дороге, ведущей в покинутый город.

Ньерере начинался на высоте пятисот футов от уровня моря, и чувствовалось, что его планировке в свое время уделили немало внимания. Большие общественные парки, вид на равнину Серенгети, открывающийся из окон каждого дома, торговые зоны, аккуратно встроенные в жилые кварталы. На высоте тысяча двести футов мы миновали маленький частный аэропорт с разрушенными ангарами и треснувшей взлетной полосой. Мне доводилось видеть покинутые города, но всегда причиной тому служили война или эпидемия. Впервые я попал в город, население которого просто собрало вещички и уехало. Многие дома еще хорошо сохранились, в некоторых оставались нетронутыми окна и двери, меня не покидало чувство, что вот-вот мы встретим кого-то из жителей. Собственно, город ничем не отличался от рав-

нины. Когда-то на этих улицах шумела толпа, в домах жили миллионы людей, но осталось от всего этого многообразия лишь те же пыль, трава и насекомые.

Поднявшись на высоту шесть тысяч футов, мы решили, что на сегодня достаточно, и провели ночь в вестибюле некогда роскошного, а теперь заброшенного отеля. Бассейн стоял без воды, казино начало разваливаться, но вестибюль из стекла и стали еще сопротивлялся дождям и ветрам. Ночью температура упала, я проснулся, дрожа от холода, но Мандака спал как младенец.

Мы тронулись в путь, как только солнце прогрело воздух и разогнало туман на вершине горы, так что я впервые увидел ее ледяную шапку. К полудню уже вышли из города и начали медленно огибать гору, направляя гравитационные тележки и прорубая бластерами тропу в густой растительности. Спали мы опять в спальниках с подогревом, однако под утро, когда температура окружающего воздуха стала падать, я опять замерз, хотя в спальнике поддерживались постоянные двадцать восемь градусов Цельсия.

На утро третьего дня я уже жадно ловил ртом воздух, о чем меня и предупреждал Мандака: мы поднялись на высоту восьми с половиной тысяч футов. Четыре часа потребовалось нам, чтобы достичь северного склона, и наконец Мандака остановился, его черные глаза внимательно оглядели местность.

— Мы уже близко, — объявил он.

— Как близко?

— Еще тысяча футов или около того.

— Вы уверены?

Он кивнул.

— Откуда вы знаете? — Я дышал с трудом. — Нет же ни фотографий, ни каких-либо замеров. Может, его убили на том самом месте, где мы сейчас стоим.

— Думаю, нет. — Мандака смотрел вверх по склону.

— Почему нет?

— Здесь слишком открыто. Мы должны подняться выше.

— Но семь тысяч лет тому назад здесь могло что-то расти!

— Выше, мистер Роджас! — Мандака устремился вперед. — Разве ваши изыскания ничего не сказали вам о нем? Он был из тех, кто шел до конца, а значит, поднялся выше по склону.

Сил спорить у меня не осталось, так что я лишь кивнул и последовал за Мандакой.

И во второй половине дня мы добрались до прогалины, за которой высились деревья. С обрыва открывался отличный вид на равнину. Мандака остановился, огляделся, понюхал воздух, кивнул.

— Мы на месте.

— Вы уверены?

— Насколько это возможно. По моему разумению, он умер здесь. Во всяком случае, я сделал все, что мог. Если я и ошибаюсь. Бог должен меня простить.

— И теперь вы покончите с собой?

— Позже. — Он опустил на землю гравитационные тележки. — Когда взойдет полная луна.

— Приготовить вам что-нибудь поесть? — спросил я, доставая портативную кухню.

— Нет. Есть на этой святой горе что-либо, кроме молока с кровью моих коров, — кощунство. — Он помолчал. — Но вы можете поесть.

— Ограничусь сэндвичем. — В моем голосе слышались извиняющиеся нотки.

Я достал сэндвич, развернул обертку, откусил кусок, начал жевать, посмотрел на лежащую далеко внизу равнину.

— Превосходный вид, не так ли?

— Да.

— А где вы выросли?

— Отсюда не видно. — Он указал рукой на северо-запад. — Примерно в ста тридцати милях в том направлении.

— Ребенком вы поднимались на Килиманджаро? — спросил я.

Он покачал головой:

— Это святая гора, подниматься на нее может лишь тот, кто искупит грехи масаи.

— Должно быть, это тяжелая ноша — осознание того, что именно вы призваны искупить грехи масаи.

— Тяжелая.

— У вас не возникало искушения поставить на этом крест? В конце концов масаи владели бивнями тысячу триста лет. Один из них мог прийти с ними на Кириниягу, но никто не пришел.

— Они могли переложить эту ношу на другого. Я — последний. Мне отступать некуда.

— Вы не держите на них зла?

Он посмотрел мне в глаза.

— Разумеется, держу. Я делаю это, потому что должен. Но предпочел бы без этого обойтись.

— Так почему бы вам на все не плюнуть?

— Не могу.

— Но почему? Мало ли что мог наговорить колдун, умерший более семи тысяч лет тому назад.

— Но эти семь тысяч лет доказали истинность его пророчества. Мы уже говорили об этом, мистер Роджас. Вам необязательно верить в необходимость того, что я делаю. Я в это верю, этого достаточно.

— Грустно осознавать, что вы умираете зря.

— Я умру за свою веру. Есть ли у человека более веская причина для смерти?

— Нет, — признал я.

— И разве можно найти лучшее место, чем это? — продолжил он. — Тут все началось, мистер Роджас. Меньше чем в сутках пути от подножия горы находится уще-

лье Олдовой, где человек сделал первые шаги на двух ногах. Эту гору Бог даровал моему народу, и отсюда мы пошли на север и на запад, покоряя всех, кто стоял у нас на пути. Великие люди поднимались на эту гору, мистер Роджас, поэты и вожди, охотники и исследователи, писатели и воины. И здесь испустило дух величайшее животное всех времен. — Он помолчал, окинул взглядом равнину, вздохнул. — Нет, лучшего места для смерти мне не найти.

Я устыдился того, что ему пришлось все это мне объяснять, и, чтобы скрыть смущение, быстро спросил:

— А вы не боитесь?

Он долго думал, потом покачал головой.

— Моя жизнь меня не радовала, мистер Роджас. Единственное, что я могу сделать сам, — это покончить с ней. Так что смерть меня не страшит.

— Я был бы в ужасе, — признался я.

— Каждое живое существо проходит путь, неизменно оканчивающийся смертью. Разница между нами состоит в том, что я с детства признаю эту неизбежность, а вы стараетесь ее игнорировать.

— Возможно, — с неохотой согласился я, думая о том, что различий у нас несколько больше, но не смог их найти. — Но я не уверен, что пошел бы на это, даже если бы меня к этому готовили.

— Если б вы знали, что все дорогие вам люди, все предки, которых вы чтите, останутся проклятыми до скончания века, пока вы не проведете обряд очищения, думаю, у вас достало бы сил.

— Едва ли я смог бы убедить себя, что все это правда.

— Это вопрос веры, не логики.

— Но если вы ошибаетесь...

— Тогда один несчастный человек расстанется с жизнью чуть раньше положенного срока. И это событие не станет ни личной, ни вселенской трагедией.

Я обдумал услышанное и не нашел возражений. Мы помолчали. Потом я пожаловался, что замерз. Мандака собрал хворост и разжег костер.

— Садитесь поближе к огню, мистер Роджас, — предложил он, и я последовал его совету. — Так лучше?

— Да, благодарю вас, — ответил я, наслаждаясь идущим от костра теплом, терпким запахом дыма.

— Знаете, — заговорил Мандака, не отрывая глаз от язычков пламени, — человек несчетные тысячи лет вот так сидел у костра, готовил пищу, грелся, отгонял хищников. Теперь мы создаем искусственную среду обитания, производим еду из химических отходов. Условия нашей жизни меняются, но меняемся ли мы?

— Мы, несомненно, продвинулись в своем развитии, — вставил я.

— Я не об этом. Появилось ли что-то более важное, чем ощущения тепла, сытости, безопасности? Поэтому куда легче сделать это здесь... — Он обвел рукой гору, небо, усеянное звездами. — ...В колыбели человечества, у этого костра.

— Должно быть, иначе мы бы сюда не пришли.

— А почему мы здесь?

— Чтобы совершить невозможное.

— Невозможное совершил Бутамо, раб, семь тысяч лет тому назад.

Я обдумал его слова.

— Сегодня перед вами стоит задача потруднее.

— Все это я мог проделать, не уходя к звездам.

— Иначе вы не нашли бы бивни, — напомнил я.

— Тогда, наверное. Господь хотел, чтобы я побывал на звездах и понял, что нет ничего важнее этой ночи здесь, на Килиманджаро.

— И смерти.

— И смерти, — согласился он.

Я задумчиво смотрел на огонь. Никогда раньше я не сидел у костра и пришел к выводу, что мне это нравится.



— Как вы думаете, что ждет вас впереди? — наконец спросил я.

— После смерти?

— Да.

Он пожал плечами:

— Пока мне это знать не дано.

— Небытие?

— Возможно.

— Может, небытие — это все, что нашли остальные масаи.

— А может, это все, что они искали.

— Если не небытие, тогда что?

Он ответил не сразу.

— Может, я окажусь во времени, предшествующем смерти слона, живущим в гармонии с природой.

— По мне это далеко не рай.

— Неужели? Оглянитесь вокруг, мистер Роджас. Мы покоряем один мир и находим тысячу других. Мы устанавливаем дружеские отношения с одной цивилизацией и уничтожаем тысячу других. Мы излечиваем одну болезнь и сталкиваемся с тысячей новых. На каждое наше достижение возникает тысяча неразрешимых проблем. Может, райский сад не начало пути, а конечная точка?

— По вашему тону ясно, что вы готовы к смерти. — Я придвинулся к костру, спасаясь от холода.

— Умирают все. А я умру не напрасно.

— Вы на это надеетесь.

— Я знаю.

— Но если Сендейо ошибся...

— Моя смерть все равно будет что-то да значить. —

Он улыбнулся. — Похоже, вы хотите меня отговорить. Вас мое намерение задело за живое, а я подозреваю, что раньше с вами такого не случалось.

— Это правда, — с неохотой признал я. — Но стоит ли ради этого умирать?

— Не знаю, — ответил Мандака. — Надеюсь, что да.

— Я бы предпочел остаться безразличным.

— Я бы предпочел, чтобы кто-то из масаи, живущих до меня, сделал то, что предстоит мне сегодня. Так что наши благие пожелания не будут реализованы.

— Это несправедливо.

— В жизни далеко не всегда находится место справедливости.

— Я нашел бивни. Выполнил свою работу. На том следовало поставить точку.

— Вы не из тех, кто останавливается на полпути. Для вас точка будет поставлена лишь по написании последней главы истории бивней.

Я помолчал, обдумывая его слова.

— Все равно мне это не по душе.

— Всю профессиональную жизнь вы имели дело с параметрами мертвых животных. Через несколько часов я присоединюсь к ним, а вы сможете вернуться в бесстрастный мир исследователя. А пока предлагаю вам подумать о Слоне Килиманджаро.

— Он мертв почти восемь тысяч лет. Чего о нем думать?

— Если души масаи затерялись между этой жизнью и следующей, как провел эти годы он? Проспал ли их вечным сном или, наоборот, душа его не знала покоя, требуя вернуть ту ее часть, что вы разыскиали на просторах галактики? Подумайте об этом, мистер Роджас. Если мое деяние не освободит от заклятия мой народ, возможно, ваше упокоит наконец величайшее из животных.

— Хотелось бы в это верить.

— Но вы не верите?

Я покачал головой.

— Мне очень жаль вас, мистер Роджас, — вздохнул Мандака. — Это беда — верить лишь в то, что можно увидеть, замерить, пощупать руками.

— А мне очень жаль вас, — искренне ответил я — Не верить в это — тоже беда.

Он вгляделся в далекую равнину.

— Что вы там высматриваете? — спросил я.

— Прошрое, — последовал ответ. — Настоящее. Может, даже будущее.

— Ваше будущее? — удивился я.

Он усмехнулся:

— Мое будущее определилось семь тысяч лет тому назад и через час оборвется. Видите? — Он указал на небо. — Взошла полная луна, чтобы призвать меня до того, как хлынет дождь.

— Что-то я не вижу облаков. — Я посмотрел на звездное небо.

— Будет дождь, — уверенно заявил он и направился к гравитационным тележкам. — Пора начинать.

Он вывел тележки на обрыв, выходящий к равнине, в сорока футах от костра, осторожно положил бивни на землю, приказал тележкам вернуться на прежнее место.

— Обряд я совершу здесь, глядя на земли моих предков, где ветви не заслоняют меня от взгляда Бога.

— Вроде бы Сендейо говорил, что масаи должны построить для бивней алтарь.

— Бивни на священной горе, которую даровал нам Бог, — ответил Мандака. — Они лежат на Его траве и растениях. Его ветках и корешках. Какой алтарь, сработанный человеком, сравнится с этим?

Он достал из тюка сплетенную из травы сеть, длиной десять футов, шириной — четыре.

— Эта сеть, — он расстелил ее между бивнями, — сплетена из трав, растущих на планетах, где побывали бивни.

Покончив с сетью, он собрал хворост и с десятков сухих стволов, положил все на сеть.

— Когда я умру, завалите мое тело хворостом и сухими стволами и зажгите костер.

— Если вы этого хотите.

— Хочу. А потом не забудьте разбросать мои кости и развеять пепел.

— Не забуду.

— Я понимаю, вам это будет противно, но помните, что я уже ничего не почувствую.

— Я все сделаю.

— Я знаю. — Мандака посмотрел на небо. — Еще пять минут.

И пока я протягивал руки к костру, чтобы отогнать холод, он медленно разделся и, обнаженный, выпрямился во весь рост под лунным светом, пробивающимся сквозь листву. Потом наклонился над гравитационной тележкой, достал из тюка головной убор из гривы льва. За головным убором последовало ожерелье из когтей льва, еще несколько минут он разрисовывал лицо.

И наконец вытащил длинный нож.

— Он принадлежал брату Сендейо, Ленане, верховному вождю всех масаи.

— Нож впечатляет, — без особого энтузиазма ответил я.

— У нас есть еще одно дело.

Мандака подошел ко мне.

— Есть?

Он кивнул:

— Протяните руку.

— Зачем?

— Просто протяните, — потребовал он.

Я протянул, он схватил ее левой рукой и надрезал мой большой палец ножом, который держал в правой.

Я вскрикнул от боли и удивления.

— Что это вы задумали? — Я отдернул руку.

— В церемонии могут участвовать только масаи. — Мандака надрезал свой большой палец и прижал его к моему. — Если по какой-то причине я допустил ошибку и вам придется ее исправлять, вы должны быть масаи. Вот почему наша кровь должна соединиться и смешаться.

Он подержал свой кровоточащий палец у моего, потом убрал руку.

— И теперь я — масаи? — Я инстинктивно сунул палец в рот.

— Нет, — ответил он. — Но большего я сделать не могу, и Бог, надеюсь, меня поймет. — Он посмотрел на меня. — Но и ты должен мне помочь.

— Как?

— Вынь палец изо рта. Масаи не обращают внимания на физическую боль.

— Даже ту, которую предстоит испытать вам?

— Я сделаю то, что должен. Но если проявлю слабость...

— Что тогда?

— Тогда тебе придется убить меня, прежде чем я закричу.

— Нет! — Я отпрянул. — Так мы не договаривались!

— Я знаю. И надеюсь, что до этого не дойдет. — Он помолчал. — Но ты мой единственный друг, а теперь и брат. Если тебе покажется, что я готов закричать, ты должен перерезать мне горло, прежде чем звук достигнет моих губ и сорвется с них.

— Я не смогу этого сделать! — запротестовал я.

Он долго смотрел на меня, потом одобрительно кивнул.

— Ты — мой друг и брат и сделаешь то, что должно сделать, — уверенно заявил он.

Я открыл рот, чтобы возразить, но он уже отвернулся от меня и зашагал к бивням. Долго стоял перед ними, что-то бормоча на незнакомом мне языке, потом лег на кучу хвороста и стволов между бивнями.

Начал произносить имена, как я догадался, особо отличившихся верховных вождей масаи. Поднял правую руку, лунный свет блеснул на длинном лезвии ножа Ленаны.

— Сендейо! — воскликнул он, когда нож застыл над его сердцем. — Все сделано! Fezi Nyuri, все исполнено!

И он вогнал нож себе в грудь.

Тело его застыло, нож выпал из руки, пальцы сомкнулись на бивнях. Рот раскрылся, но ни звука не сорвалось с губ.

Я наблюдал, как он еще секунд двадцать извивался от боли. Не выдержал, подбежал к нему, опустился рядом на колени. Он посмотрел на меня, ужасная гримаса перекосила его лицо, но он попытался улыбнуться. Я взял его за руку, не замечая, что его пальцы буквально впиваются в мою кожу.

На мгновение рука его расслабилась, потом вновь сжала мою, я поднял нож, надеясь, что мне не придется им воспользоваться, но зная, что я им воспользуюсь, даже против воли, чтобы помочь ему осуществить начертанное судьбой.

Глаза его уже не видели меня, хватка слабела, но он еще дышал, снова и снова тело его выгибалось от боли. Но вот успокоилось и тело.

— Сделано через семь тысячелетий, — выдохнул он и умер.

Я с трудом подавил тошноту, но ничего не смог поделать со слезами. Все еще плача, я собрал хворост, сухие стволы, завалил ими тело и поджег его погребальный костер.

Вернулся к нашему костерку, наблюдая, как языки пламени вздымаются к небу. Время от времени я бросал в огонь новые стволы, и к рассвету на обрыве остались лишь обугленные кости Букобы Мандаки и обугленные бивни Слона Килиманджаро.

А когда взошло солнце, раздался оглушающий удар грома и хлынул ливень. Я надел перчатки, подошел к шипящим углям и, следуя полученным указаниям, стал разбрасывать кости Мандаки.

Дождь лил все сильнее, и мне пришлось поставить навес, чтобы укрыться от потоков воды.

Он продолжался два часа, а когда закончился, я направился к обрыву, чтобы закончить начатое.

Но меня ждал сюрприз. Обрыв, на котором горел погребальный костер, снесло вниз вместе с костями Мандаки и бивнями. Я осторожно заглянул вниз, но увидел лишь густую растительность, мокрую после дождя, блестящую под лучами жаркого африканского солнца.

Еще час я собирал вещи, укладывал их на гравитационные тележки, а затем двинулся вниз по склону, к подножию Килиманджаро.

## ОДИННАДЦАТАЯ ИНТЕРЛЮДИЯ (6304 г. Г.Э.)

Двумя неделями позже я возвратился в свой кабинет, лишь на несколько минут заскочив в квартиру. И квартира, и кабинет показались мне чужими. В кабинете было душно, стены просто давили на меня. Я приказал компьютеру охладить и освежить воздух. Это не помогло, пришлось спасаться прозрачностью стен.

Я принял молекулярный душ, переоделся, заказал пару пирожных и кофе на завтрак, сел за стол.

— Компьютер?

— Да, Дункан Роджас?

— Я хочу, чтобы ты ввел сноску в четыреста девятое земное издание «Рекордов охоты», выпущенное издательством «Уилфорд Брэкстон».

— Ожидая...

— Бивней Слона Килиманджаро больше не существует. Они находились на Бортаи II, когда звезда стала сверхновой. Никаких следов от них не осталось.

— Исполнено.

— Пошли соответствующее извещение во все библиотеки и музеи.

— Приступаю... Исполнено.

Несколько последующих минут я провел, просматривая корреспонденцию и служебные материалы, поступившие от руководства. Потом открылась дверь, и в кабинет вошла Хильда Дориан.

— Я узнала, что ты вернулся.

— Вчера вечером.

— Спасибо, что позвонил, — с сарказмом бросила она.

— Я устал.

Она в изумлении вытаращилась на меня.

— Позволишь присесть?

Я пожал плечами.

Она приказала креслу приблизиться, села.

— Где твой наставник?

— Наставник?

— Мандака.

— Он умер.

— На Земле?

Я кивнул.

— Ты сообщил об этом властям?

Я кивнул.

— От чего он умер?

— Сердечный приступ.

— Ты привез тело для вскрытия?

— Нет. Родственников у него нет, а он просил похоронить его на Земле.

Последовал еще один изумленный взгляд.

— Ты изменился.

— Правда?

Она кивнула:

— Еще больше замкнулся в себе.

— Я не заметил.

— И стал совсем уж молчаливым.

— Задавай вопросы.

— Зачем? Ты все равно солжешь.



— Почему ты так решила? — Разубеждать ее я не считал нужным.

— Дункан, я узнала о твоём возвращении, увидев, какое распоряжение ты отдал компьютеру.

— Освежить воздух?

— Занести в банк памяти информацию об уничтожении бивней при взрыве сверхновой.

— А, ты об этом...

— Вроде бы ты говорил мне, что бивни на Небесной Сини.

— Я ошибся.

— И отправился с Мандакой на Землю без бивней? Пообщаться с духами его предков?

— Бивни утеряны. Я не хочу, чтобы их разыскивал кто-то еще.

— Это решение должен принимать ты?

— Больше никому.

— Мандака действительно умер?

— Мандака действительно умер.

Хильда нахмурилась.

— Ты, часом, его не убил? — стрельнула она вопросом.

— Нет, я его не убил. Но был готов.

— Не понимаю тебя.

— Знаю, что не поймешь.

— Я думала, он был твоим другом.

— Это точно, — искренне ответил я.

Она долго смотрела на меня, потом в ее голосе появились нотки сочувствия.

— Тогда мне очень жаль тебя, Дункан. Я знаю, как трудно ты сходишься с людьми. Надеюсь, ты найдешь себе нового друга.

— Я тоже на это надеюсь.

Мы поговорили еще несколько минут, я напомнил, что хочу пригласить ее и Гарольда в ресторан, после чего она вернулась к себе, а я остался один, чтобы разобраться в своих чувствах.

Но эмоции — не факты, чем больше стараешься выстроить их ряд, тем больше они перепутываются между собой. В конце концов я пришел к выводу, что соперничество — из тех эмоций, что лучше оставить Хильде и ей подобным, кто полагает, что это добродетель. Я попытался побыть таким, как они, но мне стало очень уж не по себе, и я решил больше не играть в эти игры.

Ближе к полудню мне уже заметно полегчало: медленно, но верно я становился самим собой. Вечером я повел Хильцу и Гарольда в «Древние времена», ресторан и театр одновременно. Выполнив обещанное, поздним вечером вернулся в кабинет и попытался определить размах крыльев недавно убитой Дьявольской совы. К тому времени, когда я начал сравнивать довольно-таки противоречивые показания, все мысли о Мандаке и бивнях окончательно выскочили у меня из головы.

Уснул я, когда забрезжил рассвет.

## ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

### БИВНИ (6304 г. Г.Э.)

*Я наблюдал, как бивни, мои бивни, в потоке воды плывут по склону Килиманджаро, чтобы соединиться с моим прахом, покоящимся под толщей земли, и ожидание мое наконец-то окончилось.*

*Я очень стар, я многое повидал. Я видел темную пещеру на Беламоне XI и сотрясающие твердь ураганы Афинии. Я сталкивался с охотниками, ворами, религиозными фанатиками, хорошими людьми и плохими.*

*Даже теперь, когда зрение мое слабеет, я все еще вижу цепь событий, которая привела Букобу Мандаку на свя-*

ценную гору. Я вижу Тембо Лайбона, раздающего карты и забирающего свои десять процентов. Я вижу Амина Рашида, гордо, пренебрегая опасностью, вышагивающего по пустынным улицам Нью-Эвона, города на Плантагенете II. Я вижу Ганнибала Слоуна, издавек изучающего меня, растирающего пыль между пальцами, чтобы определить направление ветра. Я чувствую легкие прикосновения шупалец Глаза-в-огне, вырезающей на бивнях историю своей цивилизации, и жестокие удары камня Раканы, отрубавшего бивни.

Тысячелетия приходили и уходили, а я все ждал на вершине горы. Я шептал о том, что нет мне покоя, и Сендейо, и Масаи Лайбону, и Лийо Нельону, и Букобе Мандаке, который умер гордо и молча, чего от него и ждали. Империи возникали и гибли, планеты открывались, колонизировались, пустыли, поколения людей появлялись на свет Божий и умирали, но я стоял на своем.

Я видел рождение звезд и смерть миров и наблюдал одинокую, в неволе, смерть последнего из моих сородичей, но все это время ждал, когда же закончится одиссея бивней.

И вот наконец беспокойство ушло, одиночество исчезло, душевная боль утихла. Жизнь галактики продолжится, но продолжится уже без меня, ибо зрение слабеет, слух пропадает, надвигается забвение.

Я обрел недостающее, я теперь единое целое.

## ПОСЛЕСЛОВИЕ АВТОРА

Да, он действительно существовал. Он занесен в справочник «Рекорды охоты», выпущенный издательством «Роулэнд Уэрд». Его бивни находятся в хранилище Британского музея естественной истории. Две фотографии

его знаменитых бивней еще существуют. Его бивни зарегистрировали и продали на аукционе на Занзибаре в 1898 году. Хотя никто из нижеперечисленных знаменитых охотников его не видел, упоминания о нем имеются в мемуарах Карамоджо Белла, Дениса Д. Лайелла, Т.Мюрфи Смита и командора Дэвида Элдерби Бланта.

По ходу двух моих последних поездок в Африку выяснилось, что практически все охотники и белые поселенцы, с кем я общался, знали о нем, и я провел немало замечательных вечеров, выслушивая разнообразные, непохожие, противоречащие друг другу истории о его жизни и смерти.

Именно из таких историй и рождаются легенды.

## Как стать счастливым

...и там, впереди, он увидел заслоняющую все перед глазами, заслоняющую весь мир, громадную, уходящую ввысь, немыслимо белую под солнцем, квадратную вершину Килиманджаро. И тогда он понял, что это и есть то место, куда он держит путь.

Э. Хэмингуэй. «Снега  
Килиманджаро»

Интересно было бы когда-нибудь составить Книгу рекордов Гиннесса для писателей-фантастов. В американской НФ Азимов мог бы, безусловно, претендовать на звание самого плодовитого автора. Мак Рейнольдс — самого политизированного (кто еще из американских

фантастов был членом Социалистической рабочей партии США?), Пол Андерсон — обладателя наибольшего количества литературных наград... (В отечественной НФ все ясно: братья Стругацкие победили бы в любой категории, от числа премий до переводов на иностранные языки.) А Майк Резник вошел бы в эту книгу как фантаст, выступавший под наибольшим числом псевдонимов — несколько десятков.

Кроме того Резник смело мог бы занять еще одну позицию. По многим, особенно ранним, книгам Резника может создаться впечатление, что уж такой он ухарь, прожигатель жизни и высокопрофессиональный ценитель женских прелестей! На самом же деле это на световые годы далеко от реальности. Резник — примерный семьянин, и биография его укладывается в несколько строк. Родился Майкл Даймонд Резник 4 марта 1942 года в Чикаго, учился в Чикагском университете, несколько лет работал редактором в журналах и издательствах, а с конца шестидесятых ушел на «вольные хлеба». В 1961 году женился на Кэрол Кейн, ставшей ему не просто подругой жизни, но первым — и главным — помощником в литературной работе; свои книги Резник посвящает жене — как и в случае со «Слоном Килиманджаро».

В детстве Резник был активным почитателем творчества Эдгара Раиса Берроуза, состоял членом его фэн-клуба и печатался в берроузоведческом фэнзине. Потому первая профессиональная публикация Резника в 1965-м, рассказ «Забытое море Марса», несет следы влияния кумира детства. В духе космической оперы написаны первые романы, «Богиня Ганимеда» (1967) и «Погоня на Ганимеди» (1968). Из шестидесятых годов следует отметить еще роман «Рыжебородый» (1969, в русском переводе — «Тор Рыжебородый»).

С середины шестидесятых Резник активно занимается беллетристикой — он опубликовал свыше двухсот любовных, эротических и готических романов, почти все

под псевдонимами. Фантастику Резник не писал свыше десяти лет — оттого-то его имени нет в авторитетных работах по истории жанра — например, в книге Брайана Олдисса «Веселье на триллион лет» (1986), а в «Энциклопедии научной фантастики» Питера Николса (1979) ему уделено несколько строк. Возвращением в НФ стал роман «Боевая звезда Галактики номер пять», написанный в 1980 году в соавторстве с Гленом Ларсеном.

Сам Резник не очень любит жанровые ярлычки: «Я вовсе не уверен, что пишу настоящую научную фантастику. Я назвал бы свои вещи нравоучительными сценами, моралите; если же, обращая их в мифы и притчи будущего и перенося действие на чужие миры, я могу сделать книги более покупаемыми, то ничего не имею против... Я считаю, что каждый человек несет полностью ответственность за свои поступки, и эта тема постоянно звучит в моих романах. Полагаю, что если определить суть моей работы в литературе одной фразой, то она будет звучать так: я пишу о взрослых героях, которые сталкиваются со взрослыми проблемами во взрослой вселенной».

Восьмидесятые годы отмечены в творчестве Резника прежде всего двумя сериями иронической фантастики: «На галактическом полустанке» (романы «Интермедия», 1982, «Трехногая танцовщица бутлегеров», 1983, «Бешеный укротитель-инопланетянин», 1983, действие которых происходит на космическом карнавале) и «Истории бархатной кометы» (романы «Эрос восходит», 1984, «Эрос в зените», 1984, «Эрос нисходит», 1985 и «Эрос в надире», 1985, действие которых происходит в космическом публичном доме — пожалуй, такой панорамы «свободной любви» в фантастике еще не было).

После Берроуза любимый писатель Резника Олаф Стэплдон — под его влиянием написана книга «Рожденный править: Книга человека» (1982), действие которой отделено от наших дней пятнадцатью тысячелетиями.

ями. Резник успешно использует различные художественные приемы фантастики: он пишет остросюжетные романы «Сантьяго: миф далекого будущего» (1986) и «Смуглая леди: любовная история далекого будущего» (1987), притчу «Пожиратель душ» (1981) — переложение «Моби Дика» Германа Мелвилла, фэнтези «Охота на единорога: вечерняя легенда» (1987).

По словам писателя, до середины восьмидесятых годов он занимался исключительно романами, считая, что это наиболее подходящая художественная форма для воплощения НФ-идеи. Но как-то, когда возникла пауза между двумя большими вещами, он, неожиданно для себя, написал несколько рассказов, один из которых, «Кириньяга», к его удивлению, получил «Хьюго»! И тогда Резник, ощутив вкус «малой формы», начал активно писать рассказы, и еще одна новелла, «Манамуки», получила «Хьюго», всего же около десятка рассказов — только за несколько лет — выдвигалось на «Хьюго» и «Небьюлу», тогда как ни один из его многочисленных романов не был отмечен столь престижными литературными наградами. Как правило, рассказы Резника не связаны друг с другом тематически, за исключением нескольких новелл, посвященных Теодору Рузвельту, составляющих цикл «альтернативной истории». Лучшие рассказы писателя собраны в сборнике «Уходя, гасите Солнце» (1992).

Кроме литературы и семьи (дочка Лаура также стала писательницей, специализируясь на любовных романах), у Резника есть еще два любимых занятия. Первое из них — собаки. Всю жизнь он и жена держали у себя колли, и Резника как специалиста неоднократно приглашали в состав жюри конкурсов, устраиваемых различными кинологическими обществами. Из этого увлечения родилось несколько рассказов, два из которых получили награды Американской ассоциации новеллистов, пишущих о собаках. Второе увлечение Резника —

лошади, он очень любит скачки, старается не пропускать крупных состязаний, что также нашло отражение в его творчестве (прежде всего в рассказах).

Весьма важное место в жизни и творчестве Резника занимает африканская тема. Романы «Рай: Хроника далекого мира» (1989), «Слон Килиманджаро» (1988), сборник рассказов «Бвана и забияка» (1981), две самые известные новеллы Резника «Кириньяга» и «Манамуки» образуют отдельный цикл, действие которого происходит либо в Африке будущего, либо в Африке параллельного мира.

У истоков африканской темы в мировой литературе стоит Райдер Хаггард, он одним из первых европейских писателей побывал в Африке (в качестве чиновника различных британских ведомств по делам колоний). Его роман «Копи царя Соломона» (1885) стал одной из первых книг, в которой говорилось об истории африканского континента, его народе, сложнейших расовых и этнических проблемах. В то время, когда вышла книга Хаггарда, Африка была для всего мира таинственной страной, она только осваивалась, и о быте, нравах, обычаях, обрядах африканских племен практически ничего не знали. С тех пор в Африку приезжали многие писатели, но первым — по уровню его «африканской прозы» и по влиянию на Резника — надо назвать Эрнеста Хемингуэя.

Хемингуэй приезжал преимущественно в Восточную Африку, чаще всего — в Кению (эта страна стала «своей» и для Резника). Хемингуэй написал об Африке немало: хроникально-биографическую книгу «Зеленые холмы Африки», рассказы «Недолгое счастье Фрэнсиса Макомбера» и «Снега Килиманджаро», очерк «Крылья над Африкой». Можно выдвигать разные соображения, что влекло Хемингуэя в Африку — различные исследователи предлагают свои версии: экзотика, страсть к рискованным ситуациям, любовь к небывалой охоте, желанный кон-



траст по сравнению с мертвящей атмосферой «городов желтого дьявола» (да-да, были и такие объяснения!), но лучше послушать самого писателя. Вот что говорил Хемингуэй в «Зеленых холмах Африки»: «Я любил Африку и чувствовал себя здесь как дома, и если человеку хорошо в какой-нибудь стране за пределами родины, туда ему и надо ехать... Сейчас я хотел только одного: вернуться в Африку. Мы еще не уехали отсюда, но, просыпаясь, по ночам я лежал, прислушивался и уже тосковал по ней». Так говорят о любимой женщине — сдержанно, избегая лишних объяснений, потому что сильное и глубокое чувство требует мало слов, а то и вовсе не нуждается в них.

Мне кажется, что так относится к Африке и Резник, которого сближает с Хемингуэем любовь к одной и той же стране, Кении. Что же касается романа «Слон Килиманджаро» (по-английски книга называется просто «Слоновая кость»), то сходство с произведениями Хемингуэя не только идейное, но и сюжетное — например, описание преследования слона белыми охотниками и местными проводниками во многом повторяет эпизоды из «Зеленых холмов...».

«Слон Килиманджаро» относится к традиции литературной «истории будущего» (трагична судьба обезлюдевшей Земли в романе, на которой люди истребили животный мир; когда в конце романа Роджас и Мандака прибывают на Землю, они с тоской смотрят на пустынное плато Серенгети, на котором остались лишь насекомые и трава). События, описываемые в романе, происходят в седьмом тысячелетии после расселения человечества по галактике. Социальная структура мира, который изображает Резник, не столь сложна. Обитаемая вселенная — та же Земля нашего времени, увеличенная в тысячи раз: мы видим те же формы правления — демократия, олигархия, банановые республики, — которые

отличаются от земных «образцов» лишь величиной, распространяясь на десятки и тысячи звездных систем.

Нисколько не изменилась и человеческая природа: перед нами проходят политики и торговцы, религиозные фанатики и дипломаты, чья психология, основанная на неукротимом стремлении достичь цели любыми средствами, такая же, как на всех этапах развития человечества (а когда читаешь о бедственном положении музея на Новой Кении, невольно вспоминаешь состояние наших музеев, библиотек...). Галактические жулики, авантюристы, проходимцы обоих полов ничем не отличаются от наших, а наиболее привлекательные — такие как Таити Бено — вызывают в памяти незабвенного Остапа Ибрагимовича Бендера и симпатичнейших Энди Такера и Джеффа Питерса из рассказов О'Генри; и, конечно же, вспоминается не раз повесть «Короли и капуста», когда читаешь о банановых республиках размером с Солнечную систему...

Резник — мастер точной и емкой психологической детали, как это можно видеть уже по первым страницам романа, когда мы знакомимся с «теплой компанией» в таверне «Дом голубых огней». При описании различных разумных существ Резник прибегает к тому же приему, что и Уэллс в «Острове доктора Моро», сравнивая инопланетян с представителями животного мира Земли. Несколькими штрихами рисует Резник мир будущего: чтобы показать, каких высот научно-технического развития достигло человечество, он упоминает самодвижущиеся дороги в городе, где живет Дункан Роджас (кстати сказать, эта характеристика уровня технического прогресса человечества в будущем была придумана еще Робертом Хайнлайном в знаменитом рассказе «Дороги должны катиться» в 1940 году). А если Резник упоминает, что однажды ранним утром, когда на улицах никого не было, герой не ехал по дорогам, а бежал, нарушая тем самым правила общественного поведения, то мы узнаем из этого

гораздо больше о социальной психологии и административном устройстве этого мира, чем из пространной лекции.

И в это описание будущего человечества, как в рамку, вставлена история племени масаи, населявшего юг нынешней Кении и север Танзании. Масаи не были воинственным племенем, напротив, они были кочевниками-скотоводами и нападали на другие племена лишь для того, чтобы захватить женщин и скот. Они считались самыми умелыми воинами в Восточной и Центральной Африке\*, и хотя по численности их было во много раз меньше, чем соседей, масаи боялись все племена Восточной Африки. Обряд инициации включал обязательную схватку со львом, причем вооружение воина составляли только копье и щит — масаи не мог называться мужчиной, пока не убьет льва.

А вот что пишет о масаи Хемингуэй: «Все они были рослые, белозубые — красавцы как на подбор. Волосы их были окрашены в красновато-коричневый цвет и спереди челками падали на лоб. ...приветливые и веселые, не в пример угрюмым и надменным северным масаи. ...С такими людьми встречаешься как с братьями, они сразу и от всей души принимают тебя за своего, откуда бы ты ни был родом. ...Это свойство простых сердцем, такие люди редки, нет ничего приятнее общения с ними». «Хорошо масай, — растроганно промолвил М'Кола. — Масай — много скота».

Масай не убивает, чтобы есть. Масай убивает только врага».

По словам Букоба Мандака, масаи «жили в гармонии с окружающей природой, мы ни у кого не просили

---

\* Интересно, что компьютер, давая Роджасу справку о масаи, сравнивает их с зулусами, самым воинственным племенем Южной Америки. Думаю, что это не случайно — именно о зулусах пишет Хаггард в романе «Копи царя Соломона».

милости, но и никому не подавали». Англичане лишили масаи бывшего могущества, сломали их образ жизни, запретили носить копья (был даже запрещен обряд инициации), масаи потеряли свой собственный язык, перешли на суахили и начали растворяться в массе других африканских племен.

Трагедия народа, оставшегося без земли, скота, вековых устоев жизни, означала потерю своего места в истории. И, как считали масаи, это произошло потому, что их сородич отрубил бивни убитого беглым рабом гигантского слона, самого крупного, какой когда-либо жил в Африке, и начал торговать с белым человеком. Тем самым он нарушил закон, обесчестил свой народ, надругался над вождем всех животных. И на племя упало таку, самое ужасное из всех проклятий: масаи ждало вымирание, потеря земель, скота, но самым страшным было то, что отныне души всех масаи были обречены бродить между этой, земной, и следующей жизнью, не находя успокоения. Был только один способ восстановить утраченную честь племени: вернуть бивни, принести на Килиманджаро, на то место, где умер слон, и там окропить их кровью необрезанного мальчика-масаи. Только так можно было освободить души всех масаи и вернуть племени былую славу и могущество.

Роджас похож на знаменитых сыщиков прошлого — и, надо думать, Резник ориентировался именно на великих аналитиков, тех, кого нам дала литература, — от Огюста Дюпена, действующего в рассказах По, и Шерлока Холмса до детективов нашего века: Эркюля Пуаро, комиссара Мегрэ, Ниро Вульфа. И роман во многом строится по законам детективного жанра (хотя — формально — в романе нет классического убийства и соответственно поисков его исполнителей).

Ни один сыщик прошлого, разумеется, не мог действовать без необходимого количества информации, собираемой во время осмотра места преступления, опроса

свидетелей, работы в архивах и т.д. Не исключение и Роджас — но тут-то мы и подходим к самому важному отличию героя Резника от его предшественников. У Ниро Вульфа был Арчи Гудвин, собиравший необходимые сведения, Шерлок Холмс и Мегрэ не чурались заниматься сами черновой работой. А у Роджаса есть компьютер... Найти нечто, пропавшее три тысячи лет назад, на площади в триллионы триллионов километров — наверное, перед такой задачей все-таки спасовали бы великие детективы прошлого. Роджасу эта задача не страшна — он уверен в успехе, зная себя и возможности своего помощника.

Мы помним, что при «профессиональном отгадчике тайн» обычно находится свой доктор Ватсон — славный, но недалекий человек, нужный, чтобы великий сыщик рассказывал ему о своем методе. Так вот Резник делает оригинальный ход: он как бы делит образ «доктора Ватсона» на две составляющие: первая — это Хильда Дориан, оказывающая герою определенную помощь, обсуждающая с ним расследование, но исполненная скептицизма и относящаяся крайне негативно к самой идее поиска; вторая же составляющая — компьютер, который, собственно говоря, и есть единственный друг Роджаса, его собеседник, пусть участвующий в разговоре только в режиме «вопрос — ответ» и лишенный эмоций (однажды он говорит: я не запрограммирован на эмоции; а если бы в нем была такая программа?..).

И расследование с помощью компьютера не только придает роману своеобразие, отличает «Слона Килиманджаро» от десятков книг о «галактическом будущем». Тысячекратно увеличивая возможности человека, Резник создает своего рода фантастическую интеллектуальную сагу. И это устанавливает связь между романом писателя конца XX века и произведениями писателя, заложившего основы того жанра, в каком выступает Резник, —

Эдгара Аллана По. В свое время братья Гонкур, прочтя его рассказы, записали в дневнике:

«По — это новое в литературе, это литература XX столетия: чудеса, обоснованные научно, художественное созидание с помощью А + В, литература в равной мере маниакальная и математически точная, воображение, исходящее из анализа...» Кажется, что эти слова, сказанные почти полтора века назад, относятся и к роману Майка Резника...

«Килиманджаро — покрытый вечными снегами горный массив высотой 19 710 футов, как говорят, высшая точка Африки. Племя масаи называет его западный пик «Нгайэ-Нгайэ», что значит «Дом бога». Почти у самой вершины западного пика лежит иссохший мерзлый труп леопарда. Что понадобилось леопарду на такой высоте, никто объяснить не может». Эти строки стоят эпиграфом к рассказу Хемингуэя «Снега Килиманджаро». Думаю, нет необходимости говорить, что между леопардом Хемингуэя — предметным и одновременно поэтическим, философским символом — и слоном Резника есть безусловная связь\*, как есть связать притяжения-отталкивания между слоном и Моби Диком, мощным, трагическим образом Белого Кита — не случайно Резник выпустил книгу по мотивам романа Мелвилла. Дело в другом: слон Килиманджаро — прекрасный и высокий символ, но символ, имеющий значение — и интерес — только в соотнесенности с человеческой судьбой; сама по себе гора Килиманджаро — символ тщеты — и одновременно величия — человеческих усилий, порыва духа и приземленности его в грубой реальности.

Превосходный фантастико-приключенческий роман Резника — еще и притча о смысле и сути человеческой

---

\* Хемингуэевские «Снега...» легли в основу романа Ольги Лариновой «Леопард с вершины Килиманджаро» и одного из лучших, на мой взгляд, рассказов Брэдли «Машина до Килиманджаро», в котором в качестве одного из персонажей появляется сам Хемингуэй.

жизни. По сути дела, это роман о радости и счастье свершенности жизни, о том счастье, какое испытывает человек при выполнении предначертанного, реализуя программу своего бытия.

И вновь «Зеленые холмы Африки» Хемингуэя: «...я так любил эту страну, что был счастлив, как бываешь счастлив после близости с женщиной, которую любишь по-настоящему... И если ты любил в своей жизни женщину или страну, считай себя счастливым, и хотя ты потом умрешь, это ничего не меняет...» И можно лишь пожелать тому, кто обделен любовью, чтобы она пришла к нему. Или — хотя бы — чтобы он нашел свою страну.

В.Голман





ВАЛЬПУРГИЯ III

*Как и всегда, посвящается Кэрол, а также Барри Мальзбергу — самому оклеветанному и самому непонятому писателю своего поколения, и — как это всегда бывает — толковому и славному.*

## ПРОЛОГ

*И в зле есть капля доброты.*

Шекспир

*Каждое зло, которому мы даем отпор, благотельно.*

Эмерсон

*Все наши величайшие беды происходят от нас самих.*

Руссо

Но они все оказались не правы.

*Нет достойного объяснения злу. Надо рассматривать его как необходимую часть порядка Вселенной. Игнорировать зло — глупо, проклинать его — бессмысленно.*

Мозм

Вот он ближе прочих подошел к истине.



*Зло — само себе судья, оно же лишает смысла такие понятия, как власть, удовольствия, богатство.*

Конрад Бланд

Этот действительно знал, что говорит, но, впрочем, как же иначе... Ведь он сгноил одиннадцать миллионов в концентрационных лагерях Пилора IX в период краткого правления императора Юстасия-Безумного.

Он уничтожил семнадцать миллионов на планете Борига II с такой изощренной жестокостью, в сравнении с которой газовые камеры «третьего рейха» могли показаться невинными детскими забавами.

Он вырезал пять миллионов женщин и детей на Новой Родезии.

Он убил три тысячи семнадцать человек на Кембриии III, и для каждой своей жертвы находил все новые и новые способы умерщвления, проявляя невероятную извращенность и изобретательность.

Он изобрел пытки, от которых отказалась даже орошенная кровью Спика VI, восставшая против Республики.

Никто и никогда не видел его портрета — ни на голограммах, ни на видеодисках, ни на даже самых обычных фотографиях. Компьютерные банки данных не располагали ни отпечатками его пальцев, ни рисунком радужной оболочки глаз. И, несмотря на многочисленные попытки, так и не удалось выявить ни размеров его финансовой империи, ни принадлежавшей ему собственности. Даже планета, на которой он родился, была неизвестна. Тысячи служили ему, но выжили только семеро, и никто из этих семерых ни разу не видел его.

Этого беглеца от закона звали Конрад Бланд, и в данный момент он находился в относительной безопасности.

## ГЛАВА ПЕРВАЯ

*...Если убили одного — вы убийца,  
если убили миллионы — вы завоеватель,  
если убиваете всех — вы бог.*

Конрад Бланд

Орест Мела проходил мимо змей, скорпионов, слонов и лемурув, мимо восьминогих рептилианских антилоп, желеобразных веганских хищников и бронированных монстров, завезенных сюда со Спики. Он мельком глянул на это многообразие и искренне позавидовал тому, с какой легкостью вся эта живность приспосабливается к парниковому климату Серенгети — зоологической достопримечательности Терразанского сектора галактики.

Он поднял было руку, собираясь стереть пот, градом кативший по полному рыхлому лицу, но вовремя опомнился. Ему вовсе не хотелось лишний раз привлекать внимание к маленькому дипломату, прикованному прочной цепочкой к запястью.

Мела тщательно сверился с картой зоопарка. Необходимый ему птичий заповедник находился в восьми километрах отсюда. В другое время он бы наверняка решил немного прогуляться, но только не сейчас. В такую жару даже красоты Серенгети не могли соблазнить Мелу на подобный марш-бросок. И уж тем более не хотелось являться на деловую встречу мокрым и запыхавшимся. Он огляделся по сторонам и, заметив кибер-такси, взмахом руки остановил машину.

Уже через несколько минут такси высадило его у заповедника — места проживания многих тысяч пернатых, собранных со всех концов Галактики. Предъявив билет Мела вступил под купол защитной сетки, натянутой над извилистой узкой дорожкой, которая петляла

между вольерами, предоставляя любопытным возможность наблюдать за жизнью птиц в их естественной среде обитания. И все полтора километра недолгого путешествия он тщетно пытался притерпеться к резким непривычным запахам.

Вскоре он вышел к маленькому летнему кафе, несколько неуместному и слишком будничному среди этого буйства растительности, пестрых красок, резких птичьих голосов. Круглая площадка, огороженная невысоким барьером, и ничего лишнего: деревянные столы, скамьи и бар-автомат. Да и народу немного: всего лишь четыре посетителя и дряхлый старик в засаленной униформе уборщика, медлительно копошившийся за дальним столиком.

«Кто же из них?» — гадал про себя Мела, опускаясь за свободный столик. Двух парней он отвел сразу — слишком молоды. Женщина тоже мало подходила на эту роль, хотя окончательно сбрасывать ее со счетов не стоило. Оставался последний — высокий атлет с холодными серыми глазами и глубоким шрамом на левой щеке. На него Мела и остановил свой выбор. Наблюдая за парнями, он краем глаза успел заметить, как порыв ветра сорвал со стола атлета пустой бумажный стаканчик. Расплескивая капельки сока, он закувыркался в воздухе, но коснуться земли так и не успел: скупым, расчетливым движением, не переставая вытирать губы салфеткой, гигант подхватил его на лету и снова поставил на стол.

«Ну что ж, — подумал Мела, довольный собой, — кажется, я не ошибся». Он колебался, прикидывая, как лучше затеять разговор с атлетом, но тот вдруг поднялся, потянулся с грацией дикой кошки и удалился, оставив Мелу в полном замешательстве. Усилием воли Мела подавил первый порыв кинуться за ним вдогонку и остался сидеть, терпеливо выжидая, что произойдет дальше. Через несколько минут двое юношей поднялись с мест и ушли, о чем-то весело болтая, а следом скры-

лась и женщина. Недоумевая, Мела огляделся по сторонам. Неужели его встреча срывается?

И тут к столику подковылял старый уборщик.

— Не возражаете, если я на минутку присяду здесь перевести дух, сэр? — продребезжал старикан. — От этой проклятой поденной работенки, сэр, в горле то и дело першит.

— А не могли бы вы пересесть за другой столик? — раздраженно бросил Мела, даже не удостоив уборщика взглядом. — Я жду приятеля.

— Положим, уже не ждете, — придвигая без спроса стул, уверенно заметил уборщик, и старческая хрипотца неожиданно исчезла, словно ее никогда и не было.

Мела ошеломленно уставился на морщинистое лицо.

— Джерико?! — выдавил он наконец.

Уборщик кивнул.

— Черт меня побери! — ошарашенно воскликнул Мела.

— Ну что, перейдем к делу? — осведомился старик.

— Как, прямо здесь? — хмуро спросил Мела, оглядываясь по сторонам.

— Нам здесь никто не помешает, — заверил Джерико. — Я об этом позаботился.

Мела с деланным равнодушием пожал плечами.

— Вы что, специально выбрали для встречи этот мир? — поинтересовался он, кладя дипломат на стол и набирая кодовую комбинацию.

— Просто мне еще не доводилось бывать в Серенгети.

— Странно, — сказал Мела. — Ведь чтобы, так сказать, набить руку, лучшего места не найти. Здесь пока еще торгуют охотничьими лицензиями.

— Я никогда не убиваю ради удовольствия, мистер Мела, — сухо заметил Джерико, пристально оглядывая собеседника.

— Что ж, тогда к делу. — И Мела положил на стол несколько пухлых пакетов. — Вот это, — пояснил он,

взяв упаковку с дискетами, — то, что он совершил. А это, — он положил руку на одиночную дискету, — содержит все, что мы знаем о нем лично. Здесь сведений набирается всего на две минуты чтения, и это за восемнадцать лет деятельности, — добавил он, многозначительно взглянув на Джерико. — Фактически мы до сих пор не имеем даже представления, мужчина это или женщина. В конце концов Конрад Бланд — всего лишь одно из его имен, но у него, несомненно, есть и другие.

— Наверняка, — откликнулся Джерико, складывая руки на груди.

— Вам, без сомнения, потребуется их все изучить, — сказал Мела, пододвигая дискеты через стол. — Я получил на вас временный допуск к этим документам, так что забирайте с собой.

— Не надо, — отозвался Джерико, не делая ни малейшего движения.

— Не надо? — изумился Мела. — Но здесь ведь все подробности о Новой Родезии, вся необходимая информация о Бориге, Квантосе, Пилоре и...

— Мне совершенно безразлично, что там делал Бланд на Бориге и в других мирах, — равнодушно заметил Джерико.

— Но позвольте, разве вас не интересует, что представляет собой человек, с которым вам придется иметь дело? — упорствовал Мела. Тяжело отдуваясь, он наконец сдался и позволил себе роскошь расслабиться. Он достал из кармана платок и тщательно отер потное лицо.

— Судить — не мое дело, — возразил Джерико. — Вы хотите видеть его мертвым и платите мне гонорар. Для меня этого вполне достаточно. Я всего лишь послушный исполнитель.

— Уточняя: вы профессиональный наемник, — холодно вставил Мела. — И мы наняли вас для ликвидации преступника, которого местные власти по тем или иным причинам не желают выдать Республике.



Порыв ветерка принес резкий запах птичьего помета, и Мела брезгливо поморщился, прикрыв платком нос.

— Кстати, о вас нам известно даже меньше, чем о нем, — намекнул он многозначительно.

— Вполне достаточно того, что я на вашей стороне. — Джерико по-прежнему оставался невозмутимым.

— Страшно представить, скольких из нас вы убили за прошедшие годы, — бросил Мела с горечью. — Мне лично отвратительна сама постановка вопроса: нанимать одного убийцу для казни другого.

— Однако же вы здесь, — констатировал Джерико.

— Не забывайте: я подчиненное лицо. У меня нет выбора — приказ есть приказ. Между прочим, Джерико — это ведь не настоящее ваше имя? — Хотя Мела и понимал, что спрашивать бесполезно, но просто не мог не полюбопытствовать.

— Это имеет какое-нибудь значение?

— В общем-то, нет, — признался Мела. — Хотя сдается, это просто кодовая кличка. Да и на самом деле вы гораздо моложе, чем кажется.

Джерико молчал, бесстрастно глядя на собеседника. В его темных глазах, спрятавшихся под козырьком форменной кепки, невозможно было заметить каких-либо эмоций.

С минуту Мела выжидал, затем озадаченно тряхнул головой.

— Черт! — сказал он. — Признаться, я ожидал встретить кого-то более похожего на убийцу.

— И на кого же, по-вашему, должен походить убийца? — тихо поинтересовался Джерико, вопросительно вскидывая бровь.

— Вы прямо-таки сливаетесь с обстановкой, — продолжал настаивать Мела, поражаясь собственной горячности. — Средний рост, средний вес, никакого акцента. Сними с вас этот грим, и вы, наверно, окажетесь об-

разцовым средним гражданином Республики из числа потомков земных колонистов.

— Я настоятельно рекомендую вам перестать интересоваться моей внешностью, — довольно жестко предупредил Джерико. — Вы меня видите сегодня в первый и последний раз.

— Но мне же необходимо знать ваш предполагаемый облик, чтобы предупредить наших людей на местах, — озадаченно пояснил Мела.

— Поверьте, в этом нет необходимости, — мягко осадил его Джерико.

— Но ведь планета окружена военным кордоном, — возразил Мела — Как же вы туда попадете?

— Так же, как попал сюда, — сухо заметил Джерико — Кстати, вы напомнили мне, мистер Мела. На орбите вокруг Серенгети я засек семнадцать военных звездолетов Республики, и на поверхности планеты находится никак не меньше трехсот агентов. Совершенно очевидно, что они здесь не для вашей безопасности и уж тем более не для отражения реального или воображаемого нападения. — Какую-то секунду Джерико молчал, в упор глядя на Мелу. — Таким образом, мне остается предполагать, что они здесь для сбора информации обо мне, на тот случай, если вы вздумаете арестовать либо физически устранить меня по завершении нашей сделки. Должен предупредить: стоит кому-нибудь из граждан Республики вторгнуться в мои частные дела после этой нашей встречи, я буду рассматривать это как нарушение конфиденциальности. В таком случае я буду считать себя вправе расторгнуть контракт в одностороннем порядке. Сами понимаете, тогда ни о каком возврате гонорара и речи не может быть. Кстати, я надеюсь, вы не забыли принести его с собой?

Мела торопливо кивнул, вынул из дипломата титановый цилиндр и передал его Джерико. Тот отвинтил крышку, высыпал драгоценности на ладонь, мельком

взглянул на переливчатые огоньки камней и снова спрятал в контейнер.

— Почему бы вам не осмотреть камни повнимательнее? — с раздражением заметил Мела.

— Мистер Мела, я не новичок и не собираюсь приступить к делу до тех пор, пока их не оценят эксперты и не переведут в валюту.

— И сколько времени на это уйдет? — требовательно спросил Мела, стараясь перекрыть внезапно поднявшийся птичий гомон.

— Гораздо меньше, чем вы предполагаете, — ответил Джерико уклончиво. — А теперь к делу. Мне надо кое-что знать о Бланде.

— А у меня уже создалось впечатление, что вы не нуждаетесь в нашей информации, — колко заметил Мела.

— Вся эта резня на планетах мне абсолютно безразлична, — сказал Джерико, переводя рассеянный взгляд с раскрасневшегося потного лица Мелы на ястреба, уносившего в когтях бывшего тукана. — Логика диктует, что, если бы Республика не потеряла огромное количество агентов, вы бы никогда не прибегли к моим услугам. Итак, сколько человек пытались убить Конрада Бланда и почему все они провалились?

— Всего мы забросили двадцать три агента: пятнадцать одиночек и четыре группы по двое, — нехотя признал Мела. — И все исчезли без следа.

— Кого конкретно?

— Гордость нашей Республики, — не без самодовольства заметил Мела. — Включая и Райнхарда Гюнтерманна.

— Прекрасная идея, — не без сарказма прокомментировал Джерико, — поручить Бланда старому, заезженному боевому коню.

— Прошу прощения, — резко оборвал Мела, едва сдерживая возмущение. — Не забывайте, Гюнтерманн — герой битвы за Канфор VII.

— В которой он принимал участие на флагмане огромной армады, — сухо вставил Джерико. — И ребенку ясно, мистер Мела: сумеет флот добраться до Бланда, вы не обратились бы ко мне, а я бы не позволил вам себя разыскать.

— Вы не позволили бы?.. — ошарашенно повторил Мела, так и не закончив фразы, и тут же невольно поморщился, когда порыв зловонного ветра напомнил ему, в каком месте приходится вести эти злосчастные переговоры.

— Разумеется, — поддакнул Джерико. — Вот уже почти год, как я наблюдаю за вашими неуклюжими попытками выйти на меня. Надо заметить, в них больше упрямства, чем профессионализма. Ваша настойчивость и отчаяние, с которым вы хватаетесь за малейшую возможность контакта, убедили меня, что дело наверняка касается Конрада Бланда.

— И вы были уверены, что мы обратимся за этим именно к вам? — было видно, насколько раздражает Мела подобная мысль.

— Рано или поздно, — невозмутимо подтвердил Джерико.

— И вам, конечно, просто не терпится проявить себя, — попытался уколоть его Мела.

— Ничего подобного, — ответил Джерико. — Мне не терпится получить награду за соответствующий труд.

— Двадцать три прекрасных человека отправились на задание, не помышляя ни о какой награде вообще, — с горечью констатировал Мела.

— И кому от этого польза? — равнодушно заметил Джерико. — Вы мне лучше скажите, эти ваши агенты, они погибли на той планете, где сейчас находится Бланд?

— Нет, — сказал Мела. — Мы преследуем его по пятам уже пятый год. Первую попытку мы предприняли на Лодине, последние две — на Бареймусе II, еще одну — на Белсанидоре, три — на Нимбусе VIII и так далее.

— Мне потребуется досье на всех агентов, — заявил Джерико. — Я хочу знать их специальности, навыки, предыдущие достижения в подобных операциях, если они были...

— Это все здесь. — Мела демонстративно указал на упаковку с дискетами. Только теперь Джерико небрежным движением руки придвинул ее к себе.

— Не стоит так нервничать, мистер Мела, — проговорил Джерико. — Аванс вы в любом случае обратно не получите. Независимо от ваших чувств ко мне в наших общих интересах, чтобы я успешно завершил свою миссию.

— Я здесь по приказу, — холодно ответил Мела. — Я готов сотрудничать с вами во всем, но вовсе не считаю, что это должно мне нравиться.

— Довольно честно, — признал Джерико, кидая несколько крошек птице, терпеливо дожидавшейся на другой стороне вольера. — А теперь, пожалуй, самое время поговорить о планете.

— Название — Вальпургия, — начал Мела. — Вальпургия III, если говорить точно.

— Ну, об этом мне уже сообщили, — прокомментировал Джерико. — Но мне не удалось найти ее в звездных атласах. Ее что, недавно открыли?

— Ее заселили за последнее столетие. А в атласах она значится как Зета Тау III, — охотно пояснил Мела, чувствуя, как раздражение отступает.

— Вальпургия, — задумчиво повторил Джерико. — Любопытное название.

— Сам мир тоже весьма любопытен, — вставил Мела. — Настоящий рай для психологов.

— В каком смысле? — спросил Джерико.

И хотя выражение его лица не изменилось, Мела впервые за все время разговора ощутил некий интерес, пусть мимолетный, едва заметный, но все-таки интерес.

— Во времена великих звездных открытий, — начал объяснять посланец Республики, углубляясь в привычную для него информацию, — любая организация, вплоть до клубов по интересам, могла свободно заселять планету-другую. «Дженерал комбайн» застолбил четыре, «Юнайтед силикон» — парочку планет, и даже «Иисус Чистейший» выцарапал себе маленький мирок.

— «Иисус Чистейший»?

— Церковь Чистоты Иисуса Христа, — пояснил Мела. — Было найдено такое невообразимое количество миров, пригодных для обитания, что даже мелкие религиозные секты принялись делать заявки.

— И кто же подал заявку на Вальпургию? — спросил Джерико.

— Колдуны.

— Да вы шутите! — Уголки рта Джерико слегка дрогнули.

— Уверю вас, и не думал, — ответил Мела, снова повышая голос из-за громкого щебета растревоженных птиц.

— Но ведь колдовство — нонсенс.

— Такой же нонсенс, как вера в чистоту Иисуса Христа, — ответил Мела невозмутимо. — Но факт остается фактом. — Он демонстративно пожал плечами. — Всевозможные ковены\* и сатанинские культы, объединившись, решили заселить Вальпургию, и заявку одобрили.

— Ну хорошо, — кивнул Джерико. — Пускай верят в колдовство. Затруднение-то в чем?

— Да в том, что Конрад Бланд бежал на Вальпургию и попросил там политическое убежище. — Мела вновь отер рыхлое лицо, ставшее красным, как помидор. — Бог мой, ну и духота!

— Я по-прежнему не вижу проблемы, — заметил Джерико, возвращая собеседника к теме разговора. — Планета входит в состав Республики, разве не так?

---

\* Группы, состоящие из тринадцати ведьм.

Все гораздо сложнее, — возразил Мела, отдуваясь. — Колонисты на Вальпургии поклоняются злу, если не на практике, то по крайней мере в принципе. У них есть законно избранное светское правительство, но на деле всем заправляют теократы-сатанисты. Они-то и не хотят выдавать Конрада Бланда. Возможно, нам бы следовало применить силу, но после памятного вторжения на Радиллекс IV в настоящее время у нас просто связаны руки. — Мела аккуратно сложил платок и спрятал в нагрудный карман костюма.

Джерико задумчиво кивнул. Он хорошо помнил все, что было связано с событиями на Радиллексе IV. Этот мир дал приют двум бежавшим преступникам. Когда Республика потребовала их выдачи, планета наотрез отказалась. Тогда вмешался флот. И когда наконец пыль осела, три миллиона колонистов были перебиты, а сама Республика пережила невиданный социальный взрыв, погасить который удалось, только сменив правительство. И теперь новое руководство весьма болезненно относилось к демонстрациям силы против любой из планет своего сектора. Тем более что хватало чуждых миров, действительно нуждавшихся в применении военной силы.

— Вальпургии объявлено эмбарго, даже установлен военный кордон, — продолжал Мела со вздохом. — Впрочем, пользы от этих мер пока никакой. Особой интенсивностью торговли с Республикой Вальпургия никогда не отличалась.

— И вы убеждены, что он по-прежнему там? — спросил Джерико.

— Сквозь наши патрули и мышь не проскочит, — сказал Мела не без гордости. — Он там. В частности, совсем недавно по этому поводу состоялись секретные переговоры со светским правительством.

— И?..

— Они просили... буквально умоляли нас покончить с ним.

— А почему? Они дали объяснения? — Мела лишь отрицательно покачал головой. — Тогда мне понадобится информация: туристические проспекты, путеводители, исторические учебники, словом, все, что у вас есть по Вальпургии, — сказал Джерико после паузы.

— Ничем таким мы не располагаем.

— Что, даже карт нет?

— Топографические есть, а вот дорожных атласов нет, — уточнил Мела. — Насколько я понимаю, первые колонисты считали себя угнетенным меньшинством и полностью порвали всякие отношения с Республикой. Иммиграция и эмиграция все это время строго ограничивались, никакой торговли с планетами Республики, да и с инопланетянами, если на то пошло. Добровольно пошли на высокие налоги взамен воинской повинности, повсеместный государственный контроль обмена видеоинформацией. Да что там, на Вальпургии до сих пор не признают универсальных кредитных карточек — по-прежнему пользуются архаичной валютой из долларов, фунтов, иен и рублей.

— Понятно, — сказал Джерико. — В настоящий момент у вас там есть кто-нибудь?

— Только один, если он еще жив, — ответил Мела. — Резидент по имени Ибо Убусуку.

— Где его штаб-квартира и как с ним войти в контакт, если возникнет необходимость?

— Он выходил на связь лишь раз, — отозвался Мела. — Убусуку закрепился в городе Амаймоне, что в Южном полушарии. С ним можно связаться через страничку рекламных объявлений, там, на дискете, указано. Со времени заброски он не выходил в эфир и, надо думать, лег на дно,



поскольку нынешняя политика Республики не слишком популярна на Вальпургии.

— Устно найдется что-нибудь добавить, мистер Мела? — спросил Джерико.

— Возможно, — ответил Мела, — но, к сожалению, я не вправе.

— Тогда, — заключил Джерико, вставая, — полагая, можно считать нашу встречу оконченной. И прошу вас, не делайте попыток проследить за мной.

— Погодите, осталось последнее, — торопливо встал Мела, поднимаясь. — Я уполномочен предоставить в ваше распоряжение любое оружие, имеющееся в наших лабораториях.

— Я уверен, что все необходимое отыщется на планете.

— Но ведь у нас богатейший выбор, — запротестовал Мела.

— Мистер Мела, — глядя на него в упор, с расстановкой произнес Джерико, словно взвешивая каждое слово. — Может, вас это удивит и даже разочарует, но существует множество людей, которые стреляют или владеют приемами рукопашного боя лучше меня. Вы ведь нанимаете не снайпера и не заурядного боевика. Вы нанимаете исполнителя вашей воли. Благодарю вас, но я найду все, что мне необходимо, на самой планете.

Орел с алым оперением бесшумно спикировал на траву и, злобно заверещав, подцепил когтями какую-то зверушку. Мела невольно оглянулся на шум, и, когда вновь обернулся к собеседнику, человек, называвший себя Джерико, уже исчез.

## ГЛАВА ВТОРАЯ

*Убийство одного человека — это лишь проявление страсти, массовая резня — уже целое искусство.*

Конрад Бланд

На первый взгляд этот мир ничем не отличался от остальных, но к выполнению задания Джерико подготовился на совесть. Техническая сторона оказалась самым легким пунктом программы. Он без труда подрегулировал корабельную систему, чтобы снизить гравитацию и поднять содержание кислорода в атмосфере, воссоздав точные условия Вальпургии. Теперь он мог не опасаться выдать себя нежелательным проявлением избыточной силы или легким состоянием опьянения, вызванным высокой концентрацией кислорода.

Три недели полета Джерико провел, скрупулезно прорабатывая весь материал, который ему удалось обнаружить в литературе по различным сатанинским культам Земли, вплоть до того момента, когда сто двадцать три года назад они были полностью переселены на Вальпургию III. Но поскольку всякое общество было живым, развивающимся организмом, Джерико не без оснований полагал, что эта разрозненная информация вполне могла оказаться устаревшей и архаичной, и потому придется импровизировать, полагаясь на собственную интуицию.

Сочтя предварительную подготовку законченной, он перешел к следующему этапу плана. Состав республиканских кораблей, блокировавших Вальпургию, постоянно менялся. Спустя три дня один из вновь прибывших звездолетов стал медленно сходить с орбиты из-за неполадок в навигационной системе, и для устранения неисправности ему пришлось осуществить посадку на по-

верхность планеты. Никто из членов экипажа не подозревал о присутствии Джерико на борту звездолета, никому и в голову не пришло, что неисправность была тщательно рассчитана так, чтобы они приземлились именно в Южном полушарии, и тем более ни одна живая душа не видела, как он покинул звездолет после наступления темноты.

Под покровом ночи Джерико обследовал город, раскинувшийся за пределами космопорта. В первую очередь его интересовали магазины. Благодаря основательному осмотру витрин он довольно быстро выяснил, что местные жители не носят никаких видимых знаков отличия, и это несколько упрощало его пребывание на Вальпургии. Немного оглядевшись и приспособившись к обстановке, Джерико принялся методично вскрывать двери лавчонок, прихватывая где рубашку, где брюки и куртку, где носки или деньги. Несмотря на уверенность, что никто не видел его на территории космопорта, он на всякий случай изменил внешность и превратился из пухленького блондина лет тридцати в худощавого мужчину лет пятидесяти. Он представления не имел о местных прическах — манекены в витринах наверняка отставали от моды — и поэтому остановил свой выбор на вполне обыденных, ничем не примечательных редяющих каштановых волосах с проплешиной на затылке и сединой на висках. Он решил обойтись без усов и бороды, но зато не поленился изобразить себе шрам от верхней губы до нижней челюсти.

Почувствовав себя в относительной безопасности, он вновь двинулся боковыми улочками, неторопливо продвигаясь к центру города, а заодно внимательно присматриваясь ко всему, что попадалось на пути. Он встретил множество магазинов и лавок, специализировавшихся на продаже культовых предметов, и несколько больше, чем в любом республиканском городе подобных размеров, всяческих будок хиромантов, френологов и гомеопатов.

На витринах многих магазинчиков, торговавших обычным товаром — одеждой, бакалеей, хозяйственной мелочью и прочим, — были нарисованы или вырезаны кабалистические знаки, бросавшиеся в глаза куда сильнее, чем вывески на фасадах. Да к тому же между вещами, выставленными напоказ, почти везде лежали заговоренные амулеты. Однако нигде он так и не увидел рекламы стопроцентного избавления от проклятий или объявления о дешевой распродаже девственниц для жертвоприношения. Это обстоятельство довольно сильно обеспокоило его. Было бы гораздо легче внедриться в общество, активно формирующееся, выставляющее напоказ символы собственной веры, чем остаться незамеченным в обществе, где эти верования настолько укоренились, что символы отступали на второй план.

Слева, всего в нескольких метрах, слышались голоса. Джерико быстро вжался в дверной проем. Мгновением позже мимо прошли несколько гологрудых одинаково одетых женщин в резиновых перчатках до плеч и сапогах до бедер. Стеная и причитая, они распевали нечто похожее на псалом, хотя язык был непонятен. Две из них несли крошечные носилки, на которых лежал труп кошки, явно побывавшей под колесами многотонки.

Было ясно, что хоронили кошку — дьявольскую пособницу ведьмы. Но Джерико никак не мог понять смысла одевания плакальщиц и объяснить отсутствие зевак мужского пола.

Он прошел еще квартал и снова юркнул в укрытие, когда из-за угла показались двое в плащах с надвинутыми капюшонами в сопровождении трех мужчин, одетых в стандартные деловые костюмы. Насколько Джерико мог понять, они вели между собой оживленный спор о каком-то спортивном событии, хотя деталей уловить он так и не сумел. Похоже, никто из них не осознавал резкого контраста их одежд.

Джерико пропустил их и только тогда двинулся по улице, мысленно отмечая детали городской жизни. Нигде он не заметил валявшегося мусора или грязи. Омытые тротуары поблескивали в ярком свете фонарей, мусоросжигатели стояли на каждом углу. Однако то и дело попадались совершенно очевидные признаки обветшания: кляксы заплат на проезжей части, отвалившаяся штукатурка на фасаде здания, маленький захиревший магазинчик, на который, вероятно, уже давно махнули рукой, собираясь в скором времени снести и на этом месте выстроить нечто из стекла и бетона.

Буквально на каждом шагу он наткнулся на церкви и молитвенные дома, по большей части — явное подражание неоготическому стилю, правда, довольно нелепое и гротескное. И эту картину довершали козы, свободно пасшиеся на лужайках.

Проходя мимо одной такой церкви, Джерико слышал нечленораздельные крики и стоны, доносившиеся из-за закрытых дверей. В окнах другого культового сооружения он успел разглядеть парочку обнаженных фигур, иступленно отплясывавших под приглушенную какофонию. Однако знакомиться с этими заведениями более близко у Джерико не возникло пока никакого желания. Он благоразумно решил подождать, пока не накопит достаточно информации о религии и традициях этого мира. Так, например, вход в одну маленькую церквушку преграждала стена огня. Джерико не слишком позавидовал прихожанам, которым, по-видимому, приходилось проявлять недюжинную ловкость, перепрыгивая пламя, чтобы попасть в святилище и отдать дань своему богу или демону.

Только перед самым рассветом он добрался наконец до делового центра города и не спеша зашагал по улицам, с интересом наблюдая, как открываются лавки и магазинчики. Затем Джерико решил купить местную газету. Он прошел пять газетных автоматов, убедившись,

к облегчению, что действительно находится в Амаймоне. Но ни одним из них он так и не воспользовался, опасаясь, как бы, бросив не ту монету, не привлечь к себе ненужного внимания. Наконец ему попался газетный ларек с живым продавцом, и Джерико выложил крупную купюру, получив взамен газету, пригоршню мелочи и полную анонимность.

Затем он заглянул в обшарпанное кафе и заказал на завтрак чашку кофе и рогалик, у которого оказался до неприятного непривычный вкус. Следующим пунктом программы было жилье. Джерико двинулся по улицам, обходя стороной большие гостиницы, поскольку не знал, какого рода информацию они могут потребовать от случайного постояльца. Он предпочел бы снять комнатку где-нибудь в частном доме, но знал, что подобные поиски неизбежно привлекут ненужное внимание. Идя наугад, он свернул на боковую улочку, где дома давным-давно потеряли прежний лоск. Через полчаса блужданий он наткнулся на второсортную гостиницу из разряда тех, где обычно платят не за сутки, а по часам.

— Имя? — спросил скучающий портье.

Джерико огляделся и, убедившись, что холл пуст, назвал себя, внимательно следя за реакцией:

— Конрад Бланд.

Портье и глазом не моргнул:

— Да ты не говори, приятель. — Он подал Джерико регистрационный журнал. — Запиши здесь.

Джерико, взял ручку и нацарапал имя так неразборчиво, что если потом эксперты и заинтересуются его каракулями, то попотеть им придется изрядно.

— Багаж?

— Только то, что на мне.

— Замечательно, — поддакнул портье. Он передал Джерико полоску бумаги с кодом номера: — Принадлежите ли вы к Культуре Мессии либо Церкви Ваала? — Джерико отрицательно покачал головой. — Хорошо, но

если вы являетесь приверженцем культов, требующих жертвоприношения животных, то обязаны уведомить администрацию, и вам предъявят дополнительный счет. Вижу, что свечей у вас нет, но на всякий случай предупреждаю: никаких там горящих свечей! Понятно?

— Понятно, — покладисто согласился Джерико. — Где мой номер?

— Я еще не закончил, — раздраженно заметил портье. — Любые амулеты на стенах будут считаться собственностью гостиницы. Любое ритуальное оружие, обнаруженное горничной в вашем номере, будет считаться собственностью гостиницы. Никаких посетителей после полуночи, какого бы пола они ни были. И плата за неделю вперед.

— А что, если я съеду раньше? — спросил Джерико — не потому, что жалел деньги, а потому, что любой на его месте задал бы этот вопрос.

— Подадите соответствующую заявку.

— Не нравится мне все это, — проворчал Джерико.

— Тебя сюда никто на аркане не ташил, умник. Не нравится — иди на все четыре стороны.

Джерико негодуяше уставился на портье.

— Сколько? — после долгой паузы спросил он.

Портье хитро улыбнулся. Такой разговор повторялся раза по два на дню, и он знал каждое слово, каждый жест наизусть.

— Семьдесят стерлингов, — сказал он, протягивая огромную лапищу.

Джерико повернулся к нему спиной, отсчитал деньги и, подавая их портье, демонстративно сунул оставшуюся пухлую пачку в карман.

— Приличную сумму при себе держите, — прокомментировал портье, пристально глядя на Джерико. — Да и одежда, видать, прямо из магазина.

— Повезло, — буркнул Джерико, внимательно следя за реакцией.

— Ну уж если они вдруг станут вам оттягивать карман, — заметил портье, — то могу порекомендовать пару местечек... за определенную мзду, разумеется.

— Посмотрим, — ответил Джерико. — Как там на счет моего номера?

— Комната триста десять, — сказал портье. — Третий этаж и по коридору налево. Лифт сломан, поднимайтесь по лестнице.

Джерико кивнул. Проходя к бетонной лестнице, он покосился на лифт. Похоже, тот действительно был сломан, и далеко не вчера. Минуту спустя он добрался до отведенного ему номера, набрал код и вошел.

Комнатенка была почти пуста: узкая постель с мягким покрывалом в пятнах, поцарапанный комод с зеркалом, стул и ночной горшок. Джерико выдвинул верхний ящик комода, надеясь обнаружить телефонный справочник, но нашел лишь колоду гадальных карт тарото, дешевенький экземпляр «Молота ведьм» да какое-то непонятное сочинение того времени, когда человечество было приковано к Земле. Ни радио, ни телефона, ни телевизора. Ничего, что свидетельствовало бы о бурной жизни общества. Совмещенный санузел располагал лишь химическим туалетом да сухим душем того же типа, что на звездолетах. Трудно было понять: то ли на планете не хватало воды, то ли гостиница просто сэкономила.

Закончив детальный осмотр номера, Джерико присел на краешек постели и принялся бегло просматривать приобретенную газету. Она представляла собой несколько листов, которые вряд ли могли во всех деталях поведать о жизни большого города. Это означало, что большая часть новостей все-таки распространялась на кассетах и по видео. Стало быть, из газеты ему в лучшем случае удастся почерпнуть информацию о первостепенных событиях, но не детали местного колорита.

Передовица оплакивала экономику, которая развивалась несколько хаотично и совсем не удовлетворяла



запросы тех, кто ее контролировал. На первой же странице гордо красовалась и редакционная статья, которая умудрилась в одиннадцати абзацах разнести в пух и прах всю текущую политику Республики, нынешнюю блокаду и военную мощь, ни разу не упомянув при этом Конрада Бланда. Третья страница кратко уведомляла, что Братство Ночи и Посланцы Мессии закрывают свои филиалы в городе Тиферете, а быстрый просмотр финансовой странички показал, что рынок ценных бумаг в Тиферете по иронии судьбы приказал долго жить еще месяц назад.

Может, за этим не скрывалось ничего, кроме временных финансовых затруднений, но совпадение двух разрозненных фактов уже само по себе заставляло задуматься. Не было ли это все результатом деятельности Конрада Бланда? Как знать? Судить по столь мизерной информации, да еще добытой из столь ненадежного источника, просто не представлялось возможным. Однако Джерико мысленно отметил, что первым делом следует нанести визит в Тиферет.

И портье, и передовица упоминали самые разнообразные культы и секты, и, повинаясь интуиции, Джерико обратился к рекламным объявлениям. Страницы так и пестрели названиями теологических общин — Посланцы Мессии, Церковь Преисподней, Дочери Наслаждения, Церковь Ваала, Орден Голема, Сестры Греха, Церковь Сатаны... Смутные опасения сбылись: надежда, что можно будет легко и не привлекая внимания усвоить догмы какой-то из церквей, под натиском многочисленных названий лопнула как мыльный пузырь.

Джерико тяжело вздохнул. За назойливо кричащим обилием вывесок угадывался истовый фанатизм. Вперемежку с объявлениями о купле-продаже мебели и разной недвижимости время от времени попадались объявления, предлагавшие защиту от злых и добрых сил,

амулеты, восковые куколки, любовные привороты и эликсиры бессмертия.

Просмотрев объявления и получив наглядное представление о состоянии собственных финансов, Джери-ко принялся перечитывать газету заново, более внимательно, теперь уже старательно выискивая сообщения о кражах, тех самых, которые он совершил сегодня ночью на окраине Амаймона. К своему удивлению, никаких заметок Джери-ко так и не нашел. Впрочем, времени прошло слишком мало, полиция могла только теперь получить сообщения от владельцев магазинов. Однако в процессе поиска он сделал другое открытие, которое в одинаковой степени как озадачило, так и встревожило его: о преступности на планете не упоминалось вообще. Чтобы город с населением в четверть миллиона мог обойтись без ежедневной порции убийств, грабежей и насилия, поверить было трудно, тем более на планете, где все это возводилось в ранг религии. Отсюда следовало одно из двух: либо новости подвергались тотальной цензуре, либо сама концепция преступности претерпела здесь существенную метаморфозу. Джери-ко склонялся к первому варианту. Ни одно из обществ, известных ему, — как бы оно ни воспевало поэзию зла, — не могло полностью игнорировать преступность, не впадая при этом в анархию. И хотя ему пока приходилось лишь по слабым намекам догадываться об устоях данного общества, явных признаков существующей анархии за время своих блужданий по городу он не видел.

Существование же цензуры на правительственном уровне было ему только на руку. Раз светское правительство обратилось — пусть и неофициально — за помощью к Республике, значит, Бланд прочно обосновался на этой планете. И теперь становилось ясно одно: нельзя было свести операцию к простой и привычной процедуре — определить убежище, войти туда под каким-нибудь предлогом и пристрелить Бланда. Вряд ли тот сумел бы до-

браться до Вальпургии и выжить, не располагая тщательно продуманной системой безопасности. А все это значило, что Джерико придется искать окольные пути, терять время. Он пока понятия не имел, насколько эффективна здесь полиция, какими ресурсами она располагает, но было приятно сознавать, что, похоже, не в интересах местных властей афишировать его деятельность.

Наконец, исчерпав газетную информацию, он отбросил ее, растянулся на постели и уснул. Проснулся Джерико только в сумерках, когда духота и жара летнего дня отступили, сменившись приятной вечерней прохладой. Он принял душ, тщательно побрился, загримировался и отправился на поиски ресторана. Джерико выбрал не приметное заведение, где сидела публика, одетая так же скромно, как и он. Неторопливо расположившись за свободным столиком, он потратил несколько минут на изучение меню, как добропорядочный гражданин, заботящийся о пищеварении. Одновременно он не забывал присматриваться к завсегдатаям. Заказав обычный ужин и минут за двадцать расправившись с ним, он вновь отправился на прогулку по городу, внимательно прислушиваясь к обрывкам разговоров, но, так и не получив необходимой информации, взял билет в кинотеатр.

Джерико искренне надеялся хотя бы здесь разузнать какие-нибудь подробности о традициях, вкусах и обычаях незнакомого ему общества, однако и здесь его постигло очередное разочарование: ничего нового о Вальпургии ему почерпнуть так и не удалось, поскольку в основе фильма оказался тривиальный, любовный сюжет со всеми избитыми страстями. Джерико так и не понял, почему во время сеанса зрители начинали истерично хохотать всякий раз, когда героиня приносила жертву Вельзевулу. Насколько он мог судить, фильм попадал в разряд исторического романа, но, похоже, изобиловал множеством несусветных глупостей и неточно-

стей. Каких — сам Джерико определить не мог, а спрашивать никого не решился.

Выйдя из кинотеатра, Джерико отправился по гостиницам, за час успев снять три номера, каждый раз подписываясь именами, взятыми из титров увиденного фильма. Вернувшись наконец в свою гостиницу, Джерико спустя десять минут вышел оттуда грузным мужчиной средних лет с огненно-рыжей шевелюрой. В этой личине он обошел два соседних бара, откуда вскорости был выставлен за пьяный дебош, после чего забрел в круглосуточный ресторан, явно желая протрезветь за парой чашек черного кофе. Когда полчаса спустя он нетвердой походкой покинул благословенное заведение, то вместе с ним исчез и нож для бифштексов. На эту пропажу никто не обратил внимания.

Желая убедиться в степени расторопности местной полиции, а заодно получить представление о своих шансах на удачу, Джерико отправился на охоту. В двух кварталах от ресторана он наметил себе жертву. Добропорядочный обыватель лет пятидесяти не спеша прогуливался по тротуару в полном одиночестве.

Джерико крался за ним след в след, точно хищник в джунглях, избравший легкую добычу. Без видимой торопливости, не прибавляя шага, он неумолимо сокращал расстояние. Через десять минут их разделяло только двадцать метров, потом — десять, потом — пять, потом — удар, стремительный и неожиданный, как укус скорпиона.

Любитель ночных прогулок не успел издать ни звука, не успел почувствовать боли, даже понять, что его горло перерезано. Он умер, прежде чем его ноги подкосились и тело тяжело осело на камни мостовой.

Теперь Джерико оставалось только терпеливо дожидаться реакции, словно средневековому алхимику, добавившему в насыщенный раствор необходимый катализатор.

## ГЛАВА ТРЕТЬЯ

*Какую бы жестокость вы ни замыслили, главное при этом не мораль, а само воплощение.*

Конрад Бланд

Красная свеча на пятиугольном столике из обсидиана в углу кабинета бросала багровые отсветы на статуэтку богини Кали. Джон Сейбл неторопливо опустился на колени и вознес молитву Азазелу, затем, по-прежнему не поднимаясь с колен, он зажег оставшиеся две свечи, сопровождая этот ежедневный ритуал неизменными молитвами Асмодею и Ариману. Выпрямившись в полный рост, он поднял над столиком амулет, очертил в воздухе знак пяти и наконец сел за рабочий стол. Со вздохом облегчения откинувшись на стуле, Сейбл мысленно поругал себя за нерасторопность и дал слово в будущем взяться за себя как следует и перестать просыпаться по утрам. Тогда ему уже больше не придется возиться на рабочем месте со всеми этими ритуальными формальностями, как сейчас, например.

Немного посидев, он нажал клавишу селектора:

— Узнали что-нибудь о мертвеце?

— Угу, — донесся ответ, — Парнелл Барнем, возраст пятьдесят семь лет, жил на проспекте Отчаяния, восемьсот тридцать четыре. По профессии сварщик.

— К какой секте принадлежал? — нетерпеливо поинтересовался Сейбл, всем телом подаваясь вперед. Он чувствовал, что в нем нарастает напряжение, как случалось всякий раз, когда дело, порученное ему, оказывалось достаточно интересным и сложным.

— Посланцы Мессии.

— Фу ты, мерзость, — брезгливо поморщившись, пробормотал Сейбл и утопил другую клавишу. — Соедини-те-ка меня с Бенито Вертуччи по видеофону.

Обождав минутку, пока налаживалась связь, он повернулся к экрану, который располагался сбоку от стула.

— Мистер Вертуччи, говорит Джон Сейбл.

— Я вас помню, — произнесла высокая фигура в черном, надвинутом на глаза капюшоне.

— Я считал, что мы договорились, — перешел в наступление Сейбл.

— Вы это о чем? — поинтересовался Вертуччи.

— Два ритуальных убийства в год, — сдерживая гнев, напомнил Сейбл. — И ни трупом больше. — В его голосе звучала холодная решимость.

— Так мы положенную квоту и выполнили, — невозмутимо возразил Вертуччи. — И оба раза мы, как полагается, ставили в известность ваш департамент.

— Тогда объясните мне гибель Парнелла Барнема. — Сейбл нетерпеливо побарабанил пальцами по столу.

— Имя мне незнакомо, — сухо отпарировал Вертуччи.

— Между прочим, ведь он член вашей секты! — отрезал Сейбл. — Во всяком случае, был таковым еще до вчерашнего дня, пока ему не перерезали глотку. Убийство пока еще остается тяжким преступлением даже здесь, в Амаймоне. Мы согласились смотреть сквозь пальцы на ритуальные убийства вашей секты и Церкви Ваала с тем условием, что все это не выходит за их пределы. А теперь вы переступили черту, и уж я вас прищучу.

— Послушайте, вы упускаете одну немаловажную деталь: в нашем культе не принято кромсать людям шеи, ни ритуально, ни как-нибудь еще, — заметил Вертуччи довольно миролюбиво. — Ведь вы об этом говорите, да? Поверьте, здесь я целиком на вашей стороне и буду очень рад, если вы найдете убийцу, детектив Сейбл.

— Вы согласны пройти обследование на детекторе лжи?

— Буду только рад пойти вам навстречу.

— Учтите, мы применим максимальную дозу, — холодно предупредил Сейбл, чувствуя, что негодование и гнев в нем потихоньку утихают.

— Сатана милостив, — кротко откликнулся Вертуччи. — Присылайте вашего помощника в любое удобное для вас время.

— Ждите через час, -- пообещал Сейбл, отключая связь.

Он ткнул очередную клавишу на селекторе:

— Пусть кто-нибудь проведет допрос Бенито Вертуччи на детекторе, а заодно уточните, не возникали ли отклонения при исполнении обрядов убийства в отделениях секты Посланцев Мессии. Да, и предупредите Лэнгстона Дэвиса, что я хотел бы с ним повидаться.

Сейбл вытащил сигару, собираясь прикурить, но тут же сообразил, что тогда придется угощать Дэвиса. Он с невольной усмешкой спрятал сигару, грустно иронизируя, что теперь даже шеф отряда детективов начинает на собственной шкуре ощущать тяготы инфляции.

Дэвис явился на зов почти сразу. Высокий, худой мужчина лет тридцати пяти с желтоватой, словно пергаментной кожей, с намеком на бородку, которую он пытался отрастить, впрочем, без особого успеха.

— Звал? — поинтересовался он, придвигая стул и усаживаясь без приглашения.

— Ты все утро занимаешься расследованием смерти Барнема, так? — без всяких предисловий спросил Сейбл.

Дэвис кивнул, выжидаяще глядя на шефа:

— Дело проще пареной репы, Джон, парень явный мессианец, и, по-моему, тут нечего огород городить.

— А если я скажу, что Бенито Вертуччи наотрез отвергает обвинение и даже согласен подвергнуться проверке на детекторе лжи? — Сейбл вопросительно уставился на Лэнгстона.

— Блефует, — уверенно ответил Дэвис.

— А я вот засомневался, — возразил Сейбл. — Кое-кто уже занимается этой версией, но мне кажется, это все-таки не ритуальное убийство.

— Да не может быть! — Дэвис отрицательно покачал головой, хмуря брови. — У него же фактически ничего не пропало. В кошельке осталось три тысячи иен, да увесистый золотой амулет на шее в придачу. Ограблением это и не пахнет.

— Может, ссора на любовной почве! — предположил Сейбл.

— Хороша ссора, — выдавил Дэвис, не то со смешком, не то подавившись. — Мужик жил совершенно один, и немудрено: ведь, по утверждению медиков, последние лет двадцать он был импотентом.

— Так, может, именно это и легло в основу ссоры, — невозмутимо продолжал гнуть свое Сейбл.

— Я проверю, но, кажется, ты занимаешься ерундой, — сказал Дэвис. — Кстати, у тебя где-нибудь здесь случайно не завалялась одна из твоих замечательных сигар?

Сейбл иронично улыбнулся и церемонно вынул портсигар. Одну сигару он подал Дэвису, другую прикурил сам.

— А как на работе у Барнема, проверил? Проблемы есть? — попыхивая сизым ароматным дымом, лениво поинтересовался Сейбл.

— Сомнительно, — небрежно пожал плечами Дэвис — Несколько лет назад мужик унаследовал кругленькую сумму. Небольшую часть пожертвовал своей секте и себе оставил на спокойное житье-бытье. Пару раз даже отказывался от повышения по службе, поскольку ему, как видно, нравится нынешняя работа. — Дэвис выпустил к потолку очередное аккуратное дымное колечко. — Честно говоря, мне как-то трудно представить, чтобы человек, который запросто позволяет другим обскакать себя по служебной лестнице, вдруг ни с того ни с сего заимел бы кучу врагов.

— Что он делал вчера ночью?

— Сыграл в ящик.



— Ну а перед этим? — с досадой спросил Сейбл.

— Понятия не имеем, — ответил Дэвис. — Он жил один, питался в кафе... Может, торчал в каком-нибудь баре или смотрел киношку. Может, был на заседании своей секты. Они, конечно, станут открещиваться, но я уверен: у них наверняка рыльце в пушку. Перерезали глотку по какой-то причине, да и бросили на улице.

Сейбл медленно покачал головой.

— Нутром чую, сатанисты тут ни при чем. Ты и сам знаешь, убийств хватает, но все они очевидны — либо ритуальные, либо ограбление, либо ревность, а тут... что?

— Жалко, что ты забросил вуду, когда женился на Сибоян, — заметил Дэвис с саркастической ухмылкой. — Вот бы сейчас пригодилось. Насколько мне помнится, обряды там в самый раз для того, чтобы выслеживать преступников.

— Подводит тебя память, — сказал Сейбл сухо: ему не понравилось это насмешливое замечание. — Вуду как и любая другая религия: болтовни много, а результатов чуть.

— Да, ты не устаешь мне об этом напоминать, — с улыбкой заметил Дэвис, — а факт остается фактом: вуду по-прежнему одна из популярнейших сект.

— Почти каждый негр непременно начинает с вуду, — ответил Сейбл. — Но рано или поздно мы вырастаем из этой религии. На мой взгляд, это слишком варварская секта. Но может, мы все-таки вернемся к теме нашего разговора, какой бы дикой она ни казалась.

— Сказать правду, не такое уж варварское убийство, — заметил Дэвис. — Быстро, эффективно, профессионально. Не думаю, что Барнем хоть что-нибудь почувствовал.

— Проверь на всякий случай местные бары и рестораны, — велел Сейбл коротко, словно бы пропуская мимо ушей утверждение подчиненного. — Может, драка какая, заварушка, свара. Я займусь Посланцами Мессии, но, похоже, это тупик.

— Еще что? — спросил Дэвис.

— Ах да, — вспомнил Сейбл. — Проверь, не сводила ли счета Церковь Ваала с Посланцами Мессии. Вдруг убийство Барнема использовано для предупреждения, хотя уж эта версия откровенно дика.

Дэвис вышел из кабинета. Сейбл откинулся на спинку стула, закинув руки за голову и наслаждаясь ароматом сигары.

Чем больше Сейбл размышлял об этом деле, тем загадочнее и непонятнее оно ему казалось. Он прекрасно осознавал, что послал Дэвиса перелопачивать пустые варианты, но уж такова его работа: хочешь или нет, а приходится прорабатывать все, даже самые, казалось бы, безнадежные версии, стараясь не оставлять ни одной лазейки для преступника. Даже если Барнем и был принесен в жертву Церковью Ваала, то они этого на себя не брали. Странная забывчивость, если учесть обстоятельства дела. И Сейблу отнюдь не верилось, что они могли оказаться столь рассеянны или боязливы. Он искренне верил в упорядоченность Вселенной, в которой все происходит по каким-то определенным, вполне конкретным причинам. Скорее существовал некий избыток мотивов, чем его недостаток. И исходя из собственного профессионального опыта, Сейбл знал, что, действуя методично и целеустремленно, он рано или поздно вскрыет тот единственно верный мотив и все встанет на свои места.

Если говорить строго, в этом-то как раз и заключалась суть его работы: не позволять хаосу человеческой психики захлестнуть рутину ежедневной жизни. Могло быть и хуже. Он по крайней мере жил на планете, где естественная агрессивность расы направлялась в духовные отдушины, а не подавлялась до такой степени, что насилие начинало проявляться самым неожиданным образом, и уже за одно это он был благодарен судьбе.

Его размышления прервал звонок Сибоян, которая кратко проинформировала, что их младший сынишка подхватил грипп, и попросила захватить у гомеопата асафетиду и вервену, а заодно и церемониальные свечи, если будет время. Он добросовестно все записал, добавил строчку об игрушке для мальчика и, коротко объяснив жене, что сегодня занят, отключился.

Как и следовало ожидать, Вертуччи не лгал. И этот простой факт загонял следствие в тупик.

Весь день к Сейблу стекалась информация. Орудие убийства не найдено. Церковь Ваала за последнее время ни с кем не конфликтовала. Ритуальные убийства Посланцев Мессии неизменно осуществлялись ударом ножа в сердце жертвы, лежащей на алтаре. Отпечатков пальцев на трупе не обнаружено. Барнем обедал в «Петухе» — недорогом ресторанчике в центре города, но где он находился потом, в последние три часа, не известно. Рыжий толстяк, которого никто не знал, затеял скандалы в двух соседних барах, откуда его и выставили. Он был наверняка в большом подпитии и едва держался на ногах. Вряд ли он мог самостоятельно добраться до дома, уж не говоря о каком-то убийстве. Эта версия казалась Сейблу самой бесперспективной, хотя и ее стоило бы проверить. На работе Барнем был всеобщим любимцем. Вот уже два десятилетия, как Барнема не видели в обществе женщин, в гомосексуальных связях он тоже замечен не был. Арендная плата за дом уплачена за три месяца вперед, сбережения в местном банке лежат на депозите.

Все эти факты сами по себе ровным счетом ничего не стоили. Но отрицательный результат — тоже результат. Сдаваться Сейбл не собирался, в его практике встречались дела и посложнее. Мотив должен существовать. Сейбл кожей чувствовал, что это не было делом рук сумасшедшего или религиозного фанатика. Обстоятельства гибели несли на себе печать хладнокровного профес-

сионализма. И именно это больше всего тревожило инспектора.

В глубине души он даже пожалел, что в прошлом с такой эффективностью разыскивал любых убийц. Теперь бы над ним не висело это дело или уж на худой конец, смилив гордость, его можно было бы причислить к ряду нераскрытых.

Сейбл работал шефом отдела детективов уже семь лет, и его послужной список был идеален: сорок три убийства, сорок три ареста, сорок три приговора. Однако весь его прошлый опыт сейчас оказался бесполезен, он пока не находил ничего такого, за что в этом деле можно зацепиться.

Сейбл зажег другую сигару — уже четвертую за день, заметил он виновато, — и сконцентрировался на фактах.

Хорошо, Посланцы Мессии тут ни при чем.

Церковь Ваала тоже отпадает. Любовники обоего пола отпадают. И грабитель отпадает.

А что же тогда остается?

Он оперся локтями на стол, опустил голову на руки и вдруг подскочил как ужаленный. Бланд?! Несколько секунд он размышлял над этой идеей, а потом отверг ее. Бланд все еще находился в Тиферете, и кроме того, Вальпургия была на его стороне. Более того, они единственные в Республике, кто еще остался на его стороне. Уж Бланд-то не дурак затевать что-то против них.

Ну хорошо, если не Бланд, то кто?

И если убийство не связано с прошлыми событиями, то с чем еще его можно связать?

Он невидяще уставился на стену перед собой, взвешивая варианты один за другим.

Внезапно его осенило: невероятная, дикая мысль пришла в голову, но где-то там, в глубине души, где обитала его интуиция, он чувствовал, что попал на верный след.

## ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

*Страдания не приносят пользы, но  
зато радуют глаз.*

Конрад Бланд

Отправив на тот свет прохожего, Джерико прошелся по всем четырем гостиничным номерам, которые снял накануне, и принялся методично оставлять следы своего пребывания, стараясь создать впечатление, будто и впрямь заночевал там. Затем он вышел в ночь, ограбил пару магазинов и перебрался в «Талисман» — гостиницу средней руки. Здесь он проспал до полудня, позавтракал на углу, купил одежду поимпозантнее и с более внушительными ярлыками, избавился от украденной и провел день за просмотром видео. Он сосредоточился на мыльных операх, надеясь узнать побольше о привычках и традициях Вальпургии.

Однако все, что он увидел, только озадачило и запутало его еще больше. Безусловно, между остальной Республикой и Вальпургией существовали отличия, но слишком тонкие, едва уловимые и какие-то эфемерные. Его не очень удивило, что пожелание «Gezundheit!», то есть здоровья, когда кто-нибудь чихал, считалось оскорблением, поскольку этим людям была противна сама мысль изгонять бесов из тела. Но он, как ни пытался, не мог понять, почему молитва Велиалу вызывала смех, в то время как точно такая же молитва Ваалу исторгала слезы у аудитории. Или почему одинокая женщина покорно соглашалась на секс с одним персонажем в черном плаще и тут же смертельно оскорблялась, когда другой просто пытался взять ее за руку.

Существовал культ Ктулу — насколько он помнил, сей демон был просто-напросто выдумкой, — однако при этом никто не обожествлял предводителя всех леги-

онов ада. Некоторые актрисы на экране обнажались полнее, чем в дешевеньких порнографических фильмах, другие же закутывались с головы до ног. Однако он никак не мог проследить зависимость поведения от одежды и наоборот.

Просмотрев с полдюжины всяких шоу, Джерико понял, что придется воспользоваться помощью Ибо Убусуку, чтобы разобраться во всех тонкостях этого общества. Ему не хотелось обнаруживать свое присутствие ни для кого, даже для разведчика Республики, но слишком уж много оказалось разных областей, в которых он чувствовал себя совершенным невеждой. С такими скудными знаниями, как у него, Джерико вряд ли мог приступить к своему плану и отыскать Бланда.

Он взглянул на часы и решил проверить, что же подделывает полиция. Как ему казалось, времени прошло вполне достаточно, чтобы понять, что это не простое убийство. Если к вечеру полиция не кинется искать рыжего толстяка, затеявшего скандалы в барах, а к следующему дню не отыщет четыре гостиницы, где толстяк остановился, то опасаться ее не придется. Если же они выйдут на пьяницу еще днем, то из тактических соображений ему лучше узнать об этом как можно раньше.

Используя свои приемы, Джерико довольно быстро превратился в плотного блондина, решив сделать эту внешность ключевой на время пребывания в Амаймоне. Он вышел из гостиницы и двинулся по направлению к первой из тех таверн неподалеку, где побывал предыдущей ночью.

Не успел он пройти и трех кварталов, как к нему пристал какой-то мужчина в алых одеяниях с пачкой листовок и драгоценным амулетом, болтавшимся на худой шее.

— Будьте добры, гражданин, — сказал агитатор, — позвольте предложить вам листовку. — И он сунул листок прямо под нос Джерико.

— Давайте, — сказал Джерико, с улыбкой забирая листовку.

— Ваше мнение о Конраде Бланде? — продолжил собеседник.

— Представления не имею, кто он такой, — ответил Джерико.

— Но вы слышали о нем?

— Так, мельком.

— Наша позиция — и позиция всех остальных сект, — что Бланд является спасителем Вальпургии, — горячо говорил агитатор. — Это все отражено в нашей листовке.

— От чего же Бланд спасает Вальпургию? — поинтересовался Джерико.

— От козней и происков Республики. Вы же, наверное, слышали, они потребовали его выдачи, и мы отказались.

— Я не читаю газет.

— В газетах этого не найдешь, — сообщил алый балахон. — Правительство — светское правительство — настроено против Мессии. Они хотят выдать его Республике, но Совет сект надавил, и оно уступило.

— Так в чем проблема?

— Так они в отместку наложили лапу на службу новостей. Третью населения даже не знает, что Бланд на Вальпургии. Может разразиться война, и вот мы пытаемся проинформировать население.

— Тогда я обязательно почитаю вашу листовку дома.

— Для этого мы и работаем, — бодро сказал агитатор и устремился за новым прохожим.

Джерико бегло проглядел листок. Ничего нового о Бланде там не сообщалось. По сути, это была прокламация, превозносившая его достоинства как истинного воплощения зла, но словно ненароком забывавшая упомянуть конкретные деяния, на которых основывалось данное утверждение.

Но хотя прокламация ничего не поведала о Бланде, она довольно красноречиво давала представление о расстановке политических сил на Вальпургии. Теократия не была столь всемогуща, как убеждал Мела, иначе она бы не пыталась завоевать симпатии общества с помощью дешевых трюков. Светское правительство, по-видимому, до сих пор довольно крепко держало в руках бразды правления и уж наверняка контролировало средства массовой информации, по крайней мере в данном вопросе, и оказало теократии неожиданное противодействие. Но наиболее интересным заключением из всего этого было то, что обыватель, обычный человек с улицы, ни спасать, ни укрывать Бланда явно не собирался. И действительно, большинство прохожих понятия не имели, кто такой Бланд, как, в частности, тот разбитной портье из первой гостиницы.

Завернув за угол, Джерико швырнул прокламацию в первый же мусоросборник. Затем он прошел по знакомой улице и, увидев бар, в котором учинил скандал вчера вечером, решил войти. Здесь ничего из ряда вон выходящего не происходило, наплыва полиции не наблюдалось, а большинство завсегдатаев еще не окончили работу. Джерико сразу нашел свободное место, сел напротив зеркала, заказал традиционную кружку пива и принялся потихоньку потягивать терпкий напиток, внимательно следя за входом через зеркало, которое отражало всю улицу.

Миновал час, второй. Джерико перестал нервничать и волноваться. Он привык к дремотной атмосфере бара и укрепился в своих предположениях. Спешить ему было некуда, он просто сидел и впитывал окружающую обстановку, отмечая про себя всякие мелочи. Он потому и был профессионалом, что все делал неторопливо и никогда не порол горячку.

День клонился к вечеру, и улицы постепенно заполнились машинами и прохожими, спешившими с рабо-



ты. И вскоре терпение Джерико было вознаграждено. Высокий худой мужчина с реденькой бородашкой стремительно вошел в бар.

Он прошел к стойке и, перегнувшись, о чем-то тихо заговорил с барменом. Бармен внимательно выслушал, пожал плечами, потом кивнул. Посетитель что-то добавил, и бармен яростно затряс головой.

Мужчина с бородой энергично оттолкнулся от стойки и, сделав несколько шагов, оказался на середине зала.

— Минутку внимания, — обратился он громко к присутствующим, демонстрируя поднятый над головой золотистый значок полицейского детектива. — Меня зовут Лэнгстон Дэвис, я первый помощник главы отдела детективов Джона Сейбла, и мы разыскиваем грузного мужчину с рыжими или светло-каштановыми волосами, который находился здесь прошлой ночью. Кто-нибудь из присутствующих помнит такого посетителя?

По залу пробежал недоумевающий шумок, посетители переглядывались, качали головами. Джерико хотел было встать и подойти к полицейскому, однако, немного поразмыслив, решил этого не делать. Рано или поздно полиция поймет, что им солгали и пустили по ложному следу, а поскольку только у одного человека есть причина лгать, то он лишь понапрасну раскроет свой козырь — способность менять личину.

— Разыскиваемый нами человек, вероятно, был весьма пьян, — не унимался Дэвис, со скрытой надеждой оглядывая зал. — Он либо зашел сюда из кабачка «Берлога дьявола», либо отправился отсюда туда. Нами объявлена награда за любую информацию об этом человеке.

— И сколько же вы за него обещали? — спросила женщина, сидевшая за столиком в одиночестве.

— Это будет зависеть от важности информации, мадам, — сказал Дэвис. — Смотрите, я оставляю визитную карточку у бармена на тот случай, если кто-нибудь захочет со мной связаться.

Реакции не последовало, и Дэвис, выждав немного, вышел прочь.

Джерико сверился с часами на стене. Прямо как по расписанию. Еще до темноты Дэвис наверняка успеет проверить «Берлогу дьявола» и ресторан. Возможно, ему действительно удастся выявить свидетеля, хотя это очень сомнительно. Дневные завсегдатаи баров и ресторанов обычно уже не появляются там в полночь.

Дэвис доложит о фактах по инстанции, и тогда они сообразят, что поиски свидетеля зашли в тупик. К вечеру обложат все гостиницы в районе, и по крайней мере к утру до них дойдет, что и этот след ведет в тупик. Затем последует методическая проверка: возьмут на заметку все недавно снятые номера гостиниц и примутся их обыскивать. И еще до обеда выявят все четыре снятых им номера.

Обычная рутина. Эффективно, но без вдохновения. Джерико позволил себе слабо усмехнуться.

Он уплатил по счету и вышел, чуть не столкнувшись в дверях с Дэвисом, который, отчаянно жестикулируя, спорил с кем-то, очевидно, с подручным.

— Не пойму, какого черта он от нас ждет? Как мы теперь должны действовать? — хотел знать Дэвис.

— Я мыслей не читаю, — огрызнулся тот в ответ. — Но он говорит, что мы только зря тратим время, поскольку этого толстяка в природе просто не существует.

— И он что, гостиницы тоже не собираются проверять? — продолжил Дэвис.

Джерико очень хотелось подслушать дальнейший разговор, но останавливаться и привлекать к себе внимание показалось ему более опасным. Можно было что-нибудь уронить и сделать вид, будто поднимаешь, но вместо этого, отказавшись от трюков, Джерико лишь прошел мимо и направился дальше по улице безучастной походкой постороннего наблюдателя.

Он не знал, кто это «он», о котором упоминали сыщики. Скорее всего шеф детективного отдела Сейбл. Но кто бы это ни был, уж слишком быстро он делал верные выводы. Похоже, этот шеф был из тех, кому пальца в рот не клади, и даром свой хлеб не ест.

Джерико вновь обошел свои четыре номера, методично оставляя память о себе, а затем вернулся в первую гостиницу и извлек дискету с информацией об Убусуку.

Факты оказались не столь уж обнадеживающими. Ибо Убусуку оказался мелким функционером дипломатической службы, который согласился принять работу на Вальпургии явно из желания выслужиться и продвинуться на пару ступенек вверх по служебной лестнице. Он был высокий чернокожий зулусского происхождения, с превосходным академическим образованием, но никакой подготовки в шпионаже, в подрывной работе и навыков подпольных диверсий не имел. И судя по данным отдела кадров, он ничего не знал ни о культах, ни о ковенах. Он подал заявление в бюро иммиграции Вальпургии официальным путем, был одним из двадцати светских просителей, принятых за последние два года, и вышел на связь со своим начальством лишь раз.

Суть его сообщения была проста: он не слышал никаких упоминаний о Конраде Бланде и не замечал никаких следов его присутствия на Вальпургии. Любой агент, желающий связаться с ним, должен был поместить объявление в центральной газете Амаймона о желании продать факсимильное издание «О ведьмах» на латыни с киноварными миниатюрами. Убусуку отзовется на номер, указанный в объявлении, и тогда будут согласованы время и место встречи.

Джерико отложил дискету и принялся анализировать сложившуюся ситуацию. Кто-то уже раскусил его личину и без нудного предварительного расследования. Ес-

тественно было предположить, что этот же человек станет ждать попытки связаться с местным законспирированным агентом. Он не мог знать, что законспирированным агентом был Убусуку, а если бы знал, то Убусуку уже давно попал бы в тюрьму и Джерико никак не сумел бы с ним связаться.

Джерико решил следовать своему первоначальному плану, основываясь на том сомнительном предположении, что Убусуку все-таки не попал под подозрение полиции. Если полиция до сих пор не вычислила связника и не знала, как перехватить сообщение через Убусуку, то можно было попытаться оборвать эту цепочку раньше, чем они успеют выйти на него. Полиция не могла прослушивать все видеофоны города, но Джерико уже сверился со справочниками и обнаружил, что Убусуку либо не имел видеофона вообще, либо не зарегистрировал номер. Этот Сейбл, похоже, не дурак и прекрасно сознавал, что наступает Джерико на пятки. Он наверняка не станет тратить время на всякие там видеофоны и почту. Безусловно, он предположит, что Джерико еще сам не знает местонахождение законспирированного агента, по той же логике, которая заставляла Джерико думать, будто Убусуку на свободе и до сих пор не замечен полицией.

Джерико откинулся на постели и, глядя на дилетантски намалеванную на потолке Черную Мессу, попытался представить себе следующий ход Сейбла. Детектив будет, конечно же, настороженно следить за всеми средствами общественной связи, включая и частные объявления в газетах. В объявлении, которое предлагал дать в газете Убусуку, не содержалось ничего подозрительного для полиции, но теперь, когда Сейбл догадывался, что Джерико может менять внешность, любой иногородний, давший объявление, подпадал под подозрение.

И все же Джерико не мог сделать следующего шага, не получив хотя бы элементарного представления о местных традициях. И он остановился на компромиссе: объявление даст, но не то, которое вызовет ответную реакцию Убусуку. Если за этим не последует официального интереса, то он вызовет Убусуку на связь через день-другой.

Стоя перед зеркалом, Джерико сделал себе внушительную гриву седых густых волос. Покончив с гримом, он подправил ботинки, став на пару дюймов выше. Джерико не был уверен, что это поможет, поскольку полиция явно настроилась искать безликого хамелеона, ориентируясь на фигуру и телосложение. Но все-таки был шанс, что они станут разыскивать более низкого мужчину. Джерико никогда не стал бы блистательным профессионалом, если бы не уделял огромное внимание подобным мелочам.

Под новой личиной он прошел шесть кварталов до районного филиала местной газеты и дал объявление о поиске блондинки, с которой познакомился на вечеринке две недели назад. Заплатил наличными, указал адрес гостиницы, вход в которую был виден из его окна, и вернулся в свой номер. Джерико побрился, ополоснулся, немного подремал и восстановил привычную внешность. После этого он подтянул кресло к окну и принялся следить за отелем на противоположной стороне улицы. Он дожидался того момента, когда же полиция начнет проверять гостиницы, внимательно наблюдая за всеми, кто входил и выходил из здания. Одновременно он пытался поставить себя на место Сейбла и предугадать, каким же будет ответный ход.

## ГЛАВА ПЯТАЯ

*Нет музыки слаще, чем стоны умирающих.*

Конрад Бланд

Как Сейбл ни пытался, ему не удавалось освоиться с внешними проявлениями богатства. Вот и сейчас он сидел скованный, откинувшись на спинку кожаного виброкресла, и гадал — время или нет раскурить сигару. Он был готов поспорить на что угодно — стоит ему только испросить разрешения, как хозяин тут же предложит взамен более дорогую марку. Его взгляд обежал роскошные апартаменты, заставленные массивной мебелью под дуб — хотя толком не поймешь, с этих аристократов станется и настоящую мебель поставить, — множество разукрашенных драгоценностями предметов антиквариата, прекрасно исполненные акварели и остановился наконец на литой из золота статуе крылатого Люцифера, который, казалось, посмеивался над чем-то тайным, необъяснимым.

— Что предпочитаешь сегодня, Джон? — спросил по-французски Пьер Вешински, высокий, представительный, с иголки одетый господин — идеал вальпургийского аристократа. — Ликер, пилюлю счастья или, может, что-нибудь более экзотическое?

— Сойдет и кофе, — сказал Сейбл.

— Ба, уж это совсем на тебя не похоже, — с улыбкой заметил Вешински. — Что стряслось со знаменитой жаждой Джона Сейбла?

— С жаждой знаменитости ничего не случилось, просто я сейчас по делу, — улыбнулся Сейбл.

— Да? — Вешински вопросительно поднял бровь. — Ты знаешь, я всегда рад тебя видеть у себя дома. Но если это деловой визит, то почему здесь, а не в офисе?

— Я пытался к тебе пробиться, но твои чиновники принялись гонять меня по кругу.

— Ну, я с ними потолкую, — пообещал Вешински ровным тоном.

— Да и не только они. Ни одна шишка из правительственного аппарата, похоже, не желает снисходить до беседы со мной. И поскольку я знаю тебя уже лет пятнадцать, я решил заглянуть к тебе на огонек и потолковать о текущем политическом моменте.

— Ты знаешь, я всегда рад помочь тебе. Так в чем же проблема, Джон?

— Пьер, у меня есть все основания полагать, что Республика подослала своего агента на Вальпургию для убийства Конрада Бланда.

Сейбл подсознательно ждал какой-нибудь реакции вроде того, что Вешински сделает рога дьявола или произнесет какое-нибудь заклятие, но его аристократичный собеседник отпил из бокала с таким видом, будто они обсуждали погоду.

— Почему же тебе понадобился именно я?

— Но ты же член городского совета, — заметил Сейбл.

— А при чем здесь это? — удивился Вешински.

— Да вот у нас возникли кое-какие трудности — никак не можем получить документы по делу, — пояснил Сейбл. — Подшивки документов, архивы и все такое. Никто прямо в лицо не отказывает, но время тянут. А у меня, боюсь, не больше двух суток, чтобы найти убийцу.

— Удовлеть мое любопытство, Джон, — попросил Вешински, подняв горбатого идола со стола и задумчиво вертя его в пальцах. — А на чем, собственно, строится твоя уверенность, что ты имеешь дело именно с наемным убийцей?

— Позавчера у нас в городе произошло одно убийство.

— Да? И кто же убит? Наш общий знакомый?

— Имя не имеет значения. Важно другое: в совершенном убийстве виден почерк профессионала, а с другой стороны, мы до сих пор не можем установить никаких явных мотивов преступления.

— Из чего ты тут же сделал вывод о присутствии в Амаймоне республиканского агента? — расхохотался Вешински, порозовев. Он поставил идола на стол, поднялся, прошел по мохнатому ковру к бару и налил себе бокал.

Сейбл покачал головой:

— Нет, из этого можно только заключить, что в городе появился профессиональный убийца. Но когда наша стандартная процедура не смогла выявить никаких дополнительных свидетельств, мы решили расширить поиски и, представь себе, обнаружили, что республиканский звездолет осуществил вынужденную посадку в космопорте за ночь до убийства.

— Что ж, если мне будет позволительно заметить, — вставил Вешински, возвращаясь к своему креслу и опуская бокал на подставку из оникса, — не кажется ли тебе, что эта цепочка слишком иллюзорна? Будь я на твоём месте, я бы забыл всю эту ерунду из одного только страха стать посмешищем.

— Но ведь это еще не все, — сказал Сейбл, обуздывая раздражение.

— Хвала дьяволу за добросовестность, — насмешливо произнес Вешински. — Джон, послушай совета старого друга. Брось это дело. Даже если ты и прав, Конрад Бланд за тысячи километров от нас. Выкинь его из головы. Это все не твоя забота.

— Да, но как же быть с Барнемом?

— Это еще кто?

— Парнелл Барнем — имя убитого, — пояснил Сейбл. — Убийца совершил преступление в Амаймоне, и так уж получается, что моя работа — раскрывать преступления в этом городе. Поскольку он мог осуществить



посадку в полудюжине других мест на планете, то могу предположить, что у него здесь связной. Как мне кажется, он в ближайшие два дня войдет с ним в контакт, и если мы его в это время не изловим, то потом он исчезнет из города.

— И что же ты предпринял? — спросил Вешински, испытующе глядя на Сейбла из-под полуопущенных век.

— Я установил слежку за всеми инопланетными иммигрантами, поселившимися в Амаймоне за последние два года. Будь у меня побольше людей, я бы охватил всех иммигрантов за последние пять, а то и десять лет, для большей надежности.

— Как быть, если связной твоего предполагаемого агента — уроженец Вальпургии? Такой вариант ты учи-  
тываешь?

— Гм, тогда будем считать, что нам не повезло.

— Тебе в любом случае не повезло. Ты все же не убедил меня в том, что убийца Барнема и агент Республики — одно лицо.

— Не беспокойся, факты у меня есть. Вчера он попытался дать частное объявление в газете. Видимо, это шифровка, по которой его должен узнать связной.

— И почему же ты так решил? — спросил Вешински, возвращаясь к бару за новой порцией напитка.

— Да потому, что в качестве адреса он назвал гостиницу «Ганновер».

— И?..

— Пьер, «Ганновер» — гостиница только для женщин, — сказал Сейбл, и в его глазах загорелись азартные огоньки, — наш убийца не знал этого. Он, безусловно, наблюдал за входом, видел мужчин, входивших в ресторан, в бар или поднимавшихся в номера. Но сам-то он там не был. Более того, хотя гостиницей владеют Сестры Греха, он не признал их талисмана, просто не знал, что он означает. Только инопланетянин мог допустить такую грубую ошибку. Когда в гостиницу по ви-

леофону позвонили пару раз, назвав его выдуманную фамилию, портье сообщил нам об этом. Убийца допустил первый промах.

— Да будет тебе, Джон, — усмехнулся Вешински. — Почему бы не решить, что это объявление — обычная шутка?

— Лично я ничего не знаю, — терпеливо объяснил Сейбл. — Я просто высказываю обоснованное предположение. Если я буду ждать, пока мне в руки попадут полностью обоснованные факты, этот агент уже успеет осуществить свою миссию и покинуть планету.

— Хорошо, Джон, — резко произнес Вешински. — Я задам тебе пару вопросов. Не возражаешь?

— Давай.

— Ты обнаружил какую-нибудь связь между Парнеллом Барнемом и Конрадом Бландом?

— Нет.

— У тебя есть какое-нибудь, хоть крохотное, доказательство, что некто покинул республиканский звездолет именно здесь, на Вальпургии?

— Нет.

— У тебя есть весомый повод полагать, что кто-то из иммигрантов работает на Республику?

— Только присутствие агента.

— Если он существует, этот агент, — поправил Вешински. — У тебя есть прямые доказательства, что правительственная администрация намеренно чинит тебе препятствия в исполнении твоих служебных обязанностей?

— Доказательства? Нет.

— Тогда не кажется ли тебе, что вместо дополнительных средств и людей тебе просто нужен основательный отдых? Я бы на твоём месте, Джон, поберег здоровье и не стал бы заниматься работой больше, чем того требуют непосредственные обязанности.

— Отпуск отпадает, — твердо сказал Сейбл. — У нас на руках нераскрытое дело, и убийца не так глуп, чтобы

дождаться, когда мы его изловим. Он выйдет на связного и потом отправится в Тиферет.

— Хорошо, если ты не желаешь брать отпуск сам, тогда мы отправим тебя в санаторий. Я прослежу, чтобы твой больничный оплатили полностью.

— Да что ты все печешься о моем здоровье? — взорвался Сейбл. — Ты бы лучше побеспокоился о Бланде. Независимо от того, веришь ты в мои доводы или нет, но в Амаймоне действует агент Республики, и Бланд — его цель.

— Ох, Джон, — сокрушенно вздохнул Вешински, — догадливость никогда не была твоей сильной стороной. Да, ты меня убедил, что все изложенные тобой аргументы — истина, но и ты прислушайся к тому, что я говорю.

— Ты о чем?

— Как ты находишь мой дом, Джон? — спросил Вешински.

— Дом-то твой тут при чем?

— Просто ответь на мой вопрос.

— Это замечательный дом.

— Это не просто замечательный дом, Джон, это дворец. В нем семнадцать комнат, видео в каждой комнате, камин и бары, ковры, предметы искусства, которые ты не можешь себе позволить на твою нищенскую зарплату, даже если бы она была больше в десятки раз. Четверо дворецких, две горничные, робот-эконом, прочая обслуга, личный врач. У меня...

— Я прекрасно знаю, что у тебя есть, — прервал его Сейбл. — Говори, к чему ты клонишь?

— А суть в том, дружище, что ничего этого я лично не приобретал. Я просто не совался куда не следует.

— Погоди-ка, Пьер, давай разберемся, — сказал Сейбл. — Ты хочешь меня подкупить, чтобы я не вмешивался в это дело?

— Ничего подобного, Джон, — отозвался Вешински. — Был убит человек, ты — глава отдела детективов, и, безусловно, твоя работа — раскрыть убийство.

— Но моя работа заканчивается в пяти тысячах километров от Тиферета, ты это хочешь сказать? — настойчиво гнул свое Сейбл.

— Ничего подобного я не говорил, — возразил Вешински. — Хотя, строго между нами, это, конечно, верно.

— Ты всерьез хочешь сказать, что правительству известно о готовящемся покушении на Конрада Бланда? И что они пальцем не пошевелият, чтобы предотвратить его?

— Ничего подобного я не утверждал.

— Но если бы мог, ты бы так мне сказал?

— Ерунда!

— Значит, я могу надеяться, что ты мне, поможешь с этим делом?

— Сделаю все, что смогу, — сдался Вешински.

Он вытащил из бара коробку, открыл и передал Сейблу шесть сигар в упаковке.

— Возьми с собой, мне кажется, они тебе понравятся.

— Не стоило бы брать, — заметил Сейбл, однако принял подарок.

— Ты сейчас не закуришь? — спросил Вешински, наблюдая, как Сейбл прячет сигары в карман.

— Марка слишком хороша, чтобы курить ее в рабочее время. Выкурю вечером.

— Пожалуй, я провожу тебя до двери.

— Я найду дорогу, — ответил Сейбл. — До свидания, Пьер.

— До свидания, Джон, — откликнулся Вешински, нажимая на кнопку и растворяясь за голограммой симфонического оркестра.

Сейбл вышел на улицу, подозвал служебную машину и уже через двадцать минут был в кабинете. Он поси-

дел в одиночестве, размышляя над тем, почему правительство не только не пугает, что возникла угроза Бланду, но, наоборот, оно приветствует появление здесь агента Республики. Такие мысли налипали на сознание, как старая шелуха. Сейбл даже тряхнул головой, словно желая сбросить этот груз, и вызвал в кабинет шестерых детективов: четырех мужчин и двух женщин.

— Ну и как прошла встреча с Вешински? — поинтересовалась одна из женщин, пока они усаживались.

— Не совсем гладко, — ответил Сейбл. — Что там насчет наших инопланетных путешественников?

Он хотел побеседовать с пятью амаймонскими коммерсантами, которые недавно побывали на других планетах. Дело в том, что если убийца не знал традиций Вальпургии, то Сейбл, никогда не покидавший планеты, и его подчиненные представления не имели о законах и традициях других миров. Он не знал, насколько их собственная жизнь отличается от жизни других цивилизаций.

Сейбл питал смутную надежду, что каким-то образом сумеет почерпнуть информацию о том, как отличить просто эксцентричное поведение от поведения чужака.

— Они составляют докладные, — сардонически отозвался Дэвис. — На что еще годятся эксперты?

— Когда они будут готовы?

— Понятия не имею. У меня создалось впечатление, что кое-кто из чиновников предпочел бы, чтобы мы не очень спешили.

— У меня тоже создалось такое впечатление, — сказал Сейбл. Он задумчиво оглядел сидящих перед ним детективов. — Хорошо, — начал он наконец. — Я не предсказатель, но у меня такое чувство, что к тому моменту, когда наше правительство решит пошевелиться, мы уже тихо скончаемся от старости. Позвольте мне предложить

вам несколько направлений, которых вам следует придерживаться в поисках.

Секунду Сейбл молчал, размышляя:

— Во-первых, забудьте о языке. Государственный язык Вальпургии совпадает с республиканским, к тому же у нас хватает своих диалектов. И если он говорит с акцентом, то ему лишь стоит сказать, будто он приехал из какой-нибудь далекой провинции. И он наверняка так и скажет.

Сейбл обвел собравшихся красноречивым взглядом:

— Во-вторых, забудьте про описание его внешности. Он искусный гример, и готов поспорить, что, как только вам покажется, будто вы установили его личность, он снова поменяет внешность.

— Так что же нам искать? На что обращать внимание? — спросила одна из женщин.

— На мелочи, — ответил Сейбл. — На детали, в которых он еще не успел разобраться. Не ждите крупных промахов. Этого он не допустит.

— Приведите пример, — не отставала она.

— Ладно. Если он дотошен к мелочам в своей работе, то горничная обязательно обнаружит сторевшие свечи и жертвоприношения. Но свечи могут быть расставлены необычно или жертвоприношение может быть совершенно необычным образом, нетрадиционно. Мне кажется, надо искать человека, который действует в духе традиций, но не следует букве этих традиций. Так, например, мы знаем, что человек, который делает знак пяти, никогда не сделает знак рогов дьявола или знак Сатаны. Но он, вероятно, этого еще не знает и не будет знать, пока не допустит ошибку, которую кто-нибудь заметит. Следует ожидать, что у него возникнут определенные затруднения с нашими символами: он может, конечно, вычислить, что человек с символом Сатурна на левой стороне груди принадлежит Ордену Голема, но он вряд ли сумеет узнать, что тот же самый знак на правой сто-

роне носят чародеи Церкви Преисподней. Увидев его на улице с этим талисманом, вы можете не догадаться, что это ошибка, но рано или поздно он зайдет не в ту церковь или сделает неверный жест, и кто-нибудь обязательно заметит это.

— Легче найти иголку в стоге сена, — заметил кто-то.

— Весь трюк в том, как подойти к проблеме, — отозвался Сейбл. — Вот возьмите ангельскую гадюку: смотри на нее хоть целый час, а в серебристых папоротниках ее не увидишь. Но стоит только моргнуть или взгляд отвести, и вот она — лежит себе, как какое-нибудь огромное толстое бревно. Так что заостряйте внимание на подобных бытовых мелочах. С каждой потерянной минутой он накапливает знания о нашем мире, и чем больше он узнает о нас, тем меньше у нас шансов его заметить.

— Не хочу показаться пессимистом, но все сказанное вами как-то не обнадеживает, — проговорил один из мужчин. — Может, натравить на него средства массовой информации? Глядишь, удастся обложить его со всех сторон. Начнет метаться, допускать ошибки...

Сейбл отрицательно покачал головой:

— Только не этот хищник. Уж чего-чего, а самообладания ему не занимать.

— На чем зиждется ваша уверенность?

— На том, что Республика дилетанта не пошлет. Мы имеем дело с человеком, для которого экстремальные условия — обычная рутина. Он чувствует себя как рыба в воде, и ему ничего не стоит затеряться в толпе. Вы только вдумайтесь: он уже успел сменить по крайней мере два имени, совершить убийство, и это при том, что прибыл он сюда, зная лишь пару абзацев из навигационного альманаха. Он допустил лишь один промах, и то весьма незначительный. — Сейбл обвел всех угрюмым взглядом. — Как вы думаете, сколько еще ошибок способен допустить подобный профессионал?

Ответа он и не ожидал, и через несколько минут его сотрудники молча вышли из кабинета.

— Думаешь, будет какая-то польза? — поинтересовался Дэвис, оставшийся в кресле.

— Кто знает... — пожал плечами Сейбл. — Но надо же что-то делать. Я готов выслушать любое предложение.

— Если бы у меня было хоть одно, — сокрушенно признался Дэвис.

Они просидели в молчании минут пять, потом позвонил Вешински.

— Привет, Джон.

— Привет, — буркнул Сейбл. — Признаться, не ожидал твоего звонка.

— Не было смысла откладывать, — ответил Вешински. — Я переговорил тут кое с кем и не вижу повода откладывать дела в долгий ящик.

— Ты можешь нам помочь?

— Нет, Джон, лично я не могу.

— Значит, кто-то еще?

— Щекотливый вопрос, Джон.

— Щекотливая ситуация, Пьер. Не забывай, мы имеем дело с наемным убийцей. Он уже зарезал гражданина Амаймона. И я не могу сидеть сложа руки.

— Я знаю, Джон.

— Если я его поймаю, нужно ожидать юридических проволочек?

— Сомнительно.

— Ты сомневаешься? — вспыхнул Сейбл. — Ты что, хочешь сказать, что такая возможность есть?

— Нет, Джон. Позволь мне высказаться более определенно. Никто не станет тебе мешать.

— Просто никто не будет мне помогать, так что ли?

— Ты уловил суть.

— Да в гробу я их всех видал, Пьер! — взорвался Сейбл. — Я ни хрена не знаю о Бланде, но уж свои-то



обязанности я знаю отлично, и передай своим друзьям, я долг выполняю.

Он отключил видеофон и принялся кругами вышагивать по кабинету, чувствуя себя словно зверь в клетке.

— Хорошо сказано, — заметил Дэвис.

— Не будь ослом, Лэнгстон, — отрезал Сейбл.

— Э?..

— Я знаю свои обязанности, — с сарказмом повторил Сейбл. — Проклятие, Лэнг, сейчас мои обязанности заключаются в том, чтобы сидеть и ждать, когда он укокошит кого-нибудь еще.

Он подошел к окну и уставился на извилистую улочку Амаймона, размышляя о том, что убийца, может быть, ходит где-то рядом. Им мог оказаться любой прохожий. А если нет, то где он? И что он сейчас делает?

## ГЛАВА ШЕСТАЯ

*Зло не нуждается в друзьях, и потому не ищет преданности.*

Конрад Бланд

Ибо Убусуку вышел из лифта и не торопясь направился по коридору к двери своей квартиры, где привычно набрал кодовую комбинацию на замке. В прихожей он повесил на эбонитовую вешалку плащ из красного атласа, прошел в кухню и поставил на стол две канистры вина, купленные по пути с работы. Из одной канистры он тут же налил себе в высокий фужер, кинул туда горсть кубиков льда из холодильника и прошел в комнату, собираясь немного почитать. Он переступил порог и замер: за столом восседал невысо-

кий блондин неприметной наружности и беззастенчиво его разглядывал.

— Эй, вы кто такой и что вам тут надо? — ошарашенно спросил Убусуку.

— Да вот мне показалось, вас непременно заинтересует факсимильное издание «О ведьмах» на латыни с киноварными миниатюрами, — ответил Джерико.

Убусуку откинул назад голову и расхохотался.

— Вы меня напугали до полусмерти! Почему вы не вошли со мной в контакт через газету?

— Я дал пробное объявление вчера днем — просто, посмотреть, будет ли реакция.

— И его засекли? — спросил Убусуку. — Да, не слишком-то удачна эта моя идея с прикрытием.

— Насколько я могу судить, никто ничего не засек, — ответил Джерико.

— Может, я что-то упустил, но коли объявление осталось незамеченным, то почему же вы не дали настоящего?

— Интуиция, — коротко ответил Джерико. — Конкретного ничего. Но что-то подсказывает мне, что второй раз лучше не пытаться, а я всегда привык доверять внутреннему голосу.

— Тогда как же вы нашли меня? — спросил Убусуку, предлагая Джерико напиток, от которого тот жестом отказался.

— Это было несложно. Я исходил из того, что где-то в городе должен быть список всех иммигрантов, и сразу же догадался, что уж на почте-то он обязательно должен быть. Поэтому я проник туда прошлой ночью, отыскал ваш адрес и пришел сюда.

— Вы действительно вломились в почтовое отделение? — с улыбкой спросил Убусуку, которого позабавила воображаемая ситуация.

— Пробрался — так будет точнее, — заметил Джерико. — Все осталось так, как было, ничего не пропало,

никаких следов, никаких отпечатков пальцев. Видеоомониторы у входа никого не зафиксировали.

— После чего вы прямиком направились ко мне. И залезли в мою квартиру, так?

— Ну положим, это было не так-то уж и легко, — возразил Джерико. — Сначала нужно было убедиться, что я не привел за собой «хвост» и никто за квартирой не наблюдает, а потом пришлось изрядно повозиться с вашим замком. Чтобы расшифровать код, мне понадобилось почти десять минут.

— Десять минут! — ошарашенно воскликнул Убусуку. — Вы хоть знаете, какую кругленькую сумму я выложил за эту систему?

— Да не переживайте, — невозмутимо утешил его Джерико. — Не думаю, чтобы кто-нибудь другой на этой планете мог бы вскрыть такой замок. Разве только взломом.

— Ну ладно, вы здесь в безопасности, с вами все в порядке, и это единственное, что имеет значение, — заметил Убусуку, стараясь смириться с мыслью, что Джерико без его ведома вломился к нему в дом. — Я почти год ждал, когда же наконец Республика кого-нибудь пришлет. Надеюсь, вам понравился Амаймон. Здесь хороший климат, да и люди...

— Я приехал сюда не развлекаться, — сухо парировал Джерико.

— Извините, — ухмыльнулся Убусуку. — Но должен сразу вас предупредить, чтобы вы избавились от стереотипов относительно колдовства и поклонения дьяволу. Они здесь будут только помехой.

— Вот как?

— Я думал абсолютно так же, когда прибыл сюда, — восторженно сказал Убусуку. — Мне казалось, они все тут помешались, режут младенцев на восходе полной луны, ну и всякое такое. Но это совсем не так. Я лучше присмотрелся к здешним людям, к тому, чем они

занимаются, чего достигли, и Бог свидетель... то есть, Люцифер свидетель, я поменял собственную веру!

— Да я уж вижу, — заметил Джерико, оглядывая комнату, полную предметов сатанинских культов. — Это первое частное жилище, в котором мне довелось побывать. Оно типично?

— Не для всех, — с ноткой гордости в голосе ответил Убусуку. — Только для моего культа.

Ибо поставил стакан на столик и принялся обходить комнату, то и дело указывая на предметы, которые имели для него особое значение.

— Видите бафомет? Во всех, конечно, есть козлиные головы, но такая борода характерна только для Ордена Голема. А этот большой перстень, похожий на непонятный талисман, — печать Соломона, печать моего культа.

— Скажите, все эти порнографические художества на стенах — это тоже религиозные символы? — улыбнулся Джерико.

— Вот именно! — радостно воскликнул Убусуку. — В некотором смысле мой Орден проповедует идеи гедонизма, что вообще характерно для культуры Вальпургии. Мы сознательно подходим к необходимости удовольствий в жизни человека, поэтому и окружаем себя всеми этими прелестями. Вот старушка Нелли. — Он любовно погладил картину, на которой совсем еще юная женщина занималась любовью одновременно с тремя человекоподобными пресмыкающимися. — Отдаю предпочтение этой картине. Она была написана одним парнем, который живет тут неподалеку. Если вам захочется с ним встретиться... Ах да, вам, конечно, это ни к чему. Извините, заговорил я вас совсем. Выкладывайте, какова ваша миссия и чем я могу вам помочь?

— Боюсь, что мое задание слишком секретно.

— Глупости, вам наверняка приказали убрать Конрада Бланда, так ведь?

— Почему вы так решили?

— Да бросьте! — Убусуку расхохотался. — А в чем еще может быть заинтересована Республика на этой забытой Богом планете? Полагаю, вам предстоит либо похитить его, либо уничтожить... Я бы только это приветствовал, если кого-то интересует мое мнение.

— И чем же он перед вами провинился? — поинтересовался Джерико, касаясь пальцами лезвий жертвенных кинжалов, на рукоятках которых были выгравированы изображения различных гадов: змей и ящериц.

— Чем? — переспросил Убусуку. — Да он просто мерзкий палач, с моей точки зрения, и все тут... Он не имеет ничего общего с сатанизмом.

— А разве Сатана не предполагает в себе палача?.. — вкрадчиво поинтересовался Джерико.

— Да нет же! — воскликнул Убусуку. — Вот видите, куда вас завело предубеждение! Мы веруем в наслаждения, в терпимость, в удовольствия. Конечно, мы не предлагаем подставлять другую щеку и далеко не привержены остальной келейной чепухе, но религия сатанизма основана на чувствах, а не на уничтожении их.

— Из чего я заключаю, что Бланд достиг своего сатанизма, уничтожая других людей, их чувства, — сухо прокомментировал Джерико.

— Вот поэтому-то если с ним что-нибудь и случится, я только восславлю Сатану, — сказал Убусуку, похоже, искренне не замечая нелогичность своего утверждения.

Джерико решил прекратить этот бессмысленный разговор. В конце концов он прибыл сюда не для теологических дискуссий.

— Давайте вернемся к предмету нашего разговора, — переменял он тему. — Вы можете мне помочь, если введете в традиции и нравы местного общества.

— Хотите знать историю или религию? — спросил Убусуку.

— Только не в сугубо академическом понимании. Мне нужны знания, которые бы позволили выглядеть естественно и ничем не отличаться от других жителей планеты. Я не могу себе позволить ошибки.

— И сколько времени в вашем распоряжении?

— Не знаю, — ответил Джерико. Все зависело от того, насколько близко подобрался к нему Сейбл. — Может, день, от силы два.

— Нет, так не пойдет, — сказал Убусуку. — Конечно, я могу растолковать вам, что собой представляют основные секты и чем они отличаются друг от друга в верованиях, что явилось главной причиной отступничества и как мы пошли по такому пути... Но я не могу сделать из вас настоящего жителя Вальпургии за пару дней.

— Я адаптируюсь очень быстро.

— Никто не в состоянии адаптироваться настолько быстро, — многозначительно возразил Убусуку. — Мне потребовались месяцы, а ведь я больше ничем не занимался, только учился и приспосабливался. В том-то вся и штука: жизнь здесь удивительно похожа на жизнь любой другой планеты Республики. Мы едим одну и ту же пищу, пользуемся абсолютно таким же транспортом, живем в таких же домах, платим по счетам. Но на глубинном, более тонком уровне все здесь отличается, как может отличаться только иная цивилизация.

— Например?

— Например, я говорю «Царствуй, Сатана» вместо «Отче наш». Я не пользуюсь кредитками, если расчеты не касаются Республики. Я покупаю мясо, хлеб и вино, но я также покупаю крылья летучих мышей и дохлых пауков. Я могу, не боясь суеверий, пройти под лестницей, но обязательно изображу рога дьявола, как только слышу раскаты грома. Однако я разговариваю на том же самом языке и надеваю одежду так же, как остальные обитатели Республики, и если занимаюсь сексом, то он не слишком отличается от всего того, что обычно

происходит между мужчиной и женщиной. Теперь вы понимаете, в чем проблема?

— Давайте подойдем к этому с другой стороны, — предложил Джерико. — Кто-нибудь еще изображает рога дьявола, когда слышит раскаты грома?

— Конечно, нет, — сказал Убусуку. — Дочери Наслаждения так поступают, но вот Братство Ночи изображает знак пяти, и сомневаюсь, чтобы остальные секты делали что-нибудь особенное, ну, конечно, не считая активных мелочей: открыть зонтик или спрятаться от дождя.

— Отлично! — воскликнул Джерико. — Вы все значительно упростили.

— Я? — удивился Убусуку.

Джерико кивнул:

— У меня нет времени изучить все жесты и символы, распространенные на планете. Единственное, что мне надо от вас, так это краткий перечень всех символов, жестов и всякого такого, присущего всем жителям планеты, независимо от вероисповеданий.

— Мне ничего не стоит все перечислить, — сказал Убусуку. — И я это сделаю. Но этого недостаточно.

— Почему?

— Да потому, что если вы не будете исповедовать вполне определенную религию со всеми ее символами и атрибутикой, то поневоле начнете мозолить всем глаза, привлекая внимание. Послушайте, космические перелеты довольно дешевы, миры дешевы, а Вальпургия молодая — ей всего пять или шесть поколений. Ни один из тех, кто не верит в Сатану или в колдовство — в разной степени, конечно, — не стал бы эмигрировать на Вальпургию. И дети, родившиеся на планете, воспитывались уже в духе религиозности. Так продолжается уже целое столетие. У них здесь нет ни христианских, ни буддийских тайных сект. Да и зачем они, когда из сотни тысяч планет можно выбрать любую по доступным ценам. Не

обязательно становиться последователем Голема, или Мессии, или Ордена Дьявола, но обязательно принадлежать к какому-нибудь конкретному культу. — Он закурил сигару и предложил Джерико. Однако тот лишь отрицательно покачал головой. Убусуку же с наслаждением затаился и стряхнул пепел в странной формы пепельницу, напоминавшую больше атрибут культа.

— Понимаю.

— Я могу просветить вас для начала насчет Ордена Голема, к которому принадлежу, — предложил Убусуку, тщетно стараясь скрыть свое рвение.

— Думаю, не стоит, — сказал Джерико. — В конце концов если меня схватят в ходе выполнения моей миссии, я не хочу, чтобы мои манеры или верования вывели на вас.

— Ну что ж, вам виднее, — согласился Убусуку. — Хорошо, не хочу показаться навязчивым. Тогда назовите, какого сорта религию вы предпочитаете?

— Наиболее расхожую, — ответил Джерико. — Одну из наиболее распространенных.

— Забавно, а я-то думал, что проще предпочесть какую-нибудь мелкую секту...

— В большой толпе всегда легче затеряться, — напомнил Джерико. — Я бы хотел освоить такую религию, в которой миряне не носят каких-либо изощренных символов или знаков отличия, а только собираются для совершения какого-нибудь обряда, бормочут пару фраз и расходятся по домам.

— Ага, — кивнул Убусуку, — тогда, я полагаю, лучше всего выбрать Церковь Сатаны. Правда, вуду тоже очень распространенный культ, но в основном для черных, так что вы среди них будете слишком заметны.

— Если вуду для черных, то почему вы не вступили в его ряды? — спросил Джерико.

— Ну да, чтобы разглагольствовать о всякой ерунде да читать «Отче наш» задом наперед? — с гримасой от-



вращения произнес Убусуку. — Нет уж, спасибо! Даже не соглашаясь с их принципами, я вступил в Орден Голема хотя бы ради одного секса. Позвольте заметить, дружище, вы запросто можете потерять не меньше двадцати фунтов в первый месяц, и только тогда почувствуете, насколько все это серьезно и реально и что обретенный рай будет ждать вас и завтра, и послезавтра.

Джерико молча слушал.

— Ну ладно, может, мне заказать небольшой обед, да мы перейдем к делу? — предложил Убусуку. — Я попробую устроить нам сегодня ночью сатанинскую мессу. А пока мой дом — ваш дом, как говорится, хотя надо признать откровенно, вы просто огорошили меня своим появлением.

— Вы имеете в виду и библиотеку?

— Конечно, — ответил Убусуку, направляясь на кухню.

— У вас в кабинете есть какие-нибудь карты? — спросил Джерико.

— Верхний левый ящик стола, за которым вы сидите, — прокричал Убусуку из кухни.

Впрочем, Джерико уже и сам прекрасно знал, где находятся карты. Двух часов, которые он в одиночестве провел в квартире Убусуку, хватило с лихвой, чтобы тщательно изучить каждый сантиметр жилища. Тем более что карты были нужны ему в первую очередь. Однако чтобы не возбуждать подозрений хозяина, он разложил карту Амаймона и принялся ее скрупулезно разглядывать.

Затем он положил рядом карту полушарий планеты, именно ту, которая ему и была нужна. Если полиция пока и не догадывается о его истинной миссии, то скоро наверняка догадается, не хуже Убусуку. И уж они-то обязательно предупредят Бланда, чтобы тот был начеку и приготовился встретить убийцу-наемника.

Еще до прихода Убусуку Джерику успел отместить два самых коротких маршрута до Тиферета как наиболее очевидные и сейчас подбирал себе другие варианты. В конце концов он остановил свой выбор на маленьком городке в трехстах километрах к северо-востоку от Тиферета. Городишко назывался Малкут, и проживало в нем пять тысяч человек. Джерику решил, что лучше всего попасть в Малкут с севера, раствориться среди жителей, а уж потом двигаться на юг, к Тиферету. Пусть у Бланда и нет армии, но он наверняка имеет личную охрану. Для нее требовались люди. Если их набирали из добровольцев вне Тиферета, то вряд ли обошли Малкут вниманием. Может, Джерику удалось бы каким-то образом завербоваться в ряды охранников Бланда — бывали и более странные случаи. По крайней мере игра стоила свеч.

Определившись с маршрутом, он снова принялся изучать карту. Вальпургия была заселена сравнительно недавно, и еще несколько столетий вряд ли стоило ожидать, что всю поверхность покроет сплошная сеть городов. Уже и теперь казалось необычным, что по планете разбросано около сотни городов: ведь большинство колониальных миров начиналось с одного или двух центров. Мегаполисы росли очень быстро, в течение нескольких десятилетий, в то время как остальное пространство оставалось девственно-нетронутым и диким. Скорее всего сеть городков на Вальпургии развилась только потому, что верования распространившихся здесь сект противоречили друг другу. Это казалось логично, однако Джерику отметил, что даже этот факт стоило бы проверить.

Несколько минут он запоминал отдельные участки карт, затем аккуратно все сложил и убрал в ящик. Уничтожать отпечатки пальцев не понадобилось: избрав когда-то свою профессию, Джерику давным-давно сделал себе операцию по уничтожению кожных узоров на кончиках пальцев.

Убусуку не возвращался. Поднявшись со стула, Джерико прошелся по квартире, отыскал под самым потолком полки, битком забитые книгами, прочитал названия на корешках. Большинство из них либо касались энтомологии хлористых миров, либо были порнографическими шедеврами. Насколько Джерико мог судить, перечень книг четко определял круг интересов хозяина дома — как профессиональный, так и личный.

Затем он прошел в спальню Убусуку, сплошь завешанную картинами, заставленную статуэтками и голограммами демонов и женщин в самых различных стадиях сексуального извращения. Не обращая на них никакого внимания, он только мельком скользнул равнодушным взглядом по этой выставке нагих телес и присел у груды книг и журналов, разбросанных на полу. Раньше у него просто не хватило времени заняться ими, и он очень надеялся отыскать среди них публикации на местные темы. К его разочарованию, почти все оказались научными журналами о насекомых.

Джерико вернулся в кабинет перед самым приходом Убусуку.

— Наверное, вам это уже набило оскомину, — с ухмылкой сказал Убусуку. — Но ничего, кроме вареных яиц, я предложить не могу.

— Обожаю яйца, — откликнулся Джерико. — После обеда порекомендуйте мне для чтения парочку книг или журналов, которые могли бы пригодиться.

— За едой мы обсудим основные привычки и наиболее распространенные суеверия, — пообещал Убусуку. — Но боюсь, времени для чтения уже не останется.

— Да? Почему?

— Знаете, есть у меня один приятель — приверженец Церкви Сатаны. Он уже несколько месяцев подряд пытается обратить меня в свою веру, и я договорился, что приду сегодня вечером на Черную мессу в его церковь.

— Отличная мысль, — удовлетворенно ответил Джерико, проходя на кухню вслед за Убусуку.

— К яйцам я приготовил бифштекс, — заметил Убусуку, выставляя на стол пару тарелок и усаживаясь. — И кстати, вот первый пункт, который надо знать: на Вальпургии мало запретов на еду, и те, что есть, довольно универсальны.

— Например?

— Например, никогда не ешьте козлятины.

— Причина?

— Козел — один из наших священных символов. Он присутствует почти во всех религиозных культах.

— Почему же тогда в меню всех ресторанов входит козлятина? — удивился Джерико, управляясь с бифштексом.

— Да потому, что коз на планете больше двух миллионов, — объяснил Убусуку. — Некоторые рестораны даже специально готовят козлятину или покупают козье молоко для белых.

— Каких белых? — не понял Джерико.

— Белых Магов, — уточнил Убусуку. — Их немного, но по всем городам набирается достаточно. Вот некоторые рестораны и заботятся о них как о клиентах.

— И чем же Белые Маги отличаются от других?

— Они верят в применение магии только для добрых дел, — ответил Убусуку.

— Сдается мне, что подобная благотворительность не в почете на Вальпургии, — прокомментировал Джерико.

— Так оно и есть, — покладисто согласился Убусуку. — Это напомнило мне о другом табу. Никогда не носите белого.

— Да, я уже заметил, что здесь практически никто его не носит.

— Для этого есть причины, — разъяснил Убусуку. — Черный цвет — священный для большинства сект. Бе-

лый же демонстрирует, что вы — Белый Маг, а поскольку их не так уж и много, то вас быстро вычислят. К тому же легко влипнуть в неприятность; если попытаться попасть в одно из мест, куда вход им строго-настрого запрещен.

— Куда, например?

— Долго объяснять, — отмахнулся Убусуку. — Проще не носить белого.

Джерико кивнул:

— Хорошо, а мужчина может быть Белым Магом?

— Конечно, правда, мы называем подобного человека Белым Колдуном, но это то же самое. Хотя Белые Ведьмы их недолюбливают. Им и без них хлопот хватает. Признаться, здесь, на Вальпургии, женщины находятся в двусмысленном положении.

— Это каким же образом?

— В общественной жизни они равноправны, как и повсюду в Республике. Но здесь разнообразные религии предъявляют к ним определенные ритуальные требования. Большинство из них чисто формальные, но некоторые — откровенно сексуального характера, скажем так. И это обстоятельство порождает конфликты. Множество женщин в последнее время стали занимать высокие посты, например, Магдалина-Иезавель является главой секты Дочерей Наслаждения, и даже в культе Посланцев Мессии есть высшая Жрица. Но по сути все религии несут в себе пережитки тех дней, когда женщина была объектом похоти и сексуальной агрессии. И потому частенько возникают проблемы, каким образом привести в соответствие столь архаичное положение женщины внутри культовых обрядов с их высоким статусом вне религиозных отправлений. Это трудная ситуация, и когда-нибудь все может взорваться. Лично я надеюсь, что к тому времени успею благополучно почить в бозе.

— Ну а вообще как мужчины относятся к женщинам?

— Я же только что объяснил.

— Да нет, в обычной жизни.

— А... — Убусуку кивнул, его лицо даже просветлело. — Ну, как я сказал, женщины имеют равные права с мужчинами, и мы все верим в свободу личности. Так что не спешите открывать им двери, снимать перед ними шляпу и относиться к ним как-то иначе, чем к мужчинам. Галантность — это республиканский обычай. Кстати, разговаривая про Республику, не вздумайте брякнуть о ней что-нибудь благожелательное. С тех пор, как Республика пыталась заставить Вальпургию выдать Бланда, у них тут развернулась кампания промывки мозгов. Да, и напроочь выкиньте из лексикона сленг, контакты с другими мирами слишком ограничены, и любой сленг, занесенный извне, легко заметить.

— Что еще? — спросил Джерико, приканчивая бифштекс и принимаясь за яйца.

— Да сразу и не сообразишь, но я бы на вашем месте не стал здороваться за руку, — сказал Убусуку. — Вежливость здесь не в моде. Тут до черта тайных скрытых пожатий, которыми пользуются члены разных Братств. Вы и знать не будете, что это за пожатие и как на него ответить. Сразу попадетесь. Да, и еще непременно придумайте себе тайное имя.

— Тайное имя? — заинтересованно переспросил Джерико.

— У каждого оно есть. И это тоже универсальная черта всех культов. Лучше подготовиться заранее. Если вздумаете присоединиться к Церкви, они обязательно заинтересуются именем. Мое, — с гордостью произнес Убусуку, — Эхлис.

— Надо, я думаю, взять имя Иуда, — сказал Джерико со скрытой усмешкой.

— Это же не демон, — возразил Убусуку.

— Я чувствую с ним определенное родство, — заметил Джерико.

— Как хотите, — пожал плечами его собеседник. — И не мешает заранее определить город, откуда родом.

— Почему бы не взять Амаймон?

— Это самый крупный город на планете, и многие так или иначе бывали здесь. Мне кажется, вам лучше выбрать городок поменьше, где наверняка почти никто не бывал. Если начнут расспрашивать, то не попадетесь.

— Хорошо, тогда предложите что-нибудь сами.

— Есть в тысяче километров к западу крошечный городишко Таннис, — сказал Убусуку. — Я знаю, у них там есть филиал Церкви Сатаны, но сам я за весь год встретил оттуда только троих. Во всяком случае, вы всегда сумеете что-нибудь наврать. С Амаймоном все гораздо сложнее.

— Это почему же?

— Амаймон был первым городом на планете, но большинству культов не нравились сложившиеся в Амаймоне религиозная свобода и терпимость — ведь он оказался пристанищем для семидесяти разных Церквей. И вот все эти культы и секты принялись основывать отдельные поселения, которые за столетие разрослись в города. Большинство из них расположилось на реке Стикс, поскольку самый дешевый транспорт речной. Как правило, эти города живут замкнуто и не принимают посторонних. А поскольку Амаймон так и остался единственным городом поблизости от космопорта, пригодного для посадки действительно больших звездолетов, то в нем до сих пор сохранилось смешение религий.

— Вам приходилось бывать в других городах? — поинтересовался Джерико.

— Необходимости не было, — равнодушно отозвался Убусуку. — Мне и здесь нравится. А кроме того, некоторые из этих отдаленных сект чересчур серьезно относятся к своей религии.

— Мне показалось, что и вы серьезно воспринимаете свою веру, — заметил Джерико.

— Я серьезен во всем, что касается удовольствий, — просиял Убусуку. — Поверьте мне, в некоторых из этих

городов зло воспринимают очень серьезно. Сдается мне, что Бланд оказался в Тиферете не случайно, фанатизма там наверняка хватало и до его прибытия. Но вернемся к теме нашего разговора. Я настоятельно рекомендую вам никогда не упоминать Бога, Аллаха или Иегову, под каким бы именем Господь ни присутствовал в вашем воспитании. Ни в беседе, ни когда ругаетесь. — Тут он улыбнулся. — Мы здесь старательно избегаем упоминать нашего заклятого врага. И еще не надо свистеть.

— А это почему?

— Большинство обществ разработали свою систему опознавательных свистов, так же как всякие символы и рукопожатия. Свистнете что-нибудь не то, и, к дьяволу, мигом накостыляют по шее, а то еще и не ограничатся этим.

— Вы и сами то и дело поминаете черта и дьявола, — заметил Джерико. — Это принято?

— У всех, за исключением Белых Магов, — ответил Убусуку. — И раз уж мы об этом заговорили: некоторые жесты, как рога дьявола или знак пяти, употребляются часто и легко. Это то же самое, что для католиков перекреститься. Однако в Церкви Сатаны подобных знаков нет. Так что не пытайтесь подражать кому-нибудь.

— А что мне надо знать еще о Церкви Сатаны?

— Пожалуй, лишь то, что ваш талисман — это козлиная голова внутри пятиконечной звезды, которая, в свою очередь, заключена в круг. В Амаймоне этот знак часто встречается.

— Это точно, здесь целая прорва всякой символики, — согласился Джерико.

— Старайтесь избегать все остальные. Большинство сект владеет различными фирмами, и когда они выставляют свой талисман на всеобщее обозрение, это словно объявление, означающее: только для членов секты. Можно очень легко нажать себе неприятности, если не знать об этом.



— У вас случайно не найдется хоть какой-нибудь книжицы о местных традициях? — спросил Джерико.

— У меня сохранилась брошюра, которую мне дали, когда я впервые прибыл сюда, — сказал Убусуку. — Но она, вероятно, годится только для Амаймона.

— И все же я бы хотел ее полистать, прежде чем отправиться в церковь.

— Да, пожалуйста, я отыщу ее сразу после обеда.

— Хорошо.

Джерико осторожно поменял положение на стуле. Он опасался уронить жертвенный кинжал, прикрепленный к ноге липкой лентой.

## ГЛАВА СЕДЬМАЯ

*Я никогда, никогда не заключу пакта с Сатаной. Мне не нужны подмастерья.*

Конрад Бланд

Церковь Сатаны представляла собой огромное здание в романском стиле, но с мавританским оттенком, новое, с иголочки, заманчиво поблескивавшее в лунном свете. Церковь хоронилась в глубине за лужайкой и была обнесена высокой оградой кованого железа. Оттуда доносилась аритмичная, беспокойная электронная музыка. Стены отливали красным в неярком свете прожекторов.

Убусуку и Джерико остановились в нескольких метрах от ворот. И пока Джерико рассеянно наблюдал за входящими, Убусуку подошел к одному из людей в плаще с капюшоном, охранявшему вход, и пошептался с

ним. Охранник кивнул, ушел и возвратился в сопровождении широкоплечего коротышки с копной густых непослушных седых волос.

— Вот уж не надеялся, что ты надумаешь нас посетить! — зычно воскликнул он, дружески обхватив Убусу за плечи. — Где твой друг, показывай.

Убусу подвел его к Джерику.

— Гастон Леру, о котором я рассказывал, — сказал он, представляя коротышку, — а это мой друг...

— Орест Мела, — поспешно вклинился Джерику, делая шаг вперед, но не подавая руки.

— Рад встретиться с вами, очень рад, — произнес Леру с сердечной улыбкой на широких приплюснутых губах. — Поближе познакомимся позже, а сейчас надо поторапливаться — вот-вот начнется месса.

— Много народу? — на ходу спросил Убусу, направляясь за Леру по каменной дорожке к входу в церковь.

— Не больше, чем в обычный будний день, — ответил Леру, передернув плечом. — Хотя мы не жалуемся — по выходным народу столько, что нам приходится уstraивать за вечер две мессы.

— Не уверен, что у меня хватило бы энергии провести две мессы Голема кряду, — рассмеялся Убусу.

— Мой друг — распутник, — подмигнул Леру, обращаясь к Джерику.

— Я и не скрываю, что всегда был заядлым донжуаном, — сказал Убусу. — Что поделаешь, раз я падок до женщин. Но на Вальпургии я сумел найти религию, которая это даже поощряет. Но в то же время я всегда готов исправиться. Хотя предупреждаю: обратить меня в иную веру после прелестей моего Ордена будет не так-то легко.

— Пути Сатаны неисповедимы, — весело заметил Леру. — Мы приложим все усилия. Главное, что ты не затыкаешь уши и готов прислушаться. Мы сядем где-ни-

будь в задних рядах, где я смогу пояснить происходящее, не тревожа священников. — Он критически оглядел их одежду. — Нам действительно придется сесть позади, поскольку на вас нет ритуальных плащей-накидок.

Они прошли вычурно украшенную комнату, и Леру повернул налево. Миновав множество темных коридорчиков, они наконец оказались у рядов мягких кресел в самой глубине зала, который тянулся метров на двадцать и заканчивался алтарем из оникса. Фрески с изображениями бескровных пыток и сцен разгула, украшавшие стены и своды огромного зала, освещались тысячами ритуальных свечей самых замысловатых форм. На стене за алтарем висел огромный талисман Церкви Сатаны, черный с золотом.

Дюжина динамиков, расставленных по всей церкви, усиливала музыку. Джерико счел ее атоничной, однако первобытная ритмика все же несколько скрашивала впечатление. Время от времени в нее вклинивались стоны, крики страстные и сдержанные, которые скорее всего воспроизводились в записи. В подлокотнике каждого кресла имелось небольшое углубление для свечи, и, конечно же, Леру сразу одарил своих гостей необходимыми атрибутами. Пока Джерико зажигал и устанавливал слегка чадившую свечу, Леру с энтузиазмом экскурсовода объяснял, что, в отличие от свечей всех остальных религий и сект, их свечи славятся тем, что вытоплены из человеческого жира, добровольно пожертвованного прихожанами. Похоже, такое известие несколько не порадовало Убусуку, а Джерико, как обычно, не выразил никаких эмоций и продолжал осмотр.

В первых трех рядах сидели мужчины и женщины, из-под плащей которых высывались лишь обнаженные руки. Джерико решил, что, кроме плащей, на этих людях нет никакой одежды. Рядов двадцать были заняты в основном мужчинами, одетыми так же, как Леру. За широким, рядов в семь, проходом начиналась галерея

для посетителей. Здесь сидели приглашенные, в том числе и Леру со своими гостями. Этим вечером здесь собралось человек тридцать, пришедших в основном парами, но кое-кто и в одиночку. Они сидели достаточно далеко, и Леру своими объяснениями никому не мог помешать.

Джерико снова взглянул на алтарь и заметил высокого мужчину во всем черном. На нем была мантия с капюшоном, над которым торчали рога. Вероятно, они должны были выглядеть зловеще, однако Джерико находил все это скорее комичным и нелепым.

— Это Деннисон, наш главный священник, — прошептал Леру. — По слухам, его в ближайшие год-два должны избрать верховным священником Церкви Сатаны Амаймона.

Деннисон подождал, пока аудитория стихнет, потом вынул из складок плаща жезл и обвел в воздухе пятиконечную звезду.

Под сводами загрохотал удар гонга, и Деннисон торжественно произнес:

— Я царствую над тобой, говорит Повелитель Мух, властью, никем не превзойденной.

— Следите за аудиторией, — прошептал Леру. Джерико, вторя прихожанам, зашептал:

— Regie Satanis\*.

— «Внемлите! — восклицает Сатана, — нараспев продолжал Деннисон. — Я — круг, на коем зиждутся Двенадцать Царств. Шесть — вместилище дыхания живущего, а прочие столь же остры, как серпы, сиречь рога смерти».

— Regie Satanis! — подхватили слушатели. Служба продолжалась минут пять, затем священник вновь обвел жезлом звезду и выкрикнул:

— Шамхамфораш!

И аудитория откликнулась хором:

— Шамхамфораш!

---

\* Царствуй, Сатана!

— Наше наиболее сильное заклинание Сатаны, — прошептал Леру. — Все, что происходило до сих пор, обычно для наших служб. Сейчас последует проповедь. Надеюсь, она не будет слишком скучна, а потом мы перейдем к самой мессе.

Джерико вежливо кивнул и снова перевел взгляд на Деннисона.

— Мои прихожане! — воскликнул тот под аккомпанемент очередного удара гонга. — Мой долг — поведать вам о провозвестнике.

— Фу ты, дерьмо! — выругался шепотом Леру. — Опять!

— Я говорю о том, кого именуют Черным Мессией, — объявил Деннисон. — О том, кто в одиночку противостоит враждебной силе Республики. Кто является воплощением всего того, перед чем мы преклоняемся и что почитаем, о том, кто воззвал к сектам Вальпургии о помощи. Отважился ли мы отказать подобному человеку?

— Люцифер Великий! Как мне это надоело! Я-то надеялся, он поговорит на какую-нибудь другую тему, — горячо зашептал Леру.

— Конрад Бланд есть ипостась Сатаны, дух, воплощенный в человеческую плоть! — орал Деннисон. — И даже сейчас, в этот самый момент, когда я говорю с вами, вражеские корабли Республики воронами кружат над нашей планетой, грозя неминуемой бедой, если наш народ не покорится. Покоримся ли мы?!

— Нет!! — взревела паства.

— Так тому и быть! — заключил Деннисон. — Как Церковь не может навязывать свою волю государству, — при этих словах Убусуку и Леру хихикнули одновременно, — так и государство не может диктовать свои условия Церкви. И секты Вальпургии не выдадут этого спасителя, последователя Сатаны.

— Ну и спаситель, мать твою! — фыркнул Леру тихонько.

— Что это вы так разошлись? — вежливо поинтересовался Джерико, пока Деннисон продолжал свою проповедь.

— Сам-то я в Тиферете ни разу не был, понимаете, — прошептал Леру, — но у меня приятель оттуда. Он говорит, Бланд превратил весь этот городишко в настоящую бойню.

— Да что вы говорите?! Леру кивнул:

— Похоже, трупы там валяются на каждом углу, а в пытках так изощряются, что даже Посланцы Мессии не выдержали, сбежали. Этот хренов спаситель крушит направо и налево, уже половину города перебил.

— Да уж, в таких условиях сложновато поклоняться злу, — заметил Джерико не без сарказма.

— Бланд — это не зло, — жарко зашептал Леру. — Он просто чокнутый. У него нет ничего общего с моей религией. Ну что он понимает в удовольствиях, созерцании?..

— Тише, тише, — одернул Джерико не в меру расходившегося последователя Сатаны, который своими восклицаниями уже начинал привлекать внимание слушателей, сидевших на галерее.

— Простите, — сказал Леру. — Но этот сумасшедший у меня уже в печенках сидит! — Он выпрямился и впери в Деннисона испепеляющий взгляд.

— Остерегайтесь Республики, — проповедовал священник. — Даже будучи вдалеке от нас, они все еще способны влиять на нас, обращать нас в свою веру, искажать истину религии. Говорю вам: Конрад Бланд — настоящий дьявол во плоти!

Еще минут пятнадцать Деннисон продолжал в том же духе, потом прозвучал гонг.

— Ну по крайней мере с этим покончено, — облегченно вздохнул Леру. — Вам приходилось раньше присутствовать на Черной мессе, Орест?

Джерико отрицательно покачал головой.

— Ну и хорошо... Однако что бы вам ни рассказывал Ибо, это весьма символическая церемония. Люди со стороны в мессе не принимают участия. Вы обратили внимание на первые три ряда? Именно они-то и будут участвовать.

Из первого ряда поднялась женщина, прошла на сцену и расстегнула плащ, который соскользнул с плеч. Джерико увидел, что женщина и в самом деле нагая. Она повернулась лицом к аудитории, а затем прошла к алтарю и легла на него навзничь.

— Черная месса полностью переиначивает католическую мессу, — зашептал Леру. — Я слышал, что некоторые Церкви к северу от Амаймона настолько серьезно к этому относятся, что и на самом деле приносят в жертву младенцев и девственников. Но у нас это всего лишь обряд. Эта девица олицетворяет собой алтарь, что само по себе для христиан настоящее кощунство.

Откуда-то возник священник в черном плаще с капюшоном. Он подошел к женщине и вставил в ее левую руку черную свечу.

— Предполагается, что свеча должна быть вытоплена из жира некрещеных младенцев, — прокомментировал Леру. — Хотя, конечно, это не так. И все же это важно как символ.

Женщина с обнаженными грудями, в одежде, пародирующей монашеское одеяние, приблизилась к лежавшей и водрузила ей на живот чашу, потом отошла за алтарь и осталась стоять, держа в воздетых руках перевернутый крест.

— Еще одно оскорбление, — объяснил Леру. — Во-первых, монахиня держит крест перевернутым, а во-вторых, как предполагается, чаша содержит кровь проститутки. Правда, поскольку на Вальпургии нет проституции, мы применяем кровь жертвенного козла.

Джерико хотелось спросить, как они не боятся приносить в жертву священное животное, однако он не рискнул.

Священник в плаще — уже не Деннисон — приблизился к алтарю, держа поднос с каким-то предметом.

— У него на подносе черная редька, — шепотом пояснил Леру. — Сейчас он прикоснется к половым органам женщины, а потом нарисует пентаграмму вокруг алтаря.

— А можно поинтересоваться, зачем? — спросил Убу-суку.

— Наверное, это самое кошунственное, что вообще можно придумать, — пояснил Леру, пожав плечами. — Вы слушайте, сейчас он начнет говорить на латыни. Это мертвый язык, он читает молитвы задом наперед, включая в текст разные непристойности, чтобы сбить с толку ангелов.

— Значит, его декламация знаменует символический вызов Сатаны? — спросил Джерико.

Леру кивнул:

— Вот он почти закончил с латынью. Сейчас заговорит на языке, который мы сможем понять.

Священник взял из рук «монахини» плетъ и принялся поглаживать ею тело обнаженной женщины на алтаре.

— Полагаю, здесь не надо ничего объяснять, — сказал Леру. — Он символически забивает ее до смерти.

— Перед всемогущим и непобедимым Князем Тьмы, в присутствии демонов бездны, — нараспев торжественно произносил священник, — я отрекаюсь от прошлых ошибок и заблуждений. Во всеуслышание я признаю, что Сатана правит миром, и я возобновляю свое обещание чтить его во всем. Без колебаний, без сомнений, моля, в свою очередь, о его всепроникающей поддержке для успешного завершения моих жалких усилий и исполнения моих желаний.



Священник откусил редьку, отпил глоток из чаши, и вторая «монашка» с голыми грудями, забрав редьку и чашу, принялась обносить первые три ряда.

— Ave, Satanis!\* — воскликнул священник, и зал загудел вторившими ему голосами.

Совершенно голый мужчина с козлиной маской на лице впрыгнул внутрь пентаграммы, очерченной вокруг алтаря.

— Сатана? — невозмутимо осведомился Джерико.

Леру кивнул, не отрывая взгляда от происходящего. «Сатана» выхватил плеть у священника в капюшоне и взмахнул ею два раза. Потом он с размаху огрел лежавшую женщину, та вскрикнула, но даже не шевельнулась. Тогда он швырнул плеть и пустился приплясывать, отчаянно жестикулируя. Никакого смысла во всей этой пантомиме Джерико не видел, а Леру так увлекся, что ничего не объяснял. Затем голый «Сатана» подхватил лежавшую женщину за бедра, вонзил в нее пенис и принялся с азартом работать, и при каждом толчке аудитория скандировала:

— Ave, Satanis!

Девица застонала сладострастно и обвила ногами его спину. Он поднял ее с алтаря, и они завершили свой обоюдный оргазм, кружась внутри пентаграммы. Закончив, мужчина опустил свою партнершу на алтарь, перевернул ее на живот, проделал свечой несколько содомических непристойностей и растворился в темноте притвора.

— Это все? — спросил Джерико.

— Все только начинается, — бросил Леру. Он вспотел, и пот струился по покрасневшему лицу. — А теперь участники действия воспроизведут все то же самое для остальной паствы.

Джерико внимательно следил за происходящим, отмечая для себя любопытные детали и фразы, которые

---

\* Радуйся, Сатана!

потом могли бы ему пригодиться, в то время как Леру и Убусуку с остальными иступленно скандировали:

— Ave, Satanis!

Когда же наконец выдохшиеся участники разбрелись по своим местам, вновь появился Деннисон и завершил спектакль прощальным напутствием-проклятием. После этого паства поднялась и заторопилась из церкви.

— Ну и что вы теперь думаете? — возбужденно спросил Леру, когда они оказались на улице.

— Я видел групповую порнуху, — откровенно признался Убусуку.

— Нет, Ибо, — возразил Леру. — Ты видел символическое обращение к дьяволу, полную инверсию католической мессы для демонических целей. Это отвержение добра ради зла, отторжение всех убеждений, державших людей в плену веками. Понимаешь?

— Конечно, понимаю, — ухмыльнулся Убусуку. — Групповая порнуха.

— Ты безнадежен! — воскликнул Леру с шутливым гневом. — А вам как, Орест? Вам понравилось?

— Э, да мне тоже понравилось! — запротестовал Убусуку.

— Это было интересно, — согласился Джерико. — Я бы хотел побывать на какой-нибудь другой церемонии.

— Буду рад вас сопровождать, — сказал Леру. — Быть может, вы надумаете присоединиться к Церкви Сатаны.

— Может быть.

— Ну что ж, тогда вечер не совсем потерян, — обрадовался Леру. — Видишь, Ибо, кому ты теперь нужен? Я заполучил новообращенного и готов поспорить, что полиция им даже не интересуется.

— О чем это ты? — насторожился Убусуку.

— А, департамент Джона Сейбла, — отмахнулся Леру. — Они звонили днем, интересовались тобой. Я заверил их, что ты лояльный гражданин и достойный

член общества. Вот уж действительно не забывают об иммигрантах!

— Похоже, что так, — согласился Убусуку с тревогой в глазах.

— И чем же они интересовались? — вкрадчивым тоном осведомился Джерико.

— Да ничем в особенности, — ответил Леру. — Обыкновенная бюрократическая чепуха.

— Понятно, — сказал Джерико.

— Не хотите ли выпить? — спросил Леру. — Я угощаю.

— С удовольствием, — откликнулся Джерико. — Я знаю один уютный бар здесь неподалеку.

— Показывайте дорогу, — покладисто предложил Леру.

Джерико свернул влево и направился по темной улице. Он шел, удаляясь от шумных и многолюдных бульваров центра.

— Я действительно рад, что вы пришли, — проговорил Леру, когда они шли по совершенно пустынной улице. — Черная месса — не единственный обряд в нашей Церкви, просто наиболее впечатляющий, если вы понимаете, что я имею в виду.

— Она немного похожа на оргии Ордена Голема, — вставил Убусуку.

— Ну нет, это далеко не одно и то же, — возразил Леру. — Вы делаете это ради удовольствия, а мы — чтобы оскорбить все, на чем зиждется христианская религия. Наши обряды представляют собой пародию и извращение Бога и всего божественного. И уж тем более всей этой муры с самоотречением. У нас есть свои оргии, но они совсем не похожи на то, что вам довелось увидеть. Если бы не было таких глубоких религиозных корней, то мало кто из женщин решился бы принять участие в этом зрелище и лечь на алтарь. Но они это делают

потому, что понимают значение обряда, хотя члены Ордена Голема вроде тебя вечно подсмеиваются.

И он еще минут десять продолжал расхваливать собственную Церковь и объяснять наиболее непонятные богохульства, которых они наслушались за время мессы. Затем он неожиданно остановился.

— Мне кажется, здесь только частные дома.

— Да остался всего один квартал, — успокоил его Джерико. — Кстати, тут никто не мог обронить талисман или значок?

— Нет, — отозвался Леру. — А что?

— Да тут у обочины что-то поблескивает.

Леру наклонился вперед, стараясь разглядеть получше, и в этот момент ребром ладони Джерико с размаху саданул ему по шее. Громко хрустнули сломанные позвонки, и коротышка мешком свалился на мостовую.

— Вы не должны были этого делать! — разозлился Убусуку.

— Потихе, — мягко предупредил Джерико.

— Он же был моим другом!

— Он был звеном в цепочке, по которой они могли бы выйти сначала на вас, а потом и на меня. Так что лучше отделаться от него сейчас и здесь.

— Ну а как же я? — вскричал Убусуку.

— А что вы? — спросил Джерико.

— Я же тоже могу привести к вам... Полиция наверняка взяла мою квартиру на заметку.

— Знаю, — сухо бросил Джерико.

— Откуда вы свалились на мою голову?! Только одни неприятности! Как вы теперь собираетесь все это расхлебывать?

— Надо как следует подумать, — ответил Джерико.

Он наклонился и принялся разворачивать ленту, которой к ноге был прикручен кинжал.

## ГЛАВА ВОСЬМАЯ

*После резни всегда приятно предаваться созерцанию.*

Конрад Бланд

Спустя два часа Джерико добрался до своего отеля, принимая все меры предосторожности, пока не удостоверился, что за ним никто не следит. Он уже окончательно решил для себя, что личина беззаботного блондина свою роль сыграла, и теперь самое время покончить с ней навсегда. К тому же теперь у него не было необходимости задерживаться в Амаймоне. Настало время поближе познакомиться с окружением Бланда.

Поднявшись на лифте, он набрал комбинацию кода на замке, открыл дверь и вошел в номер. Молодая девушка в белом, явно не старше двадцати лет, сидела на его постели.

— Привет, Джерико, — сказала она. — Какой же вы все-таки непослушный мальчик.

## ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

*Основное преимущество зла в извечной борьбе с добром заключается в том, что все его противники как один убеждены зло всегда иррационально.*

Конрад Бланд

Джон Сейбл включил бра над кроватью и только потом ответил на настойчивый зуммер видеофона.

— Что там еще? — недовольно пробормотал он, глядя в осветившийся экран.

— Офицер Беласко, сэр, — представился молодой мужчина, чье изображение появилось на экране. — Вы просили немедленно с вами связаться, если произойдет что-нибудь необычное.

— Да, помню, — сказал Сейбл, стараясь сфокусировать сонный взгляд. — Который теперь час?

— Три ночи, сэр. Совершенно два убийства, сэр, — отпартовал Беласко. — Один из убитых Ибо Убусуку.

— Кто таков?

— Натурализовавшийся иммигрант.

— Так, а второй? — спросил Сейбл, тщетно стараясь выпутаться из паутины сна.

— Гастон Леру, сэр Друг Убусуку. Мы разговаривали с ним вчера днем.

— Причина смерти?

— Убусуку заколот. Одним проникающим ударом под подвздошную кость. Леру же, похоже, просто сломали шею. Трупы обнаружены на расстоянии пятидесяти шагов друг от друга, сэр.

— Когда наступила смерть?

— Менее часа назад, если верить медикам.

— Я еду в управление, — решительно сказал Сейбл. — Привезите мне Дэвиса и отправьте тела на судебную экспертизу. Я хочу взглянуть на них до того, как их отправят в морг.

Он выключил видеофон и, решив, что времени в обрез, не стал принимать душ и бриться. Он оделся меньше чем за минуту. Лишь на секунду задержался у постели поцеловать в щеку спящую жену да оставил сообщение на домашнем компьютере о том, что, вероятно, не сможет вернуться домой к обеду. Уже через десять минут он был в полицейском управлении.

Дэвис уже ждал его, и они вместе спустились в судебную лабораторию, где оба трупа были разложены на металлических столах.

— Отличная профессиональная работа, — удовлетворенно пробормотал Сейбл, осматривая рану на теле Убусуку. Он обошел стол и осмотрел Леру, затем перевернул тело на живот и взглянул на шею. — Одним ударом, — констатировал Сейбл. — Сработано весьма аккуратно.

— Похоже, работает все тот же, — заметил Дэвис.

— Ты разве сомневался? — бросил Сейбл, выходя из лаборатории и направляясь в свой кабинет по длинному коридору. Он лишь остановился на секунду в приемной и распорядился, чтобы секретарша принесла ему чашечку кофе.

Когда они вошли в кабинет, там их ждал Беласко, тоскливо рассматривая стены, увешанные похвальными грамотами и благодарностями.

— Полагаю, никто из вас пока не нащупал никакого следа, — сказал Сейбл, опускаясь в кресло.

— Нет, сэр, — отрапортовал Беласко. — Мы там держим целую команду детективов, они обшарили окрестности, но пока ничего не нашли.

— Где обнаружены трупы? — спросил Сейбл.

— Квартал четыре тысячи семьсот, улица Скупости.

— Какого черта их туда занесло?

— Два свидетеля показали, что сегодня на мессе в Церкви Сатаны у Леру были два гостя, — сообщил Беласко. — Один из них по описанию очень соответствует внешности Убусуку.

— Так, а другой? — спросил Сейбл, смыкая руки на затылке и задумчиво уставившись на статуэтку богини Кали.

— Темное дело, сэр, — ответил Беласко. — Один из свидетелей утверждает, что спутник Убусуку блондин, под тридцать, рост около шести футов. Другой говорит, что это был мужчина средних лет — что-то около сорока — со светло-каштановыми волосами, ростом не больше пяти футов девяти дюймов.

— Ну, это не имеет никакого значения, — со вздохом возразил Сейбл. — Убийца не собирается больше разгуливать здесь с такой внешностью, это ясно как дважды два, а, Дэвис? — Он повернулся к Дэвису. — Ну так вот, Лэнгстон. Теперь у него не осталось причин тянуть с пребыванием в Амаймоне. Он уничтожил цепочку, которая могла вывести на него, и убил единственного человека, который мог хоть как-то его опознать.

— Но у нас же еще есть другие иммигранты, — напомнил Дэвис. — Разве мы можем быть уверены, что это был единственный резидент?

— Думаю, да, — ответил Сейбл. — Если бы у него было несколько связных, он не стал бы их пугать этой поспешной расправой с Убусуку.

— И что же нам теперь делать? — спросил Дэвис.

— Перекрыть город, — сказал Сейбл. — Никого не впускать и не выпускать без нашего ведома. Будем искать сатанистов, хотя, я думаю, он достаточно умен и не станет сейчас объявлять себя последователем этой Церкви. Перекроем аэропорты, железнодорожные вокзалы и речной порт, блокируем дороги, а попутно предупредим Конрада Бланда, поскольку скорее всего наши меры — пустая трата времени: все равно мы не сможем удержать в городе этого профессионала. В общем, даже не знаю, что еще можно сделать. И тем не менее, думаю, нам придется предпринять подобные меры для очистки совести, поскольку, если дожидаться утра, то к этому времени он уж наверняка исчезнет из города. Ведь здесь его ничто не держит.

— Понял, — сказал Дэвис, направляясь к двери.

— Да, Лэнгстон...

— Что?

— Смотри, пусть мне и кажется, что наши усилия безнадежны, но не вздумайте работать спустя рукава. Всем работать сверхурочно, пока либо не поймем его, либо не убедимся, что он действительно скрылся. Дай мне



часок сделать несколько звонков, и можешь брать людей из других отделов.

Дэвис кивнул и прикрыл за собой двери.

— Что ж, офицер Беласко, — произнес Сейбл, медленно прикуривая сигару, как только дверь закрылась, — как, по вашему мнению, обстоит дело с убийствами?

— Я бы не сказал, что преступник нас дразнит, сэр, — осторожно начал Беласко, — Но уж, клянусь Люцифером, он наверняка нас не боится. Он мог бы представить так, будто они убили друг друга, но даже не попытался это сделать. В конце концов человек со сломанной шеей не может нанести проникающий удар кинжалом, в то время как мужчина с подобной раной не в состоянии сломать другому позвоночник, пройти еще двадцать метров и только потом свалиться замертво. Если бы он хотел скрыть тот факт, что они убиты одним и тем же человеком, то единственное, что от него требовалось, — перетащить один из трупов дальше на пару кварталов. Убил-то он их разными способами, и установить почерк одного убийцы было бы трудно. Во всяком случае, у нас бы ушло на это не меньше пары дней.

— Весьма разумно, офицер Беласко, — заметил Сейбл. — Продолжайте.

— Ну, в общем, мне кажется, первым он убил человека со сломанной шеей.

— Почему?

— Да потому, что незачем убивать кого-то голыми руками, когда ты уже вытащил нож.

— Да, в этом есть смысл, — согласился Сейбл. — Я полагаю, нож еще не обнаружен.

Беласко отрицательно покачал головой:

— Судя по характеру раны, это скорее ритуальный кинжал, а не тот столовый нож, которым он прирезал Барнема. Если, конечно, это тот же убийца.

— Тот, тот, будьте уверены, — хмуро заметил Сейбл. — Вы хорошо поработали, офицер. А теперь мне надо сделать несколько официальных звонков. Вам стоило бы отыскать Дэвиса и посмотреть, не нужна ли ему ваша помощь. И держите меня в курсе, если появится что-нибудь новенькое с места преступления.

Беласко вышел из кабинета в тот самый момент, когда секретарша наконец принесла кофе. Сейбл сделал один большой глоток, вздохнул и приступил к тягостной задаче обзванивать начальников других отделов. Через час он уже мог отрядить в распоряжение Дэвиса шестьсот полицейских для создания кордона вокруг города.

Он дождался шести часов и надавил на клавишу селектора:

— Да, — раздался голос секретарши.

— Свяжите-ка меня с Тиферетом, я хочу переговорить с Конрадом Бландом. Если он спит, пусть его разбудят.

Минутой позже секретарша сообщила, что Бланд не принимает личных звонков, а телефонисты Тиферета отказываются давать номер.

— Ну что ж, свяжите меня с кем-нибудь, — рывкнул Сейбл.

— С кем?

— Откуда я знаю?! Хотя бы с начальником службы безопасности Бланда.

— Как скажете.

Минут через десять его соединили. Мужчина средних лет в серой военной форме без каких-либо знаков различия выжидательно смотрел с экрана видеофона прямо на Сейбла.

— Говорит Джон Сейбл, глава детективного отдела города Амаймона. С кем я разговариваю?

— Якоб Бромберг.

— Вы непосредственно связаны с Конрадом Бландом?

— При необходимости.

— Прекрасно. — Впервые Сейбл почувствовал некоторое удовлетворение. — У меня есть повод полагать, что

для ликвидации Бланда на Вальпургию подослан наемный убийца. В данный момент он находится в Амаймоне, но подозреваю, что задерживать его дольше мы не в состоянии.

— И?..

— Что значит «и»? Я же говорю вам, что кто-то собирается убить вашего предводителя.

— Ему придется встать в очередь, — с улыбкой отозвался Бромберг.

— Уверяю вас, это вовсе не шутка, — вспыхнул Сейбл, начиная терять терпение. — Убийца — мастер своего дела. И он находится на планете вполне достаточное время, чтобы усвоить наши обычаи. Мы поможем, насколько хватит сил, но я не могу недооценивать всю серьезность ситуации.

— Примите нашу благодарность за этот звонок, но уверяю вас, в этом нет никакой необходимости. Никто не посмеет убить господина моего Бланда.

— Но вы по крайней мере передадите ему мое предупреждение? — раздраженно спросил Сейбл, глядя на экран.

— Если не забуду, — небрежно бросил Бромберг и отключился.

Если не забудет! Сейбл громко выругался, едва со злости не врезав кулаком по столу. Этот болван, похоже, ни черта не понимает. Он принялся рыться в бумагах на столе, пока наконец не отыскал записную книжку. Затем он связался с Каспером Валенбахом, начальником полиции Тиферета.

— Слушаю вас, — сказал Валенбах. Похоже, он был настоящим жаворонком, вставал ни свет ни заря и в такой ранний час уже сидел в офисе за завтраком.

— Инспектор Валенбах? Вас беспокоит Джон Сейбл из Амаймона.

— Мистер Сейбл, — радостно произнес Валенбах, и его полное лицо расплылось в добродушной улыбке. — Рад видеть вас снова. Чем могу служить?

— У меня возникла небольшая проблема, — слегка помялся Сейбл, чувствуя некоторую неловкость. — Надеюсь, вы действительно сможете мне помочь, — произнес он с нажимом.

— Одно ваше слово, — Валенбах картинно вскинул руки, — и мы в вашем распоряжении. Я еще не забыл, что мы у вас в неоплатном долгу.

Его реплика напоминала шутку, однако Сейбл решил пропустить ее мимо ушей. Ему совсем не хотелось сейчас настраиваться на легковесный тон.

— В нашем городе скрывается наемный убийца Республики, — сухо сообщил он. — Мы оцепили Амаймон, но я не знаю, удастся ли его задержать.

— Буду рад дать вам подкрепление, — ответил Валенбах. — Но штат сейчас, к сожалению, сведен до минимума.

— Дело не в этом, — сказал Сейбл. — Если мы сумеем его здесь задержать, то помощь и не потребуется. Если же нет, то он обязательно направится в ваш район. Убежден, что он охотится за Конрадом Бландом. Всего несколько минут назад я разговаривал с главой охраны, типом по имени Бромберг, но мне показалось, он воспринял меня не слишком серьезно, и я решил, что на всякий случай не мешает проинформировать и вас.

— Наемный убийца, говорите? — В тоне Валенбаха Джон уловил некоторое сомнение.

Сейбл деловито кивнул. Он изо всех сил старался держаться официально, ему хотелось произвести на Валенбаха необходимое впечатление и заставить их там, в Тиферете, отнестись серьезно к его словам.

— И он действительно мастер своего дела, говорите?

Эта реплика несколько не понравилась Сейблу, он нахмурился.

— Мы гоняемся за ним уже три дня, — заявил он, стараясь сдержать нетерпение и горячность. — Убивает весьма эффективно, а уж личины меняет быстрее, чем я успеваю переодеться.

— Любопытно, — с философской задумчивостью заметил Валенбах, уставясь куда-то в пустоту мимо экрана.

— Я сообщу вам, как только сумею убедиться, что он покинул город, — сказал Сейбл. — Я действительно не уверен, что мы способны задержать его надолго.

— Да уж, мистер Сейбл, — размышляя о чем-то своем, медленно произнес Валенбах, словно ни к кому в особенности и не обращался. — Постарайтесь сделать все возможное.

— Вам понадобится помощь? — с готовностью спросил Сейбл.

— Э... я сомневаюсь в этом, — наконец протянул Валенбах, переводя взгляд снова на экран, и тень улыбки коснулась его толстых губ. — Мне кажется, я знаю, как надо действовать в подобной ситуации.

«Да что там происходит? — подумал Сейбл. — Глава охраны Бланда считает это глупой шуткой, а начальник полиции ведет себя так, будто это его вообще не касается».

— Ладно, — сказал он вслух. — В случае чего позвоню.

— Я буду здесь, — кивнул Валенбах. Он потянулся через стол и отключил связь, оставив Сейбла гадать, почему возможное убийство Провозвестника Тьмы, похоже, никого не заботит в Тиферете.

## ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

*Если скажут, что мне осталось жить всего лишь час, то первое, что я сделаю, — убью человека, принесшего эту весть.*

Конрад Бланд

— Кто вы? — негромко поинтересовался Джерико, возясь с замком.

Девушка в белом послала ему с постели очаровательную улыбку:

— Хотите верьте, хотите нет, но я ваш друг.

— У меня нет друзей. — Джерико пересек комнату, закрыл окно и прибавил громкость на видео.

— Прежде чем вы убьете меня, — сказала девушка совершенно спокойно, будто все эти приготовления ее не касались, — я обязана предупредить вас, что, направившись к Малкуту, как вы сейчас планируете, вы непременно погибнете.

Джерико застыл, не сводя с нее глаз.

— Вы выторговали себе ровно три минуты, — проговорил он наконец, присаживаясь на металлический стул. — Выкладывайте, с чем пришли.

— Как я упомянула, путь в Малкут был выбран ошибочно.

— А я разве собираюсь в Малкут?

— Ну конечно, Джерико.

— Ладно, но почему вы решили, что меня зовут именно Джерико?

— По-настоящему это не так, — сказала девушка с улыбкой. — Это просто одно из имен, которым вы предпочитаете пользоваться.

— Пользоваться для чего?

— Для убийства Конрада Бланда, например.

— Никогда не слышал ни о каком Бланде, — возразил Джерико. — С какой стати я стану убивать его?

— Не притворяйтесь, Джерико. Вы ведь уже убили Парнелла Барнема, Гастона Леру и Ибо Убусуку.

— Кто они такие? — спросил Джерико, не шевельнув бровью.

Девушка в белом вздохнула:

— Если мы не можем быть честными и правдивыми друг с другом, то я просто не представляю, как могу вам помочь. Всего лишь два часа назад вы убили Леру и Убусуку.

Джерико с минуту маяча разглядывал ее, потом прошел через комнату и прислонился спиной к двери.

— Хорошо, — произнес он наконец. — Вы ничего не сообщили мне, чего бы Сейбл и его подручные уже не знали или вскоре не узнают. Я могу только предположить, что вы член его команды. Возможно, вы даже захотите объяснить мне, почему я должен оставить вас в живых.

— Ох, до чего же с вами трудно разговаривать, — усмехнулась девушка. Похоже, беседа ее забавляла. — Что, если я напомню вам, что под другим именем вы убили Постава Гагенбаха на Сириусе V лет двенадцать назад.

— Я отвечу, что это всего лишь беспочвенные догадки. Или Сейбл собирается навесить на меня все нераскрытые преступления в Галактике.

Девушка отрицательно покачала головой:

— Похоже, мне придется идти напролом, иначе вас не вызовешь на откровенность. — Она сделала паузу, а затем заговорила, и от ее слов Джерико едва не выдал себя, в изумлении приподняв брови.

— Послушайте, мне, например, известно, что это вы убили Бенсона Рейлингса на Белоре VII.

Джерико напрягся, чтобы не вздрогнуть. Это было одно из наиболее ранних его заданий. Белор VII был необитаемой планетой-рудником, от трупа Рейлингса не осталось и следа, а заказчик убийства умер естественной смертью еще до того, как он успел сообщить ему об успехе своей миссии. Никто, кроме Джерико, не знал даже, что убийство было совершено.

— Ага, — сказала девушка в белом, расплываясь в лучезарной улыбке. — Похоже, последние мои слова все-таки произвели на вас впечатление?

— Да, не скрою, — хмуро откликнулся Джерико. — Как вы это пронюхали?

— А для Белоглазой Люси нет секретов.

— Вас зовут Белоглазая Люси? — удивленно спросил Джерико.

— Нет, нет, — поспешно откликнулась девушка. — Я лишь служу ей. Меня зовут Колас.

— И кто же она такая, эта Белоглазая?

— Вы скоро сами узнаете, — пообещала Колас. — Она хочет с вами повидаться.

— А зачем я должен встречаться с ней?

— Да потому хотя бы, что в Тиферет без ее помощи вам не войти, — заявила Колас. — А если не войдете в Тиферет, то не сможете убить Конрада Бланда.

— Все на этой планете, похоже, обожествляют его от макушки до пят, — сказал Джерико. — Почему же вы и Белоглазая Люси хотите его видеть мертвым?

— Потому что он живое воплощение зла, — пояснила Колас с нескрываемой страстью в голосе, — и его дальнейшее существование просто невыносимо.

— И что, Белые Ведьмы Вальпургии тоже так считают? — поинтересовался Джерико.

— Представления не имею, — легкомысленно откликнулась Колас, дернув узеньким плечиком. — Белоглазая Люси и ее жрицы — это замкнутая секта. У нас нет контакта с Белыми ведьмами. Они говорят, конечно, что работают скорее ради добра, чем ради зла, но это всего лишь слова. Концепции добра и зла легко могут смешиваться на Вальпургии, если вы еще не обратили на это внимания.

— И все члены вашей маленькой секты обладают способностью читать мои мысли? — осведомился Джерико.

— Нет, — ответила Колас. — Однако мне не надо быть телепаткой, чтобы знать, о чем вы думаете. Я обязана предупредить вас, что если убьете меня, то Белоглазая Люси выдаст вас официальным властям со всеми потрохами, где бы вы ни прятались.

— Почему же она этого не сделала до сих пор? — спросил Джерико. — Сдается мне, что, будь я этим Сей-



блом, сыщиком, я бы первым делом осведомился насчет меня у Белоглазой Люси.

— Во-первых, — сказала Колас, — Сейбл просто не знает, где ее искать.

— Ответ не принимается, — возразил Джерико. — Уверен, при желании он бы ее отыскал.

— А во-вторых, он не знает, что Белоглазая Люси обладает такой способностью.

— Довольно трудно скрыть свое существование, если она проводит время, помогая уничтожить все, что принимает за зло, — прокомментировал Джерико.

— Она никому не помогала прежде, а добро и зло — просто абстрактные понятия, или так было, по крайней мере до тех пор, пока здесь не появился Конрад Бланд. Нас не касалось, кто кого убивает, пока нас оставляли в покое.

— Ну так чего же тогда нервничать из-за этого Бланда? — поинтересовался Джерико. — Или он, не успев появиться, уже прицепился к вам?

— Вовсе нет. Просто, останься он в живых, он погубит все живое на Вальпургии, — отозвалась Колас. — Его философия нам противна, не спору. Но не более, чем куча прочих, процветающих на этой планете. Суть в том, что у него как на грех есть и воля, и сила претворить свои убеждения в жизнь.

— Ценю вашу заботу, — отозвался после короткой паузы Джерико. — Но я работаю в одиночку.

— Если будете продолжать в том же духе, то вы и умрете в одиночку, — убежденно произнесла Колас.

— Положусь на судьбу, — сказал Джерико.

— Вы встретитесь с Белоглазой Люси или погибнете в Малкутс, — уверенно заявила Колас. — Ей все известно: где вы находитесь, код вашего номера, что вы совершили в прошлом, кого убили нынешним вечером, ваши планы и разработки относительно задания. Но она все это время сохраняла тайну в знак доброй веры, по-

сколько лишь горстка посвященных знает о ее существовании.

— Я ценю это, — признал Джерико.

— Тогда оцените и то, что в любое время после вашей высадки она могла открыть место вашего пребывания Джону Сейблу, но этого не сделала. Она на вашей стороне, Джерико, и говорит, что войти в Тиферет вы без нее не сможете. Разве не в ваших интересах встретиться с ней?

— Я подумаю над этим, — ответил он, помолчав.

— Замечательно, — улыбнулась Колас. — Километрах в ста пятидесяти к северу от Амаймона воздвигнут новый мост через Стикс. Будьте там завтра на закате, и вас проведут к ней.

— Вы?

— Вероятно, нет, — отозвалась Колас. — Джон Сейбл уже обнаружил трупы двух недавно убитых вами, и всеходы и выходы будут перекрыты. Я могу и не выбраться из города.

— И тем не менее вы считаете, что я буду завтра к вечеру в ста пятидесяти километрах к северу от города?

— Белоглазая Люси говорит, что вы и без нас сумеете выбраться из Амаймона. Я бы сопровождала вас, но она говорит, что вам предстоит сделать кое-что, к чему я не могу быть причастна.

— Когда же она это сказала?

— Только что, пока мы разговаривали, — невозмутимо пояснила Колас.

Он отодвинулся в сторону, пропуская ее мимо себя, и Колас быстрыми, уверенными движениями набрала код. Дверь скрипнула, и мгновением позже девушка исчезла.

В голове у Джерико мелькнула мысль броситься за ней и проследить ее путь, однако он быстро отказался от этого, поскольку еще не успел сменить личину блондина, которую видели в Церкви Сатаны.

Стоя перед зеркалом, он быстро преобразил себя в лысющего пожилого гражданина с животиком. Ему можно было дать как тридцать лет, так и все пятьдесят. Новая одежда превратила его в солидного, зажиточного мужчину, а более тонкие подошвы убавили рост.

— Он внимательно оглядел себя и, не заметив никакого сходства с тем, кем был, вышел в прохладу вечернего Амаймона, в последний раз оглядывая уже знакомые улицы. Несессер с гримерными принадлежностями был надежно спрятан у него под рубашкой. До восхода солнца еще оставалось два часа, и улицы казались почти вымершими. Это делало задачу Джерико трудной, но не невозможной. Прогулочным шагом он бродил по улицам до тех пор, пока не обнаружил то, ради чего покинул отель в такой ранний час.

Прохожий. У Джерико не было времени красться за ним по пятам, как за первой жертвой. Он кинулся в переулок, обежал квартал и затаился за углом. Когда прохожий оказался в шаге от него, Джерико одним прыжком настиг его сзади. Резкий удар по шейным позвонкам... Джерико успел отпрыгнуть в сторону раньше, чем тело мешком свалилось на тротуар.

Пройдя еще с километр, он обнаружил другого прохожего, который, шатаясь на нетвердых ногах, возвращался из какой-то таверны. Та же испытанная процедура. Прыжок, удар. Покончив с пьяным, Джерико направился обратно к центру города.

Затем ему попалась женщина, но ее он решил не трогать. Ему не хотелось давать полиции ни малейшего повода думать, что это дело рук сексуального маньяка.

Свою третью жертву он нашел чуть ли не в дверях «Берлоги дьявола», одного из тех заведений, которые он посетил накануне убийства Барнема. Этого он проткнул насквозь, оставив кинжал Убусуку в теле.

Теперь Джерико принялся ждать восхода солнца. Когда время настало, он расположился в вестибюле небольшого

офиса в центре города. Шестеро полицейских в форме прошли перед входом, пока он не выбрал того, кто ему подходил, худощавого черноволосого мужчину приблизительно одного с ним роста. Он выскользнул из вестибюля наружу и последовал за полицейским, стараясь сохранять дистанцию. Через несколько минут полицейский зашел в кафе, и Джерико поспешил за ним. Пристроившись рядом, он сумел пролить кофе тому на рукав и рассыпался в извинениях. Когда тот заторопился в туалет, чтобы хоть как-то отмыть рукав, Джерико последовал за ним.

Через три минуты Джерико в форме констебля полицейских сил города Амаймона выбрался из туалета и, найдя подсобку с продуктами, затащил туда труп полицейского. Его собственная одежда была отправлена в мусоросжигатель.

Он оплатил оба кофе, свой и полицейского, и на местном автобусе доехал до конечной остановки. Отсюда до окраины города было рукой подать. Там-то он и вышел на группу полицейских, карауливших дорогу.

Джерико присоединился к ним, за следующие тридцать минут энергично завернул тройку пешеходов, а zároveň внимательно прислушивался к разговорам и объяснениям полицейских, которые заворачивали транспорт, идущий в город.

После этого он полностью переключился на работу с раздраженными водителями, и часов в одиннадцать, когда подкатил междугородный автобус, Джерико зашел внутрь, чтобы объяснить водителю, почему запрещен въезд в Амаймон. Водитель начал было протестовать, но тут подошли остальные полицейские, и разгорелся бурный спор, в который вступили и пассажиры. Обе стороны не хотели уступать, однако водителю ничего не оставалось делать, как только подчиниться. И уже минут через пятнадцать жаркой перебранки он развернул огромный автобус и укатил обратно, оставив на дороге на одного полицейского меньше, чем было раньше.

## ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

*Смятение и хаос — прислужники зла.*

Конрад Бланд

— Только что нашли третьего, — сообщил Лэнгстон Дэвис, заходя в кабинет Сейбла.

— Убийца все тот же? — спросил Сейбл.

— Сломанная шея, — пожал плечами Дэвис. — Точный удар ребром ладони.

— Отпечатки на ноже нашли?

Дэвис покачал головой:

— Не похоже, чтобы рукоять протирали, но отпечатков нет. Эксперты говорят, что какие-то следы остались, но он, должно быть, либо был в перчатках, либо хирургическим путем удалил рисунок с подушечек пальцев.

— Без сомнения, так оно и есть, — сказал Сейбл. Он бросил взгляд на бафомет, который словно смеялся над ним. — Дьявол, Лэнг! Не нравится мне ситуация, но что — никак не могу понять.

— Пять трупов в одну ночь — и в самом деле перебор, — заметил Дэвис, пододвигая стул.

— Нет, не в этом дело, — возразил Сейбл. — Рано или поздно он бы прикончил Убусуку, да и у смерти Леру та же причина, поскольку тот мог опознать его. Но остальные-то трое при чем?

— Мы пока еще ничего не знаем о последней жертве, — указал Дэвис. — Он тоже может оказаться из иммигрантов.

Сейбл покачал головой:

— Я не азартный человек, Лэнг, но готов поспорить на недельную зарплату, что он так же чист, как и остальные двое. Я только хотел бы знать, что же у всех троих общего. Мне казалось, что после убийства Убусу-

ку его ничто здесь не держит и он должен отправиться в Тиферет. Где же я просчитался? Послушай, Лэнг, напряги мозги: ну что же может его держать в Амаймоне?

Дэвис молча пожал плечами, и Сейбл, все еще бормоча себе под нос, с грохотом отодвинул кресло, встал и принялся расхаживать по кабинету.

— Итак, вопрос: почему он оставил кинжал на месте преступления? — спросил он наконец, оборачиваясь к Дэвису. — И почему он никогда не оставляет следов крови? Всегда действует одинаково чисто и аккуратно. Он же не тупица, Лэнг. Он же понимает, что мы за ним следим, почему же тогда не изменит почерк преступления?

— Хвастовство? — спросил Дэвис. — Решил подразнить нас?

— Он же профессионал, — напомнил Сейбл, — а профессионалы напрасно не рискуют. И хвастать им незачем. Наоборот, они должны тщательно скрывать плоды своего труда, — произнес Сейбл с нажимом. И он опять плюхнулся в кресло, которое глухо заскрипело под тяжестью его тела. — Нет, мы чего-то здесь недопонимаем! Но что?.. Он не оставляет отпечатков пальцев? Но он же знает, что мы все равно сопоставим убийства и найдем связь между кинжалом и убийством Убусуку. Так зачем вообще его оставлять?

Компьютер на столе Сейбла засветился.

— Ага, сведения по последней жертве, — сказал Дэвис, обходя стол и наклоняясь к экрану. — Имя: Гектор Блок. Возраст: тридцать семь. Профессия: заведующий бакалейной лавки. Адрес: «Девятый круг» — это местная гостиница во владении Братства Ночи. Так, никогда не покидал планету, не контактировал с известными нам иммигрантами. Причина смерти: перелом шейных позвонков.

— Очередная пустышка, — пробормотал Сейбл — Так в чем же связь? Где же, черт возьми, собака зарыта?

— Может быть, убитый опознал его, — предположил Дэвис без особого энтузиазма.

— И убийца гнался за ним целый километр, так, по-твоему? — фыркнул Сейбл. — Чушь, чушь. Убитый ничего не успел почувствовать, и уж тем более у него не было причины испытывать страх. Их связи проверяются, но я готов поспорить, что никто из троих даже не знал остальных.

Он опять вскочил и принялся расхаживать, рассеянно вынимая новую сигару и прикуривая ее.

— По крайней мере хотя бы одно известно, что он еще в Амаймоне.

— Да, но мы еще не знаем, выполнил он свою миссию здесь или нет, — сказал Дэвис.

— Верно, — признал Сейбл. — Но не можем же мы сидеть сложа руки. Нам нужен хоть какой-нибудь намек на его дальнейшие действия. — Он изумленно покачал головой. — Шесть убийств за... за сколько? За пятьдесят четыре часа?! Мы просто обязаны остановить его.

Сейбл провел следующих два часа, посещая места преступлений и внимательно осматривая трупы жертв. Около полудня он вернулся в свой кабинет в ожидании дальнейших событий.

Во всех этих убийствах прослеживалось некое противоречие. Если убийцу интересовал Бланд, то не было никакого смысла торчать в Амаймоне после смерти связанного. Более того, у него были все основания покинуть город, поскольку в провинции его ошибки и промахи так не бросались бы в глаза, как в густонаселенном городе, где полиция охотилась за ним. С другой стороны, если его цель была в самом городе, то зачем же было убивать безобидного Барнема и привлекать к себе внимание полиции. Здесь не улавливалось никакой логики.

Убийца и в самом деле оказался крепким орешком. Но упускать его Сейбл не собирался. Если надо, он приложит все усилия, последует за ним в Тиферет, дойдет

до самого Конрада Бланда, но схватит этого чертова агента. Сейбл чувствовал, что все эти убийства затрагивают его профессиональную гордость. Не мог он — опытный инспектор с великолепным послужным списком — позволить какому-то агенту перечеркнуть всю его карьеру.

Едва часы успели пробить двенадцать, запыхавшийся Дэвис влетел в кабинет.

— Еще одного нашли! — выпалил он с порога.

— Что, так же, как и другие?

— Угу, Владимир Козминов.

— Наш Владимир Козминов?! — не поверил ушам Сейбл — Из отдела по грабежам со взломом? — Он даже привстал с кресла, настолько ошеломила его эта весть.

Дэвис кивнул. Похоже, ему удалось застать шефа врасплох.

— Мы нашли его в кладовке ресторана. А точнее, нас вызвал туда владелец.

— И как же он был убит? — спросил Сейбл, беря себя в руки.

— Перелом шейных позвонков, — отрапортовал Дэвис. — Один удар, как и в остальных случаях. Одно отличие, правда: возможно, он подвергся сексуальному нападению.

— Почему ты так решил?

— Джон, да его обнаружили совершенно голым.

— А, дьявол! — простонал Сейбл. — Мы его потеряли!

— Кого потеряли? Козминова?

— Да убийцу! Убийцу же! — рявкнул Сейбл. — Его теперь и след простыл. Снимай кордон.

— Что ты имеешь в виду? — Дэвис явно был озадачен.

— Козминов, — пояснил Сейбл, — Козминов. Он и был недостающей частью мозаики. Теперь-то все понятно.

— Не пойму, что ты такое говоришь, — пробормотал Дэвис.

— Послушай, Лэнгстон, — сказал Сейбл. — Зачем убивать ночью троих прохожих, которые тут вообще ни



при чем? Почему он не пытался скрыть свой профессиональный почерк? Вот черт, мы же ведь верные вопросы ставили, просто над ответом не подумали.

— Я все еще не понимаю, — заметил Дэвис, хмурясь.

— Пораскинь мозгами, Лэнгстон. Он знал, что мы перекроем выходы из города после убийства Убусуку. Он знал, что мы станем следить за всеми дорогами, поскольку после этого убийства ему в Амаймоне делать было нечего. И как же он поступает? Убивает троих попавшихся, чтобы заставить нас думать, будто он здесь и никуда не собирается смываться. Эти три жертвы были всего лишь приманкой, и мы на нее попались как младенцы. Он купил по крайней мере полдня свободы. А самое важное убийство, которое что-то значило для него, — это убийство Козминова. Убийца еще часа три назад, вероятно, выбрался из Амаймона под видом полицейского.

— Так разошлем наши ориентировки.

— Великий Люцифер! — с горечью хохотнул Сейбл. — Ты что, всерьез считаешь, что он по-прежнему в форме Козминова? Да всего-то ему нужно было просочиться мимо нашего кордона и получить пару часов форы. Он прекрасно знал, что мы обнаружим убитого еще до конца дня, но это уже не имело никакого значения. Ему просто требовалось время, чтобы убраться за пределы города. И кто же теперь знает, как он выглядит? Какую ты ориентировку предлагаешь разослать по комиссариатам нашей славной планеты?

Сейбл схватил и в сердцах швырнул стеклянную пепельницу об стену. Сверкающие брызги со звоном разлетелись в разные стороны, к потолку взметнулся серый сигарный пепел.

— Проклятие! Просто не верится! Мы знали все, что требуется, и все равно упустили этого гада.

Дэвис терпеливо дождался, пока шеф немного остынет, и тихо спросил:

— И что нам теперь делать?

— Мы теперь ничего не можем поделать, — с горечью произнес Сейбл. — Убийца ускользнул. Он вне нашей юрисдикции. И единственное, что мне остается, это позвонить Валенбаху и главе охраны Бланда и предупредить о нашей неудаче.

— А мне что теперь делать?

— Да ничего. Ладно, ты и так всю ночь на ногах, ступай домой и как следует отоспись.

Оставшись в одиночестве, Сейбл рассеянно уставился в окно. Затем, словно спохватившись, он вдруг вспомнил, что новый день уже давно начался. Сейбл преклонил колени перед статуэткой богини Кали, зажег свечи и помолился Асмодею, Азазелу и Ариману. Подержал свой амулет перед светом свечи, изобразил в воздухе стилизованную звезду и вернулся за стол. Вскоре он связался с Каспером Валенбахом.

— Мистер Сейбл, — сказал Валенбах, — я, право, не ожидал увидаться с вами столь скоро.

— Он направляется к вам, — предупредил Сейбл без лишних слов.

— Убийца?

Сейбл кивнул:

— Я бы и сам хотел, чтобы новости были повеселей.

— Все в порядке, сэр, — заверил Валенбах. — Мы тут с ним управимся, пусть только доберется.

— Он убил еще пятерых, — сообщил Сейбл. — Не хочу обижать ваших подчиненных, но я просто боюсь, вы не понимаете, с кем вам придется иметь дело.

— Если вас не затруднит, просветите, — откликнулся Валенбах.

Следующие двадцать минут Сейбл описывал во всех подробностях, что произошло за последние три дня. Когда он закончил, Валенбах отвел от камеры взгляд и стал поправлять бумаги на столе.

— Что ж, спасибо за подробную информацию, мистер Сейбл, — сказал он. — Я уверен, что с этой дополнительной информацией мы скоро посадим преступника за решетку.

— Только не надо его недооценивать, — с досадой настаивал Сейбл.

— Да что вы, ни в коем случае, — проговорил Валенбах. — А сейчас, если у вас больше ничего нет, я бы хотел заняться инструктажем личного состава.

Сейбл пожал плечами, оборвал связь и озадаченно уставился на пустой экран. Ему вовсе не хотелось делать еще один звонок, но реакция Валенбаха не оставляла ему другого выхода.

— Да, — сказал Якоб Бромберг.

— Джон Сейбл из Амаймона. Мы разговаривали вчера.

— Я знаю, кто вы, — ответил Бромберг.

— Звоню, чтобы предупредить, что убийца покинул Амаймон и в настоящее время движется к Тиферету.

— И что вы хотите от меня? — спросил Бромберг с сухим смешком.

— Проклятие! — взорвался Сейбл. — Что с вами со всеми?! Я же вам уже сто раз объяснял, что один из самых опасных убийц, каких я когда-либо видел, направляется сейчас в Тиферет убить Конрада Бланда. Разве это ничего для вас не значит?

— Это значит, что он очень об этом пожалеет, — произнес Бромберг, хищно улыбаясь.

— Послушайте... позвольте мне поговорить с Бландом хотя бы пять минут, — попросил Сейбл, сдерживая раздражение и гнев. — Хоть кто-то в Тиферете должен наконец понять всю серьезность ситуации.

— Что вы, я совершенно серьезно отношусь к этому, — сказал Бромберг, с трудом подавляя очередную улыбку. — Вы что, хотите, чтобы я наложил в штаны только потому, что еще один псих собирается убить господина моего Бланда?

— Вы просто не понимаете, — выпалил Сейбл, жалея, что не может съездить кулаком по толстой самоодвольной роже Бромберга. — Этот человек — не псих, он профессионал!

— Мистер Сейбл! — раздался странный высокий голос, который как бы потрескивал, словно заряженный электричеством.

— Кто это? — удивился Сейбл.

— Конрад Бланд, — представился голос. — Я следил за вашей беседой. Премного благодарен за ваше беспокойство, а теперь, пожалуйста, оставьте нас в покое и не звоните больше.

— Уделите мне только несколько минут, чтобы я мог убедить вас в серьезности ситуации, сэр.

— Я прекрасно все понял, — сказал Бланд. — Весьма талантливый убийца направляется в Тиферет, чтобы уничтожить меня. Если он доберется сюда — в чем я глубоко сомневаюсь, — то быстро поймет, что я не так уж беспомощен.

— Этот человек не то, что другие, — заметил Сейбл.

— Все мы разные, — заметил Бланд. — И все-таки я пока еще жив, а вот мои противники мертвы.

— По крайней мере позвольте мне ознакомить вашу охрану, с кем они могут столкнуться, — предложил Сейбл. — Я могу вылететь в Тиферет и провести с ними пару дней.

— Об этом и речи не может быть, мистер Сейбл, ваше присутствие в Тиферете нежелательно.

— Но...

— Мистер Сейбл, на Вальпургии традиции разнятся от города к городу, но есть одно незыблемое правило: Церкви священны, и что происходит внутри их структур, не касается внешнего мира.

— А какое это имеет отношение к теме нашего разговора? — с удивлением спросил Сейбл.

— Мистер Сейбл, — сказал Бланд, и по напряжению в его голосе чувствовалось, как в нем растет раздражение. — Тиферет — моя Церковь, понятно? Не суйтесь.

Невидимая рука прервала связь.

## ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

*Есть своего рода поэтическая красота в уничтожении того, что любишь.*

Конрад Бланд

Джерико сошел с автобуса в сорока километрах от Амаймона. Удостоверившись, что не привлекает ничьего внимания, он постоял на дороге, озираясь по сторонам, и уже через несколько минут ему удалось остановить грузовик, следовавший в нужном ему направлении. Он избавился от водителя довольно быстро, конфисковал одежду и спрятал труп в кузове. Потом Джерико развернулся и понесся на север, старательно придерживаясь средней скорости. Обогнув Амаймон, он поехал по шоссе параллельно реке Стикс, то и дело сравнивая пейзаж с мысленно воспроизведенной картой. За пять километров до назначенного места встречи он остановился и выждал, пока шоссе не опустеет окончательно. Затем он загнал грузовик в воду, и, хотя машина полностью исчезла под водой, он не сомневался, что через пару дней ее все равно найдут. Во-первых, река была мелкой, а во-вторых, он уже имел наглядный пример оперативности амаймонской полиции. Однако он не сильно переживал: день или два ему вполне хватит, тем более теперь, когда он избавился от назойливого полицейского контроля.

Прошло не меньше полутора часов, прежде чем Джерико удалось наконец добраться до нового моста. Он подошел как раз в тот момент, когда две небольшие луны взошли над горизонтом, разливая вокруг золотистый свет. Он огляделся вокруг, внимательно присматриваясь к бархатным теням, которые ложились на землю, создавая замысловато-таинственные картинки. Они интересовали его только с точки зрения безопасности: чем больше он стоит здесь, на открытом месте, тем больше вероятность, что его кто-нибудь может заметить с дороги. Однако долго ждать не пришлось. Уже через несколько минут к нему приблизилась женщина в белом.

— Джерико? — коротко и бесстрастно спросила она.

Он кивнул:

— Следуйте за мной, пожалуйста.

Она резко развернулась на каблуках и стала удаляться в сгущавшейся темноте, не дожидаясь ответа.

Джерико последовал за ней, ни о чем не спрашивая. Они спустились на берег реки и пошли вдоль кромки воды, которая мирно поплескивала у самых ног. Вода была почти черной и в золотистом свете двух лун маслянисто поблескивала, отбрасывая смутные блики. Женщина стала проворно и легко подниматься по обрывистому склону берега, направляясь к приземистому и внушительному бетонному зданию, которое серой громадой выделялось на черном фоне наступившей ночи. Глухие стены с маленькими квадратными окнами были ярко освещены; и множество мотыльков, ночных бабочек и других насекомых кружили над ними, словно в замысловатом хороводе.

Женщина вошла и, поманив его, повела по длинному узкому коридору, освещенному лишь рядом флюоресцентных ламп, которые, уныло потрескивая, разливали вокруг себя холодно-серый свет. Джерико внимательно оглядывал обветшалые, покрытые потрескавшейся краской стены в поисках символов или амулетов, которые могли

бы подсказать, к какой секте принадлежит Белоглазая Люси. Однако, к его разочарованию, стены и потолки были девственно чисты. По пути они миновали множество комнат, обставленных со спартанской скудостью, и наконец остановились перед тяжелой деревянной дверью. Ссекунду женщина помедлила, потом кивнула и, открыв дверь, молча впустила Джерико. В деревянном кресле, обессиленно положив дряхлые, морщинистые руки на подлокотники, сидела древняя старуха. В ногах у нее, прямо на грязном полу, расположилась девушка. Обе они были в белом.

— Проходи, присаживайся, — пригласила старуха звучным и сильным голосом, какого от нее трудно было ожидать.

Джерико огляделся, увидел стул в тени, подле окна, и прошел к нему. Проводница оставила комнату, тихо притворив за собой дверь.

Джерико сел и выжидающе уставился на старуху. Длинные седые волосы были собраны в пучок на затылке, а лицо покрывали мелкие и крупные морщины. Она повернулась к нему, и Джерико заметил, что глаза у нее затянуты белой пленкой.

— Значит, вы и есть Белоглазая Люси? — спросил он.

— Да, — сказала она, глядя в пустоту невидящими глазами. — Можешь теперь оставить нас, Доркас.

Девушка у ее ног поднялась и скрылась за дверью.

— Хорошая девочка Доркас, — Белоглазая Люси даже не шевельнулась в своем кресле, — но раз ты здесь, она мне пока не нужна.

— Не понимаю, — признался Джерико, расслабленно откидываясь на спинку стула.

— Твои глаза, — охотно пояснила Люси. — Мне нужны чьи-нибудь глаза, чтобы видеть.

— Теперь вы видите то же, что и я? — Брови Джерико удивленно взлетели вверх.

— Да. — Люси Белоглазая горестно качнула головой, в ее голосе послышалась тоска. — Но, по правде говоря, предпочла бы не видеть. В свое время я была симпатичной женщиной.

— Не сомневаюсь.

— Почти сто лет назад, — продолжала она задумчиво. — Мне теперь сто двадцать восемь. Разве сейчас в это можно поверить?

— У меня нет причин сомневаться в ваших словах, — спокойно заметил Джерико.

— Конечно, нет, — кивнула Люси. — Да ты и не сумел бы скрыть от меня, если бы сомневался. У тебя на редкость плоский ум, Джерико. Не думаю, чтобы мне прежде встречались такие.

— М-м?

— Именно! — Седая голова снова качнулась. — Большинство людей на твоем месте встревожились бы, узнав, что я могу читать самые сокровенные их мысли. Тебя же это, похоже, нисколько не волнует. Очень странный ум: ни пригорков, ни долин. Ни эмоций, ни страхов, ни переживаний. — Она повела морщинистой, по-старчески немощной рукой. — Плоский и деловой. Мне кажется, причина, по которой ты безоговорочно принимаешь мой возраст, не в том. Что я говорю правду, а в том, что для тебя это не имеет никакого значения. Тебе совершенно безразлично, правду я говорю или нет. Такой чистый, незагроможденный ум! Было бы так интересно привести его в смятение, чтобы нарушить прямые линии и углы, и посмотреть, как он реагирует. А ведь я бы могла это сделать, ты сам знаешь.

— Нисколько не сомневаюсь, — сухо подтвердил Джерико. — Но раз уж вы так легко проникаете в мою голову, то какой толк произносить слова вслух?

Белоглазая Люси хихикнула:

— Ты ведь не телепат, вот потому-то я и могу читать твои мысли, а ты мои — нет. Единственно по этой самой



причине я и послала за тобой: чтобы мы могли поговорить друг с другом с глазу на глаз. — Она секунду помедлила, словно засомневавшись. — Хотя, если бы ты захотел выглянуть из окна, мне бы доставило это большое удовольствие. Мне нравится смотреть на звезды.

— Хорошо, — бесстрастно согласился Джерико, повернувшись к ночному небу и пристально всматриваясь в звездный узор на черном бархате ночи. — Вы послали за мной. Я здесь. А теперь скажите, что вы можете для меня сделать?

— Для начала я могу предупредить тебя: не ходи в Малкут, — сказала Белоглазая.

— Почему? — Хотя эта тема волновала Джерико, он не отвел взгляда от ночного неба.

— Бланд решил уничтожить всех жителей Малкута до последнего ребенка. — В голосе Люси Белоглазой снова зазвучали горечь и боль. — В течение этой недели там не останется ничего живого, и даже ты со всем твоим умением не сможешь сбежать из города и миновать смерти.

— Интересно, — заметил Джерико задумчиво. — Чем же это Малкут так досадил Бланду?

— Ничем.

— Но?..

— Ага! — воскликнула старуха. — Так вот каков твой ум, когда он озадачен! Весьма причудливо! Мне, право, так и хочется, чтобы ты сам мог полюбоваться на это.

— Так почему же Бланд хочет вырезать Малкут? — повторил Джерико.

— Да потому, что он злой.

— Это не ответ, — произнес Джерико с сомнением. Он медленно прикрыл глаза.

— Что случилось? — встревоженно спросила Белоглазая. — А, понятно. Что за мальчишество, Джерико, лишать старую слабую женщину зрения?

— Ничего слабого в вас нет, — холодно отпарировал Джерико. — Мне просто показалось это вернейшим способом вернуть вас к теме нашего разговора. Итак, почему Бланд хочет вырезать Малкут?

— Просто в его природе уничтожать все вокруг.

— Вы всерьез утверждаете, что он своего рода сумасшедший?

— Нет! — гневно отрезала старуха. — Конрад Бланд абсолютно рационален и держит под полным контролем собственные чувства, как ты, Джерико, или я. Не знаю, воплощается ли в этой Вселенной где-нибудь концепция зла. Знаю только, что зло есть и оно обитает внутри Бланда.

— Признаться, в ваших устах это звучит несколько мистически, — заметил Джерико.

— И твой ум добавляет, что ты впустую потратил время на встречу и что я всего лишь свихнувшаяся от старости религиозная фанатичка. Но твой ум не был там, где был мой. Я честно предупреждаю тебя, что предоставленный самому себе Конрад Бланд уничтожит все живое на этой планете.

— Но в этом же нет никакого смысла. Вальпургия — единственная планета в Республике, которая с радостью предоставила ему убежище.

— Меньше всего его волнует смысл, — возразила Белоглазая Люси. — Это просто в его природе. Никакой альтернативы уничтожению Вальпургии ему и в голову не приходит и не придет. — Старуха сделала паузу. — А почему твой ум пришел в такое смятение?

— Вы убедили меня в своей искренности, — отозвался Джерико с сардонической улыбкой. — И поскольку вы читаете чужие мысли, то вам легко понять, каких ответов я подсознательно жду. Однако это не важно. Меня даже не волнует, почему вы хотите видеть Бланда мертвецом. Я просто хочу знать, почему вы убеждены, что

можете мне помочь, и не верите, что я способен убить его в одиночку?

— Тебе нужна наша помощь, потому что ты допустил большую глупость, — сказала Белоглазая, слегка шевельнувшись в кресле.

— Объявление в газете? — поинтересовался он.

— Нет, это мелочь. Твоя ошибка в том, что ты убил Парнелла Барнема.

— Это еще кто?

— Первая из твоих жертв.

— Мне надо было убедиться...

— Мне известны твои причины, — перебила она его. — Но из-за этого в дело ввязался Джон Сейбл, и он оказался гораздо смысленнее, чем ты предполагал. Даже теперь бы я не стала вмешиваться, но он передал Бланду все, что знает. И я уже не могла откладывать нашу встречу.

— Ну и что? — спросил Джерико. — Как и Сейбл, Бланд представления не имеет, кого искать. К тем личинам, которые разыскиваются в Амаймоне, я уже больше не вернусь.

— Бланд прекрасно знает, кого он ищет, — задумчиво сказала Белоглазая Люси, шаркнув по полу ногой. — Правда, он не может, как я, догадаться, где именно ты находишься, но он знает, что наемный убийца из Республики уже на пути к Тиферету. Только сегодня он убил более семисот путников внутри четырехсоткилометрового кольца вокруг Тиферета. Завтра он убьет еще больше. Он окружит себя смертью и кровавой пустыней и примется уничтожать всякое живое существо, которое только попытается приблизиться.

— Тогда я не понимаю, как вы можете помочь мне пробраться в Тиферет, — сказал Джерико.

— Поразительно, — откликнулась Люси.

— Что?

— То, что он убивает совершенно невинных, для тебя не значит ровным счетом ничего?

— Профессионал моего класса не может себе позволить излишних эмоций.

— Даже после всего, что я сейчас сказала, у тебя не появилось никакой мысли о Бланде, словно он какое-то насекомое. Тебя даже не тревожит, умрет он или останется в живых, ты думаешь об этом, лишь вспоминая, что тебе еще не все выплатили.

— Какая разница, что у меня за мотивы, если я его все равно убью? — заметил Джерико. — Каждую минуту, что я провожу здесь, он только укрепляет свою охрану. Я признаю, что вы хотите его убить, я признаю, что вы способны прочесть его мысли и мысли его охраны. Но я не понимаю, какую помощь вы можете оказать мне, если он буквально косит всех подряд на подходах к городу. И кроме того, как только я отсюда уйду, я потеряю всякую связь с вами. Если даже вы узнаете что-нибудь полезное, вы не сможете мне это передать.

— Напротив, Джерико, мои глаза и уши рассеяны по всей Вальпургии.

— Это ваши Белые Ведьмы, что ли?

— Мое племя, и мы вовсе не Белые Ведьмы. Мы не практикуем магии, не поклоняемся дьяволу. Мы просто женщины, наделенные даром.

— А почему же вы все в белом? — спросил Джерико.

— Защитная окраска. Кому, как не тебе, знать это?

— И ваше племя, с такими же способностями, как у вас, рассеяно по всей планете?

— Не совсем с такими, как у меня. Большинство из них могут только получать, горстка способна посылать. И только я могу делать и то и другое.

— Сдается мне, вы со своим даром довольно опасная персона, — заметил Джерико, поднимаясь со стула и потягиваясь.

— Не будь глупцом, — сказала она. — Зачем бы мне держать в тайне твое имя и местонахождение, если бы я не была на твоей стороне?

— Не знаю, — признал Джерико, обходя комнату и лениво оглядывая пятна на стенах. — А хотелось бы знать наверняка.

— Ты очень недоверчивый человек, — произнесла Люси. — И такое поведение обусловлено твоим умом. Я говорю тебе правду, но разве это для тебя имеет хоть какое-нибудь значение? Мы оба хотим, чтобы Бланд был мертв, и я предложила тебе помощь.

Он посмотрел на нее долгим, изучающим взглядом, словно хотел понять, что же кроется за старой, морщинистой маской старушечьего лица. Внезапно он довольно ясно осознал, что она в этот момент роется в его мыслях, выискивая уязвимые места, слабая последняя сопротивлению, которое мешает ему принять ее предложение. Неожиданно, когда он попытался освободить свой мозг от мыслей, несколько эротических видений промелькнуло у него перед глазами. Смущенный, он принялся их старательно отгонять, но чем сильнее пытался, тем крепче они западали в сознание.

— Прекрасно, Джерико, — сказала наконец Люси Белоглазая с кривой улыбкой на сухих морщинистых губах. — Как правило, именно такой и бывает первая реакция людей, когда они начинают чувствовать, что я читаю их мысли. Но я бы назвала ее замедленной реакцией. О! А это что-то новенькое!

Он смущенно переступил с ноги на ногу. В конце концов он заставил себя воспроизвести в памяти картину предсмертной агонии Бенсона Рейлинкса. Это не вызвало у него ровно никаких эмоций: ни плохих, ни хороших. Усилием воли он сконцентрировался на этой мысли.

— О да, ты сообразительный ученик. Ну, если это поможет тебе сладить с твоим смущением, я выйду из твоего мозга.

Однако никакой разницы Джерико не почувствовал. Он с сомнением глянул на старуху, стоит ли ей доверять? Он ясно — насколько мог — представил себе, как примется ее потрошить. Никакой реакции.

— Ну хорошо, — наконец произнес он, все еще неуверенный, что она сдержала слово, но не видя никакого выхода из этого положения. Он просто вынужден был ей верить, во всяком случае, в данный момент. — Как мне могут помочь ваши люди?

— Я договорила, что тебя возьмут на борт одной баржи, которая прибудет сюда по Стиксу завтра до полудня, — пояснила Люси Белоглазая. — Доркас будет тебя сопровождать.

— Нет, — отрезал Джерико. — Я работаю в одиночку.

— Знаю, — перебила она. — Но позволь мне, пожалуйста, закончить. Доркас будет сопровождать тебя до тех пор, пока я буду чувствовать, что путешествие по реке безопасно. Она вернется домой по первому же моему требованию, ты же высадишься на берег и отправишься к Тиферету дальше на север. В большинстве городов Вальпургии люди моего племени действуют как прорицатели и хироманты. Поскольку через них я прочитываю мысли их клиентов и сообщаю им необходимые факты, то мы, естественно, несколько лучше преуспеваем, чем наши конкуренты. И как следствие, в деньгах не нуждаемся. Я уже направила женщин в большинство городков на твоем пути в Тиферет. От них ты сможешь узнать о последних событиях, о расположении сил Бланда, о попытках определить, кто ты и где в настоящий момент находишься. Они будут знать, какие города безопасны, какие из твоих личин раскрыты и тому подобное.

— Гадалок везде полно, — с сомнением заметил Джерико — Как узнать, кто из них послан вами?

— Они будут в белом.

— Но так же и Белые Ведьмы.

— Белые Ведьмы не гадают! — сказала Люси Бело-глазая.

— А есть ли ваши люди в самом Тиферете?

— Были. Теперь они мертвы, — с горечью произнесла Люси.

— Как?! Бланд дознался, кто они на самом деле?

— Нет.

— Почему он убил именно их? — продолжал настаивать Джерико.

— Убийство вообще заложено в его природе.

— Что, ради удовольствия?

— Для него это то же самое, что дышать, — сказала она.

— Не понял.

— Творить зло заложено в природе зла. Ты убиваешь по выбору и по расчету, он убивает по внутреннему побуждению. Ты находишь определенную эстетику, ощущение симметрии и даже красоту в хорошо спланированной операции. Он же, напротив, — в убийстве не видит ни красоты, ни эстетики, ни удовлетворения, поскольку ему никогда не приходило в голову, да и не придет, существование альтернативы не отнимать жизнь. Вы оба, ты и он, — крайние противоположности. Ты убиваешь, поскольку способен, а он убивает, поскольку должен. Я замечаю своего рода иронию в том, что в одно и то же время ты оказываешься орудием его уничтожения, а он может стать причиной твоей гибели.

— Он — моей? — удивился Джерико. — О чем вы говорите?

— Я могу довести тебя к нему, — сказала Люси Бело-глазая, — могу помочь преодолеть преграды, но я не могу нанести последний удар. Это способен сделать только ты.

— То есть вы намекаете, что я могу и не выполнить свою миссию?

— Я не отрицаю твоей способности убивать, — возразила Люси. — В этом нет никаких сомнений. И, конечно, мы все будем молиться, чтобы тебе сопутствовал успех. Ведь в противном случае Вальпургия превратится

в один огромный погребальный костер. Но Конрад Бланд не похож на людей, которым ты раньше противостоял. Он тот, для кого разрушать так же естественно, как есть и пить. Ты достиг мастерства путем многих ошибок, он же рожден с даром убивать.

Она замолчала и обратила к Джерико незрячие глаза.

— Он — само воплощение зла, в то время как в тебе я не вижу такого зла. Я только надеюсь, что в вашем поединке это не даст ему неодолимого преимущества.

— Вы слишком увлеклись метафизикой, — возразил Джерико нетерпеливо. — Он состоит из плоти и крови, а значит, он такой же человек, как и все остальные, и значит, его тоже можно убить. Я отправлюсь в Тиферет на рассвете.

— Верно, — согласилась Люси Белоглазая. — Метафизике здесь не место. И я не стану задавать последний вопрос.

Джерико не проявил никакого интереса, но тысячи голосов со всей планеты взволнованно понуждали Люси задать этот вопрос, и она наконец снизошла:

«Если у Джерико есть власть уничтожить беспредельное зло, то не таит ли он в себе еще большую угрозу?»

## ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

*Есть два разных пути: либо отвергнуть руку помощи, либо вырвать ее с корнем. Но я никогда ни в чьей помощи не нуждался.*

Конрад Бланд

Джерико и Доркас стояли у борта баржи, опершись на высокие перила и глядя, как голубовато-серая реч-



ная вода перекачивается волнами и рябит, поблескивая в первых лучах восходящего солнца.

— Ну как? — произнес Джерико, глядя вдаль.

— Что «ну как»? — переспросила девушка.

— Да я вот прикидывал сейчас, сколько километров останется до Тиферета, если удастся проплыть по реке до конца, — сказал он, взглянув на собеседницу. — Мне казалось, ты умеешь читать мысли.

— Нет, — ответила Доркас, покачав головой.

Джерико удивленно вскинул брови.

— Честно говоря, я не понимаю, — заметил он, — какая же мне от тебя польза, если ты не способна получать сообщения от Люси Белоглазой.

— Ну, это совсем другое дело, — живо возразила девушка.

— Да? Это каким же образом? — Джерико и в самом деле было интересно.

— Идем позавтракаем, и я объясню за едой, — предложила Доркас, отходя от перил, и повела его в камбуз.

Они оказались в одиночестве, поскольку малочисленный экипаж уже успел поест. Доркас ела кашу, яйца и тосты, а Джерико не стал изменять привычной диете из сои.

— Да нет, все, что ты ешь, конечно, очень вкусно, — охотно пояснил Джерико, отвечая на ее вопрос. — Просто дело в том, что не на каждой планете разводят домашних животных, но уж бобы — универсальная пища для всех колоний Галактики. Ты прожила всю свою жизнь на Вальпургии, я же побывал по меньшей мере на двух сотнях, и каждая со своей устоявшейся кулинарией. Организм просто не может привыкнуть к такому разнообразию диет, вот почему я везде стараюсь питаться одним и тем же. Вкус попроще, но зато хоть нет кишечных расстройств.

Доркас весело рассмеялась:

— Трудно представить убийцу, мучающегося несварением желудка.

— У меня не бывает болей в животе, — сухо указал он.

Реплика девушки несколько задела его самолюбие. Он не привык, чтобы над ним смеялись.

— Это одна из составных моего успеха. Я никогда не пренебрегаю мелочами в работе. Это слишком важно. Кстати, если не ошибаюсь, мы намеревались поговорить еще об одной мелочи.

— Верно, — откликнулась она, отправляя в рот остатки каши и запивая молоком. — Прежде всего ты должен понять, что мы не сверхъестественные существа, мы просто люди с редким даром. Очень ограниченным даром. Так, я могу воспринимать телепатемы, но не передавать их или читать чужие мысли. Вот телепатемы, посланные Люси Белоглазой или кем-то другим из двух тысяч телепатов, я воспринимаю свободно. Но мысли других я не читаю. Только Люси Белоглазая способна это делать.

— Хм, а сколько вас вообще? — поинтересовался Джерико.

— В Галактике? Понятия не имею.

— Да нет, на Вальпургии.

— Тысяч шесть наберется, — сказала Доркас, принимаясь за яйца. — Люси Белоглазая собрала нас здесь всех вместе со всех концов Республики. Правда, она давно уже никуда не ездила, последний раз она уезжала пять лет назад.

— Честно говоря, меня это несколько удивляет, — заметил Джерико. — Она ведь с трудом может перейти из одной комнаты в другую. Как же она умудрялась путешествовать по Галактике?

— Она женщина сильная, — с неожиданной гордостью произнесла девушка. Ее взгляд вспыхнул. — Гораздо сильнее, чем кажется. Она усилием воли продлевает свои дни, потому что надеется найти себе преемницу. — Доркас говорила с неприсущей ей обычно горячностью.

«В сущности, она такая же фанатичка, как большинство приверженцев других сект, — подумал Джерико, — с той лишь разницей, что верит в добро».

— Таковую же, как она? — спросил он мягко.

Доркас кивнула, проглотила кусочек яйца и сказала.

— Мы все лишь отчасти телепаты, все, за исключением ее. Она останется в живых до тех пор, пока мы не найдем другого человека с ее возможностями.

— Она прожила уже больше века, — продолжил Джерико. — Почему же она считает, что такой человек обязательно найдется?

— Она уже нашла одну, — возразила Доркас. — Женщину на Гамме Эпсилон IV. Только та оказалась сумасшедшей.

— И это все?

— Да, но существование одного доказывает возможность существования других. — Девушка красноречиво пожала плечами. — Большинство наших телепатов-доноров отправились на другие планеты, пытаясь найти универсального телепата, а заодно рекрутировать добровольцев в нашу организацию.

— Рекрутировать? — хмыкнул Джерико. — Это звучит прямо как военная операция.

Доркас хихикнула, прикрыв рот кулачком.

— Я сказал что-нибудь смешное? — спросил он, вопросительно приподняв бровь.

— Сравнение с армией, вот что меня рассмешило. Разве ты еще не сообразил, почему мы держимся все вместе?

— Ну так скажи мне, — предложил Джерико.

— Мы одиноки!

— Странно, — с улыбкой заметил Джерико. — В стране слепых и одноглазый — король.

— Нет, — Доркас покачала головой. — Одноглазый не станет королем, если все они живут во мраке. Нормальный мир... ну, даже не знаю, с чем сравнить... вроде

как включишь радио, а по всем частотам — сплошная тишина.

— Но почему именно Вальпургия?

— Почему мы все перебрались сюда? Да потому, что Люси Белоглазая живет здесь.

— Но ей-то зачем оставаться? Ведь не верит же она всем этим сверхъестественным фокусам. — Джерико наконец закончил завтрак и отставил тарелку.

— Да, но ведь они-то в нас верят, — возразила Доркас. — Это закрытое общество. Люди стараются не лезть в дела друг друга. Здесь у нас, кроме тебя, нет ни одного любопытного из Республики. Наше закрытое общество полно различных верований и необычных традиций, а отсюда и терпимость к чужим убеждениям и верованиям. — Она допила молоко и отставила стакан. — Они не лезут в наши дела и дают нам возможность заработать на жизнь, чтобы не дать угаснуть способностям в последующих поколениях.

— Не дать угаснуть? — Джерико откинулся на спинку стула и с интересом взглянул на девушку. — А в чем причина?

— Я не знаю, пусть скажет сама Белоглазая Люси. — Доркас на мгновение прикрыла глаза, сосредоточиваясь. — Прежде всего это связано с полом, поскольку лишь женщины обладают хотя бы частицей таких способностей. Это, вероятно, рецессивный ген, и мы не можем определить, простой это рецессив или сложный, поскольку не имеем возможности проверить мужское население. — Она на секунду замолчала, выжидающе глядя на Джерико, но, так и не уловив его реакции, добавила: — Я всего лишь повторила то, что говорит она. Ты что-нибудь понял?

— Кое-что понял, — согласился Джерико, слегка хмыкнув. — Сдается мне, вашей Белоглазой не мешало бы пропустить через свою постель как можно больше народу. Вдруг что-нибудь да получится.

Похоже, девушка не обиделась на это фривольное замечание, а только вновь прикрыла глаза.

— Она бесплодна, — сообщила она сухо. — Бесплодна и та, на Гамме Эпсилон IV. Белоглазая Люси считает, что любой с ее способностями будет бесплоден, но почему, не знаю.

— Вряд ли я могу что-нибудь подсказать, — пожал плечами Джерико. — Быть может, лучше спросить Люси Белоглазую, не усилил ли Бланд посты на подступах к Тиферету?

— Она говорит, что нет, и поскольку это не охрана в привычном понимании, ему нет никакого смысла их усиливать.

— Не понял. Что она имела в виду? — Джерико сосредоточенно нахмурился. Он не привык относиться легкомысленно ко всему, что касается работы.

— Ну, что он убивает направо и налево на подходах к Тиферету, убивает всех подряд, даже если ни в чем не подозревает.

— Включая и своих подданных? — не без удивления поинтересовался Джерико.

— В зависимости от настроения, — ответила Доркас.

— Любопытно, — заметил Джерико, задумчиво пожевывая губами.

Закончили завтрак они в полном молчании, и весь остаток дня Джерико с Доркас сидели на палубе, наблюдая за тем, как мимо медленно проплывают зеленые берега Стикса.

Это был действительно странный мир. И хотя Джерико не увидел ничего для себя неожиданного и все детали местности выглядели здесь совершенно так же, как на карте Убусуку, тем не менее кое-что его удивляло. Каждые пару часов им попадался какой-нибудь мелкий городишко, спокойный и умиротворенный, как все маленькие городишки, живущие собственной жизнью. Но между ними не встречалось ровным счетом ничего: ни

пригородов, ни построек, ни усадеб. И только раза два им попались старомодные фермы, о которых Джерико принялся расспрашивать Доркас.

— Это кооперативы, созданные горожанами, — охотно сообщила та. — Многие жители Вальпургии не любят сельского образа жизни.

— Кто же там работает? — спросил Джерико, кивнув в сторону фермы. У него мелькнула мысль: насколько фермеры привлекают к себе внимание Бланда?

— Роботы.

— Чепуха, — возразил он. — В наше время их уже давно не используют.

— На Вальпургии это не так. Еще одна аномалия. Люди отказались от роботов, когда выяснилось, что вынужденное безделье вовсе не такое уж райское существование, как казалось вначале. Но ведь производство не было запрещено, просто постепенно спрос на роботов упал до минимума. Ну а поскольку Вальпургия из-за изоляции от основной части Республики была сельскохозяйственным обществом, то здесь роботы формировали основу планетной экономики.

— Они требуют человеческого обслуживания? — с интересом спросил Джерико.

— Самую малость. Это очень совершенные роботы, — охотно пояснила Доркас.

— А они случайно не человекоподобны?

Она отрицательно покачала головой:

— Чтобы работать на фермах, им совсем не нужно быть человекоподобными. Это всего лишь молотилки, комбайны, тракторы — машины с функциональными мозгами. Впрочем, Люси Белоглазая говорит, что это неплохая идея.

— Ну, поблагодари ее за меня, — не без иронии ответил Джерико.

Без всяких происшествий миновали три дня, и Джерико за неимением лучшего пополнял свои знания обы-

чаев Вальпургии. Белоглазая принадлежала к первым поселенцам и оказалась способна пролить свет на большинство традиций, которые его озадачили.

Сложность заключалась в том, как он понял, что нельзя переносить впечатления и знания, полученные им в Амаймоне, на остальные города Вальпургии. Амаймон — процветающий речной город, место смешения многих культур и к тому же отправной пункт для всех галактических посетителей. Его ритуалы скорее были символичны и совершались без особого фанатизма. И хотя население выказывало уважение ко всем религиям, однако по-настоящему, в глубине души, не верил никто.

Другие города в этом отношении были совершенно иные. Там чаще говорят о добре и зле, а в совершении ритуалов доходят до крайности. Люси Белоглазая заявила Джерику, что по мере приближения к Тиферету он встретит нечто такое, что поразит и ошарашит даже его плоский бесстрастный ум. Пыточные ритуалы, не те, что использовал Бланд, а скорее порождение укоренившегося фанатизма. Церемонии, выросшие из некоторых уродливых обрядов Земли. Например, он столкнется с извращениями — и не только сексуальными, — которые не встретишь нигде в Галактике. Белоглазая поможет ему разобраться, чем отличаются обычаи разных городов, но поскольку ему все-таки придется работать в одиночку, без ее глаз и ушей, то уже сейчас она пыталась передать ему хотя бы основы познаний о ее мире.

Она поведала множество мелких деталей, на которые Убусуку только намекал. Они должны были помочь Джерику выдать себя за жителя Вальпургии и в экстренном случае сохранили бы ему жизнь. Люси настойчиво напоминала, что нельзя недооценивать убежденность и искренность в вере обитателей Вальпургии. Правило «живи и дай жить другим» было хорошо для Люси Белоглазой и остальной части мира, но жители городов повиновались своим установлениям, как официальным, так и ре-

лигиозным. И тот, кто однажды решался переступить границы дозволенного, быстро постигал последствия такого опрометчивого шага, и последствия были весьма неприятны.

Утром пятого дня, когда они были лишь на полпути к Тиферету, Доркас испытующе взглянула на Джерико во время завтрака.

— Пора, — сказала она тихо.

— Что, опять Люси Белоглазая? — спросил он.

Доркас кивнула:

— Она говорит, что мы натолкнемся на кордон в ближайшие три часа.

— Может, рискнуть? — спросил он, хотя уже решил, что обязательно сойдет на берег.

— Нет, не стоит. Экипаж будут пытаться, и рано или поздно кто-нибудь из них признается, что нас взяли на борт вблизи Амаймона. А если такое случится, нам от солдат Бланда живыми не уйти.

— А как же баржа?

Меньше всего Джерико думал об экипаже, но эти люди, видевшие его всего несколько дней и почти ничего о нем не знавшие, были звеном длинной цепочки, которая вела к нему, Джерико. Он не хотел, чтобы эта цепочка попала в руки Бланда.

— Капитан — один из немногих, кто знает о способностях Люси Белоглазой. Когда я велю ему повернуть и плыть обратно к Амаймону, он повинует, не задавая лишних вопросов, — успокоила его Доркас.

— Понятно, — кивнул Джерико. — Что ж, мне кажется, нет никакого смысла переправляться на лодке и привлекать ненужное внимание. Я думаю, будет лучше добираться до берега вплавь. Подожди минут десять после того, как я выберусь на берег, и тогда сообщи капитану.

— Хорошо.

— Где ближайший город?



— Кесер, километров тридцать к северу по реке.

— Понял. Ты постарайся развернуть баржу, не дойдя до города. Я не хочу, чтобы кто-то проследил связь между мной, баржей и Кесером.

— Я понимаю. — Она была сосредоточенна и деловита. Джерико зашел в каюту, собрал необходимые вещи, сложил их в водонепроницаемый мешок и вернулся на палубу.

— Надеюсь, этот Кесер входит в число тех городов, где у Люси Белоглазой есть свои люди, — сказал он слово между прочим, надевая мешок на спину.

— Ты не ошибся, — заверила его Доркас. — Предсказательница по имени Сибелла. Ты найдешь ее в лавке на площади Форрас, это торговый центр города.

— Хорошо, — откликнулся он, перекидывая ногу через леер. — Помни: десять минут.

И больше ничего не сказав, он нырнул в холодные мутные воды Стикса и исчез под водой.

## ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

*На пути к великой цепи стоит ли  
пугаться такой мелочи, как погром?*

Конрад Бланд

Выбравшись на берег, Джерико постарался не попасться на глаза матросам с баржи. Он снял мокрую одежду и переоделся в ту, что взял с собой в мешке. Теперь он походил на обыкновенного рабочего — вряд ли такой привлечет внимание в здешних местах. Потом он занялся созданием нового облика. Большой шрам на правой скуле, шрам поменьше над правым глазом. Через

несколько минут его брови стали более густыми и кустистыми, а цвет лица — более желтым, появились залысины. Теперь ему можно было дать лет тридцать пять — пятьдесят.

Он пустился в путь к Кесеру, держась в стороне от дорог и перекрестков. Километрах в десяти от города Джерико остановился, тщательно отряхнул пыль, почистил ботинки и выбрался на шоссе. Дождавшись грузовика, ехавшего с одной из ближайших ферм, он прямо на ходу забрался в кузов и сел, вцепившись обеими руками в борта, чтобы поменьше трясло. Обдуваемые ветерком, они вскоре въехали в городок, и Джерико пришлось спрятаться, чтобы не привлечь к себе внимание. На всякий случай он набил карманы яблоками. Вообще-то он их терпеть не мог, но терять время на рестораны не собирался.

Джерико дождался, когда машина свернула на полупустую улицу, прыгнул и, мягко приземлившись, огляделся по сторонам. Никого рядом не было, ничьи любопытные глаза за ним не наблюдали. Он развернулся и энергично зашагал в противоположную сторону.

Он миновал три квартала и вышел на оживленный перекресток. Здесь он перешел улицу, потом неожиданно остановился и, сделав вид, будто что-то вспомнил, свернул налево. Пройдя пару кварталов, он повторил свой трюк, и через некоторое время вышел на ту улицу, где прыгнул с грузовика. Судя по обстановке, на него действительно никто не обратил внимания и уж тем более никто за ним не следил.

Однако, не удовлетворившись этим, он прошел еще пару кварталов, потом нырнул в проем между зданиями и, отыскав неприметный дворик, минут десять постоял в тени. Никто за ним не последовал, и тогда он снова вернулся на улицу, убежденный, что если за ним кто-то и следит, то останется ждать на другой стороне.

Джерико не доводилось видеть карты города, но большого воображения не требовалось, чтобы сообразить,

как спланированы городские кварталы. Похоже, город имеет девять колец, что скорее всего связано с религией. Широкие бульвары пересекались в центре города. Доркас достаточно подробно описала ему Кесер, и он предполагал, что находится не так уж далеко от центра. Это был небольшой городок с населением всего лишь в сто тысяч человек.

По архитектуре город сильно отличался от Амаймона. Здесь ничто не напоминало ни готических церквей, ни викторианских домов. Кесер был застроен зданиями из стекла и стали, поставленными под углом друг к другу. Пустившись по направлению к центру, Джерико понял, что все здания использовали солнечную энергию и их расположение было вполне разумно. Кесер, как и большинство городов на Вальпургии, жил обособленной самостоятельной жизнью и, по всей видимости, в эпоху становления просто не мог себе позволить возводить огромную атомную станцию. И когда город стал разрастаться, то его основатели не видели смысла строить гигантское сооружение, когда все системы уже давно работают на солнечной энергии.

Джерико хотелось купить газету — наилучший способ узнать что-нибудь о новых местах, но он решил не торопиться, поскольку не знал, какая именно валюта здесь в ходу. Проходя по торговым рядам, он на минуту задержался перед видео в витрине. Но там демонстрировалась одна из мыльных опер, столь популярных на Вальпургии, и он двинулся дальше.

Он миновал скрюченного безногого нищего, который полулежал у стены со шляпой в руках. На ходу Джерико заглянул в шляпу, пытаясь разобраться, что там за деньги, однако насчитал всего несколько медяков, которые его совершенно не интересовали.

Он прошел дальше и увидел довольно большую толпу впереди. Первым побуждением было свернуть на боковую улицу и обойти толпу, но потом Джерико ре-

шил, что сможет больше узнать о городе, прислушиваясь к обрывкам разговоров. А заодно обчистить пару-другую карманов. Он подошел ближе, и до него из самого центра толпы донеслись вопли ребенка.

Внезапно над улицей проплыл звук гонга. Подняв глаза, Джерико увидел высокое здание и по обилию сатанинских символов сразу же догадался, что перед ним церковь. Он подошел к толпе, за несколько секунд выудил пару кошельков и только тут сообразил, что стоит в какой-то странной очереди.

Перед дверями церкви возвышался небольшой помост, на котором стояли монах и монахиня в черном. Их головы были покрыты капюшонами, и Джерико не мог разглядеть лиц. Перед ними возвышался обсидиановый алтарь, к которому был привязан голый мальчишка лет десяти. Каждый стоявший в очереди подходил к помосту, брал из рук монахини острый кинжал и тыкал им в живот мальчику. А монах в это время что-то бормотал на совершенно незнакомом Джерико языке.

Вначале Джерико показалось, что он столкнулся с простым ритуальным убийством. Однако, двигаясь вместе с очередью, он вскоре сообразил, что, если бы это было так, мальчик уже давно был бы убит. В верованиях сатанизма он разбирался довольно плохо, но искусство убийства было его стихией, и он прекрасно знал, что редко кто знает смертельные точки, расположенные на животе. Несведущий человек, как бы ни старался, мог терзать жертву довольно долго, но так и не прикончить до конца.

По мере продвижения суть происходившего становилась все более понятной. На груди и животе мальчика черной краской были нарисованы различные кабалистические знаки, и прихожане, как он теперь видел, острием кинжала наносили татуировку по контурам рисунка. Видимо, это был всего лишь болезненный, но вполне обыденный обряд инициации, поскольку никто

слишком сильно не переживал и не волновался, слыша крики мальчика.

Когда перед Джерико осталось только двое, он постарался сосредоточиться на их действиях. Каждый касался губами клинка, шептал что-то и взрезал пару сантиметров по контуру татуировки. Только теперь Джерико заметил, что, когда кинжал возвращали монахине, монах втирал какую-то мазь в новую ранку на животе мальчика.

Наконец подошла его очередь. Джерико поднялся, взял кинжал, прошептал про себя несколько неразборчивых слов, добавил еще пару сантиметров надреза в теле мальчика. Вернув кинжал, он сошел на тротуар и продолжил путь к центру. Он прошел уже два квартала, когда чья-то грубая рука схватила его за плечо. Он обернулся. На него смотрели льдисто-голубые глаза высокого, хорошо одетого лысеющего мужчины.

— Замечательное представление, поздравляю, — произнес он.

— О чем это вы? — спросил Джерико, внутренне напрягаясь.

— О церемонии Бельфегора, — сказал мужчина. — Вам удалось провести даже монаха.

— Не понимаю, о чем вы говорите. — Джерико качнул головой.

— Где надо разберутся. Мне кажется, вам лучше пройти со мной.

Он схватил Джерико за левую руку. Мгновение Джерико посопротивлялся, одновременно окидывая улицу быстрым взглядом. И убедившись, что метров на тридцать вокруг все пусто, он ткнул пальцами в глаза мужчине. Тот ошеломленно отпрянул и опустил руку, инстинктивно открыв шею. Мгновенным ударом Джерико перебил ему позвонки и опрометью кинулся в ближайшее здание. Он нашел черный ход, пробежал переулок и вошел через служебный вход в другое здание. На грузовом лифте поднялся на пятый этаж, взломал замок первой попавшейся двери.

Он оказался в небольшой квартирке, нашел шкаф с мужской одеждой, переоделся и собрался уже было уходить, но услышал шум воды в туалете. Он подождал у стены, быстро и безболезненно покончил с жильцом и потратил несколько минут, чтобы создать себе новую внешность, а заодно и шапку курчавых черных волос.

Затем он неторопливо направился по коридору к обычному лифту, спустился на первый этаж и вышел на улицу. В полукилометре от входа слышалось завывание полицейских сирен, но нового Джерико это не касалось, и он растворился среди толпы прохожих, продвигаясь к центру города.

Вскоре он добрался до главной площади. Она была не меньше километра в диаметре. Здесь стояли высокие деловые здания, хотя и уступавшие по размерам тем, которые Джерико доводилось видеть в Амаймоне. Он обошел площадь по периметру и приблизился к огромному торговому центру. Перед ним высилась статуя длиннобородого всадника, державшего копье в правой руке. Табличка уведомляла, что это Форрас, известный также как Форкас или Фуркас — рыцарь Сатаны и Генеральный президент ада, командовавший двадцатью девятью легионами дьяволов на границах преисподней.

Притворившись, будто поглощен созерцанием всадника, Джерико с минуту постоял перед ним, а затем принялся лавировать между лавками и прилавками торговых рядов, остановившись наконец у вывески, рекламировавшей услуги госпожи Сибеллы.

Ступеньки под аркой вели вниз, и Джерико принялся спускаться. Под ногами зашипела кошка, шмыгнув куда-то в темноту. Вскоре перед ним предстала темноволосяя женщина в белых одеяниях. Она встретила его у подножия лестницы, словно давно ожидая.

— Пожалуйста, присаживайтесь, — сказала она, указывая на кресло подле столика слоновой кости. Он повиновался. Женщина, повернувшись, взяла хрустальный шар и тоже села.

— Что бы вы хотели узнать у мадам Сибеллы? — спросила она.

— Вы работаете прорицательницей, — заметил Джерико. — Вот вы и скажите. Начните с моего имени.

Женщина уставилась в глубины хрустального шара:

— Я не знаю вашего имени, но Люси Белоглазая говорит, что вас надо звать Джерико, она также предупреждает, что вы попали в более сложную ситуацию, чем подозреваете.

— Я с этим уже разобрался, — резко ответил Джерико.

— Ничего подобного, — покачала головой прорицательница. — Первый, кого вы убили, был агентом Бланда.

— Как же это он меня засек?

— Вы подали кинжал рукоятью вперед.

— Черт! — с досадой пробормотал он. — Такая мелочь...

Собеседница кивнула:

— Монахиня отвлеклась, занятая мыслями об агонии мальчика. Но Люси Белоглазая говорит, что позже она обязательно вспомнит об этом странном факте и сообщит исповеднику. И тогда до Бланда дойдет, что в городе Кесере появился не просто убийца, а убийца, не знакомый с нашими традициями. Отсюда всего один шаг до вывода, что этот самый убийца и тот, о котором предупреждал Сейбл, — одно и то же лицо.

— В таком случае мне, пожалуй, надо побыстрее унести отсюда ноги. Сколько у меня в запасе времени? Что говорит Люси Белоглазая?

— Несколько часов, не больше.

— Такая оперативность?!

— Вас видели, они могут и не связать это со вторым убийством, но в этом нет необходимости. Кто-нибудь вспомнит, что вы присутствовали на церемонии Бельфегора. Они расспросят монаха и монахиню и, несомненно, сообразят, почему тот последовал за вами и почему вы его прикончили. Да, много времени это не отнимет.

— Сколько до следующего города по дороге на Тиферет?

- Почти триста километров, — ответила Сибелла.
- Кто там из ваших связных?
- Там нет никого.
- Мне показалось, люди Люси Белоглазой рассыпаны буквально по всем городам, — заметил Джерико.
- Так оно и было, просто наша подруга мертва.
- Джерико кивнул:
- Понятно.
- Сомневаюсь, — сказала Сибелла, — сомневаюсь, что вам понятно. Но если вы доберетесь до Ясода, то сами увидите.
- Ясод? Так называется город?
- Да.
- Спросите-ка у Белоглазой насчет шансов добраться до Ясода на краденной машине.
- Сибелла закрыла глаза:
- Она говорит, что даже грузовикам не позволено ездить по тем дорогам, не имея пропусков.
- Он пожал плечами:
- Что ж, тогда, пожалуй, мне придется позаимствовать полицейскую машину, только и всего.
- Джерико встал и не прощаясь поднялся по ступенькам на залитую светом улицу.

## ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

*Люцифер потерпел поражение. Только глупцы могут считать его силой.*

Конрад Бланд

- Мистер Бромберг, вам звонит Джон Сейбл.
- Проклятие, Сейбл! — рявкнул Бромберг, с возмущением глядя в экран. Его кирпичного цвета физионо-



мия стала багровой от злости. — Это уже четвертый раз за пять дней.

— Обычная рутина, — с деланным равнодушием пожал плечами Сейбл, едва сдерживая желание разораться на этого болвана. — Убийца еще не объявился?

— Сколько раз я могу вам повторять: если он появится, то мы вполне способны справиться с ним и без вашей помощи. — Грубый голос Бромберга стал хриплым от негодования.

— А я все время говорю вам, — настаивал Сейбл, — что он разыскивается за совершение шести убийств в Амаймоне. И если вы его схватите, то мы хотим, чтобы вы его выдали нам.

— Я помню, — огрызнулся Бромберг. — А теперь, черт побери, оставьте меня в покое. Я дам вам знать, когда мы его схватим.

— До свидания, мистер Бромберг. — Сейбл вздохнул. — Я позвоню вам еще раз завтра.

— Можете себя не утруждать, — отрезал Бромберг.

Сейбл взглянул на часы, висевшие на стене наверху, чуть левее бафомета, и удивился, обнаружив, что всего лишь полдень. Странно, у него было такое впечатление, словно он провел на работе целый день. Напряжение и усталость сказывались. Он зажег сигару, вторую за день, а может, и третью — он перестал вести счет с момента второго или третьего убийства, — и откинулся на спинку стула.

Теоретически это была уже не его проблема. Убийца покинул Амаймон и теперь находился вне его юрисдикции. То, что требовалось от него как от шефа детективного отдела, он сделал. Удивляло другое: никто, похоже, не нуждался в его помощи. Вдобавок начальство явно тянуло резину и не собиралось предпринимать никаких мер. Сейблу даже пришлось проявить некоторую настойчивость. Он вышел на начальство и предложил им связаться с Бландом на более высоком уровне, обещая пол-

ное содействие. Но, насколько ему было известно, его заявление вообще пропустили мимо ушей. Бланд, по всей видимости, в помощи не нуждался, а светская власть не горела желанием что-либо предпринимать.

Все это по меньшей мере странно. Он не испытывал интереса к Бланду. Наоборот, во время их краткой беседы тот ему совершенно не понравился. Однако почти половина населения Амаймона обожествляет этого человека. Даже жена Сейбла, Сибоян, зажигала свечи и приносила символические жертвы во имя безопасности Бланда. Почему же никто из официальных лиц там, в Тиферете, не проявлял заинтересованности?

Даже если сбросить со счетов республиканского наемника, в этом деле таится куда больше странного и непонятного, чем может казаться на первый взгляд. Но это-то как раз Сейбла беспокоило меньше всего. Да, дело выглядит непривычно, но в конце концов его работа именно в том и заключается, чтобы отгадывать подобные загадки. И пока это ему с успехом удавалось. Но вот он задействовал практически все связи в попытке получить хоть малейший результат. И что? Он по-прежнему блуждает в потемках, и именно это беспокоит больше всего.

Наконец он выпрямился и нажал клавишу селектора.

— Слушаю, — отозвалась секретарша.

— Я отправляюсь домой.

— Если будут звонить, отсылать к вам?

— Нет.

— Без исключений?

— Разве что если позвонит сам Конрад Бланд, — бросил Сейбл со смешком. Он запер ящики стола, накинул легкую куртку и вышел из кабинета. Он решил не ехать до дома автобусом, вместо этого предпочел пройти пешком. Все пять километров до дома он размышлял о создавшейся ситуации и о том, что за ней скрывалось. Он чувствовал, что какое-то неуловимое звено выпадало из цепи известных ему фактов, и именно оно определяло столь странное отношение властей к запутанному делу.

По мере того как Сейбл удалялся от делового центра, облик окружавших его зданий постепенно менялся. Торговые кварталы с их многочисленными магазинами, лавками и барами сменились многоэтажками, многоэтажки уступили место частным коттеджам. Джон впервые за последние несколько лет проходил мимо черных домов Посланцев Мессии, багрово-красных — Братства Ночи, фиолетовых — Дочерей Наслаждения. Изредка попадались белые дома Белых Магов. Наконец он свернул на свою улицу, которая была чуть беднее и уже, однако, тщательно прибрана и чиста, как весь город. Его собственный дом был выстроен из кирпича, и сколько Сибоян ни пыталась заставить его выкрасить стены в черно-золотистые цвета культа богини Кали, Сейбл все-таки настоял на своем. Быть может, из-за того, что веру он сменил уже после женитьбы, а может, существовала еще какая-то причина, которую он не осознавал, но у него не было никакого желания выставлять напоказ свою веру. Да кроме того, с тремя детьми было на что потратить деньги.

— Привет, — радостно встретила его Сибоян, когда он открыл дверь. — Ты сегодня рано.

— Поприветствовала, называется, — проворчал он, бросив на жену укоризненно-насмешливый взгляд. — Если тебе это так не нравится, я могу вернуться обратно на работу, — сказал он, стаскивая куртку и вешая ее на вешалку.

Похоже, его плохое настроение нисколько не задело Сибоян. Она лишь откинула со лба прядь светлых волос.

— Не дуйся, — кокетливо произнесла она, чмокая его в щеку. — Я просто удивилась, вот и все.

— Извини. — Джон чувствовал себя несколько виноватым. В конце концов ему следует научиться не перекладывать свои проблемы на ее плечи. Ей и без него забот хватает.

— Что, начальство насаждает, да? — сочувственно поинтересовалась Сибоян, входя вслед за мужем в гостиную.

— Нет, — ответил он, хмурясь. — Даже и не думает.

— Странно, — прокомментировала она, пожимая плечами.

— Да уж, — многозначительно поддакнул он.

— Обедать хочешь?

— Может, через пару часов, — ответил он. — Пока покопаюсь в саду.

Он прошел в свою комнату, вытащил из шкафа легкую фланелевую рубашку, с удовольствием переоделся в рабочий комбинезон и вышел в маленький сад на дворе за домом. Он остановился на пороге, с любовью озирая дело собственных рук. Сейбл принялся обуустраивать этот сад лет шесть назад, когда он еще не был шефом отдела детективов. С тех пор у него все меньше оставалось времени на это полезное хобби. А тогда, шесть лет назад, здесь был разбит только крохотный огород, где росли кое-какие овощи — совсем нелишнее дополнение к их достаточно скудному столу. Он стал заниматься этим просто так, лишь бы скоротать свободное время, однако теперь Сейбл был буквально одержим своим садом, и потому тот занял весь двор.

Сейбл и в самом деле наслаждался спокойствием и порядком, которые царили в этом крохотном уютном закутке, созданном его же собственными руками. Зелень и овощи росли в срок и хорошо. Не было здесь ни скрытых мотивов, ни противоборствующих сил, ни угроз жизни. Самый приятный способ отдохнуть после напряженного рабочего дня. Всего несколько часов наслаждения садом давали Сейблу куда больше, чем расследование убийств. Здесь он чувствовал себя настоящим творцом, создавая гармонию и красоту собственными руками, и это совсем не похоже на то, чем ему приходится заниматься на работе — выявлять тайные замыслы и быть свидетелем всякой мерзости. Он скрешивал цветы с овощами, а затем и с более экзотическими растениями. Работа в саду расслабляла, освобождала ум, заряжала дух, но только не сегодня.

Он провел два часа среди буйства прекрасной растительности, безуспешно пытаясь расслабиться. Затем Сибаян прислала двух сыновей предупредить, что обед будет готов через полчаса и ему пора переодеться. Он порезвился несколько минут с детишками, выслушал их незамысловатые рассказы о дневных впечатлениях, пообещал после обеда починить сломанную игрушку, а затем отправился в душ, откуда вышел уже в пижаме и халате, небрежно накинутом на плечи.

Он побрился безопасной бритвой. Почему безопасной? Сейбл и сам не сумел бы дать на это вразумительный ответ. Это превратилось в традицию, как ежедневный ритуал молитвы. Просто этого требовал культ Кали. Приведя себя в порядок, он вышел в столовую и присоединился к домочадцам, которые уже сидели за столом. Сейбл мимоходом обратил внимание на новое пятно, посаженное на новые обои, которые он самолично — чтобы не платить мастеру — наклеивал прошлой весной. У Сейбла вообще складывалось впечатление, что его отпрыски задались целью как можно быстрее замызгать обои и превратить их в оборванные грязные лоскуты. Он почтил статуэтку Кали, стоявшую на буфете — ониксовую королеву демонов с ожерельем из крошечных золотых черепов, — занял свое место во главе стола, окинул семью пристальным взглядом и вознес молитву Азазелу, остальные ее дружно подхватили.

Обед, как обычно, был приготовлен из продуктов на соевой основе. Из-за постоянной инфляции и нехватки денег они не могли себе позволить слишком часто есть натуральные продукты. Но похоже, трое детишек не замечали особой разницы, да и сам Сейбл не слишком обращал на это внимание. После обеда сыновья отправились выполнять домашнее задание, а дочка уже успела сделать уроки и уселась перед телевизором.

Сейбл и Сибаян остались за столом, неторопливо потягивая вино и обсуждая события дня. Сейбл редко скры-

вал от жены свои проблемы, и на сей раз она разделила его возмущение. Ей и самой казалось странным такое холодное отношение к подобной опасности. Сейбл пытался внушить Бланду, насколько серьезно положение, он выполнял свой долг, и она была на его стороне. Хотя Сейбл подозревал, что ее эмоции вызывало скорее благоговение перед Бландом, нежели сочувствие позиции мужа. Однако Джону и не требовалось ее сочувствия. Ему нужны были ответы на вопросы, а вот их-то как раз ему никто дать не мог.

Чувствуя раздражение мужа, Сибоян предложила сходить в кино, однако Сейбл отказался, отговорившись усталостью. Это прозвучало довольно фальшиво. Ему просто не хотелось зря тратить деньги, зная, что он все равно не получит никакого удовольствия. Жена не настаивала, и Сейбл спустился в подвал, где оборудовал небольшую мастерскую. Там он принялся чинить сломанную игрушку. Он уже заканчивал, когда Сибоян сверху позвала его:

— Джон! Тебя к видеофону!

— Я же просил не передавать никаких звонков, — буркнул он. Ему не хотелось откладывать в сторону игрушку, которую он почти закончил.

— Мне кажется, это срочно. — Что-то в тоне жены заставило Сейбла отложить игрушку и поспешить наверх. Он прошел на кухню и включил видеофон там.

— Джон Сейбл слушает.

— Мистер Сейбл, это Конрад Бланд, — откликнулся знакомый высокий голос.

— Минуту, мистер Бланд, — сказал Сейбл. — С моим экраном что-то не в порядке, нет изображения.

— Я не перед экраном, я за пределами видимости видеофона. Я говорю по интеркому.

— Чем могу служить? — спросил Сейбл.

— До вас очень трудно добраться, — продолжил Бланд, не отвечая на вопрос. — Глава моей охраны ин-

формировал меня, что вы не станете разговаривать ни с кем, кроме меня.

— Вовсе не так, — раздраженно заметил Сейбл. — Мое свободное время принадлежит мне. Но мы уклоняемся от темы... Вы явно хотели мне сообщить нечто важное, раз решили связаться со мной лично. Что случилось?

— Прямо и к цели, — хмыкнул Бланд. — Мне это нравится, мистер Сейбл. Да, у меня есть для вас новость. Мы схватили вашего убийцу.

— Вы уверены?

— Я не допускаю ошибок, мистер Сейбл, — холодно парировал голос.

— Что ж, я рад, что сумел предупредить вас вовремя, мистер Бланд, — сказал Сейбл.

— Он еще жив?

— Жив и здоров, — заверил Бланд. — В настоящее время он в камере, в Тиферете, хотя перехватили мы его гораздо южнее.

— Я признателен, что вы сообщили мне. Полагаю, вы выдадите преступника властям Амаймона, как мы и договаривались.

— Именно так я и собираюсь поступить, — сказал Бланд.

— Завтра с утра я первым делом подготовлю необходимые бумаги, — заверил Сейбл, почувствовав некоторое облегчение.

— В этом нет необходимости, — возразил Бланд, — поскольку я воплощаю в себе правительство в Тиферете. Я передам его вам без лишних разговоров.

— Вообще-то существует определенная форма процедуры, но, цитируя старую поговорку, что дареному коню в зубы не смотрят... Как вы представляете себе процедуру передачи?

— Мне кажется, будет лучше, если вы лично прибудете в Тиферет, — предложил Бланд. — Мои обязанности не дают мне возможности отлучаться.

— Но ведь вам и не надо сопровождать его лично, — возразил Сейбл.

— Я знаю, но тем не менее мне кажется, будет лучше для всех заинтересованных лиц, если вы явитесь сюда.

— Как хотите, — сказал Сейбл, пожимая плечами. — Я вылечу утром.

— Я вышлю за вами личный самолет, — добавил Бланд. — Вы сможете вылететь часов через шесть?

— К чему лишнее беспокойство? Я квалифицированный пилот, и у нас здесь есть свой самолет.

— Мистер Сейбл, вы вынуждаете меня на откровенность, — заметил Бланд, и в его голосе прозвучали холодные нотки. — Я не могу гарантировать вам никакой безопасности, если вы не согласитесь на мои условия.

— Ах так, — нахмурился Сейбл.

— Аэропорт, через шесть часов. Будьте там, — приказал Бланд и отключил интерком.

Сейбл повернулся к Сибоян, которая восторженно внимала разговору, боясь пропустить хоть слово.

— Ну? — спросил Сейбл. — Что ты думаешь?

— О чем?

— Разве ты не слушала?

— Конечно, они поймали убийцу.

— Я имею в виду все остальное, — проговорил Сейбл терпеливо. — Что же там происходит, если им приходится сбивать самолеты?

— Какое это имеет значение? — откликнулась жена. — Единственное, что от тебя требуется, — это сесть на самолет, прибыть в Тиферет и забрать своего преступника.

— Что-то здесь не клеится, — задумчиво заметил он, нервно тряхнув головой. — Что-то здесь не так.

— Не знаю, отчего ты нервничаешь, — проговорила Сибоян. — Он посылает за тобой личный самолет, предлагает сотрудничество, готов передать убийцу, которого



подослала к нему Республика. Будь я на его месте, я бы так не поступила. Я бы проследила за тем, чтобы он умер в мучениях даже за одну мысль убить такого человека, как Конрад Бланд.

— Закон для всех один, даже для твоего нового героя, — сардонически улыбнулся Сейбл. — Покушение — еще не убийство. Этот человек совершил куда больше зла здесь, в Амаймоне, и ему придется за все ответить.

— Когда ты отправляешься? — спросила она.

— Прямо сейчас, — ответил Сейбл. — Бланда может и не волновать отсутствие необходимых протоколов, но я должен позаботиться об официальной стороне дела. Мне придется зайти на работу, а поскольку Энохатуми, нашего юриста, наверняка нет, то я должен буду созвониться с ним и проконсультироваться. Мне еще ни разу не приходилось принимать участие в процедуре выдачи преступника.

— Вот тебе и весь отдых, — сказала жена с сокрушенной улыбкой.

— Выше нос, это не последний вечер в нашей жизни, — успокоил ее Сейбл, стараясь выглядеть веселым.

Он прошел в спальню переодеться. Чемодана с собой он решил не брать, поскольку собирался пробыть в Тиферете ровно столько, сколько необходимо для передачи преступника, но на всякий случай упаковал сумку, если вдруг самолет совершит вынужденную посадку из-за плохой погоды.

Выходя из дома, он остановился у парадной двери и обнял Сибоян.

— До скорого, — сказал он.

— Я никогда не была в Тиферете. Привези мне что-нибудь необычное.

— Хорошо, — пообещал он.

## ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

*Я никогда не отрицал ценности истины. Глупцы перед ней преклоняются, но мудрый человек использует ее в своих интересах.*

Конрад Бланд

Сейбл проспал почти весь полет и проснулся, только когда самолет резко пошел на посадку, делая крутой разворот. Когда они приземлились и сбросили скорость, Сейбл выглянул в иллюминатор. К его удивлению, самолет совершил посадку не в аэропорту Тиферета, а в чистом поле.

Два механика подкатали лестницу вместо трапа, и, когда двери открылись, Сейбл увидел на полосе Якоба Бромберга, который встречал его.

— Добро пожаловать в Тиферет, мистер Сейбл, — сказал Бромберг, не подавая ему руки. — Хорошо долетели?

— Право, не могу сказать, — отозвался Сейбл с улыбкой. — Я проспал всю дорогу. — Он оглядел поле, по которому проходила взлетная полоса. — Кстати, где мы находимся?

— Это частный аэродром Конрада Бланда в пятнадцати километрах к северу от города. Идемте со мной, я доставлю вас в город.

— Отлично, — довольно откликнулся Сейбл, схватил сумку и поспешил за Бромбергом.

Воздух был тяжелым и затхлым, со странным застоялым запахом, которого он никак не мог определить.

Бромберг подвел его к открытому военному автомобилю, относительно новому и достаточно ухоженному. На машине были наклеены какие-то знаки, которых Сейблу никогда не доводилось видеть.

— Ставьте сумку на заднее сиденье, мистер Сейбл. — Сейбл небрежно закинул сумку, а затем опустился на сиденье рядом с водителем и закурил последнюю из тех сигар, которые ему дал Вешински.

— Как вам удалось его схватить? — спросил Сейбл, когда Бромберг включил зажигание и машина тронулась с места.

— Я ничего не могу сказать, мистер Сейбл, — ответил Бромберг, круто поворачивая влево и выруливая на дорогу к Тиферету. — Я к этому не имею ни малейшего отношения.

— Кто он?

Бромберг пожал плечами:

— Ни малейшего представления.

— Он что-нибудь сообщил?

— Насколько мне известно, нет.

— Не хочу показаться бестактным, но почему вы решились, что схватили именно того самого человека?

— Мы поймали того, кого нужно, — заметил Бромберг с многозначительной улыбкой. — Господин мой Бланд ошибок не допускает.

— И как же он выглядит без грима?

— Я его не видел, мистер Сейбл, — ответил Бромберг. — Могу вам передать информацию только из вторых рук.

Сейбл замолчал, затянулся и, не вдыхая, выпустил тонкую сизую струйку дыма, которую ветер тут же подхватил и унес в открытое окно. Бромберг был начальником охраны Бланда и тем не менее представления не имел об агенте, которого они схватили. Одно это уже было странно. А тот факт, что им удалось схватить убийцу так быстро и легко, казалось еще более странным. Конечно, существовала возможность, что они схватили именно того, но чем больше Сейбл размышлял, тем больше сомневался. Ну что ж, когда он доставит этого парня в Амаймон и подключит его к детектору лжи, то

наверняка разберется, того они схватили или нет. А может, и у Валенбаха есть детектор лжи, и тогда задача еще больше упрощалась. Тогда им не придется возиться в суде с иском за незаконный арест. Он отметил в уме, что обязательно должен поговорить с Валенбахом перед тем, как покинуть Тиферет с преступником.

Впереди на горизонте появился городок, небольшой и компактный, наверняка удобный и уютный, казалось Сейблу, но чем ближе они подъезжали, тем более странное впечатление он производил. В полдень, когда солнце палило немилосердно, город был окутан хмурой дымкой, будто весь он освещен косыми лучами заходящего светила.

Наконец они въехали в город, и сразу же вонь окутала Сейбла удушливым, зловонным покрывалом. Сначала ему показалось, что это просто отбросы или мусор, однако улицы были чисты и прибраны. Он не сразу разглядел источник этого тяжелого гнилостного запаха: проезжие части и тротуары были усеяны трупами, лежащими порознь и группами. Среди них были недавно убитые и уже разложившиеся. Тучи мух кружились над кроваво-гнилым месивом. Трупы в одежде и нагие, в лужах свернувшейся крови или с единственной маленькой дырочкой от пули или лазерного ожога...

— Что за чертовщина здесь происходит?! — ошеломленно спросил Сейбл, пораженный размахом бессмысленной бойни.

— Тут несколько дней назад пришлось подавлять небольшой бунт, — лениво пояснил Бромберг. — Господин мой Бланд решил оставить трупы на улицах как предупреждение всем остальным, кто хотел бы воспротивиться правлению закона.

— Несколько дней назад? — переспросил Сейбл. — Да некоторые из них выглядят так, будто их прикончили только сегодня.

— Вы ошибаетесь, мистер Сейбл, — ответил Бромберг. Не успели они проехать и шести кварталов, как трупов

стало еще больше. Теперь они устилали улицы, валяясь буквально повсюду. Сейблу даже показалось, будто двое — и в этом он мог поклясться, — старик и маленькая девочка, конвульсивно подергивались в агонии.

— Остановите машину! — потребовал он.

— Зачем? — удивленно спросил Бромберг.

— По крайней мере двое из них еще живы!

— Не может быть, — спокойно, с полной уверенностью возразил Бромберг. — Мятеж был подавлен почти неделю назад.

— Выпустите меня!

— Я, право, не могу, — заметил Бромберг, вдавливая до упора педаль акселератора. — Мы и так уже опаздываем.

По мере приближения к центру города десятки трупов превратились в сотни, и Сейбл увидел, что здания, которые не были сожжены или разрушены, были заколочены и заперты. Ни одной живой души не осталось на улицах Тиферета: ни собаки, ни кошки в подворотнях. Пустынный город населяли лишь полчища мух. Они роились черными облаками, гудя над трупами, взмывали вверх и переносились с места на место. Когда машина проезжала мимо, они разлетались в стороны, напуганные, с гудением кружили над улицей и снова опускались на свои жертвы.

— Ничего себе мятеж, — фыркнул Сейбл. Тишина слишком уж подавляла его, хотелось как-то прервать ее.

— Да, дело серьезное, мистер Сейбл, — откликнулся Бромберг.

— И каковы потери с вашей стороны? — поинтересовался Сейбл.

— Никаких.

— Почему-то меня это не удивляет.

— Наше подразделение очень эффективно, мистер Сейбл.

— То-то и видно, — отозвался Сейбл. — Вот только оружия у трупов почему-то нет.

— А мы его конфисковали, — отозвался с улыбкой Бромберг. — Согласитесь, нет смысла оставлять его для будущих мятежников.

— Весьма мудро, — заметил Сейбл не без иронии.

— Благодарю вас, сэр.

— Ну а теперь, если вы кончили валять дурака, — произнес Сейбл, — почему бы вам не сказать, что здесь произошло на самом деле?

— Я же вам только что объяснил, — с нажимом заметил Бромберг.

— Ладно, забудьте, — сказал Сейбл. — Я выясню у Бланда.

— Так будет лучше всего, — согласился Бромберг. Они проехали еще пару кварталов. Трупов не только не убавлялось, но, наоборот, становилось все больше. Часто они валялись прямо посреди дороги, и Сейбл каждый раз испытывал приступ тошноты, когда Бромберг переезжал полуразложившиеся тела, не обращая на них никакого внимания. Наконец они повернули на стоянку перед отелем.

— Бланд живет здесь? — спросил Сейбл, когда, резко взвизгнув, машина остановилась.

— Нет, — ответил Бромберг. Он сейчас на совещании. Он распорядился, чтобы вам отвели номер люкс, и пришлет за вами, как только освободится.

— А почему бы мне не подождать его в приемной? — Сейблу стало немного не по себе.

— Я не обсуждаю повелений господина моего Бланда, — сказал Бромберг, вылезая из машины и прихватив сумку.

Сейбл последовал за ним. Стеклопанельная дверь бесшумно скользнула в сторону, и они прошли к лифту. Они поднялись на тринадцатый этаж, и Бромберг провел Сейбла через холл к двери. Он набрал код, двери распахнулись, и они вошли в роскошные апартаменты, в каких Сейблу до сих пор бывать не приходилось.

Он обратил внимание на большой камин и встроенный в стену бар, полный самых разных напитков. Высокое окно выходило прямо на центр города. Лившийся из окна свет делал номер приветливым и уютным. За прихожей располагалась гостиная, вся в коврах, с удобным диваном посредине и маленьким журнальным столиком. Справа виднелась спальня, в которой стояла широкая кровать с надувным матрасом. За ней Сейбл разглядел ванную с сауной.

— Номер устраивает вас? — вежливо поинтересовался Бромберг.

— Вполне. Сколько мне придется ждать?

— Не волнуйтесь, господин мой. Бланд вызовет вас, как только освободится. А пока наслаждайтесь пребыванием в Тиферете. Гарантирую, что вас никто не побеспокоит. Вы единственный жилец в гостинице.

— А что произошло с другими?

— Ну, это долгая история, мистер Сейбл, — сказал Бромберг. — Быть может, мы обсудим это за обедом.

— Признаться, я думал отправиться домой гораздо раньше, — заметил Сейбл.

— Тогда, видимо, в другой раз.

— Кстати, я что-то не вижу видеофона...

— А с кем вы хотите связаться?

— Я хотел позвонить жене и сообщить, что долетел нормально.

— Об этом позаботились.

— Я хотел поговорить еще с Каспером Валенбахом.

— Боюсь, это абсолютно невозможно, — заметил Бромберг. — Он умер прошлой ночью.

— Да что с ним?

— Инфаркт, кажется, — небрежно ответил Бромберг. — А теперь, поскольку у вас больше нет вопросов...

— У меня куча вопросов, — поспешил возразить Сейбл.

— Вам лучше задать их господину моему Бланду.

Бромберг, улыбнувшись, повернулся к двери, набрал код и скрылся. Сейбл подошел к двери и подергал за ручку. Он не сильно удивился, обнаружив, что она заперта. Затем он осмотрел огромные окна. Каким, образом они открываются, он не понял. А в том, чтобы разбить их и попытаться спуститься по отвесной стене с тринадцатого этажа, он не видел никакого смысла.

Сейбл принялся методично исследовать апартаменты, чувствуя себя, словно зверь в клетке. Никаких культовых символов, никаких книг или журналов, радио или видео. Шкафы и ящики пусты, и даже шкафчик в ванной тоже пуст.

В баре он нашел штопор и минут двадцать тщетно пытался открыть входную дверь. У него даже мелькнула мысль разыграть из себя героя: расколотить бутылку и воспользоваться осколком стекла как оружием. Однако он вовремя сообразил, что скорее порежется, чем станет для кого-то серьезной угрозой.

И вместо того чтобы грохнуть бутылку ликера об пол, он открыл ее и наполнил бокал. Он осушил его одним глотком, на всякий случай еще раз подергал входную дверь, затем разделся и принял душ. Сейбл как раз вытирался махровым полотенцем, когда вошел Бромберг и объявил, что Бланд ждет.

— Так я действительно с ним встречусь? — поинтересовался Сейбл, торопливо натягивая одежду.

— Конечно.

— Я уже начал ощущать себя пленником.

— Это всего лишь мера предосторожности, не больше. На свободе еще остались некоторые нежелательные элементы, что делает Тиферет небезопасным.

— Не эти ли элементы вызвали инфаркт у Валенбаха? — ядовито поинтересовался Сейбл.

— Я, право, ничего не могу сказать.

— Знаю, знаю, — сказал Сейбл — Как раз в это время вы были в другом месте.



— Попали в точку, — ухмыльнулся Бромберг. — Вы готовы?

— Сумку брать или оставить? — спросил Сейбл.

— Наверное, прихватите с собой. В случае, если погодные условия изменятся, вы всегда можете вернуться сюда.

Сейбл хмыкнул, взял сумку и последовал за Бромбергом к лифту. Когда они выбрались на стоянку, запах смерти и разлагавшихся трупов снова охватил Сейбла. Однако на сей раз Джон промолчал и залез на заднее сиденье.

Они проехали почти два километра, когда навстречу им стали попадаться вооруженные патрули охраны. Вскоре они подъехали к огромному зданию. Сейблу показалось, что это Церковь Ваала, хотя никаких символов и знаков на ее стенах и крыше он не увидел. Бромберг назвал охраннику пароль, ворота неохотно, медленно открылись, и машина плавно тронулась по узкой дороге к крытому портику.

— Вот мы и прибыли, — с облегчением произнес Бромберг — Позвольте вашу сумку.

— Хорошо, — ответил Сейбл, следуя за главой охраны. Они вошли в широкие деревянные двери. Сцены разврата, пыток и непристойностей, вырезанные на них, были выполнены рукой мастера, который, как показалось Сейблу, явно испытывал болезненное влечение к этой теме. Затем они оказались в мрачном помещении с кроваво-красными стенами и полом. Здесь через каждые два метра стояли навтыяжку дюжие охранники. Бромберг кивнул одному из них, тот немедленно оставил пост и ушел, вернувшись только через пару минут. Он приглашающе махнул рукой, и Бромберг вежливо взял Сейбла под локоть.

— Господин мой нас ждет, — прошептал он на ходу.

В конце коридора имелась массивная железная дверь, и Сейбл понял, что именно за ней и находится загадочный

Бланд. Они с Бромбергом терпеливо ждали, прежде чем несколько солдат с трудом распахнули тяжелые двери.

Едва они успели переступить порог помещения, как Сейблу пришлось усилием воли подавить нахлынувшую тошноту. Воздух внутри был наполнен запахами разлагавшейся плоти и свежeproлитой крови.

С куполообразного потолка свисали балки, к которым крепились крючья. Нагие тела были подвешены за ребра, пальцы, половые органы, кто распят на стенах, кто валялся на полу в лужах крови. Вперемешку с разложившимися трупами лежали живые люди, искалеченные так, что уже не могли стонать.

Сейбл, онемев, смотрел на представшую перед ним вакханалию смерти. Лишь постепенно он осознал, что кто-то настойчиво дергает его за локоть. И только тогда он позволил Бромбергу провести себя мимо мертвых и умиравших к центру зала. Он чувствовал себя, как в кошмарном сне. Увиденное казалось ему нереальным. Однако когда полуживая женщина с содранной кожей попыталась схватить его за ногу, он вдруг понял, что все это — действительность. Все ужасы, которые он видел на дверях церкви, самым страшным образом воплотились в реальность.

В глубине комнаты в простом деревянном кресле сидел невысокий худощавый мужчина с золотыми волосами. Он был в белоснежных одеяниях. Приблизившись на негнувшихся ногах, Сейбл заставил себя взглянуть на этого человека. У Конрада Бланда была ангельская внешность: чистое, словно бы детское лицо с большими, широко раскрытыми, наивными глазами, тщательно уложенные волосы, белые, женственные руки с маленькими изящными пальцами.

— Мистер Сейбл, — произнес знакомый высокий голос, когда Сейбл приблизился, — как приятно, что вы нашли время меня навестить.

— Вы Конрад Бланд?! — спросил Сейбл, усилием воли подавляя в себе желание бежать, бежать отсюда без оглядки.

— Он самый, во плоти, — сказал Бланд с детской улыбкой на пухлых губах.

— Что это все значит? — Сейбл обвел рукой помещение.

— Ничего такого, что бы вас касалось, — заверил Блания. — Я несказанно рад видеть вас здесь. А я все никак не мог себе представить, как же вы выглядите.

Сейбл тупо осмотрелся:

— Что за бойню здесь устроили?

— Я это обожаю, — небрежно обронил Бланд. — Со временем вы и сами научитесь наслаждаться подобным зрелищем. Вы уже поняли, вероятно, что убийцы у нас нет, мы его еще не схватили.

— Да, конечно, — отозвался Сейбл без всякого выражения. — Зачем же вы послали за мной?

— Любопытство, — рассмеялся Бланд. — Мне просто хотелось посмотреть на человека, который пытается спасти мясника.

— Но я не знал... — Голос Сейбла сорвался. Он пытался сосредоточить внимание на Бланде, но не мог заставить себя оторвать взгляд от страшных, изуродованных тел. — Никто и понятия не имел...

— Они поймут, не переживайте, — сказал Бланд. — Они все поймут, без исключения.

— Что теперь будет со мной?

— С вами?.. Вы останетесь в Тиферете в качестве моего почетного гостя, — ответил Бланд. — Вы заинтриговали меня, мистер Сейбл. Да, да, правда.

— Чем?

— Да ведь вы первый человек, если не считать моих наемников, который искренне пытался защитить меня.

— Это мой долг, — тускло выдавил Сейбл.

— Ну что ж, тем лучше. Вы — человек чести, человек долга, одним словом, вы — Враг. Вы — воплощение того, что я должен уничтожить. Я должен хорошенько изучить вас, просто обязан.

— Предположим, мне не захочется здесь оставаться, — произнес Сейбл, наконец взяв себя в руки и сконцентрировав внимание на Бланде.

— Предполагайте, что хотите, — развеселился Бланд. — Несмотря ни на что, вы останетесь моим почетным гостем.

— И надолго?

— Пока не перестанете меня интересоваться.

— И что тогда?

— Думаю, мистер Сейбл, что ответ очевиден.

## ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

*Будь кровь зеленой, это был бы мой  
любимый цвет.*

Конрад Бланд

Джерико пришлось прятаться до наступления темноты. Под покровом ночи он отыскал ресторан на задворках города и стал ждать подходящего случая. Около полуночи подкатила полицейская машина, двое полицейских отправились перекусить. Когда через полчаса они закончили поздний ужин, Джерико уже дожидался их у машины. Короткая быстрая схватка не привлекла внимания ничьих любопытных глаз. Через несколько минут Джерико загрузил тела в багажник и рванул по опустевшему шоссе по направлению к городу Ясоду, прихватив номерное оружие.

Сначала Джерико хотел проехать мимо Ясода и направиться сразу в городок под названием Нетца. Но, поразмыслив, пришел к выводу, что исчезновение двух полицейских обязательно вызовет подозрения. В его распоряжении было всего часа три, не больше, и этого времени ему хватало только на то, чтобы доехать до Ясода.

Впереди уже показались огни городка, когда встречная машина без каких-либо опознавательных знаков развернулась на шоссе и погналась за ним. Вскоре завывала сирена, засверкала мигалка. Джерико счел разумным повиноваться требованию и остановиться у обочины. Обе машины остановились одновременно. Из легковушки выскочили три дюжих парня и направились к Джерико.

— Вылезай! — скомандовал один.

Джерико выбрался из кабины в душную ночь.

— Что случилось? — спросил он;

— Вопросы задаем мы, — отрезал мужчина.

— Что тебе нужно в Ясode?

— Я детектив из Кесера, — хладнокровно пояснил Джерико, — Парнелл Барнем. Следую по официальному полицейскому делу.

— По какому это официальному делу? — подозрительно осведомился один из троих.

— Покажите ваши удостоверения, и я буду рад ответить на все ваши вопросы.

Мужчина вынул портмоне и предъявил пластиковую карточку.

— Не годится, — сказал Джерико небрежно. — То, что вы работаете в частной охране Тиферета, еще не дает вам права останавливать меня и расспрашивать.

— Язон, — обратился мужчина к одному из спутников, — свяжись с Кесером и проверь, работает ли у них Парнелл Барнем. Сошлись на номерной знак.

— Не стоит беспокоиться, — поспешно проговорил Джерико. — Я вообще-то должен был прибыть сюда еще несколько часов назад, но задержался, пропустил пару стаканчиков и забыл про время.

— Это твои проблемы, — невозмутимо отрубил мужчина.

— Послушайте, — с отчаянием в голосе принялся упрашивать Джерико. — У меня будет куча неприятностей, если они узнают, что я только сейчас добрался до

Ясода. Давайте я просто покажу вам свое удостоверение личности, и мы расстанемся.

— Покажи-ка, — уклончиво произнес один. Джери-ко сунул руку в нагрудный карман куртки и принялся рыскать там, словно ища удостоверение. Парни расслабились, чувствуя свое превосходство, и в это мгновение Джери-ко выхватил пистолет. Прозвучали три коротких выстрела. Первому пуля прошила позвоночник, и он умер еще до того, как мгновение спустя оба других рухнули на асфальт, так и не успев ничего сообразить.

Джери-ко натренированным взглядом осмотрелся по сторонам. Кругом расстилалась равнина, и спрятать машину было негде. Джери-ко решил не тратить на это время. Он выстрелом разнес радио в машине, на которой приехал, и быстро стащил трупы полицейских в канаву, надеясь только на то, что полиция займется ими лишь к утру. Ему хватило пары минут, чтобы обыскать тела. Он нашел ключи, забрался в их машину и тронулся с места. Когда он подъезжал к Ясоду, начал накрапывать мелкий унылый дождик, больше похожий на осеннюю морось.

Ясод был компактным городком приблизительно на сто тысяч жителей, застроенный зданиями в викторианском и готическом стилях, со шпилями, колокольнями и булыжными мостовыми. Джери-ко уже проехал пару километров по городу, когда на панели запищало радио. Поскольку он не знал ни позывных, ни пароля, то попросту решил проигнорировать сигнал. Но минут через пять за ним уже гнались две полицейские машины с включенными сиренами. Он прибавил газу и принялся петлять по улицам, пытаясь оторваться от погони. Однако это не помогло, количество преследователей росло, к тому же он не знал города. Прямо по пятам следовали пять полицейских машин, будоража спящие улицы завыванием сирен и сполохами красных мигалок. Джери-ко отдавал себе отчет, что все они связывались друг с

другом по радио, и в лучшем случае ему оставалась пара минут, пока они не перекроют выход.

Он резко крутанул руль влево и, заскочив в узкий переулок, сбросил ногу с акселератора, схватил сумку и выпрыгнул в темноту, даже не видя, куда, собственно, его несет. Кубарем прокатившись по земле, он быстро вскочил, метнулся в тень угла и там замер, прикрывая лицо сумкой. Мимо вихрем пронеслись три машины. Услышав глухой удар в конце переулка, Джерико понял, что его машина во что-то врезалась. Он опрометью бросился между двух зданий, проскочил дворами и уже через несколько секунд оказался на другой улице.

Здесь было пустынно в такой час. Оглядевшись и убедившись, что за ним никто не наблюдает, Джерико быстро вытащил рубашку из брюк, расстегнул ее так, словно его только что вытащили из постели. Затем он обошел кругом, засунул сумку за водосточную трубу в одном из глухих дворов и снова вышел в переулочек, где уже стояла целая толпа любопытных мужчин и женщин, выпавших из ближайших домов посмотреть на аварию. Они были одеты кто во что — в пижамы, в халаты и ночные сорочки, кое-кто — под зонтиками. Среди этих людей Джерико меньше привлекал внимание своим растрепанным видом. Уже приблизившись к полиции, он принялся демонстративно застегиваться, с любопытством глядя по сторонам.

Две машины уже покинули место аварии, очевидно, в поисках пропавшего водителя. Один из полицейских принялся опрашивать окружающих, не видел ли кто-нибудь человека, бегущего с места аварии. Однако, убедившись, что опрос не дает никакого результата, он разогнал толпу по домам.

Джерико, возвращаясь тем же путем, выудил свою сумку из-за водосточной трубы. Раза два, шелестя дворниками, мимо шмыгали патрульные машины. Дождь продолжался, и Джерико, весь вымокший, без зонтика, мог

привлечь к себе внимание. Находиться на улице становилось все опаснее. Он заметил впереди какое-то церковное сооружение и направился туда, надеясь переждать до утра развернувшуюся за ним охоту.

Подойдя ближе, по символам на фасаде он быстро определил, что перед ним Церковь Сатаны, которую он посещал с Убусуку в Амаймоне. Войдя внутрь, он принялся озираться, ища выход на галерею, куда был открыт доступ всем мирянам. Не найдя ничего, он открыл дверь, ведущую в главный зал. Сидевший в начале прохода пожилой мужчина подал ему дешевую накидку с капюшоном. Джерико понял, что в ясодской Церкви Сатаны посторонних не бывает.

Церковь была почти пуста. Он сел в задних рядах, склонив голову, словно в молитве. По его расчетам, расцвет должен был наступить через час, но он решил отсиживаться в церкви до полудня.

Время от времени мужчина или женщина проходили по проходу до алтаря из оникса, преклоняли колена, а потом усаживались на первые ряды скамей. Священников не было видно, и единственный монах, сидевший у входа, занимался лишь тем, что раздавал и собирал накидки.

Джерико просидел на месте больше часа, а потом, когда церковь немного заполнилась, подошел к монаху, вернул ему плащ и капюшон и спросил, где у них туалет. Пройдя туда по короткому коридору, Джерико изменил до неузнаваемости внешность и просидел в кабинке еще с часок, чтобы не привлекать к себе внимания. Затем он вышел и вернулся в зал. Монах у входа сменился. Джерико взял новую накидку с капюшоном, надел ее и присоединился к остальной пастве.

Количество прихожан все увеличивалось, и к полудню церковь заполнилась до отказа. Наконец в полдень прозвенел гонг, и к алтарю вышел священник в черном.



— Сегодня мы с вами прочтем Восемнадцатую Энхианскую коду, — объявил он и принялся читать на языке, абсолютно незнакомом Джерико. Но молившиеся вдохновенно повторяли слова за священником.

Когда с этим было покончено, вновь прозвенел гонг, и священник поднял обе руки, призывая к тишине.

— О ты, могучий светоч и жгучее пламя утешения, что раскрывает славу Сатаны вплоть до центра Земли. Будь мне окном утешения. Раскрой тайну своего создания! Будь благосклонен ко мне, ибо я тот же, истый поклонник высочайшего неподкупного Правителя ада.

— Да здравствует Сатана! — прокричали молившиеся и снова стихли.

— Братья мои, — продолжил священник, скидывая капюшон, — я пришел сюда с проповедью, однако не стану ее читать. У нас есть дела куда более важные! — Он помолчал, а затем загремел на весь зал: — Убийца, нанятый Республикой, чтобы убить нашего Черного Мессию, сейчас здесь! Среди нас! В Ясоте!

Ответом ему была ошеломленная тишина.

— Он должен быть остановлен во что бы то ни стало, — распалялся священник. — Не допустим же его до Конрада Бланда, братья! Говорят, что он мастерски меняет внешность, а значит, не верьте вашему соседу, сомневайтесь в вашей супруге, приглядитесь внимательно к вашим детям! Стреляйте сначала, вопросы потом. Пусть лучше тысяча невинных погибнут, чем позволить этому негодяю покинуть Ясод! Если вы колеблетесь, если нерешительны, вы не приверженец Сатаны и вам не место в этой церкви!

Вся паства зашевелилась, оглядывая друг друга.

— Мы должны просить помощи, силы, руководства! — воскликнул священник. — Мы должны подкрепить наши молитвы жертвоприношением. — Он обвел орлиным взглядом напрягшуюся толпу. — Кто встанет среди избранных?!

Тотчас из рядов поднялись пять молодых мужчин, старик и пожилая женщина, несколькими секундами позже встали еще несколько мужчин и женщин.

— Превосходно! — вскричал священник. — И пусть никто не смеет сказать, что нашим прихожанам не хватает истовости! — И он ткнул рукой в одного из мужчин, который стал пробираться по рядам к алтарю, а все остальные сели.

— Сегодня же ты воссядешь по левую руку от Люцифера, — заявил священник. При этих словах парень расправил плечи, его молодое лицо озарилось фанатичным восторгом, он энергично кивнул.

— И кто же согласен нанести священный удар?! — воскликнул священник, и тут уж вся аудитория поднялась на ноги. Чуть замешкавшись, вскочил и Джерико.

Священник выбрал пожилую женщину в третьем ряду, она вышла к алтарю.

— Сим освященным лезвием ты преподнесешь дар Господу нашему Люциферу, — торжественно произнес священник, подавая женщине разукрашенный кинжал.

Мужчина снял с себя одежду и встал лицом к аудитории, сцепив за спиной руки.

— А мы все воссоединимся в молитве! — воззвал священник.

Он начал произносить слова молитвы, присутствующие подхватили, вторя ему эхом, которое заметалось под сводами храма. Женщина натянула на себя плащ, полностью спрятав под ним платье, изобразила кончиком лезвия пять точек в воздухе, затем подошла к раздетому мужчине, поднесла кинжал к его животу и нанесла короткий прямой удар. Тот вскрикнул, захлебнулся, давясь собственной кровью, покачнулся, едва удерживаясь на ногах, но все же остался стоять.

— Да здравствует улыбка Сатаны! — вскричал священник. — Чем больше страдания, которыми наслаждается Господь Люцифер, тем больше сил вернет он нам за наши старания. Царствуй, Сатана!

Голый мужчина повалился на колени, глядя на священника стекленеющими глазами, а тот, не обращая внимание на жертву, выкрикнул:

— Услышь меня. Господь наш Люцифер! Прими наш дар, прими нашу жертву в свои объятия! Заостри наши глаза, придай силы нашим рукам, благослови наш поиск! И разгроми наших врагов!

Мужчина повалился лицом в пол, надсадно захрипел, давясь кровью, по его телу прошла конвульсивная судорога предсмертной агонии, и через секунду он замер.

Месса продолжалась еще целый час. Однако, как успел заметить Джерико, во всех действиях священника и его помощников не было ничего символического. Месса начала превращаться в какую-то иступленную оргию. Вскоре на помост выволокли девочку лет пятнадцати, содрали с нее одежду, надели на руки цепи и приковали к алтарю. В течение двадцати минут священник и три его помощника иступленно насиловали девочку sodomским образом, и всякий раз толпа, подвывая и взвизгивая от восторга, приветствовала Сатану. Когда наконец эта вакханалия закончилась, девочка осталась неподвижно лежать на алтаре, только грудь ее поднималась и опускалась. К ее рукам прилепили свечи.

Появилась полуобнаженная монахиня, помочилась в чашу и водрузила ее на живот девочке. Проскандировав несколько строф, трое мужчин и священник выпили содержимое чаши.

Священник принялся хлестать девочку на алтаре, в то время как остальные трое мужчин ритмично произносили слова ритуала. Мгновение спустя внутри пентаграммы, выведенной черной редькой, смоченной в моче, вскочил голый мужчина с козлиной маской на голове, отобрал у священника хлыст и продолжил старательно пороть девочку. Покончив с этим, он стал подпрыгивать и приплясывать, вертя всеми частями тела. Затем он тем же извращенным способом стал насиловать девочку, и аудитория при каждом толчке иступленно редела:

— Здравствуй, Сатана!

Покончив со своим делом, мужчина с козлиной маской вставил одну свечу девочке в половые органы, а другую — в заднее отверстие и скрылся в темноте, которая окружала пентаграмму.

Исчезновение мужчины с козлиной маской послужило сигналом к началу всеобщей оргии. Джерико пришлось принять в ней участие. Он стащил с себя одежду, получил хлыст и последовал за другими к алтарю, пытаясь не морщиться от боли, когда проходившие задевали его хлыстами. Он выбрал относительно привлекательную женщину, которую временно оставил партнер, и повалил ее на пол. Он собирался заняться с ней нормальным сексом — нормальным, насколько было возможно в данной ситуации, — но, оглядев окружающих, почувствовал, что нормальный секс здесь не в чести. Поэтому он быстро перевернул девицу на живот и принялся насиловать содомским манером, а она во всю мочь орала какие-то строфы из Энохианских песнопений.

Несколько раз Джерико огрели хлыстами. Наконец он закончил и выпрямился, но обнаружил, что слишком поторопился. В течение следующих тридцати минут с разными партнерами обоих полов он проделывал такие фортели, которые не снились даже самым изощренным порнографам из Республики. Но, поскольку альтернативы у него не было, а отказ был равносителен тому, чтобы обнаружить себя, он хладнокровно и методично, сжав зубы, выполнил все, что от него требовали.

Когда он уже начал размышлять, сколько же еще ему придется все это выносить, раздался долгожданный гонг, и сатанисты моментально прекратили оргию и молча разбрелись по местам, физически и эмоционально истощенные. Несколько минут ушло на то, чтобы прижечь ссадины и ушибы, одеться и перевести дух, а потом они присоединились к священнику, восхваляя Люцифера.

Наконец священник в последний раз завещал им поймав убийцу и скрылся. Появившаяся женщина, вся в черном, с медицинским саквояжем, подошла к девочке на алтаре и принялась приводить ее в чувство. Два монаха подобрали мертвеца и оттащили его прочь, люди начали выходить из церкви. Джерико быстро оделся, затесался в центр толпы и, отдав на выходе накидку и капюшон, покинул церковь.

Большинство прихожан направились к ближайшей стоянке. И Джерико последовал за ними. Когда последний из них отъехал, он внимательно осмотрел несколько оставшихся автомобилей, остановил свой выбор на компьютеризированной машине, быстро разгадал код и уехал. Он направился на север, прямо через центр города. А когда выехал из торговых и промышленных районов, то свернул к западу.

Через несколько минут ему попался аэропортовский фургон. Джерико притормозил и стал следовать за ним. Фургон сделал еще несколько остановок. Джерико знал, что рано или поздно фургон приведет его в аэропорт Ясода. Так оно и случилось на закате.

Джерико припарковался как можно дальше от здания аэропорта, подкрался к фургону, дождался, когда водитель заберется внутрь, чтобы вытащить вещи, а затем нырнул следом и безболезненно прикончил того. Внутри он переоделся и изменил черты лица, стараясь соответствовать фотографии на водительском удостоверении. Он подобрал несколько пакетов, запер труп в машине и прошел в ближайшую диспетчерскую погрузок. Пока он дожидался очереди с другими курьерами, он изучил расписание полетов на стене и обратил внимание, что в ближайшие полчаса летит самолет на Ход.

Удача сопутствовала ему: Нетца была всего лишь в трехстах километрах к северу от Ясода, а вот Ход нахо-

дился в четырехстах километрах от самого Тиферета. Если бы он попал на самолет, то совершенно спокойно миновал бы Нетцу и еще четыре города. Он выскользнул наружу, сменил адреса на пакетах и, выждав минут пятнадцать, вновь вошел в диспетчерскую. Очередь уже рассосалась, и он сразу подошел к диспетчеру.

— Что у вас сегодня для меня? — вежливо поинтересовался диспетчер.

— Груз первым классом в Ход, — пояснил Джерико.

— Опоздали, — сказал диспетчер. — Самолет загружен и должен взлететь через несколько минут.

— Послушайте, я не знаю, что в этих пакетах, но если они не попадут в Ход сегодня днем, я потеряю работу. Помогите, пожалуйста. Ведь можно же что-нибудь придумать?

— Это так срочно? — спросил диспетчер, задумчиво потирая подбородок.

Джерико кивнул.

— Ладно, — наконец согласился диспетчер. — Я вызову пилота, скажу, чтобы придержал люк открытым для вас. Езжайте на седьмую стоянку.

Джерико рассыпался в благодарностях, вышел к фургону и лихо подкатил к самолету, который разогревал моторы на стоянке номер семь. Он швырнул пакеты и свою неизменную сумку в багажное отделение.

— Все в порядке? — крикнул пилот.

— Все в порядке! — заорал Джерико, пытаясь перекрыть рев мотора. Он дождался, пока дверь багажного отделения закрылась, и нырнул в проем. Джерико предпочел бы убить пилота, чтобы не рисковать лишний раз, но, хотя он и мог пилотировать звездолет, в управлении самолетами был круглый невежда.

Мгновение спустя они поднялись в воздух, направляясь к далекому городу Ходу, и Джерико гадал, жив или нет связной Люси там, куда он сейчас летел.

## ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

*Пытки, как и скрипка, — всего лишь инструмент, и только в руках мастера из них рождается искусство.*

Конрад Бланд

Сейбл провел бессонную ночь в одной из комнатушек церкви. Хотя она была не столь роскошна, как апартаменты в гостинице, в ней имелось все необходимое. Единственное, чего он не мог получить, это свободы. Дверь была из стали, замок открывался только снаружи, и два охранника охраняли его. То и дело Сейбл погружался в полудрему, из которой его вырывали крики и стоны умирающих, а нещадный запах разложившихся трупов перебивал дыхание.

Через час после восхода дверь отперли, и его провели вниз по спиральной лестнице мимо десятков изуверченных тел, еще живых и уже мертвых, а затем вывели наружу через боковую дверь.

Он шел по дорожке из ровных плит, щуря слезящиеся от яркого света глаза. Множество птиц целыми стаями кружили над головой, привлеченные сюда огромным количеством трупов. Сейбл поймал себя на шальной мысли, не могут ли эти птицы залетать и в церковь?

Его втокнули внутрь небольшого домика при церкви. Бланд уже поджидал его, сидя в окружении книжных полок, забитых дискетами, кассетами со всех концов Республики. Все пространство заполняла тихая, ритмичная музыка, казавшаяся Сейблу очень знакомой, но где он ее слышал, вспомнить было невозможно.

— Доброе утро, мистер Сейбл, — радушно приветствовал его Бланд. — Надеюсь, вам хорошо спалось?

— Сносно, — ответил Сейбл, оглядывая комнату. Кроме книг и кассет, в ней было много картин и статуэток,

но ни в чем не встречались сатанистские мотивы. Не было здесь и свидетельств кровавых пристрастий Бланда.

— Присаживайтесь, — предложил Бланд, указывая на кресло-качалку напротив. — Я приношу извинение за убогость моего обиталища, но время от времени приходится мириться с неудобствами.

— Любить так называемые неудобства совсем необязательно, — холодно парировал Сейбл.

— Будет, будет вам, мистер Сейбл. Вы что-то не очень дружелюбны сегодня, а вам не следует забывать, что единственная цель вашего присутствия — забавлять меня.

— Или подыгрывать вашему сумасшествию.

— И вы всерьез полагаете, что я сумасшедший? — расхохотался Бланд. — Хотя почему бы и нет? По крайней мере это хороший трюк, и чем больше меня будет недооценивать мой противник, тем лучше. Когда мне было двенадцать лет, мать отвела меня к психиатру после того, как обнаружила, что я занимаюсь вивисекцией домашних животных. Я, пожалуй, единственный человек из всех ваших знакомых, у которого есть вполне реальная справка о том, что я совершенно нормален.

Это показалось ему забавным, и он снова разразился хохотом.

— У вашего психиатра было странное представление о невинных детских проделках, — едко заметил Сейбл. Он ожидал вспышки гнева или раздражения, однако не последовало ни того, ни другого. Бланд только слегка улыбнулся.

— О, я уверен, будь он жив, он бы оценил по достоинству ваше замечание. Я убил его, когда мне исполнилось тринадцать. — Сейбл понял, что лучше всего промолчать, но Бланд, наслаждаясь внутренней борьбой детектива, поддел его: — Разве вас не интересует, почему я убил его?

— Если хотите, можете рассказать, — пожал плечами Сейбл.



— Я знал, что великая судьба, необыкновенное предназначение ждали меня в будущем. Я тогда еще не представлял, что именно, но уже в раннем возрасте понял, что не стоит оставлять свидетелей моей юности. Они могли меня впоследствии узнать, передать информацию обо мне моим врагам. Вот почему я убил своих родителей, но за исключением этого и еще нескольких случаев, юность моя была обычной и мало отличалась от других. Но что мы все обо мне да обо мне, мистер Сейбл. Расскажите мне о себе.

— Например? — спросил Сейбл, окидывая взглядом комнату в поисках возможного выхода.

— Например, просто потрясающе, что кто-то — особенно человек строгих моральных правил, как вы, — пытается спасти мне жизнь. Почему вы это сделали? И я дружески предостерегаю: перестаньте наконец озиаться по сторонам и искать выход. Если вы даже сумеете сами, без моего разрешения, выбраться из этого дома, боюсь, ваша жизнь будет куда более неинтересной и короткой.

Сейбл только вздохнул и постарался расслабиться. Был Бланд сумасшедшим или нет, но он был явно неглуп и прожил бы гораздо меньше, проявляя беззаботность. Он поверил на слово, что бегство ничего хорошего ему не принесет.

— Я — офицер полиции, давший клятву соблюдать закон. Когда стало ясно, что Республика намеревается убить человека, которому мое правительство предоставило убежище, я считал своим долгом предотвратить это убийство.

— Ну а теперь, после визита в Тиферет, вы бы так же настаивали на выполнении своего долга?

Сейбл испытующе уставился на Бланда, невольно вздохнул и ответил:

— Теперь я и пальцем не пошевелию, чтобы вам помочь.

— Да? — спросил Бланд весело. Ответ Сейбла его явно позабавил. — А вы знаете, скольких невинных погубил ваш убийца со времени появления на Вальпургии?

— Шестерых.

— Ваши сведения устарели, мистер Сейбл. Счет теперь дошел по меньшей мере до четырнадцати, а по большей — до двадцати.

— Вы его еще не схватили?

— Нет, но ждать осталось недолго.

— Где он?

— Где-то между Кесером и Тиферетом. Вероятно, в Ясоде.

— Он проник так далеко? — удивился Сейбл.

— Но ведь, по вашим словам, это высокопрофессиональный убийца. Ну конечно, он не подобрался еще так близко, чтобы стать занозой в боку, но когда это время наступит, его остановят. Но скажите мне, мистер Сейбл, почему вы больше не хотите ловить профессионала-наемника, убийцу, который усеивает свой путь трупами невинных жертв?

— И я слышу это из ваших уст?

— Он осмеливается перебегать мне дорогу! — в ярости воскликнул Бланд. Его глаза вспыхнули бешенством, однако губы в то же мгновение растянулись в некоем подобии улыбки. — Простите меня. Я слишком болезненно воспринимаю вопрос о своих прерогативах и временами чересчур эмоционален.

На стене заверещал селектор. Бланд поднялся и надавил клавишу.

— Да?

— Сэр, — произнес голос, похожий на голос Бромберга. — Сомнений нет: он бежал из Ясода.

— Я, собственно, так и предполагал, — спокойно заметил Бланд. — Сколько времени ему потребуется, чтобы добраться до Нетцы?

— Три, может быть, четыре часа.

— Положите часов пять, а потом уничтожьте, — распорядился Бланд.

— Весь город целиком?

Бланд, не снисходя до ответа, отключил селектор.

— Ну, вот и все с вашим убийцей, — сказал он довольнo. — Хотите выпить, мистер Сейбл? Сейбл отрицательно покачал головой.

— Как хотите, — откликнулся Бланд, пожимая плечами. Он вернулся к своему креслу. — Вы, кажется, расстроились, мистер Сейбл? Это из-за уничтожения Нетцы, да?

— Вы осудили на смерть тысячи невинных людей, — ответил Сейбл, едва сдерживая гнев.

— Это всего лишь люди, — заметил Бланд. — Рано или поздно они все умрут. Некоторые, подобно вам, забавляют и развлекают меня, некоторые, подобно вашему прославленному убийце, заставляют меня взбодриться. Но я чистосердечно должен признать, что никто из вас меня не волнует. — Он махнул рукой в сторону полок с книгами и кассетами. — Все лучшее и ценное, что может предложить человечество, все это здесь, на этих полках. Остальное — всего лишь мясо.

— Как ваши родители?

— Мистер Сейбл, вы поразили меня в самое сердце. Я признаюсь, что стыжусь убийства своих родителей.

— Зачем вы это сделали?

— Вы меня, кажется, не поняли. Позвольте мне объяснить все другими словами, — поправился Бланд. — Я грущу не о том, что они мертвы, а скорее о том, как они умерли. Я повел себя не лучшим образом, как какой-нибудь ночной хищник или, — добавил он с улыбкой, — как какой-нибудь наемный убийца. Страданиями этих двоих я мог бы насладиться сполна, в высшей степени, а я убил их быстро, тихо, не оставив никакого следа. Они подошли, даже не успев сообразить, что с ними происходит. И я даже не наслаждался полностью

трепетом их предсмертной агонии. За последние годы я приобрел достаточный опыт в таких делах, но, увы! Убить своих родителей можно только один раз.

Сейбл попытался скрыть ужас и отвращение и промолчал, не в силах найти слова.

— О, да вы выглядите совсем расстроенным, мистер Сейбл. Ну, это вовсе ни к чему. Так поступать заложено в моей природе. И сила моя в том и заключена, что все это я делаю хорошо. Я разрушаю, но это потому, что единственной альтернативой является созидание, а я этого органически не переношу. Вот скажите мне правду: разве вы никогда не испытывали желания убить своих родителей, жену, детей?

— Конечно, — ответил Сейбл. — Но это всего лишь животный инстинкт, его можно преодолеть.

— Да, ну а что, если человек сочтет целесообразным не преодолевать его? Что, если он полностью отдастся этому? Какой мощи такой человек мог бы достигнуть, если в нем заложены интеллект, энергия и ему сопутствует случай.

— В одном он не сумеет меня убедить — в том, что он прав.

— Изумительно! — воскликнул Бланд, хлопая от удовольствия в ладоши. — Я знал, знал, что вы позабавите меня. Как же мне вас вознаградить? А, придумал: в ближайшие пять минут можете спрашивать меня о чем угодно, не опасаясь последствий.

— Ну, тогда начнем с простого, — предложил Сейбл, вовсе не убежденный, что последствий не будет в самом деле. — В чем же вы видите вашу цель? Покорить Вальпургию?

Бланд рассмеялся и покачал головой.

— Что ж тогда? Всю Республику?

— Дорогой мистер Сейбл, в своем невежестве вы приписываете мне чуждые мотивы. У меня нет желания что-либо покорять. Во мне нет ни желания, ни способностей править империей.

— Тогда к чему вся эта бойня?

— Пожалуйста, не путайте войны во имя завоеваний с войнами во имя разрушения.

Бланд подошел к окну и распахнул его, издалека доносились приглушенные вопли и крики его жертв.

— Вы слышите? — спросил Конрад Бланд, и глаза его сияли. — Это симфония, которую я обожаю больше всего, мистер Сейбл.

Вместе со звуками в комнату проник горячий воздух, полный запахов гниющей плоти, крови, самой смерти. Сейбл почувствовал, как тошнота снова подкатывает к горлу, однако его удивило, что за ночь он успел уже привыкнуть к этому удушливому запаху. Сейбл понял, почему прислужники Бланда не понимали, что они творят, и даже любили эту кровавую работу. Лишь отвернувшись от бойни, а потом снова увидев ее, вы начинаете осознавать, что происходит.

— Почему же вы избрали именно Вальпургию? — спросил Сейбл, прикрывая нос и рот платком. Бланд с явной неохотой закрыл окно и снова со вздохом вернулся в кресло.

— Это мир, который поклоняется Сатане, — пояснил он наконец после долгой паузы. — Я был рожден для этой планеты, как и Вальпургия появилась на свет только для того, чтобы принять меня. Мы созданы друг для друга, это совершенный союз и останется таковым до тех пор, пока... пока я не уничтожу мою, так сказать, «невесту».

Сейбл, борясь с тошнотой, промолчал, и Бланд продолжил:

— Если быть откровенным до конца, то сатанизм, воспевание дьявола — это даже глупее, чем теизм. И если веру жителей планеты можно использовать в моих интересах, то у меня нет никаких возражений. Не забывайте: именно ваши священники, ваши духовные пастыри первыми предложили мне убежище, и теперь они думают

войти ко мне в милость, провозглашая меня их Черным Мессией. — Тут он коротко хохотнул. — Ну какая нужда Сатане в слугах?

— Но у вас же они есть, — указал Сейбл. — Бромберг и ему подобные.

— Прежде чем я закончу, я их всех ликвидирую. Ничего другого я от Сатаны и ждать не могу, и ваши священники тоже не должны. — Он взглянул на часы. — А, я вижу, нам пора заканчивать нашу дискуссию, мистер Сейбл. По соседству должны начаться процедуры, которые я просто не могу пропустить. Быть может, вы также захотите присутствовать?

— Спасибо, я предпочел бы не видеть этого.

— Так тому и быть, — подытожил Бланд, поднимаясь. — После моего ухода вас проводят в вашу комнату. Вы можете заказать все что угодно из нашего весьма ограниченного меню, и, конечно же, моя библиотека в вашем полном распоряжении. Тем временем я предложил бы вам подготовить список тех членов вашего светского правительства, которым я стал поперек горла и которых можно было бы уговорить нанести мне небольшой дружественный визит во время вашего пребывания в Тиферете.

Сейбл хотел было воспротивиться, но Бланд остановил его жестом, не дав и рта открыть.

— Вам приходилось когда-нибудь слышать о Кембрии III, мистер Сейбл?

— Нет.

— Мне выпала возможность провести там почти год после моего вынужденного бегства с Южной Родезии. Однако это нельзя считать совершенно пустой тратой времени, поскольку я воспользовался возможностью проверять кое-какую гипотезу. Я убил три тысячи человек на Кембрии, три тысячи семнадцать, если быть точным. Каждый из них убежденно заверяя, что есть обеты, которые он никогда не нарушит, тайны, которые никогда

не выдаст, поступки, которые ни за что не совершит. И каждый, без исключения, все это сделал, выдал секреты, нарушил клятвы. Это были сильные люди, мистер Сейбл, и их воля не была ослаблена ни религией, ни чувством долга. Поразмыслите над этим, мистер Сейбл, до нашей следующей беседы.

## ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

*Зло не признает альтернатив.*

Конрад Бланд

Джерико без особых трудностей выбрался из самолета и поспешил покинуть аэропорт. Трудность заключалась в том, как разобраться в ситуации.

Когда-то Ход представлял собой уютный, мирный городок с населением в двести тысяч человек, зеленый, аккуратный и сонный, как все провинциальные городки. Теперь от него остались лишь полуобгоревшие руины. Половина зданий была сожжена или взорвана, от большинства из них уцелели лишь обгоревшие фундаменты, а население сократилось больше чем наполовину. Джерико был совершенно убежден, что Конрад Бланд не ожидал появления агента именно в этом городишке. Поэтому разрушения вряд ли были вынужденной мерой самообороны. Скорее это был каприз садиста.

Улицы были усеяны убитыми — расстрелянными, с перерезанными горлами, искалеченными, с оторванными руками и ногами, и все они валялись между обожженных остовов машин, обломков зданий, куч мусора и грязного тряпья.

Джерико успел отшагать от аэропорта с километр, когда вдруг сообразил, что целый и здоровый мужчина привлечет на таких улицах внимание куда больше, чем любое другое существо. Спрятавшись в выжженных руинах небольшого дома, он взялся за работу, и через несколько минут выбрался оттуда преобразившимся: весь в ожогах, левая рука безвольно болталась на окровавленной перевязи, одежда была порвана, в пятнах засохшей крови. Он сильно прихрамывал на правую ногу. На лице его застыло потрясенное выражение. Он пустился дальше мимо руин.

К своему удивлению, он встретил прохожих в еще худшем состоянии, чем он сам. Больные, раненные, искалеченные, они проходили мимо, не обращая на него внимания. А больше вокруг не было никого, кто мог бы проявить интерес к его личности. Время от времени издалека доносились выстрелы, но поскольку войны не было, а шла сплошная резня, то трудно было даже догадаться, кому были предназначены эти пули.

Не меняя направления, он продолжал хромать к центру, оглядывая окружавшую его разруху. По всей видимости, здесь прошлись бомбардировкой, однако пилоты сработали небрежно. В одних районах не осталось ни одного живого места, в то время как в других дома стояли почти целые, только вылетели стекла. Он понятия не имел, где искать связную Люси Белоглазой, но логика подсказывала, что если и искать, то в одном из уцелевших районов. Джерико обошел самый большой квартал, но совершенно безуспешно, провел ночь с беженцами в вестибюле сожженной гостиницы и отправился дальше осматривать жилые кварталы.

Стрельба участилась, и раза два раздавалась так близко, что он инстинктивно прятался. Однако никого рядом не было, и никто не мог заметить, с какой резвостью он это проделывал.

Ближе к полудню он наконец нашел запертый киоск гаданий по руке с фотографией женщины в белом в окне.



Он выждал, пока из виду не скроются несколько бродячих полутрупов, затем быстро взломал дверь и вошел в небольшую прихожую. Стараясь держаться начеку, он прошел дальше, раздвинул свисающие бамбуковые занавеси и очутился в кабинете.

Женщина средних лет сидела у окна и тупо смотрела на улицу.

— Мы закрыты, — сказала она глухо, даже не обернувшись.

— Ничего, сейчас откроетесь, — отозвался Джерико, присаживаясь. Она обернулась и смерила его взглядом с ног до головы.

— Вам скорее нужна больница, если, правда, она уцелела, а не предсказательница.

— Позвольте мне судить самому, — ответил Джерико, лениво тасуя гадальные карты, лежавшие на столике. — Белоглазая Люси считает, что мне необходима предсказательница.

— Джерико?! — спросила она неуверенно, впиваясь в него пронзительным взглядом. Он кивнул.

— Да что с вами произошло?

— Ничего.

— Но ведь вы... — Она оборвала себя. — Да, конечно, кто же заметит лишнюю корову на бойне.

— Почему же Люси Белоглазая не предупредила вас о моей новой маскировке? — спросил он, вынимая руку из перевязи и потягиваясь. — А я-то думал, что она следит за каждым моим шагом, как было условлено.

— Она серьезно больна, — ответила женщина.

— Да, и что же с ней?

— Сердечный приступ, старость, трудно сказать. Время от времени она связывается со мной, но мысли ее хаотичны, нечетки. Мне кажется, она умирает.

— Ей удалось сообщить вам что-нибудь полезное?

— Да, единственный город, между этим и Тиферетом, где у вас есть хотя бы минимальный шанс, это Бина.

— Бина, — повторил он. — Это всего в ста двадцати километрах от Тиферета, верно? — Она кивнула. — Кстати, а почему стреляют на улицах?

— Из-за вас.

— Из-за меня?!

— Вчера днем Бланд откуда-то узнал, что вы миновали Нетцу и направляетесь в Ход. Он объявил через своих людей, что если вас не прикончат в Ход, то он вернется и уничтожит все, что уцелеет. Пока они успели пристрелить человек пятьдесят, принимая их за вас.

— Но он в любом случае выполнит свое обещание, — заметил Джерико.

— Да, конечно. Ход разбомбили неделю назад, еще до того, как он узнал о вас. Он разбомбил Ход потому, что ему это доставляло удовольствие. И по этой же причине он обязательно сюда вернется.

— Сколько его подручных находится здесь?

— Не больше двух тысяч.

— И как они добираются до Бины?

— Сейчас спрошу Люси Белоглазую, — ответила женщина, закрывая глаза и хмурясь. Потом она приподняла веки и взглянула на Джерико: — Бесполезно. Ее разум помутился. В ее голове лишь воспаленный бред.

— Хорошо, — сказал Джерико. — Может, вы сами ответите мне на пару вопросов, не прибегая к помощи Люси Белоглазой.

— Я попробую.

— Во-первых, почему люди мирятся с этим? Почему бы им не атаковать Тиферет или не убраться отсюда по-добру-поздорову.

— Вы должны понять, что они все обожествляют Конрада Бланда. Он — их Черный Мессия и не может совершить ничего неправильного. Если он считает, что Ход должен быть стерт с лица земли, а население полностью истреблено, то он, несомненно, прав. Но здесь вы имеете дело не с поверхностной верой, как в Амаймоне или

Кесере, а с истовыми фанатиками Сатаны. Они верят в силу и мощь зла, они преклоняются перед ложью, унижением, уничтожением, живут в грехе, растлении и никогда не променяют это ни на что другое. Они не задумываясь, совершенно свободно, приносят смерть друг другу. Они не боятся смерти и всегда с радостью встречают ее. Они все готовы опуститься в преисподнюю и стать слугами Люцифера.

— Но это же нелепо, — невольно произнес Джериго, однако тут же вспомнил молодого мужчину, который добровольно принес себя в жертву. — Ведь никому не хочется умирать, и даже мученики древней Земли, будь у них выбор, предпочли бы смерти возможность изменить общество.

— Верно, — ответила она. — Но ведь их вера не прославляла смерть и страдания.

— Но они прославляли Иисуса, которого распяли на кресте, — возразил Джериго.

— Он страдал ради них, а ради сатанистов никто не страдает.

— Это настоящее сумасшествие.

— Разве мог бы Конрад Бланд достичь такого успеха в нормальном мире?

Джериго пожал плечами:

— Вы уже ответили на мой второй вопрос. Я полагаю, что здесь, в этом городе, даже после всего, что произошло, не найдется никого, кто хотел бы сопротивляться и на кого я мог бы опереться.

— Да.

— Если все города после налетов в таком состоянии, — заметил Джериго, выглянув в окно, — то, боюсь, связного в Бине я просто не найду.

— Нет, вы непременно встретитесь, если она еще жива, — сказала женщина. — Ее зовут Селил.

Джериго задумался на мгновение, потом покачал головой.

— Рисковать не стоит, особенно если учесть, что разум Люси Белоглазой помутился.

— Но, как я уже сказала, у нее бывают моменты просветления. Не вступить в контакт с Селией может быть слишком рискованным.

— Я буду иметь это в виду, — сухо заметил Джерико — Теперь последний вопрос: разрешается ли проезжать гражданским между Ходом и Биной, или там только одни военные?

— Насколько я знаю, нет. Конечно, проехать возможно, но я сомневаюсь, что вам удастся.

— Что ж, у меня все, — сказал Джерико, поднимаясь и просовывая руку в перевязь. — Надеюсь, вы здесь в безопасности?

— Куда в большей, чем вы, — не без усмешки заметила женщина, — особенно там, куда вы сейчас направляетесь.

Джерико заставил себя улыбнуться и захромал через прихожую на улицу.

Он шел по улице, приглядываясь и прислушиваясь ко всему, что происходило вокруг. Ему было необходимо выбраться из Хола как можно быстрее, и мозг лихорадочно работал, обдумывая один за другим множество различных вариантов. Уже днем Джерико натолкнулся на два транспортных военных грузовика, которые были припаркованы к тротуару. Возле них стояла охрана. Он прохромал мимо, якобы не обращая на них внимания, но, миновав охранников, прокрался назад.

В выгоревших руинах соседнего здания он дождался ночи. В наступившей темноте выстрелы стали звучать чаще. Как видно, ребята Бланда не слишком разбирались, в кого стреляют. Однако это не заботило Джерико, поскольку пальба звучала в отдалении. Когда наступила полночь, он вышел из укрытия и стал подкрадываться к грузовикам, стараясь держаться в тени и проявляя заведное терпение. В конце концов один из охранников —

а всего их было шестеро, и еще, может быть, двое прятались в кузовах — двинулся в его сторону: либо в туалет, либо в ресторан. Джерико вжался в проем, пропустил часового мимо, а потом стремительным ударом переломил ему шею, затащил в ближайший подъезд, сорвал с него одежду, а затем изменил свою внешность.

Из беглого просмотра бумаг Джерико выяснил, что имя убитого Ясинто Варгас, а родом он из Нетцы. Однако никаких сведений о назначении и маршруте грузовиков Джерико не обнаружил.

Он поразмышлял, возвращаться к грузовикам или нет, поскольку долгое отсутствие Варгаса могли заметить, а рисковать ему не хотелось. К тому же, как Джерико подозревал, транспорт двигался на юг. Он подождал, пока все солдаты не начали возвращаться к грузовикам. Они шли группами по двое, по четверо. Дождавшись одиночки, Джерико затащил его в тень и, приставив нож к горлу, спросил:

— Куда следуют грузовики?

— В Бину, — дрожащим голосом прошептал солдат.

— Куда еще?

— Только в Бину, клянусь.

Джерико прикончил его без ножа. Остаться Варгасом стало опасно, поэтому Джерико быстро переоделся в форму своей последней жертвы, а уж подделать внешность ему не составило никакого труда. По идентификационной карточке он определил имя убитого — Дэниел Мэннинг. Затем он подумал, не подложить ли документы Варгаса в карман парня, чтобы сбить всех с толку, однако решил, что они в дальнейшем могут ему пригодиться, и спрятал их на всякий случай.

Путешествуя по Вальпургии, Джерико очень тщательно хранил свою сумку с примерными принадлежностями, однако теперь брать ее не имело никакого смысла. В солдатском грузовике, где все притиснуто друг к другу, любые выступы или неровности на фор-

ме могут привлечь нежелательное внимание. Спрятать же сумку было совершенно некуда. Джерико вынул тюбик с пластиковой кожей, краску для волос и жидкую пудру для лица, а все остальное с сожалением забросил в развалины.

Мгновением позже он уже подошел к грузовикам и вскоре сидел в кузове плечом к плечу с солдатами Бланда, свесив голову на грудь, притворяясь спящим. А грузовики неслись сквозь сырую ночь к далекой Бине.

## ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

*Конечно, у людей есть души, в противном случае я с таким же успехом мог бы тратить свое время, уничтожая животных.*

Конрад Бланд

Еще не рассвело, когда грузовики с пятиминутным интервалом достигли Бины.

Джерико сидел у самого края, держась рукой за задний борт грузовика. Он прекрасно понимал, что никакая косметика не выдержит испытания при ярком солнечном свете. Его личину сразу же раскроют, стоит ему промедлить еще минут тридцать. Поэтому, когда грузовик круто повернул, визжа тормозами, Джерико кубарем скатился на землю. Он был почти уверен, что никто из дремавших соседей не заметил его исчезновения, однако, стараясь обезопасить себя, он со всех ног кинулся перпендикулярно дороге, прямо к зданиям, чтобы там поскорее укрыться. Он пробежал несколько минут и, когда почувствовал, что у него уже не хватает дыхания, ныр-

нул в первый же подъезд, чтобы перевести дух. Он прислушался: погони не было.

Около часа он просидел в подъезде и выбрался на улицу, когда солнце уже поднялось над горизонтом. Только теперь ему удалось как следует разглядеть город.

Он производил далеко не такое впечатление, какого ожидал Джерико. Конечно, на улицах валялось множество трупов, почти на каждом фонаре висели полуистлевшие тела, однако же видимых разрушений не было. Низенькие коттеджи стояли нетронутыми, не заметил Джерико и воронок от бомб или следов пожарищ, да и электричество в городе, похоже, работало исправно. Вдобавок, несмотря на обилие трупов, по улицам не бродили с отрешенным видом калеки и изможденные страданиями люди, как в Ходсе. Похоже, здесь Конрад Бланд действовал иначе. У Джерико даже промелькнула мысль: скорее всего здесь людей просто приговаривали к смерти, расстреливали или вешали, а все остальные, кого эти казни не касались, ходили счастливыми и довольными.

Большинство мужчин были одеты в красные или черные балахоны, расписанные символами их сект, и почти все носили с собой ножи и пистолеты. Взглянув на женщин, Джерико невольно вспомнил первые часы пребывания в Амаймоне, когда он столкнулся с процессией ведьм, хоронивших кошку. Здесь почти все представительницы прекрасного пола носили такой своеобразный наряд. Грудь, спины и ягодицы выставляли напоказ почти все, независимо от возраста. Джерико ухмыльнулся про себя, подумав, что девяноста процентам из них следовало бы прикрыться поплотнее хотя бы из эстетических побуждений. Неужели они и зимой расхаживают в таких же нарядах?

На улице появились несколько солдат, бодро вышагивавших по своим делам. Джерико обратил внимание, что никто из гражданских от них не шарахался. Правда,

их и не встречали, как героев, но обстановка, похоже, складывалась вполне терпимая.

Джерико не знал, чем занимаются солдаты на улицах города. Поэтому, не желая рисковать, он юркнул в маленький проулок и спрятался в тени, дожидаясь первого прохожего. Им оказался невысокий крепкий мужчина средних лет. Джерико убил его испытанным ударом по шее и через пару минут появился на улице в красном плаще поверх военной формы.

Бина была маленьким городишком, занимавшим не более трех-четырех квадратных километров, и Джерико надеялся отыскать Селию до полудня. Но его расчеты не оправдались, он натолкнулся на нее только вечером, да и то едва не прошел мимо. Ему повезло, что прорицательница стояла у окна в белом корсете.

Здание было совершенно новым, выстроенным из красного кирпича, и окна располагались невысоко. Джерико торопливо взбежал по лестнице и постучал в дверь, на которой золотом было выведено: «Мадам Селия, медиум и френолог».

— Добрый день, — сказала она, открывая дверь и проводя его в очень уютную, прекрасно обставленную приемную. — Присаживайтесь.

— Спасибо.

— Чем могу служить? — спросила она, усаживаясь напротив и не обращая внимания на то, какое впечатление могли произвести на посетителя ее обнаженные груди и полные бедра.

— Я хотел бы вступить кое с кем в контакт.

— Как звали усопшую?

— Люси Белоглазая.

— Вы Джерико?

Он кивнул.

— Она еще жива? — спросил он, испытующе глядя на женщину.

— Едва-едва, — печально пояснила Селия. — Даже когда она бодрствует, она почти не приходит в себя. Я



только надеюсь, что мы сумеем сохранить наше единство и после ее смерти.

— Так для меня, выходит, новостей нет? — спросил Джерико.

— Напротив, есть.

— И что же это?

— Она по-прежнему не знает, преуспее ли вы в вашей миссии, — сказала Селия. — Но в случае успеха вы не должны убивать Джона Сейбла.

— А что, Сейбл разве в Тиферете? — удивился Джерико.

— Да, и вам не удастся бежать без его помощи.

— А как он поможет?

— Люси Белоглазая говорит, что он знает, что делать.

— Это все?

Она кивнула.

— Ну а есть какие-нибудь предложения, как добратся до Тиферета?

— Нет, — ответила Селия. — Она очень слаба и большей частью не в себе. Мне кажется, она потратила последние силы, чтобы передать вам весть о Джоне Сейбле.

— Понятно, — кивнул Джерико разочарованно. Он поднялся, подошел к зеркалу, висевшему на стене, и взгляделся в свое отражение.

— Скажите, что означает мой наряд?

— Ваш плащ и символы говорят, что вы чародей из Церкви Преисподней.

— А ваш? — спросил он, окидывая взглядом ее полуобнаженное тело.

— Я одета как Дочь Наслаждения, — ответила она. — Это крупнейшая секта женщин в Бине.

— Мне стоило немалых усилий заставить себя не тащить на все эти прелести, — с усмешкой заметил Джерико. — Я правильно поступил?

Она расхохоталась:

— Если бы вы знали, как все это неудобно: китовый ус, тугие застёжки, подвязки и эти проклятые сапоги.

Конечно, предполагается, что мужчины должны нами восхищаться. Наш стиль не для повседневного обихода, он служит для очарования.

— Я прошел мимо пары дюжин этих Дочерей... Отсутствие моей реакции не могло привлечь внимание?

— Сомневаюсь, — сказала Селия. — В конце концов уроженцы Бины встречаются нас каждый день, и мысли их заняты совсем другими проблемами. Нет, мне кажется, все в порядке.

— Отлично. Может ли член Церкви Преисподней отправиться в Тиферет, не опасаясь патрулей?

— Ни малейшего шанса! — Женщина покачала головой. — Только люди Бланда могут свободно входить в Тиферет и покидать его.

— Еще что-нибудь посоветуете? Я не хотел бы задерживаться долго в одном месте.

— Нет, это все.

— Тогда спасибо вам за помощь, — сказал Джерико. — И позвольте признаться, ваш замечательный наряд меня действительно очаровал.

— Спасибо, — откликнулась она вежливо. — Желаю удачи.

Он уже было повернулся к двери, когда какое-то движение на улице привлекло его внимание. Он остановился у окна, пригляделся и обернулся к Селии.

— Два солдата направляются к этому зданию. Они случайно не к вам?

— Понятия не имею, — ответила она.

— Сколько еще учреждений в этом здании?

— Пять.

— Тогда, вероятно, не о чем волноваться, — заметил Джерико. — Но все равно мне лучше спрятаться, пока они не уйдут. Здесь есть другая комната?

— Только ванная, — сказала Селия, указывая на дверь.

— Подойдет! — Он прошел в маленькое темное помещение, оставив дверь приоткрытой. Не прошло и минуты, как дверь отворилась и в приемной появились два солдата. Оба худощавые и с прекрасно развитой мускулатурой.

— Вы мадам Селия? — осведомился один из них.

— Да.

— Вы родились на планете Бета Тау VIII, иначе известной как Гринвельдт?

— А в чем дело? — В ее голосе прозвучал страх.

— Вы не ответили. Я прав?

— Да, я родилась на Гринвельдте.

— Будьте добры, пройдемте с нами.

— Куда?

— Господин наш Бланд. Приказал собрать всех иммигрантов в Тиферете для допроса.

Кровь внезапно отхлынула от ее лица, и она напряглась, почувствовав смертельную опасность.

— Но я не могу рассказать ничего полезного Конраду Бланду, — попыталась возразить она.

— Это не наша забота, — холодно парировал солдат. — Пошли.

— Нет, пожалуйста! Нет!

Солдат пожал плечами, кивнул напарнику, и они подхватили Селию под руки.

— Джерико! На помощь! — закричала она в отчаянии.

Джерико шагнул из ванной и совершенно хладнокровно застрелил обоих солдат. Когда оба тела с глухим стуком свалились на пол, он присел на корточки и принялся обыскивать ближайшего.

— Проверьте карманы второго, — деловито приказал он. — Если они собирались забрать вас в Тиферет, то у них должен быть какой-нибудь пропуск.

Селия повиновалась, и вскоре в руках у них были два пропуска, подписанных Бромбергом.

— Ну это уж наверняка поможет мне попасть в город, — уверенно заметил Джерико. — Однако эти пропуска годятся только для солдат, а для доставки пленников у них ничего нет.

— Тогда вам придется оставить меня здесь, — сказала с облегчением Селия.

— Не могу себе этого позволить, — ответил он. — Кто-то же направил их сюда. Рано или поздно они вновь наведаются за вами.

— Я покину город.

— Это не поможет, — возразил Джерико. — Без пропуска из Бины не выбраться. У них не займет много времени отыскать вас, и, уверен, у них найдется масса способов заставить вас заговорить.

— Но я не выдам вас.

— Ошибаетесь. Только минуту назад вы не задумываясь выпалили мое имя, и это при одной лишь мысли, что они могут причинить вам боль. Я не могу позволить, чтобы вы попали в их лапы.

Джерико пристально посмотрел на перепуганную и смущенную женщину.

— Простите меня, — наконец произнес он с несвойственной ему грустью, навел пистолет и выстрелил. Несколько минут он потратил на то, чтобы перевернуть комнату вверх дном. Когда он закончил, вид был такой, будто Селия погибла, защищаясь от солдат. Затем он снял плащ, аккуратно его сложил, а выйдя на улицу, швырнул в первый же мусоросжигатель.

Отыскав автомобиль с компьютером, Джерико присвоил его и, предъявив пропуск, покатыл по степям к Тиферету.

## ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

*С какой стати стремиться в ад, если не за тем, чтобы им править?*

Конрад Бланд

Сейбл метался по маленькой комнатке, в углу которой помещались умывальник и туалет. Охрану сняли, дверь запирать перестали. После их разговора два дня назад Бланд разрешил ему свободно передвигаться по церкви.

Однако такой свободы ему совсем не хотелось. Комната оказалась единственным местом, где не ощущалось агонии и смерти. Вот почему все свое время он проводил именно здесь, нервно расхаживая из угла в угол.

Скудная обстановка заставляла задуматься. Здесь не было даже необходимых религиозных принадлежностей. Лишь над кроватью висела фотография Бланда, сделанная на какой-то планете ночью. И у Сейбла не хватало духа снять ее. В углу стоял небольшой книжный шкафчик, набитый журналами со множеством статей Бланда, написанных им за годы пребывания на Вальпургии. За неимением развлечений Сейбл прочитал некоторые из них и в конце концов пришел к выводу, что в философских спорах Бланд весьма двучлен и высказывает суждения, выгодные той или иной политической группировке, в зависимости от того, для кого пишет.

Когда Сейблу надоело расхаживать взад-вперед, он плюхнулся на деревянный стул, задрал ноги на кровать, закинул руки за голову и принялся размышлять. Он надеялся, что Сибоян не станет пускать детишек в сад и не забудет поливать цветы. У него вдруг возникла мысль, что если он сумеет выбраться из Тиферета, то должен обязательно посадить бледно-желтые нарциссы. Он подумал, что у дочери скоро день рождения, но, как ни старался, точной даты вспомнить не смог.

Сейбл очень живо представил себе, как дочка сидит за письменным столом, старательно выводя ровные строчки на бумаге. Ее сочинения всегда были такими, какие пишут только девятилетние девочки, страстно желающие понравиться учителю. Она наверняка прикидывает, какие видео посмотрит после ужина. А Сибоян сейчас укладывает мальчишек. Она прочитает им ежевечернее наставление о том, что домашние задания надо делать вовремя, а потом отправит их спать. И они, закрыв за собой дверь спальни, будут старательно притворяться, будто и в самом деле ложатся спать, а сами снова сядут резаться в карты.

До сих пор он воспринимал семью — и Сибоян — как само собой разумеющееся. Если он выберется отсюда живым, то никогда больше не будет так считать. И чем дольше он думал о семье, тем больше ему хотелось оказаться в Амаймоне, побарахтаться со своими отпрысками на ковре в гостиной, послушать философские рассуждения дочурки и спокойно уснуть в теплой уютной постели под боком у жены...

Если только он выберется отсюда живым... Если только...

Неожиданно дверь распахнулась, и высокая рыжеволосая красавица в очаровательном наряде Дочерей Наслаждения ворвалась в комнату. Сейбл окинул ее натренированным взглядом. Несколько лет назад она, вероятно, была действительно очень красива и до сих пор не утратила обаяния, однако он сразу же отметил маленький шрамик под грудями — признак операции. К тому же кожа на ее лице и особенно вокруг глаз была слишком гладкой. Крашенные волосы неестественно поблескивали, от губной помады ломило глаза, и даже на сосках остался след румян. Сейбл с профессиональной точностью определил ее возраст — не меньше пятидесяти, хотя метров с пяти она еще могла сойти за двадцатилетнюю девушку.

Заметив оценивающий взгляд Сейбла, она, в свою очередь, не мигая, уставилась на него.

— Так вы и есть Джон Сейбл? — спросила она наконец. У нее был низкий, чуть с хрипотцой голос, и она прикладывала заметные усилия, чтобы превратить его в грудное контральто.

— Кто вы? — спросил он, не снимая ног с постели.

— Магдалина-Иезавель.

— Верховная Жрица?

— Верховная Жрица в отставке, — поправила она с улыбкой, от которой лицо приобрело вульгарное выражение. — Верховной Жрицей Дочерей Наслаждения является Магдалина-Гекато.

Она подошла к кровати и плюхнулась на нее, привычно проверяя пружины. Сейбл едва успел отдернуть ноги.

— Неудобная постель, — вынесла она вердикт. Он пожал плечами.

— Поверьте мне, мистер Сейбл, кровать — это моя специальность, и мой опыт убеждает, что эта постель вся в комках.

— Тогда, может, вы мне достанете другую? Буду вам очень признателен.

— Я поговорю с господином моим Бландом.

— Я полагаю, вы здесь не пленница, — сказал Сейбл сухо.

— Вы правы.

— Тогда чем обязан вашему визиту?

— Простое любопытство, — произнесла Магдалина-Иезавель. Господин мой Бланд просто очарован вами, и мне тоже захотелось с вами познакомиться.

— Ну и как, вы удовлетворили свое любопытство?

— Ничуть. Так, например, я вижу, вы носите амулет культа Кали. Я, скорее, ожидала, что вы — последователь вуду.

— И почему все думают, что если человек чернокож, то обязательно должен верить в вуду? — раздраженно проговорил Сейбл. — Попробовали бы сами каждый день

отрубать головы курам и петь псалмы задом наперед! Как бы вам это понравилось?

— Простите, если я вас оскорбила, — обронила она лениво. — Впрочем, все эти личные верования потеряли смысл теперь, когда прибыл Конрад Бланд.

— Не знаете ли вы о планах Бланда относительно меня?

— По какой-то причине он просто очарован вами и пока не думает вас убивать.

— Так он что, собирается сделать из меня компаньоном? — с горечью спросил Сейбл.

— Компаньона? Вряд ли! — Магдалина небрежно пожала плечами. Она передвинулась, бессознательно стараясь выставить свое тело с наиболее выгодной стороны. И это не ускользнуло от пристального взгляда Сейбла. — Скорее талисманом на счастье. Вы забавляете его. Вы вызываете у него смех, и до тех пор, пока вы привлекаете его внимание, он будет относиться к вам... ну, как к кошке или собаке. — Она подняла руку, не давая Сейблу возразить. — В этом нет ничего унижительного, мистер Сейбл, как может показаться на первый взгляд. В конце концов бывает и по-другому.

— Я видел.

— Да, у него, конечно, есть некоторые странности, — признала она нехотя. — Но надо же видеть не только это.

— Еще и все трупы, что ли? — хохотнул Сейбл.

— Вы не понимаете!

— Я все прекрасно понял, — оборвал ее Сейбл. — Он намерен убить всех — мужчин, женщин, детей, — а когда покончит с этим, то, наверное, примется и за животных.

— Но это совсем не так. Он же Черный Мессия!

— Он мясник с Бориги II! — с жаром воскликнул Сейбл. — Он умеет только убивать.

— Вы не правы! — вскричала она, обжигая его гневным взглядом. — Он должен уничтожить старый порядок, прежде чем установить свой собственный.



— Да ведь никого же не останется, чтобы присоединиться к новому порядку! — Сейбл готов был броситься на нее. — Одни трупы!

— А вот и нет! Он собрал вокруг себя нас, немногих, кто понимает, какую сверхзадачу он поставил перед собой. Мы сформируем ядро новой эпохи! Я была Верховной Жрицей Дочерей Наслаждения, мистер Сейбл, у меня не было недостатка в богатстве, власти и уважении. И как вы думаете, мистер Сейбл, почему я со всем этим рассталась без сожаления и прибыла сюда, в Тиферет?

— Не осмеливаюсь даже предположить, — с иронией ответил Сейбл.

— Да потому, что я видела, какой властью, какой мощью он обладает. Я осознала, что все мы, прочие, просто скользили по поверхности. Зачем молиться Сатане, когда среди нас Конрад Бланд — дьявол во плоти?

— Одним словом, вы поторопились занять местечко получше, — ухмыльнулся Сейбл.

— Ну а зачем отрицать? — Она повела рукой. — Он — наиболее притягательная сила во Вселенной. Так почему бы не стать под его знамена? Как вы полагаете, почему Церковь Посланцев распалась в Тиферете? Да потому, что люди увидели, что прибыл Хозяин, и уже не нуждались в ней. Он создаст новый мир, новую Республику, и те, кто примкнул к движению с самого начала, станут править этим новым миром, — воодушевленно закончила Магдалина. Ее глаза азартно горели.

— Да разве вы не видите, что он собирается истребить всех до одного, как противников, так и последователей? — удивился Сейбл, почувствовав даже некоторую жалость к этой недалекой женщине. — Разве вы до сих пор не поняли, кто он такой?

— Он — живое воплощение власти и мощи Князя Тьмы, Люцифера.

— И вы поклоняетесь и служите его мощи и власти?

— Да.

— Но что, если наемный убийца сумеет проникнуть сюда и убьет Бланда? Будете ли вы чтить убийцу как еще большую силу?

— У него ничего не получится.

— Ну а если все-таки такое случится? — настаивал Сейбл.

— Нет, нет, такого не будет, — без всяких сомнений откликнулась она. — Его не выпустят из Бины.

— Так он уже достиг Бины?! — удивился Сейбл. — Ему удалось прорваться так далеко?

Она неловко помялась:

— Господин мой Бланд говорил что-то об этом.

— Тогда вам пора всерьез об этом задуматься, — посоветовал Сейбл. — Теперь это уже реальность.

— Убийцу остановят в Бине!

— Я думал задержать его в Амаймоне, когда он еще ничего не знал о нашей культуре и обычаях, — указал Сейбл. — И Бланд уже стер до основания пару городов, пытаясь его остановить.

— Он бы все равно уничтожил эти города ради своей безопасности, — отпарировала она, защищаясь.

— Знаю и поэтому надеюсь, что убийца выполнит свою задачу.

— Я нахожу данную тему отвратительной!

— И я, — согласился Сейбл, с иронической усмешкой. — Что бы еще вы хотели обсудить?

— Ничего. Но, может, вам хотелось бы познакомиться с сочинениями господина моего Бланда?

— Я их уже читал, — отмахнулся Сейбл, кивнув на шкаф.

— Это было написано ради политики, — сказала она презрительно. — В настоящее время он работает над целым томом, который представляет его личную философию.

— И кто же останется в живых, чтобы все это читать? — поинтересовался Сейбл с сарказмом.

— С вами очень трудно разговаривать, мистер Сейбл, — раздраженно бросила собеседница. — Не понимаю, почему господин мой Бланд оставил вас в живых.

— Я его забавляю, — напомнил он ей.

— Да, но мне-то вы совсем не нравитесь!

— Другими словами, вы удовлетворили ваше любопытство? — заметил он с улыбкой.

— Не совсем, — ответила она, пристально оглядывая его с ног до головы. — Вероятно, мне надо переспать с вами. Возможно, вы обладаете такими качествами, которые сразу не заметны.

— А не кажется ли вам некоторым противоречием говорить об удовольствиях в подобном месте?

— А чем вам не нравится это место? — Она вскинула брови и принялась стаскивать остатки одежды.

— Право, не знаю, как вам объяснить, Магдалина-Иезавель, но я семейный человек.

— Ах да, культ Кали, — бросила она презрительно, тем не менее перестав раздеваться. — Вот теперь мое любопытство удовлетворено, мистер Сейбл. — Она резко поднялась. — У вас нет ни одной черты характера, которая бы меня позабавила или восхитила.

— Мне жаль, что у вас такое впечатление. — Сейбл равнодушно пожал плечами.

— После моего разговора с господином моим Бландом вам придется пожалеть о себе, — пообещала она. Обдав его презрительным взглядом, она, вихляя ягодицами, выплыла из комнаты.

## ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

*Триумф зла так же неизбежен, как смена времен года.*

Конрад Бланд

На полпути между Биной и Тиферетом Джерико свернул на обочину. Он предполагал, что не сможет подо-

браться к Конраду Бланду слишком близко и, вероятно, ему придется стрелять издали, а не в упор. Джерико подобрал несколько мелких камешков, разложил их на низкой ветке придорожного дерева и принялся стрелять, проверяя меткость.

Первая пуля вонзилась в сук ниже и левее того камешка, в который он целился. Он отрегулировал прицел и тремя выстрелами подряд снес три камешка. В украденном автомобиле нашелся еще и лазерный пистолет, который он тоже опробовал и настроил по своему вкусу.

Отрабатывать метание ножа он уже не стал, не только потому, что это было его любимым занятием и он владел им в совершенстве, но и из-за того, что оставлял этот способ на тот случай, если от всех остальных придется отказаться. Пока он не намеревался пускать кинжал в ход.

Джерико не собирался прибывать в Тиферет до наступления темноты. Он приподнял машину домкратом, делая вид, будто меняет колесо, на тот случай, если кто-нибудь из охраны поинтересуется, что он делает у обочины.

Но ни одной машины не проехало мимо, и с последними лучами заходящего солнца Джерико спрятал домкрат в багажник и покатил на север, к Тиферету. По пути он миновал пепелища нескольких деревушек и через полчаса добрался до первой линии охраны Бланда, расставленной вокруг города. Он спокойно предъявил пропуск, дождался, пока его проверят на портативном компьютере, и проследовал дальше.

Его останавливали еще два раза, допрашивали и разрешали следовать дальше.

Последний пропускной пункт находился на окраине города, и тут уж с ним повозились более тщательно. Фотографию на пропуске внимательно сверили с его лицом, на которое он ухлопал остатки грима, проверили достоверность пропуска на компьютере, обыскали ма-

шину и проверили серийный номер пистолета, а лазерное оружие конфисковали, поскольку он так и не сумел доказать, что это его.

Они держали его целый час, но в конце концов все-таки пропустили. И Джерико, взмокший от духоты, сел в машину и не торопясь въехал на улицы Тиферета.

## ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

*Для зла нет понятия «милосердие».*

Конрад Бланд

— Сатана вечно давал занятие церквям Республики, — сказал Бланд. — Самое время пересмотреть баланс.

Сейбла позвали к нему незадолго до полуночи. Обычно Бланд спал до полудня, поэтому ужинал он поздно. Однако проводить время в одиночестве ему не хотелось, вот почему он и пригласил Сейбла.

Инспектора проводили через главный зал, где по-прежнему висели трупы, и провели в большую комнату для послушников. Когда-то они изучали здесь церковные обряды, теперь же Бланд устроил для себя столовую.

Огромный стол длиной почти десять метров занимал большую часть помещения. Стены были увешаны фотографиями и голограммами Бланда, а также его высказываниями.

Конрад Бланд в окружении четырех охранников, сидел во главе стола, а Сейбла усадили на другом конце. Перед ним расставили тарелки с едой, но вонь от разлагавшихся трупов не давала ему даже подумать о еде. Здесь, внизу, было намного тяжелее. Сейбл, никогда не отличавшийся хорошим аппетитом, теперь и вовсе потерял

желание проглотить хотя бы кусок. Бланда, казалось, ничто не смущало, во всяком случае, ел он с неподдельным удовольствием.

— В чем дело, мистер Сейбл? — спросил Бланд, отрываясь на минуту от тарелки. — У вас что, нет мнения обо всем этом?

— Вы знаете мое мнение, — холодно ответил Сейбл.

— Превосходно сказано, мистер Сейбл, — рассмеялся Бланд. — Весьма дипломатично! Вы меня радуете, право, радуете! Как и все людишки, полные благих намерений, вы даже сейчас верите в хорошие манеры, безупречное поведение, готовы подставить другую щеку. — Он расхохотался. — Право же, давно пора сообразить, что это как раз те самые качества, которые фермеры так тщательно культивируют в своих баранах.

— Людей нельзя резать как баранов, — хмуро заметил Сейбл.

— Не судите меня слишком строго, мистер Сейбл, — сказал Бланд, откладывая в сторону салфетку. — Существует Бог, и каждому, еще с момента рождения, он вынес смертный приговор. Я всего лишь любитель по сравнению с ним.

В комнату вошел пожилой солдат, приблизился к Бланду и прошептал что-то на ухо. Бланд нахмурился, отдал шепотом приказ, солдат отсалютовал и удалился.

— Надо отдать должное Республике, — заметил Бланд. — Их убийца в радиусе двух километров от нас.

— Так вы его схватили? — От одной этой мысли все внутри Сейбла напряглось.

— Схватим, и очень скоро, — пообещал Бланд. — Он окружен. Однако он пробрался гораздо ближе, чем я ожидал. Пожалуй, мне стоит завтра с утра проинспектировать охрану. — Он одарил Сейбла ангельской улыбкой. — Ну, будет о неприятностях. Я вас пригласил, мистер Сейбл, потому, что после ужина нас будет развлекать Магдалина-Иезавель.

Где-то вдали послышались приглушенные выстрелы.

— Ну вот и все, — сказал Бланд. — Это избавляет меня от необходимости решать, убить ли его сразу, или оставить жить. — Он добавил, хитро взглянув на инспектора: — Или нанять его... Вы, похоже, разочарованы, мистер Сейбл. Не надо, меня ничем не убить, а вас это спасает от случайной пули или лазерного луча. Да, кстати, вы пробовали этот торт?

— Нет, благодарю вас.

— Не обижайте меня отказом, мистер Сейбл. Я не так уж часто приглашаю людей в свое общество.

Сейбл отрицательно покачал головой, и Бланд недоуменно пожал плечами.

— Ну что ж, если это ваше окончательное решение, то, полагаю, я не должен сильно огорчаться. В конце концов мне больше останется. — Он принялся за пышный торт, но внезапно остановился.

— Проклятие! — раздраженно сказал он, вытирая салфеткой крохотное пятнышко на ослепительно белом костюме. — Многое мне удастся просто великолепно, но вот поесть без происшествий никак не могу.

Он окунул салфетку в стакан с водой и принялся еще яростнее оттирать расплывшееся пятно. За окном снова послышалась перестрелка, но уже гораздо ближе. Неожиданно дверь распахнулась, и в комнату ворвался взволнованный солдат.

— Ну что? — Бланд наконец оторвался от пятна и поднял голову.

— Он скрылся, сэр, — сказал солдат, неловко переминаясь.

— Каким образом? — В голосе Бланда зазвучал металл.

— Пока не известно, сэр; видимо, он уничтожил передатчик.

— Вон! — взвизгнул Бланд, теряя самообладание. — Вон! И не показываться на глаза, пока не уничтожите его!

Повторять приказ не понадобилось. Солдат исчез, словно сквозь землю провалился. Бланд бросил гневный взгляд на захлопнувшуюся дверь и снова принялся за торт. Поковырявшись в нем лениво, он вдруг сбросил блюдо на пол, и осколки рассыпались по всей комнате.

— Проклятие, проклятие, проклятие! — вскричал он. — И что этот идиот воображает?! Он идет сюда, в Тиферет, так, словно я какая-нибудь простая козявка, которую он может прихлопнуть одним движением руки! Но я Конрад Бланд! Вот с кем он имеет дело! — Его высокий голос перешел в визг, как у щенка, которому прищемили хвост. — Куда смотрит ваше правительство, мистер Сейбл? Сначала они предлагают мне убежище, а теперь и пальцем не пошевелинут, чтобы защитить меня от этого убийцы!

Сейбл тяжело вздохнул.

— Ну, если вы до сих пор не поняли, с кем имеете дело, боюсь, уже никакие объяснения не помогут, — пожал плечами Сейбл.

Лицо Бланда на мгновение перекосилось яростью, но потом внезапно разгладилось, будто ничего не случилось. Он поднялся с приятной улыбкой на лице.

— Прошу извинить меня за этот взрыв эмоций, мистер Сейбл. Это на меня вовсе не похоже. Во всяком случае, поскольку ужин, кажется, закончен, то, пожалуй, настало время для развлечений.

Он поманил за собой Сейбла и двух охранников и прошел к двери в конце столовой. За дверью оказался плохо освещенный узкий коридор. Миновав его, они попали в маленькое помещение, когда-то служившее часовней. Мягкие сиденья так и остались привинчены к каменному полу, но алтаря уже не было. На его месте высился небольшой помост, загороженный раздвижной ширмой.

Бланд сел в первом ряду и усадил рядом Сейбла. Из-под ширмы тянулось несколько кабелей, один из которых охранник передал Бланду.



— Дайте музыку, — приказал Бланд, ни к кому не обращаясь.

Из спрятанного динамика полилась чарующе мелодичная музыка. Бланд кивнул охраннику, и тот отодвинул в сторону ширму, за которой оказалась большая ванна, наполненная водой. Сейбл с удивлением увидел Магдалину-Иезавель в прекрасных украшениях, в привычном для ее Ордена наряде. Она лежала, ее руки и ноги были прикованы к краям ванны. Лишь через минуту до Сейбла дошло, что вода скрывает ее полностью и она уже давно не дышит. Длинные рыжие волосы медленно покачивались в воде, словно бы жили собственной жизнью.

— Вы убили ее? Зачем?

— Она сказала, чтобы я от вас избавился, — ответил Бланд. — Когда-нибудь я так поступлю, даже, может, сегодня, но никто не смеет отдавать приказы Конраду Бланду, никто!

Он нажал кнопку, что-то загудело, и тело Магдалины дернулось в воде.

— Как видите, мистер Сейбл, — сказал Бланд со смешком, — вовсе не обязательно быть живым, чтобы выступать перед публикой.

Следующие двадцать минут музыка нарастала, и Бланд, мастерски орудуя пультом, заставлял мертвую красавицу танцевать и дергаться в ритме симфонии. Сейбл как зачарованный следил за этим танцем смерти.

Вскоре Бланду это надоело, и он приказал закрыть ванну ширмой.

— Пожалуй, в следующий раз я попробую с живой женщиной, — сообщил он доверительно. — Правда, первые несколько па будут совсем иными, но и это может оказаться весьма интересным. Согласны?

Ошеломленный увиденным, Сейбл промолчал.

— Ну-ну, мистер Сейбл, — заметил Бланд дружески. — Вам по вашей должности приходилось лицезреть и ме-

нее приятные виды. И, пожалуйста, не тратьте вашу жалость на бывшую Дочь Наслаждения. У нее была своя цель, и этой цели она превосходно послужила.

— Разве ее целью было развлекать вас подобным образом?

— Ошибаетесь, — сказал Бланд сухо. — Ее целью в жизни было умереть.

— Без всякой причины?

— Именно, — улыбаясь, произнес Бланд. — Ну посудите сами, мистер Сейбл. Если я к невинным отношусь подобным образом, то подумайте, как страшатся меня виновные.

— Вы просто сумасшедший!

— Ну, так предпочитают думать все мои враги, — расхохотался Бланд. — Это их ахиллесова пята. — Снова раздалась пальба, на этот раз значительно ближе. — Пожалуй, кроме одного, — добавил он, хмурясь.

— Смотрите-ка, убийцу еще не поймали, — с удивлением проговорил Сейбл. — Он все еще на свободе.

— Мы его непременно схватим, не беспокойтесь, — сказал Бланд хрипло. — Это я вам обещаю, мистер Сейбл.

— Вы обещали мне это три дня назад.

— Вы, кажется, забываете, что прибыли в Тиферет защищать меня.

Сейбл пренебрежительно фыркнул.

— Вы что, хотите сказать, мистер Сейбл, что если этот ваш хваленый убийца появится в дверях сию минуту, то вы не пожертвуете жизнью, чтобы спасти меня?

— Если он появится сию минуту, я устелю ему путь цветами! — отрезал Сейбл.

— Бедный заблудший человек, — со вздохом выдавил Бланд. — Вы так и не поняли, что я непобедим. Что он делает с этими крестинами на улицах, это одно, что будет делать здесь — совсем другое. Заверяю вас, что это здание неприступно.

— Посмотрим, — произнес Сейбл с большей убежденностью, чем чувствовал.

— Вся наша беседа беспредметна, — сказал Бланд. — Я что-то давно уже не слышу выстрелов. — Он повернулся к одному из охранников. — Разумай, голубчик, прикончили его или нет?

Охранник покинул часовню, а Бланд, чтобы как-то занять время, задумчиво перебирал кнопки, не глядя, однако, на бывшую Жрицу.

— Вы перестаете меня забавлять, мистер Сейбл, — заметил он неожиданно. — Надеюсь, хоть развлечь-то меня сумеете. — Сейбл промолчал. — Ну что вы, мистер Сейбл, — продолжил Бланд. — Я окружен глупцами, трусами, льстецами. Мне бы очень не хотелось, чтобы наше знакомство подошло к концу.

— А чем бы вы хотели, чтобы я вас позабавил? Подводное жонглирование, что ли? — возмутился Сейбл.

— Вот это уже нечто, мистер Сейбл! — воскликнул Бланд довольно. — Вот такое настроение мне нравится. Такое замечательное чувство юмора перед развернувшейся пастью смерти.

Вернулся охранник, и Бланд двинулся к нему. Они о чем-то тихо поговорили, потом Бланд вынул из-за пояса небольшой пистолет и всадил пулю тому промеж глаз.

— Пожалуй, в этом есть мораль, — сказал он, обращаясь к другому охраннику, который застыл в оцепенении. — Никто не смеет дважды в день приносить мне плохие новости!

— А что случилось?

— Вышла из строя вся система связи. Сейбл засмеялся

— Что ж тут забавного?! — рявкнул Бланд.

— Вы все еще не понимаете, что происходит?

— Я же сказал, нарушена система связи. Техническая неисправность, ничего более.

— Техника тут ни при чем, — со злорадством заметил Сейбл. — Ваши связисты мертвы.

— Полная чушь! У меня в подчинении пять тысяч человек.

— И убийца-одиночка взял вас всех в окружение! — И Сейбл заливисто расхохотался.

— Не смей смеяться надо мной! — истерично взвизгнул Бланд, его лицо перекосилось от ярости и бешенства. Неожиданно он опустил голову в задумчивости, а затем снова глянул на инспектора. — Пойдемте, мистер Сейбл. Я вижу, настало время мне самому вмешаться в это дело.

— Вы его не остановите.

— А вот и нет, остановлю! — вспыхнул Бланд. — Но не думайте, что я забыл, как вы смеялись надо мной. Я потрачу следующие несколько часов на то, чтобы устроить настоящую охоту на этого вашего выскочку, который решил, что ему позволено безнаказанно напасть на меня. Но как только я покончу с ним, мистер Сейбл, я займусь вами. Уж поверьте мне, займусь всерьез.

## ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

*Совсем не обязательно питать ненависть к тому, кого убиваешь.*

Конрад Бланд

*Совсем не обязательно питать ненависть к тому, кого убиваешь.*

Джерико

Бланд прошел в основное помещение церкви, забрав по пути пять охранников. В церкви было намного меньше трупов, чем в первый раз, когда Сейбл прибыл сюда.

Инспектору вдруг стало ясно, что, как бы старательно Бланд ни прятал свой страх перед убийцей, но в последние дни он больше времени уделял охоте на республиканского агента, чем пыткам.

— Сколько раций внутри церкви? — спросил Бланд на ходу.

— Около двенадцати, сэр.

— Прекрасно, разыщите какую-нибудь рацию и доставьте сюда. Мне нужна постоянная связь с войсками. И горе тому офицеру, который мгновенно не отзовется на вызов.

Солдат отсалютовал, отправил кого-то за рацией, а сам принялся отгораживать угол комнаты.

Сейбл тем временем огляделся и иронически отметил про себя, что постоянный контакт с Бландом изменил его отношение к происходившему больше, чем он ожидал. Кровавая бойня внутри комнаты, тела с содранной кожей, трупы и полутрупы, подвешенные на крюках, переполняли его справедливым гневом. Но ощущение шока уже прошло, позывов к тошноте не было. Эта резня словно что-то перевернула в его душе. Она будто навечно онемела. И это Сейбл даже больше ставил Бланку в вину, чем бессмысленные страдания и равнодушную жестокость. Он вдруг понял, что все эмоции и возмущения напрасны. Раньше он надеялся, что выберется отсюда живым, но возможность таяла с каждой минутой. И чем дольше он тут оставался, тем больше была вероятность встретить здесь свою смерть.

Бланд отобрал у двух охранников пистолеты, проверил и удовлетворенно рассовал их по карманам. После этого он принялся расхаживать по церкви, пиная попадавшиеся тела жертв. Наконец он повернулся к Сейблу:

— Кто он, мистер Сейбл?

— Не знаю.

— У него должны быть имя, лицо, прошлое.

— Имени не знаю, а что касается внешности, то лиц и легенд он использовал больше, чем здесь трупов.

— Как он может все еще оставаться в живых? — И снова в голосе прозвучала нотка отчаянного страха. — Почему мы до сих пор его не схватили?

Он вошел в занавешенный угол и принялся опрашивать своих офицеров по радио. Пока еще никто не видел убийцу, и в церкви по-прежнему было безопасно.

— Послать людей разузнать, что происходит? — предложил один из офицеров.

— Пошлите, — сказал Бланд, но тут же передумал. — Нет! Никто не покинет церковь, пока он не будет мертв! — И он снова принялся расхаживать, бросая гневные фразы в микрофон: — Если я обнаружу, что хоть кто-нибудь оставил свой пост, то все, что происходит здесь, в церкви, покажется ему детской забавой! Я не могу и не стану терпеть неповиновения! Пусть Сатана поможет тому, кто попытается перекинуться на сторону противника, потому что я уж не помилую!

— На сторону противника?! — пробился сквозь помехи удивленный голос офицера. — Я так понял, что это всего лишь один человек...

— Заткнись! — взвизгнул Бланд. — Пересчитай своих людей! Прямо сейчас пересчитай! Я хочу убедиться, что все на своих местах.

— Но...

— Не возражать! — Рация помолчала, затем тот же голос заверил: — Все в наличии и на своих местах.

— Отлично! — рявкнул Бланд, затем его глаза сузились. — А пароль какой?

— Пароль? — удивленно повторил голос. — Эта сеть была установлена лишь в последние пять минут, никто не давал нам пароля.

— С кем я разговариваю? — требовательно спросил Бланд.

— Маркус Купер, сэр.

Бланд хмыкнул и отключил рацию.

— Видите, мистер Сейбл, — сказал он, снова расцветая. — Все в порядке. Вашему убийце больше нет хода. Я не отношусь к людям, которые готовы на сочувствие. Но должен признать, что в данном случае испытываю к нему жалость. Это была героическая попытка с его стороны, и ему будет чем гордиться в те короткие минуты, которые ему осталось жить.

Внезапно, словно позабыв обо всем, что его тревожило последние полчаса, Бланд принялся расхаживать по залу, восхищаясь творением рук своих. Даже в полуморочном состоянии многие жертвы признавали его и инстинктивно пытались отшатнуться. А он невозмутимо проходил по рядам, похлопывая их по спинам и плечам, как генерал на поле боя.

Сейбл уставился на Бланда. Его поведение ужасало Сейбла гораздо больше, чем все, что Бланд сделал со своими жертвами.

Затем возобновилась перестрелка. Бланд тут же бросился к рации и подхватил микрофон:

— Что происходит?! — крикнул он.

— Он прорвался на территорию церкви, — ответил голос Маркуса Купера. Он переодет охранником, а здесь слишком много наших людей, нам трудно его засечь.

— Всех убить! — распорядился Бланд.

— Но, сэр...

— Вы слышали меня? — повторил Бланд уже спокойнее. — Уничтожить всех до последнего солдата.

— Но, сэр, я просто не могу... Снова послышалась стрельба, и рация замолчала. Бланд обзвонил остальные двенадцать постов, отозвались лишь семеро. Было ясно, что в войсках царил хаос. Он приказал без разговора открывать огонь по всему, что движется.

— Сэр, — сказал один из личных охранников Бланда, — я уверен, что это дело нескольких минут и он будет убит. Однако на всякий случай нам стоит переба-

зироваться в часовню или в одну из меньших комнат. Там будет проще обороняться.

— Ни за что, — твердо ответил Бланд. — Мне здесь нравится, — проворчал он, любовно шлепая по ягодицам мертвеца, свисавшего с крюка в полуметре от него. — Я чувствую себя здесь как дома. Здесь я и останусь.

— Я понимаю, сэр, но...

Бланд вытащил пистолет и застрелил охранника.

— Кто-нибудь еще осмелится оспаривать мои желания! — осведомился он у остальных.

Все молчали, и он повернулся к Сейблу.

— Что ж, может, ради того, чтобы его заполучить, мне и придется пожертвовать целой армией, мистер Сейбл, — сказал он. — Но мне уже приходилось уничтожать армию. Скоро я наберу себе новую.

— Если уцелеете, — бросил Сейбл.

— Сначала его, потом вас! — рявкнул Бланд.

— Вы его не остановите, — проговорил Сейбл с торжествующей улыбкой. — Теперь он уж в сотне метров от вас!

— Ближе он не подойдет! — взвизгнул Бланд истерично.

— Пока мы разговаривали, он наверняка подкрался еще ближе, — заметил Сейбл спокойно. — Как вы теперь себя чувствуете, когда знаете, что смерть неумолимо надвигается на вас и вы ничего не можете сделать?

— Прекрасный вопрос, мистер Сейбл, — ответил Бланд, поглаживая пистолет. — Подумайте над ним и дайте мне ответ.

— Разве не игра иронии, — сказал Сейбл, едко улыбаясь, — что Конрад Бланд, можно сказать, величайший из всех убийц, умрет не от старости или болезни и даже не от революции, а кончит свои дни от рук наемного убийцы?

— Хватит, — прошипел Бланд зловеще.

— Мне кажется справедливым, что вы умрете в этой комнате, где убили такое количество других людей.



— Мое терпение не безгранично, мистер Сейбл, — предупредил Бланд, прицеливаясь в него. — На вашем месте я бы перестал молоть языком.

Сейбл замолчал, пристально, с вызовом глядя на Бланка.

Бланд улыбнулся, затем подошел к микрофону. На этот раз откликнулись только трое. Внезапно Бланд побледнел.

— Двери! — отчаянно крикнул он. — Почему не заперты двери?!

Пять охранников кинулись к многочисленным дверям и принялись их запирать. Мимо по коридору пронеслась группа солдат с оружием наперевес. Когда была заперта последняя, тринадцатая, дверь, пальба раздалась метрах в двадцати.

— Я же сказал вам, мистер Сейбл, что он не доберется до меня.

— Вы в свое время заверяли, что он не доберется ни до Кесера, ни до Хода, ни до Бины, — не преминул указать Сейбл.

— Точки на карте, — пренебрежительно фыркнул Бланд. — Я бы их все равно уничтожил.

— Знаю.

Бланд повернулся к рации:

— Ну как, схватили его?

— Мы не уверены, сэр, — хрипло отозвался кто-то. Тут столько трупов, что придется возиться несколько часов, чтобы установить личность. Но если он оказался в одном из коридоров за последние несколько минут, то мы его наверняка зацепили.

— Вот так, — сказал Бланд, улыбаясь и потирая руки. Сейбл промолчал.

— В чем дело, мистер Сейбл? — с издевкой поинтересовался Бланд. — Вы что, не можете принести поздравления моим доблестным силам? Оценить мою роль как

лидера? Вы же не так скупы на похвалы, чтобы не отметить наши заслуги.

— Раз вы так уверены в его смерти, тогда откройте двери и распустите охрану, — отозвался Сейбл.

— Всему свое время, — заметил Бланд. — Но пока до этого не дошло, за вами, как вы помните, остался должок. — Он сделал паузу, следя за реакцией Сейбла, однако тот оставался невозмутим. — Я даю вам последний шанс позабавить меня, мистер Сейбл. Право, вы достаточно цените собственную жизнь, чтобы отказаться приложить хоть какие-нибудь усилия. Скажите хоть что-нибудь, что угодило бы моему настроению, и, возможно, я позволю вам дожить до утра.

— Я не хочу демонстрировать свое остроумие среди этих кровавых бань, — отрезал Сейбл.

— Ага, чуточку цинизма, немного наглости и щепотка остроумия, — хихикнул Бланд. — Что ж, четверку я вам поставлю, мистер Сейбл, но с большой натяжкой.

— Благодарю вас, — едко ответил Сейбл.

— Не берите в голову, — отозвался Бланд. — Поразмыслите лучше о своем следующем афоризме.

Сейбл вздохнул и рассеянно пробежал взглядом по залу. Его поражала нелепость ситуации: развлекать сумасшедшего среди всего этого кошмара... Неожиданно у него возникло ощущение, что в зале что-то изменилось. Он не мог сразу определить, что именно, но что-то...

И вдруг он понял. Там, где должны были стоять пять солдат, охранявших запертые двери, теперь было шесть. Он опустил глаза и отвернулся, боясь выдать себя Бланду. Но Бланд принялся снова бродить среди своих жертв, поглаживая и похлопывая тела, беззаботно болтая с агонизирующими людьми. Сейбл отважился снова поднять глаза.

Три... четыре... пять... шесть!

Да, все правильно. Наемный убийца из Республики был здесь, в этом зале. Но почему же никто больше об этом не догадывается? Считать не умеют, что ли?

Наконец он понял. Охранники были расставлены по всей комнате у дверных проемов так, что никто из них не мог видеть всех остальных сразу. Только Сейбл и Бланд, находившиеся в середине, могли их пересчитать. Но Бланд был слишком поглощен своими жертвами и совершенно не обращал внимания на окружающих.

Но чего же ждет убийца? Почему он не выхватит свое оружие и не застрелит Бланка как бешеного пса, каким он и был? И тут он вспомнил! Это был не революционный фанатик. И не мифический мститель, изгонявший чудовищ с лица планеты. Это был наемный убийца и даже более умелый, чем Бланд, и он совершенно не собирался жертвовать собственной жизнью ради кого-нибудь или чего-нибудь. Помимо Бланка в зале присутствовали еще пять вооруженных охранников, и убийца, конечно же, ничего не собирался предпринимать, пока либо не избавится от них, либо каким-то образом их не нейтрализует.

Бланд продолжал расхаживать, болтать. И напряжение Сейбла нарастало. Казалось, еще мгновение — и он закричит в полный голос. Но каким-то образом ему удалось внешне сохранять невозмутимость и спокойствие. Через несколько минут Бланд вновь приблизился к нему.

— Что-то не слышно больше выстрелов, мистер Сейбл, — отметил Бланд. — Подосланный убийца давно мертв, в этом уже сомневаться не приходится.

— Вам виднее, — пожал Сейбл плечами, пытаясь не выдать себя голосом.

— Мне действительно виднее, — кивнул Бланд. — Перед нами возникает другая проблема. Правда, она не столь велика, но ее тоже надо решать. Так что же мне делать с вами, мистер Сейбл?

Впервые за весь вечер инспектор не на шутку испугался. Когда этот наемник был просто оталеченной, абстрактной фигурой, крадущейся по городу, и когда не было совершенно никакой надежды на избавление, Сейбл при-

мирился со своей смертью. Но теперь, когда развязка была близка, умирать на несколько минут раньше Бланда ему совсем не хотелось. Он ощутил не просто страх, все его существо восстало против этой мысли. Ему стало казаться, что его обманули. Он сознавал, что убийца и пальцем не пошевелит ради его защиты. В конце концов единственной целью того было убивать, а не спасать.

— Ну-с, мистер Сейбл, — сказал Бланд, порозовев от предвкушения. — Я жду. У вас же наверняка есть свое мнение об этом, которое вы жаждете высказать.

Сейбл смерил Бланда ненавидящим взглядом. Он чувствовал, как подгибались колени, тряслись руки. Однако он продолжал молчать.

— Охрана! — крикнул Бланд.

И все шестеро встали навытяжку.

— Мне кажется, что мистеру Сейблу стало жарковато. Ну-ка, двое из вас подойдите и помогите ему раздеться, пока я не придумаю, что с ним делать.

Два охранника двинулись через зал к Сейблу, лавируя между тел, а он с отчаянной мольбой смотрел на оставшихся четырех. «Давай! — хотелось ему крикнуть в полный голос. — Давай! Пока они все в поле твоего зрения. Не медли, а то вдруг всех пересчитают!» Двадцать бесконечных секунд все четыре охранника стояли совершенно неподвижно. Двадцать секунд отчаяния и страха, которые успел пережить Сейбл. Затем один из них, стоявший у дальней двери со сложенными на груди руками и оружием наперевес, неожиданно стремительно обернулся. И в тишине прозвучало ровно три выстрела, коротких и точных. Три стоявших на посту охранника грохнулись на пол.

Остальные двое, уже почти приблизившиеся к Сейблу, умерли раньше, чем успели обернуться и засечь источник огня. Все произошло в короткие доли секунды.

— Не вздумайте вытаскивать, мистер Бланд! — холодно предупредил Джерико, когда рука Бланда медленно поползла к карману, где лежал пистолет.

— Кто вы? — надтреснутым, глуховатым голосом спросил Бланд. На его смертельно бледном лице отразился ужас, с которым он никак не мог совладать, взгляд бежал, как у затравленного зверя. Похоже, он лихорадочно пытался найти выход из положения.

— Отойдите в сторону, мистер Сейбл, — приказал Джерико.

Сейбл с чувством невиданного облегчения отошел подальше, едва не споткнувшись об охранника.

Глаза Бланда превратились в щелочки, он испытующе взглянул на Джерико.

— Хорошо, — сказал он наконец, и его высокий голос прозвучал обычно — в нем не было ни страха, ни отчаяния. Наоборот, Сейблу даже послышался металл. — Вас наняли убить меня. Я дам вам больше.

— Что же вы можете предложить мне такого, на что бы я польстился? — с усмешкой поинтересовался Джерико. Он все еще стоял в отдалении и не спускал пистолета с Бланда.

— Половину моих владений, — проговорил Бланд, делая широкий жест рукой.

— И какой мне прок от двадцати восьми безжизненных планет?

Сейбл с ужасом наблюдал за этим торгом. Он был уверен, что агент Республики без разговоров убьет Бланда, но теперь в его душу закралось сомнение: вдруг они все же договорятся?

— Тогда деньги? — предложил Бланд. — Столько, сколько вам и не снилось! Доллары, рубли, иены, фунты, кредиты. Назовите валюту, которую бы вы хотели получить. Миллион?.. Миллиард?.. Триллион?.. Для меня это не имеет никакого значения. Подумайте, сколько всего можно купить на миллиард кредитов! Подумайте, какой властью может обладать владелец триллиона йен! Назовите вашу цену!

«Убей же его! — хотелось крикнуть Сейблу Не слушай его! Сделай же то, ради чего ты сюда пришел!» Но он не смел ни шевельнуться, ни выдавить из себя хотя бы звук. Это могло на мгновение отвлечь агента от Бланда, и потому Сейбл продолжал стоять молча, наблюдая за дальнейшим разговором и за отчаянными попытками Бланда спасти свою шкуру.

— Я уже назвал свою цену, — холодно проговорил Джерико, с усмешкой глядя на Бланда. — И она уплачена. Вот поэтому я здесь.

— Мы же с тобой похожи, — неожиданно заметил Бланд, стараясь держать себя в руках и не позволяя страху вырваться наружу. — Мы убиваем. Мы наслаждаемся смертью других, нас пьянит сознание возможности разрушать! Присоединяйся ко мне, стань моим генералом... нет, моим компаньоном, моим равноправным партнером, и я дам тебе такие возможности убивать и резать, о которых ты даже и помыслить никогда бы не мог!

— Не получаю удовольствия от убийства, — отрезал Джерико.

«Почему же он не стреляет?» — недоумевал Сейбл. Джерико и в самом деле не торопился, но не потому, что ему доставляло удовольствие видеть, как Бланд пытается спасти свою шкуру. Похоже, ему был просто любопытен человек, которого предстояло убить.

— Тогда женщины! — вскричал Бланд, и в его голосе снова зазвенели истерические нотки. — Любые женщины, всех рас и национальностей, любого вероисповедания, любого сорта, они — твои, только скажи!

Губы Джерико зазмеились в кривой усмешке.

— На этой планете, мистер Бланд? Сдается мне, вы предлагаете мне не слишком много.

— Ну тогда, если ты не желаешь богатства, власти или наслаждения, я могу подарить тебе большее — сделать мною! — И он с торжеством взглянул на Джерико.

Джерико приподнял бровь, но промолчал.

— Нет ни одной моей фотографии, — продолжал Бланд, — ни одной пленки, запечатлевшей меня, ни одной голограммы! Ни отпечатков пальцев, ни диаграмм радужной оболочки. Никто во всей Галактике, кроме моих последователей здесь, в Тиферсте, никогда не видел моего лица, не слышал моего голоса. Позволь мне остаться в живых, и ты получишь мое имя, мы обменяемся с тобой личностями, самой сутью. Подумай об этом! Позволь мне уйти, и я больше никогда не вернусь, а ты можешь остаться здесь и стать Конрадом Бландом!

Сейбл замер от напряжения, внутри у него все обрвалось. Он вдруг ощутил, что волна нерешительности и раздумия коснулась агента, даже пистолет в руках дрогнул. В глазах наемного убийцы появился неподдельный интерес. Инспектор почувствовал, как колени снова начали дрожать, а ладони покрылись липким, холодным потом. Он с ужасом наблюдал, как наемник взвешивает это предложение.

— Действительно, интересное предложение, — наконец признал Джерико. — Пожалуй, единственное интересное предложение с вашей стороны, мистер Бланд. Но каждая профессия имеет свой кодекс чести. Моя требует выполнения обязательств, раз уж мне заплачен аванс.

— Ты не можешь этого сделать! — пронзительно взвизгнул Бланд, и голос его сорвался. — Я — Конрад Бланд!

Джерико приподнял пистолет и прицелился прямо в голову Бланда.

— Нет! — орал Бланд. — Ты не можешь это сделать! Моя работа только началась! Я должен уничтожить Вальпургию, и Землю, и Делур, и... — Пока он выкрикивал все это, его рука потянулась к карману.

Джерико выстрелил не торопясь, спокойно. Голова Бланда кровавыми кусками разлетелась по всему помещению.

— Слава Богу! — выдохнул Сейбл, едва держась на ногах и чувствуя, как невероятное напряжение отпускает его.

— А я полагал, что вы не верите в Бога, мистер Сейбл, — мимоходом заметил Джерико, пряча оружие в кобуру и подходя к труп Бланда. Он внимательно осмотрел его и удостоверился, что тот действительно мертв.

— Спасибо Господу, спасибо Сатане, и еще больше спасибо вам, — сказал Сейбл, стараясь взять себя в руки.

— В этом нет необходимости, мне отлично заплатили, — возразил Джерико.

— А мне уже казалось, что я — мертвец, — откровенно признался Сейбл, подходя ближе. Он чувствовал, что все его слова сейчас звучат глупо, но остановиться не мог: слишком большое напряжение перенес он за это время.

— Незачем было переживать, — с улыбкой ответил Джерико. — Я бы не позволил вас убить.

— Не понимаю, — нахмурился Сейбл.

— Вы можете мне выбраться из этой выгребной ямы.

— Но как? — смущенно поинтересовался Сейбл.

— Представления не имею, — откровенно признался Джерико. — Но мне известно из достаточно компетентных источников, что именно вы станете моим пропуском отсюда.

— Кто вам это сказал? — удивился Сейбл.

— Боюсь, сейчас я не могу вам ответить. — Джерико перевернул ногой труп Бланда. — Проклятие!

— В чем дело? — спросил Сейбл. Он понимал, что выглядит сейчас полнейшим идиотом, но молчать не мог. Он наслаждался просто тем, что остался жив. И ему, в сущности, было плевать, что по этому поводу думает агент.

— Да у него вся одежда заляпана кровью.

— И что?

— И теперь я не смогу переодеться в одежду Бланда и выдать себя за него, — выдохнул Джерико. — Это был, пожалуй, единственный способ выбраться отсюда. А те-



перь у нас ни малейшего шанса. У меня ведь больше нет моих гримировальных принадлежностей, к тому же у него волосы совсем другого цвета. Боюсь, теперь ваша очередь, мистер Сейбл.

— Я представления не имею, что делать, — честно признался Сейбл, мысленно ругая себя за столь глупый ответ.

— Вам надо что-нибудь придумать, и побыстрее, — сказал Джерико. — Нам нельзя оставаться здесь до бесконечности.

— А сколько там снаружи солдат?

— На несколько тысяч меньше, чем было, — насмешливо заметил Джерико. — Но на нашу долю хватит.

— Вы убили так много? — не поверил собственным ушам Сейбл.

— Я убил всего нескольких. Остальных они перестреляли сами, — заметил Джерико с кривой улыбкой. — А теперь, пока вы размышляете над нашим положением, мне надо сделать кое-что еще.

Он подошел к одному из охранников, который сопровождал Бланда из часовни, и вытащил из его кобуры лазерный пистолет. Затем Джерико принялся обходить комнату, методически пристреливая всех несчастных, которые еще оставались живы. Через несколько минут в комнате осталось только двое живых: Джерико и Сейбл.

— Я могу понять ваше желание избавить их от мучений, — проговорил Сейбл, когда Джерико подошел к нему, пряча лазерный пистолет. — Но некоторых из них еще можно было спасти.

— Я знаю, — откликнулся Джерико невозмутимо.

— Что вы хотите сказать? — спросил Сейбл, чувствуя, как по его спине пробежали холодные мурашки.

— Мы с вами будем в большей безопасности, мистер Сейбл, если не останется свидетелей, — сказал Джерико. — Особенно таких, которые могут выжить.

Неожиданно Сейбл засомневался, действительно ли Джерико лучше Конрада Бланда. Чем лучше?

## ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

*Эмоции лишь захламляют строгий ландшафт интеллекта.*

Джерико

— Почему мы не можем выбраться тем же путем, каким вы попали сюда? — спросил Сейбл.

— Мы окружены, вот почему, — ответил Джерико без всяких признаков раздражения. Они стояли посреди зала, и Джерико не спускал взгляда с дверей. — Легко было сойти за одного из солдат Бланда, пока я находился в самой гуще, но сейчас другая ситуация. В ту же секунду, когда они увидят труп Бланда, они поймут, кто я, несмотря на форму.

Его спокойствие встревожило Сейбла. Джерико только что убил человека, которого обожествляла половина планеты. Он находился в окружении тысячи врагов, был практически безоружен, если не считать двух пистолетов, и в то же время вел себя совершенно невозмутимо, словно его это вовсе не касалось.

Более того, он выглядел грозным.

— Незачем облегчать работу солдатам, мистер Сейбл. Помогите мне.

Джерико подошел к трупу охранника и принялся его раздевать. Сейбл тут же понял его замысел, и уже через пару минут все пять охранников валялись голыми в общей куче трупов.

Затем они точно так же раздели Бланда и, по настоянию Джерико, подвесили на крюк.

— Зачем? — спросил Сейбл.

— Люди редко смотрят вверх, — пояснил Джерико, отступая и вытирая со лба пот. Он направил лазер на труп и уничтожил все, что было выше плеч. — Теперь-то его труднее узнать.

Сейбл уставился на Джерико и изумленно покачал головой. Он вдруг понял, что для Джерико это было всего лишь делом, привычным и понятным. Он так же заботился о деталях, как какой-нибудь рыночный торговец, выкладывающий товар на обозрение.

— Вот и ладно, мистер Сейбл, — сказал Джерико. — Давайте соображать теперь, как отсюда выбраться. Я явно не могу притвориться Бландом. И охранником тоже притвориться не могу.

— Все-таки я не пойму, почему бы нет?

— Да потому, что тогда я был бы вынужден вас убить. Бланд бы вас не оставил в живых, — пояснил Джерико бесстрастно. — Нет, выход из положения кроется в вашем присутствии здесь. Вы — ключевое звено. — Он сделал паузу. — Да, а что вы вообще здесь делаете? Почему вы не в Амаймоне?

И тут Сейбла осенило, как они будут выбираться. Ему так и не вернули его сумку, поэтому переодеться он не успел. Он порылся в кармане и вытащил сложенный лист бумаги.

— Что это? — спросил Джерико.

— Это приказ, который уполномочивает меня сопровождать вас в Амаймон.

— А в каком преступлении я обвиняюсь? — спросил Джерико, неожиданно заинтересовавшись.

— В убийстве Парнелла Барнема.

— Прекрасно. Тогда меня и не надо будет представлять как потенциального убийцу Бланда.

— Почему потенциального?

— Не думаете же вы, что мы сумеем выбраться отсюда, если все будут знать, что Бланд мертв? — с явной иронией спросил Джерико.

— Я не... — начал было Сейбл, но тут взгляд его упал на рацию. — Вы сошли с ума! Этот номер не пройдет!

— Я достаточно слушал этого подонка и без труда сумею симитировать его, — сказал Джерико. — Вам,

правда, придется помочь мне, подсказать, как он обычно строил свои предложения и интонацию.

— Нам никто не поверит.

— Вы удивитесь, мистер Сейбл, чему только не верят люди в экстремальных ситуациях. Они мрут как мухи за пределами этой церкви и при этом даже не знают, кто их враг. Поверьте, их будет легче провести, чем вы думаете. — Он задумался. — А кто-нибудь, кроме Бланда, знает, что я убил Парнелла Барнема!

— Глава его охраны, Бромберг.

— Ну а имя? А воинское звание? Сейбл пожал плечами.

— Ну хорошо, — продолжал Джерико. — Обойдемся просто Бромбергом. Вон в той куче одежды я заметил ручки и по крайней мере две записные книжки, мистер Сейбл. Я хотел бы, чтобы вы написали сообщение, что поймали убийцу и занимаетесь им лично. Только написать это надо словами Бланда. Если он любил точность, то составьте такое же точное сообщение. Я хочу, чтобы он вызвал сюда Бромберга и распорядился насчет взвода охраны, который через пять минут проводит вас и вашего пленника к личному самолету Бланда. Он-то и доставит нас в Амаймон. Наверняка будут вопросы, поэтому на отдельном листке напишите для меня ряд выражений, которые наиболее часто использовал Бланд, чтобы подтвердить свою власть и невозможность оспорить приказы.

— Хорошо, — сказал Сейбл. Брезгливо покопавшись в куче тряпья, он выудил ручку с блокнотом и вернулся к Джерико. — Но даже если это и сработает, мы будем выглядеть подозрительно, когда сюда явится Бромберг и увидит только нас двоих.

— В этой комнате сотни людей, — заметил Джерико. — Ему понадобится несколько минут, прежде чем он сообщит, что лишь двое из них еще живы.

Сейбл составил необходимый текст. Джерико включил рацию, подобрал микрофон и принялся передавать сообщение дискантом Бланда, имитируя с такой точно-

стью, что Сейбл встревожился. В то же время инспектор ощущал некое благоговение. И дело было не в том, что Джерико совершил невозможное, а в том, что проделывал он это легко, почти небрежно.

Мгновением позже в одну из дверей постучался Бромберг. Сейбл пропустил его и тут же запер дверь. Бромберг не успел сделать и десяти шагов, когда Джерико уложил его наповал лазером.

— Теперь надо пошевеливаться, — бросил Джерико Сейблу, кидая лазер и нож через комнату и начиная раздевать начальника охраны. Инспектор помог, и мгновение спустя они добавили новый труп к остальным, а мундир спрятали в куче.

Джерико кинул Сейблу наручники, которые вытащил из кителя Бромберга.

— Наденьте на меня, — проинструктировал он инспектора. — Все должно выглядеть натурально. Потом отопрете двери, возьмете пистолет у меня из кобуры и будете держать меня под прицелом.

Сейбл повиновался. Не прошло и пары секунд, как вошел взвод сопровождения.

— Где же господин мой Бланд? — осведомился старший, стоя под раскачивающимся трупом Бланка.

— Здесь его нет, — сказал Сейбл. — Кризис миновал. Старший подозрительно осмотрел аудиторию и снова взглянул на Сейбла.

— Господин мой Бланд упомянул о сопроводительном документе. Разрешите взглянуть?

Сейбл вручил составленный им документ. Старший внимательно прочел бумагу и вернул ее инспектору. Его настороженность прошла.

— Понятно, — произнес он. — Следуйте за мной.

Джерико послушно направился за солдатом, а Сейбл, все еще ожидая, что весь мир вот-вот обрушится на него, последовал за ними. Они молча пробрались между трупов, вышли на улицу и принялись обходить множество сожженных остовов танков и машин возле церкви.

С полчаса они неслись на легковушке по тихим, мертвым улицам Тиферета, пока наконец машина не затормозила у частной взлетной полосы Бланда, на северной окраине города. Не спуская пистолета со спины Джериго, Сейбл поднялся по трапу, каждую секунду ожидая, что гнетущая тишина взорвется криками, ревом сирен и выстрелами.

Но ничего не произошло, и как только двери за ними закрылись, самолет выехал на взлетную полосу, прибавил скорость и стал медленно подниматься в голубое небо. Едва набрав высоту, он круто развернулся и полетел на юг, к Амаймону.

Сейбл посмотрел в иллюминатор, когда они пролетали над Тиферетом. Сверху он ничем не отличался от других городов, разве что на улицах не было видно движения. Посторонний наблюдатель никогда не сумел бы догадаться о том, что происходит внизу. Ничто не говорило о знаменательном событии: суперпалач уничтожил суперсадиста.

## ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

*Проявлять сочувствие убийце — значит оскорблять его жертвы!*

Джерико

*Помиловать убийцу — значит оскорбить память его жертв.*

Джон Сейбл

Кабина самолета была покрыта пушистым белым ковром из шкур какого-то арктического животного. Здесь

стояли два стула и кушетка из резного дерева, столик возле кушетки был снабжен баром.

— Вот теперь можете снять с меня наручники, — сказал Джерико, поудобнее устраиваясь на стуле и протягивая руки Сейблу через стол.

— Нет, я не могу это сделать. — Сейбл качнул головой, усаживаясь на кушетку. Он все еще держал Джерико на прицеле и, похоже, не хотел опускать пистолет. Когда самолет накренился в крутом развороте, Сейблу пришлось ухватиться за кушетку левой рукой, чтобы не свалиться.

— Почему? — ничуть не удивился Джерико.

— Да потому, что первым делом вы убьете меня, — ответил Сейбл. — Теперь, когда мы выбрались из Тифферета, я вам больше не нужен, а уж ваши взгляды на свидетеля я хорошо знаю.

— Ну, если вам так спокойней, оставьте наручники на мне, — пожал плечами Джерико. — Надеюсь, когда мы приземлимся в Амаймоне, вы все же их снимете.

— Я еще не решил, — сказал Сейбл.

— Разрешите заметить, что я спас вашу жизнь в Тифферете, мистер Сейбл.

— Знаю.

— Так в чем же дело? Сейбл глубоко вздохнул:

— Я не похож на вас, вы думаете на ходу, принимаете решения мгновенно и, похоже, никогда не испытываете сомнений. Я же устроен иначе. Я все делаю тщательно и медленно. Когда ко мне попадает дело, я проверяю каждое доказательство, раскладываю все по полочкам и лишь тогда принимаю решение.

— И над каким же делом вы теперь работаете? — сухо поинтересовался Джерико.

— Над вашим, — отозвался Сейбл. Он выглядел обеспокоенным.

— По какому праву вы судите меня, мистер Сейбл?

— Я видел вас рядом с Конрадом Бландом, — сказал Сейбл. — И ни у кого нет такого права, как у меня, чтобы судить о вас.

— Да вы, похоже, расстроены?

— Да, — признал Сейбл. — Вы убили Бланда, и это требовалось сделать, вы спасли мою жизнь, и я вам благодарен. Но не знаю, можно ли позволить вам остаться в живых.

— Надеюсь, вы не сравниваете меня с Бландом? — улыбнулся Джерико в ответ.

— Нет, нет, вы гораздо более опасны, чем он.

— Не глумитесь, мистер Сейбл.

— Я пытаюсь быть честным, — признался инспектор. — Если бы ситуация сложилась иначе, сумел бы Бланд убить вас?

— Понятия не имею, — пожал плечами Джерико.

— Не притворяйтесь! — вспылил Сейбл. — Мы тут в бирюльки играем, что ли?

— Ладно, мистер Сейбл, — сказал Джерико, старательно взвешивая слова. — Ни при каких обстоятельствах Конрад Бланк не смог бы убить меня.

— Я это знаю.

— И все-таки нет причин сравнивать нас, — возразил Джерико.

— Ошибаетесь, есть, — ответил Сейбл — Вы оба убивали походя, всех подряд.

— Но ведь по разным причинам.

— Он убивал, повинувшись импульсу. Вы убиваете из расчета. До посадки в Амаймоне мне нужно решить, что несет в себе большее зло.

— Не согласись я убить Бланда, он бы уничтожил всю планету.

— У него не было выбора, — заметил Сейбл. — Для него не существовало альтернативы. А скольких убили вы на пути к Тиферету?

— Двадцать одного.



— Зачем?

— Так было необходимо.

— А почему вы убили Ибо Убусуку?

— Он подозревал о моей миссии, а если еще не подозревал, то вскоре бы заподозрил. — В голосе Джерико не прозвучало ни сожаления, ни участия.

— Ну и что? — спросил Сейбл. — Он же работал на Республику. Он же был на вашей стороне.

— На моей стороне только я один.

— А вы всерьез думали над его предложениями или просто собирались оставить его в живых?

— Конечно, — отозвался Джерико. — Как вы сами указали, я не действую из импульсивных побуждений.

— Но вы же все равно его убили.

— Так было необходимо.

— А Гастон Леру?

— Еще одно звено.

— Но он же вас видел в гриме, он же не знал ни вашего имени, ни как вас отыскать.

— Его жизнь была ничтожна по сравнению с моей целью.

— А что бы произошло, оставь вы его в живых? — настаивал Сейбл.

— Пожалуй, ничего, — признал Джерико.

— Так почему же вы его убили?

— Я предпочитаю не рисковать, мистер Сейбл.

— Но он же мыслящее существо.

— Бланд изничтожил десятки тысяч мыслящих существ, — возразил Джерико.

— Знаю. А вы испытывали к ним какие-нибудь чувства?

— К кому? — озадаченно спросил Джерико.

— К жертвам Бланда.

— А какая разница? Я все-таки вовремя его остановил.

— Нет, разница есть! Почему вы убили Бланда?

— Не понял вопроса.

— Вы же слышали: почему вы убили Конрада Бланда?

— Это моя работа, мне заплатили.

Сейбл снова вздохнул и отвернулся к иллюминатору. Глядя невидящими глазами на пустынные нагромождения облаков, он несколько минут размышлял над тем, что увидел и услышал за последние несколько дней. В его голове факты складывались в удивительно четкую пирамиду, где все постепенно, по мере того как он сравнивал и обдумывал, становилось на свои места. Он все еще не мог прийти к выводу насчет Джерико. Это был наемный убийца, который уничтожил Конрада Бланда. Имел ли право Сейбл осуждать этого человека? На такой вопрос он должен был ответить, и как можно быстрее.

Наконец он оторвался от проплывавшего под крылом самолета пейзажа, выпрямился и решительно взглянул прямо в прищур пронзительных глаз Джерико.

— Вы приняли решение, — констатировал Джерико.

— Да.

— И?..

— С этого момента, — сказал Сейбл, — вы находитесь под арестом за убийство Парнелла Барнема. Считаю своим долгом предупредить, что все сказанное вами может быть использовано против вас.

Почти в трех тысячах километров от них Люси Белоглазая улыбнулась, закрыла глаза и умерла.

## ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

*Бог и Сатана — каждый в своей  
клетке. Теперь с миром все в порядке.*

Джон Сейбл

Сейбл стоял между Пьером Вешински и Орестом Меллой на маленьком кладбище на окраине Амаймона и пристально следил, как опускают в землю простой гроб.

За последние четыре дня события развивались слишком стремительно. Правосудие на Вальпургии не заставило себя ждать. Суд здесь и всегда был скорым, но теперь он вершился с такой скоростью, словно сам Сатана гнался за ним по пятам. Через два часа после возвращения из Тиферета Джерико судили в маленькой комнатке, без присяжных заседателей, без газетчиков и стенографа, и даже Сейбла не пустили на это заседание. Джерико признали виновным по всем пунктам, приговорили к смертной казни и посадили в одиночную камеру строгого режима, где он убил двух охранников и уже успел добраться до служебной лестницы, когда его перехватили и вернули обратно. Пока Джерико совершал попытку к бегству, множество чиновников и теософов совещались за закрытыми дверями. К ночи они достигли договоренности, и через пару часов приговор был приведен в исполнение.

Похороны Джерико задержали до тех пор, пока тремя днями позже не прибыл мистер Мела, представлявший Республику. Он потребовал — и заполучил — обмыв и фотографии тела.

Сейбл стоял, не обращая внимания на накрапывающий дождик. Он утомленно наблюдал за тем, как засыпали могилу.

— Что, никакого памятника? — поинтересовался Вешински.

— Мы не знаем его имени, — отозвался Сейбл.

— Его кодовое имя было Джерико, — сказал Мела, запахнув поплотнее куртку. — Но до сих пор никто не знает его настоящего имени.

— Что ж, — заметил Вешински. — Самое главное, что он все-таки исполнил свою миссию.

— Полностью с вами согласен, — проговорил Мела. — Он решил насущную проблему Республики. И безусловно, то, что вы поймали Джерико и привели в исполнение приговор, еще один плюс в вашу пользу.

— И все-таки поразительно, как ему удалось зайти так далеко, практически не встречая никакого сопротивления?

— Кому? — спросил Сейбл.

— Бланду, конечно, — ответил Вешински.

— Кто знает? — сказал Мела. — Но самое главное, что он мертв.

— Верно, — согласился Вешински и с ироническим смешком добавил: — Мы даже учредили национальный день траура по Бланду.

— День траура по этому монстру? — удивился Мела. — Что же произойдет, когда народ узнает, что на самом деле случилось в Тиферете?

— Никто не узнает, — возразил Вешински.

— Рано или поздно правда все равно выйдет наружу, — упорствовал Мела.

— Да кто же скажет им правду, мистер Мела? — осведомился Вешински. — Вы ли, кто заказал его смерть? Или правительство, которое умоляло вас послать Джерико? Или же теософы, что потребовали для Бланда убежища, а потом утратили всякое влияние на него? Нет, единственный, у кого было что рассказать им, — это Джерико, но он мертв.

— А как насчет прессы?

— Мы контролируем прессу, — отозвался Вешински с улыбкой. — В наших общих интересах считать Бланда мучеником, как и то, что убийцу судили и приговорили к смерти за совершение различных преступлений. Разве не так, Джон?

— Да, Пьер, все верно. — «Пусть даже, — мысленно добавил он, — совсем по иной причине».

Дождь полил сильнее, и трое мужчин оставили безымянную могилу и вернулись на стоянку машин. Вешински предложил, чтобы водитель Сейбла отвез Мелу в космопорт, а сам пригласил инспектора в свой лимузин.

— Я хочу, чтобы ты знал, Джон, что мы все гордимся тобой. Тебя ждет блестящее будущее.

— Благодарю, — сказал Сейбл равнодушно.

— Само собой, тебя повысят в чине, поднимут зарплату, и, строго между нами, я так понял, что городской Совет собирается наградить тебя на небольшой торжественной церемонии.

— Замечательная мысль.

— Не похоже, чтобы ты очень радовался. Какой-то ты кислый, — озабоченно заметил Пьер. — После возвращения ты просто сам не свой.

— После Тиферета мне надо какое-то время, чтобы прийти в себя.

Вешински протер запотевшее стекло, глядя, как дождь поливает и без того мокрые улицы.

— На что это было похоже? — нарушил он наконец тишину.

— Ты видел резьбу на двери церкви Посланцев Мессии? — спросил Сейбл. Вешински кивнул. — Так вот, реальность была еще хуже.

— Понятно, — задумчиво ответил Вешински. — Мела был на Новой Родезии сразу после бегства Бланда, он кое-что рассказал.

— Что бы он там ни видел, это не могло быть хуже, чем в Тиферете.

Сейбла передернуло, он поднял воротник, словно его бил озноб. Они снова помолчали.

— Ну как там Сибоян?

— Нормально.

— Как она восприняла новость о смерти Бланда?

— Как все остальные, — сказал Сейбл тихо. — Жалею, что мне не удалось его спасти.

— Ты ничего ей не рассказывал?

— Я не обсуждаю свои расследования за пределами кабинета.

Вешински улыбнулся:

— Весьма мудро с твоей стороны, Джон. — Он зажег сигару и предложил коробку Сейблу, но тот отказался. — У меня есть пара билетов на бокс на следующей неделе. Не хочешь пойти?

— Спасибо за приглашение, Пьер, но, боюсь, я столько видел насилия, что на ближайшее время с меня хватит. Лимузин свернул на улицу, где жил Сейбл.

— Одно мне непонятно, — сказал Вешински. — Если Бланд был действительно воплощением всего того, о чем рассказывали мне ты и Мела, то почему ты не отпустил Джерико?

Сейбл долго задумчиво смотрел на старого друга, гадая, можно ли объяснить ему, можно ли объяснить вообще. В конце концов он просто пожал плечами:

— Он нарушил закон.

Вешински уставился на багровый кончик тлеющей сигары, а затем произнес:

— Ну, раз ты так хочешь, тема закрыта. — Лимузин остановился напротив дома Сейбла. — Пока, еще увидимся, Джон. Да не будь таким мрачным, ты же герой!

Сейбл вышел из машины, помахал другу с крыльца, проводив лимузин пристальным взглядом, а потом вошел в дом. Дети были в школе, Сибоян ходила по магазинам, и даже кошка куда-то исчезла.

Он бродил из комнаты в комнату, размышляя, сумеет ли когда-нибудь забыть все, что произошло в Тиферете. И перестанет ли его донимать вонь от разлагавшихся трупов? Он прошел мимо статуэтки богини Кали и покосился на нее. А может, лучше убрать ее куда-нибудь подальше в шкаф? Как он проделал это с бафометом у себя в кабинете. Однако решил, что не стоит.

Сибоян по-прежнему верила, да и дети так глубоко веровали, как могли только дети, и если когда-нибудь они встретятся со своими Тиферетами. — Сейбл страстно надеялся, что этого не произойдет, — тогда они сами уберут статуи. Ну а пока для него эти раскрашенные боги

представляли собой всего лишь гипс и краску, и больше ничего.

Он прошел в спальню и медленно переоделся в рабочий комбинезон. Дождь прекратился, сквозь облака стало просвечивать солнце, и Сейблу предстояло много сделать. Сад, как и его жизнь, был в состоянии временного беспорядка. Ему придется как следует поработать над тем и другим.

«По крайней мере, — подумал он со вздохом, — сорняки выполоты. Сад сумел пережить тьму и холод ночи. Конечно, потребуется время, но он снова расцветет и будет расти».

И сосредоточенно принялся за садовые работы.

## **Содержание**

**СЛОН КИЛИМАНДЖАРО**

**5**

**ВАЛЬПУРГИЯ III**

**375**



## **Издательская группа АСТ**

Издательская группа АСТ, включающая в себя около 50 издательств и редакционно-издательских объединений, предлагает вашему вниманию **более 10 000 названий книг** самых разных видов и жанров. Мы выпускаем классические произведения и книги современных авторов. В наших каталогах — интеллектуальная проза, детективы, фантастика, любовные романы, книги для детей и подростков, учебники, справочники, энциклопедии, альбомы по искусству, научно-популярные и прикладные издания, а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, Фридрих Незнанский, братья Стругацкие, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

**Книги издательской группы АСТ вы можете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:**

**107140, Москва, а/я 140**

**ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ**

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших фирменных магазинах:

### **В Москве:**

- Звездный бульвар, д. 21, 1 этаж, тел. 232-19-05
- ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 299-66-01, 299-65-84
- ул. Арбат, д. 12, тел. 291-61-01
- ул. Луганская, д. 7, тел. 322-28-22
- ул. 2-я Владимирская, д. 52/2, тел. 306-18-97, 306-18-98
- Большой Факельный пер., д. 3, тел. 911-21-07
- Волгоградский проспект, д. 132, тел. 172-18-97
- Самаркандский бульвар, д. 17, тел. 372-40-01

### **мелкооптовые магазины**

- 3-й Автозаводский пр-д, д. 4, тел. 275-37-42
- проспект Андропова, д. 13/32, тел. 117-62-00
- ул. Плеханова, д. 22, тел. 368-10-10
- Кутузовский проспект, д. 31, тел. 240-44-54, 249-86-60

### **В Санкт-Петербурге:**

- проспект Просвещения, д. 76, тел. (812) 591-16-81  
(магазин «Книжный дом»)

**Издательская группа АСТ**

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7 этаж.

Справки по телефону (095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: [astpub@aha.ru](mailto:astpub@aha.ru) <http://www.ast.ru>

Литературно-художественное издание

Резник Майк

## Слон Килиманджаро Вальпургия III

Романы

Художественный редактор О.Н. Адаскина

Компьютерный дизайн: А.С. Сергеев

Технический редактор О.В. Панкрашина

Младший редактор Н.К. Чернова

Подписано в печать с готовых диапозитивов 26.12.00.  
Формат 84×108<sup>1</sup>/<sub>32</sub>. Печать высокая с ФПФ. Бумага  
типографская. Усл. печ. л. 31,92. Тираж 10 000 экз.  
Заказ 406.

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции  
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение

№ 77.99.14.953.П.12850.7.00 от 14.07.2000 г.

ООО «Издательство АСТ»

Лицензия ИД № 02694 от 30.08.2000 г.

674460, Читинская область, Агинский район,

п. Агинское, ул. Базара Ринчино, д. 84.

Наши электронные адреса:

WWW.AST.RU

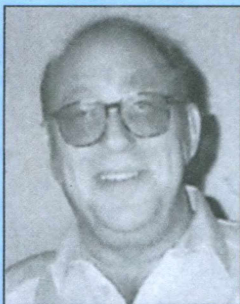
E-mail: astpub@aha.ru

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от  
10.01.2001. 220040, Минск, ул. М. Богдановича, 155-1204.

Налоговая льгота — Общегосударственный классификатор  
Республики Беларусь ОКРБ 007-98, ч. 1; 22.11.20.300.

Республиканское унитарное предприятие  
«Полиграфический комбинат имени Я. Коласа».  
220600, Минск, ул. Красная, 23.





Майк Резник — писатель, чьи рассказы неоднократно удостоивались премий «Хьюго» и «Небьюла», однако он не менее хорош и в крупных произведениях — произведениях, легко и оригинально соединяющих в себе вселенский размах и причудливую фантазию «Звездных королей» Гамильтона с напряженным и эффектным действием «Великолепной семерки».

Такова Вселенная Майка Резника.

Здесь на кон в заштатном притоне можно поставить планету. Поставить — и проиграть...

Здесь Империи воюют с Республиками — притом никто во Вселенной уже не помнит, как и почему эти войны вообще начались.

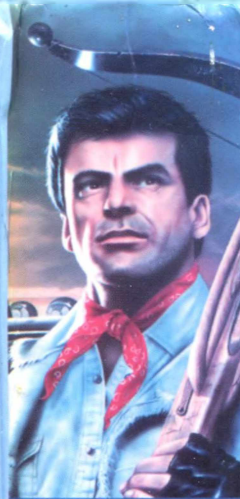
Здесь плетутся тончайшие политические интриги, ученого трудно отличить от авантюриста, а маньяка-убийцу — от героя. Здесь — ЖИВУТ. Лихо, весело, отчаянно.

Здесь начинается история невероятного и причудливого «фантастического детектива».

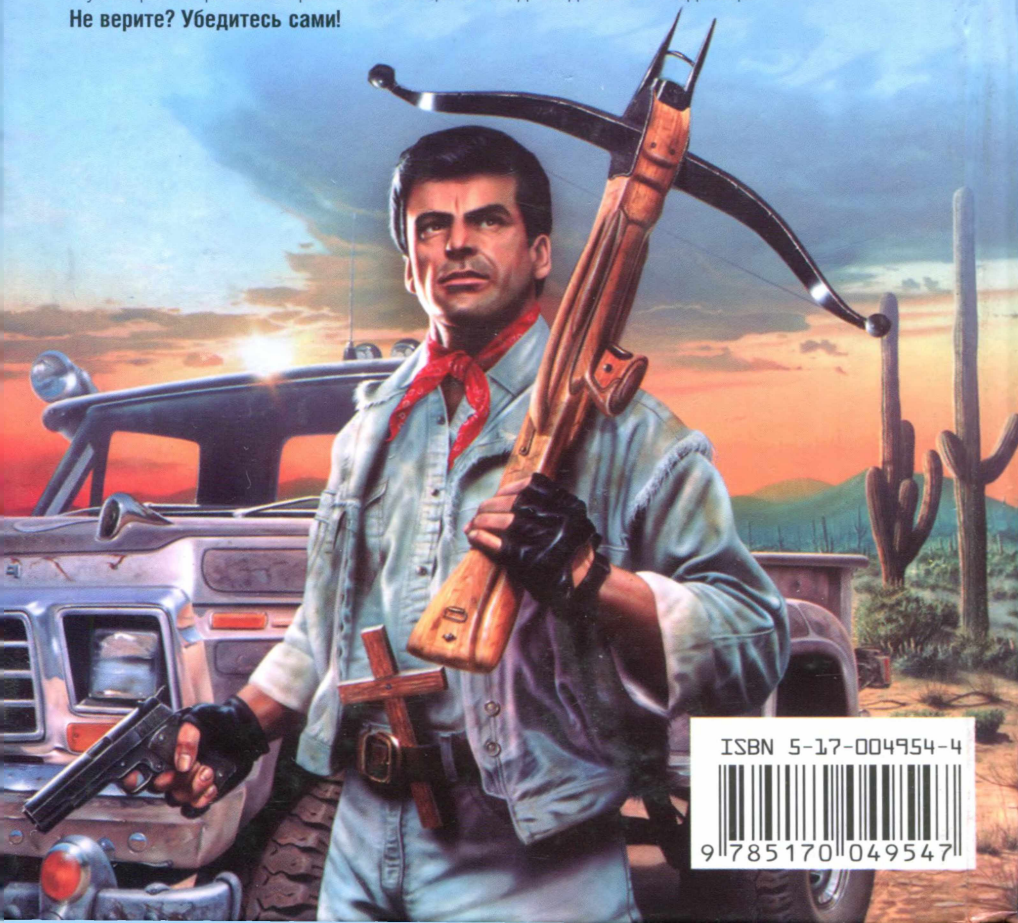
История дела о судьбе бесценной реликвии — бивней величайшего из слонов, когда-либо живших на Земле. Бивней, проигранных в покер на какой-то Богом забытой планетке — всего шесть тысяч лет назад. История «расследования назад» — через века и миры...

Космических детективов было много? Да. Но таких многомерных, многогранных и ТАКИХ глубокофилософичных и при этом читающихся на одном дыхании — единицы.

**Не верите? Убедитесь сами!**



МАЙК  
РЕЗНИК



ISBN 5-17-004954-4



9 785170 049547

СЛОН КИЛИМАНДЖАРО  
ВАЛЬПУРГИЯ III